

- - - - [Федор Иванович Успенский](#)

- [Период 4. Комнины](#)

- [Глава 1. Центр и окраины Византийской империи](#)
- [Глава 2. Состояние империи от смерти царицы Феодоры до вступления на престол Алексея I Комнина](#)
- [Глава 3. Северная и восточная границы империи. Печенеги и Турки-Сельджуки](#)
- [Глава 4. Войны с Робертом Гвискардом. Печенеги и Турки в 1089—1091 гг.](#)
- [Глава 5. Побережье Адриатики. Организация Сербских земель](#)
- [Глава 6. Состояние империи накануне крестовых походов](#)
- [Глава 7. О крестовых походах. Первый крестовый поход](#)
- [Глава 8. Последние годы Алексея Комнина. Участие русских в делах Византии](#)
- [Глава 9. Время царя Иоанна](#)
- [Глава 10. Восточные дела](#)
- [Глава 11. Начальные годы царствования Мануила Комнина. Второй крестовый поход](#)
- [Глава 12. Западная политика Мануила](#)
- [Глава 13. Северная граница. Сербы и Угры в XII в.](#)
- [Глава 14. Восточная политика Мануила. Турки и христианские государства в Сирии и Палестине](#)
- [Глава 15. Последние Комнины. Начало реакции](#)

- [Период 5. Расчленение империи](#)

- [Глава 1. Норманнский поход. Начальный период движения в Болгарии](#)
- [Глава 2. Третий крестовый поход. Фридрих I и славяне](#)
- [Глава 3 Освободительное движение на Балканском полуострове. Сербы и Болгаре](#)
- [Глава 4. Четвертый крестовый поход](#)
- [Глава 5. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)

- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)

- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)

- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [*](#)
- [_](#)

Введение

См. также: [Том I](#) [Том II](#) [Том III](#) [Том V](#)

Федор Иванович Успенский
История Византийской империи. Том 4

Глава 1. Центр и окраины Византийской империи

Весьма важный перелом испытала империя в эпоху перехода от Македонской династии к периоду Комнинов. Чтобы составить понятие о той среде, в которой развивались главнейшие события этой эпохи, должно прежде всего рассматривать отдельно области с преобладающим эллинским населением, в которых господствовала византийская административная система, церковное и финансовое управление, противопоставляя их окраинам и тем фемам, где было инородческое население, мало подвергшееся эллинизации.

Весьма любопытно отметить, что обнаружение новых народных и созидательно прогрессирующих начал видно не в центральных эллинских областях, а на отдаленных окраинах, как западных, так и восточных. Всемирно-историческая эволюция делала попытку влиться в области, подверженные греческому влиянию, дав несколько новых зачаточных видов культурных форм, которые с успехом развились на Западе и не получили достаточного питания на Востоке. Эта весьма интересная в истории Византии проблема может быть в настоящее время лишь слегка намечена, хотя можно прямо указать, что пульс исторической жизни переносился от центра к периферии и что на окраинах возникали новые общественные организации и нарождались идеи, которым предстояло влиять на настроения и психологию общественных деятелей в средние века.

Новые веяния идут прежде всего из Италии. Здесь вековая борьба с африканскими и сицилийскими сарацинами, которые имели для себя опору в борьбе политических притязаний двух империй и в соперничестве лангобардских князей, нашла себе неожиданное разрешение в усилении в стране пришлого с севера воинственного народа норманнов. Норманнский вопрос принадлежит к числу первостепенных в истории Византии как в XI, так и в последующих веках. Поэтому на нем необходимо остановиться с особенным вниманием¹.

История норманнов в Италии потому занимает важное место, что она всецело входит в историю взаимных отношений между Восточной и Западной империей и что в XI в. эти отношения обостряются вследствие споров из-за обладания Южной Италией. Обе империи содержали в Южной Италии войска и подкупами и пожалованиями разных привилегий поддерживали партию приверженцев в разных городах. Влияние византийского или германского императора усиливалось или ослабевало, смотря по тому, на чьей стороне в данный момент было больше материальной силы и влияния среди лангобардских князей и куда склонялась римская курия. Подобное положение вещей, где равновесие зависело от случайных и часто извне приходивших влияний, продолжалось много лет, не давая прочного и обеспеченного преобладания ни той, ни другой партии. Этим положением дела и воспользовались тогдашние более дальновидные государственные умы, выждав благоприятный момент, чтобы бросить на стоявшую в равновесии чашку весов горсть военных искателей приключений, прибывших из Нормандии. Часть норманнов поступила па службу к лангобардским князьям, часть — к греческому катепану.

При царе Василии Болгаробойце влияние Византии в Южной Италии было так значительно, что катепан Боиоян был в состоянии предпринять военную экспедицию по Адриатическому морю в славянские земли и возвратился из похода со знатными пленниками из Хорватии, которых отправил в Константинополь. В апреле 1025 г. снаряжена была экспедиция в Сицилию под предводительством евнуха Ореста, который должен был вместе с катепаном внести войну на остров Сицилию. Смерть царя расстроила предприятие, в котором должен был принять участие и сам Василий, и евнух Орест не оказался в состоянии исполнить предстоявшей ему задачи. Когда Орест потерпел в Сицилии поражение, правительство

Константина VIII отозвало его, равно как и катепана Боиояна, назначив на пост катепана Христофора, и уже в 1029 г. Роман Аргир послал на место Христофора своего родственника патрикия Пофа, при котором произошли в Южной Италии чрезвычайно важные по своим ближайшим последствиям события. Граф Теано Пандульф и неаполитанский герцог Сергей, оба принадлежавшие к сторонникам Византии, подверглись нападениям со стороны герцога Капуи и искали себе союзников против сильного соседа. В это именно время впервые упоминаются норманны в качестве отряда военных людей, с которыми Сергей вступил в соглашение и пригласил их для этого в свое княжество. Райнульф, один из пяти братьев, которые пришли на зов Мели в 1017 г. и приняли участие в его войне с греками, вступил в союз с Сергием, женился на его сестре и в приданое за ней получил на севере Неаполитанской области небольшую местность Lavoio. В 1030 г. здесь построено было укрепление Аверса, которое было окружено рвом и стенами и из которого Райнульф постепенно завладел окрестной плодородной областью, составившей колыбель будущего графства. Постройка Аверсы составляет факт первостепенной важности в истории южноитальянских норманнов. Она отмечает заключение периода от 1016 до 1030 г., когда первые авантюристы, пришедши в Италию и не имея еще собственных владений, предлагали свои услуги то лангобардским князьям Капуи, Неаполя и Салерно, то настоятелю Монтекассинского монастыря, имевшему владельческие права над обширными землями, то, наконец, византийскому катепану.

Если и после основания Аверсы норманны состоят еще иногда на службе того или другого князя, то легко заметить, что с этих пор норманны преследуют уже свои цели, становясь постепенно частью равными, а в скорости и господами тех самых князей, чьими скромными слугами и вассалами были раньше. Словом, в Южной Италии в занимающее нас время происходит процесс, за которым отступают на задний план интересы двух империй и борьба христиан с сарацинами, как будто указанные мировые силы обрекли себя на служение маленькой норманнской военной колонии.

Между тем необузданное своеволие капуанского герцога Пандульфа слишком затронуло соседних князей. Он отнял владения у монастыря Монтекассино и платил доходами с них наемникам, приходившим из Нормандии; вмешался в дела Амальфи и старался привлечь это княжество на свою сторону. Но самым искусным шагом Пандульфа было то, что он успел убедить Райнульфа, графа Аверсы, нарушить договор с неаполитанским герцогом и вступить в союз с Капуей. В результате этого соглашения Райнульф по смерти своей первой жены породнился с герцогом Капуи, женившись на его племяннице, и вступил к нему в ленные отношения за графство Аверсу. Но между князьями, которых герцог Капуи слишком стеснял своими широкими притязаниями, нашелся один, именно герцог салернский Гаймар, которому удалось создать противовес ему при помощи тех же норманнов. Здесь в первый раз появляются на сцену сыновья норманнского графа Танкреда Готвила, Вильгельм и Дрого, вступившие на службу салернского герцога. С 1036 г. составились в Южной Италии две политические партии, на одной стороне был салернский герцог с Неаполем и Беневентом, на другой — герцог Пандульф Капуанский с княжеством Гаэта, Амальфи и с церковным княжеством Монтекассино. Окончательное преобладание туземным политическим организациям могла дать Византия, смотря по тому, чью сторону стал бы поддерживать катепан, но так как в это время виды византийского правительства всецело направлялись на Сицилию, где открывалась возможность успешной борьбы с сарацинами, то южноитальянские дела развивались помимо влияния империи. На этот раз на положение партий имело влияние прибытие в Италию короля Конрада II в 1038 г., который принял к сердцу жалобы на Пандульфа и не мог оставить без удовлетворения просьбу монтекассинских монахов, лишенных Пандульфом своих владений. Хотя герцог Капуи обещался вознаградить все убытки, нанесенные монастырю, и давал

заложников в исполнение своего обещания, но Конрад решился примерно наказать его и лишил его княжеской власти в Капуе. Все его владения перешли в качестве имперского лена к герцогу Салерно. Вместе с этим принято было новое решение и относительно графства Аверсы. Граф Райнульф поставлен был в непосредственную зависимость от герцога Салерно, и таким образом Аверса соединена была с Салерно.

Греческие владения в Южной Италии подвергались большой опасности вследствие образования в стране такой политической власти, которая не была связана местными интересами и к которой могли легко примкнуть антивизантийские элементы, давно уже дававшие себя чувствовать. Дальнейший ход событий зависел, как сейчас увидим, от той боевой силы, какую представляла собой норманнская военная колония. С точки зрения византийской политики, союз с норманнами был бы самым настоятельным и в тот момент наиболее выгодным политическим актом, который надолго мог бы обеспечить за Византией власть. Но случилось так, что империя не оценила значения норманнов и оттолкнула их от себя на сторону противников.

Пользуясь ослаблением Фатимидского калифата и раздорами между местной сицилийской и берберской африканской партиями, византийское правительство пришло к решению организовать морскую экспедицию в Сицилию и сделать попытку освободить этот остров от мусульманского владычества. Это чрезвычайно важное предприятие поручено было в 1038 г. весьма известному в то время и прославившемуся войнами на Востоке патрикию Георгию Маниаку. Для того чтобы дать понятие об обстановке, в которой составлялось это предприятие, заметим, что во главе правительства Михаила IV стоял тогда евнух Иоанн Орфанотроф.

Патрикий Георгий Маниак должен занимать выдающееся место в описываемую эпоху. Военную карьеру он сделал на Востоке в последние годы царя Василия и преимущественно при Романе III. Он был, вероятно, турецкого происхождения и, во всяком случае, не мог похвалиться своими предками. Современник его, писатель Михаил Пселл², дает его характеристику:

«Я видел этого человека и удивлялся. Природа щедро наделила его теми качествами, которые необходимы будущему стратигу. Рост его достигал 10 стоп, так что на него нужно было смотреть снизу вверх, как на колонну или вершушку горы. Взгляд его не отличался нежностью и приятностью, но был грозен, как громовой удар. И речь его была подобна раскатам грома, руки же у него были таковы, что хоть колебать стены и разбивать медные двери, движения его напоминали походку льва, и поступь его была благородная. И все другие качества соответствовали указанному, а слава о нем даже превосходила его действительные качества. И всякий варвар боялся его, один будучи поражен его внешним видом, другой на основании поразительных об нем слухов».

Итак, когда сицилийский эмир Акхаль, возмущившийся против калифа, был разбит Абдаллахом и искал защиты у катепана Льва Опа³, этот последний решился выступить в защиту византийской партии в Сицилии. В то же время снаряжена была большая экспедиция под начальством упомянутого героя, прославившегося в войнах на восточной границе. Сухопутные войска сопровождал флот под предводительством царского шурина патрикия Стефана, который должен был крейсировать с восточной стороны острова, чтобы лишить его поддержки из Египта. Георгий Маниак хорошо понимал важность возложенной на него задачи и принял все меры к тому, чтобы собрать под свою команду все силы, какими только могла располагать тогда империя. Так, в его экспедиции принимали участие патрикий и дука Антиохии Михаил Спондила и вспомогательные иностранные отряды, которыми с конца X в. стала постоянно пользоваться Византия. Между прочим, в этой войне принимал участие знаменитый герой скандинавской саги Гаральд, сын Сигурда, который по смерти своего брата короля Олафа II (1030) прибыл в Византию, точно так же русская дружина и лангобарды князя салернского. В

числе лангобардских союзников были и норманны, между которыми особенной известностью пользовались Вильгельм Железная Рука и Дрого, сыновья Танкреда Готвиля, с ними вместе Ардуин, вассал Миланского архиепископа, также получивший известность со времени этого похода. Несмотря на превосходные силы, задача оказалась весьма нелегкой. Хотя Мессина сдалась в начале войны, но потребовалось около двух лет упорной войны, прежде чем Маниак занял твердое положение на острове. Одержав решительную победу над эмиром Абдаллахом при Рометте, Маниак хотел без труда занять на восточной стороне Сицилии до 13 городов. К началу 1039 г. греки подошли к Сиракузам и начали осаду этого весьма укрепленного города. Но осада затянулась на долгое время, когда получен был слух о приближении эмира с новым сильным войском. Произошла новая и решительная битва при Тройне, на северо-запад от Этны (1040), в которой перевес оказался на стороне греческого вождя. После этого дела, по-видимому окончательно предавшего остров под власть империи, без труда сдались Сиракузы, оставалось занять Палермо.

Но вместе с тем здесь начала сплетаться интрига, которая испортила так успешно начатое дело и сопровождалась отозванием Маниака. Прежде всего Маниак обвинил начальника флота, патрикия Стефана, в том, что он выпустил из рук побежденного эмира и дал ему возможность бежать в Египет. Говорят, что в горячих объяснениях со Стефаном он позволил себе не только сильные выражения, но даже оскорбительные действия. За это Маниаку пришлось весьма поплатиться, так как Стефан имел при дворе сильную поддержку в лице всемогущего Иоанна Орфанотрофа. В числе обвинений, предъявленных потом против Маниака, было и то, что он допустил несправедливость при разделении военной добычи. Это слишком оскорбило норманнов, и, между прочим, Ардуина, у которого по приказанию вождя отнят был дорогой конь, принадлежавший ему как военная добыча. Норманны оставили военный лагерь, чувствуя сильное раздражение против византийского главнокомандующего. Вместе с отозванием Маниака положение дел в Сицилии изменилось не в пользу греков. Мало-помалу арабы всюду начали приобретать силу и теснить греков из занятых ими мест. Только в Мессине держался до 1042 г. протоспафарий Катакалон Кекавмен. Вместе с тем началось сильное антигреческое движение в фемах Апулия и Калабрия, тем более опасное, что норманны сумели придать ему неожиданную силу и вредное для Византии направление. Временные заместители Маниака в Сицилии, упомянутый выше патрикий Стефан и назначенный для командования сухопутным войском Василий Педиадит, должны были к концу 1042 г. совершенно покинуть остров и спастись в Южной Италии.

Так как сицилийские неудачи не могли не иметь последствий для положения Византии в Южной Италии, то здесь в ближайшие годы произошли крайне важные события, объясняемые исключительно падением византийского авторитета. Душой антигреческого движения оказался упомянутый выше Ардуин, который, войдя в соглашение с норманнами Аверсы и с салернским герцогом, составил определенный план воспользоваться настоящим моментом для общего движения против греков Южной Италии с целью окончательного их изгнания. Для успеха этого предприятия Ардуин вошел в доверие катепана протоспафария Докиана и убедил его ввиду опасного движения в византийских фемах поручить ему начальствование над некоторыми пограничными городами Апулии, в которых заметно уже было освободительное движение. Центром норманнского движения с конца 1040 г. становится город Мельфи ⁴. Отсюда начались сношения с графом Аверсы, приведшие к договору, по которому половина завоеванных областей должна перейти к Ардуину, другая к норманнам. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, норманны начали делать нападения на византийские города. Прежде всего заняли Мельфи, затем Венозу и Асколи. В своем движении против византийского господства норманны нашли благожелательную поддержку со стороны местного населения, которое охотно

шло навстречу норманнам. Мельфи стал на будущее время укрепленным лагерем и базой для последующих предприятий. Дерзкая авантюра горсти норманнов переходит теперь в большое завоевательное предприятие. Нарождалась новая империя, которой была суждена 800-летняя продолжительность⁵. Катепан Михаил Докиан с теми силами, какие оказались в его распоряжении, пошел навстречу норманнам. На притоке реки Офанто по имени Оливенто встретились греки с норманнами; хотя последних было не более 2—3 тысяч, но они нанесли сильное поражение грекам в марте 1041 г. Через несколько месяцев новая попытка катепана остановить опустошительные набеги врага оказалась неудачной, и он потерял новое сражение на реке Офанто. Наконец, в сентябре того же года норманны в третий раз одержали победу над новым катепаном, который попал в плен, уведен в Беневент и отсюда освобожден за большой выкуп. С тех пор положение двух борющихся за преобладание сил определилось ясно. Захватив в плен катепана и войдя в союз с некоторыми из пограничных византийских городов, норманны уже не могли более рассматриваться как бунтовщики или шайка разбойников, и их дальнейшие планы направлялись весьма далеко. Византийскому правительству было необходимо или признать свою слабость, или послать новые войска для поддержания своего авторитета в Южной Италии.

Между тем в Константинополе едва ли в состоянии были за повторяющимися переворотами оценить значение происходивших в Италии событий. Когда в конце 1041 г. смерть постигла Михаила IV Пафлагонянина, престол был предоставлен фавориту царицы Зои Михаилу V Калафату, приходившемуся вместе с тем сыном того византийского флотоводца Стефана, который очернил в глазах правительства патрикия и стратига Маниака. Но спустя несколько месяцев, в июне 1042 г., новый придворный переворот выдвинул Константина Мономаха. Еще прежде, однако, вступления на престол Мономаха царица Зоя решилась освободить из заключения Маниака и доверить ему защиту византийских интересов в Южной Италии. Вновь прибывший на место действия патрикий Маниак нашел дела в отчаянном положении. Византийская власть поколебалась до такой степени, что измена проникла даже в главный оплот империи, в крепость Бари. Здесь видим Аргира, сына известного уже по движению 1016 г. Мели, который сносит с норманнскими вождями в Аверсе и Мельфи и составляет вместе с ними план систематического и одновременного восстания против империи. Аргир провозглашен в начале 1042 г. дукой и князем Италии, а вожди норманнов признали себя его вассалами. Маниак оставался под защитой стен города Тарента, а союзники дошли со значительными силами до Матеры, но не были в состоянии приступить к осаде Тарента. Когда союзники удалились на север, Маниак вышел из Тарента и подверг жестоким реквизициям те города, которые вступили в союз с норманнами. Дальнейший ход дел в Южной Италии зависел от неожиданного дворцового переворота, который, в свою очередь, отразился на деятельности патрикия Маниака и других лиц.

Между прибрежными городами оставался верным империи город Трани, который в конце июля 1042 г. подвергся осаде со стороны Аргира и норманнских его союзников. Уже осадные работы далеко подвинулись вперед и горожане были накануне сдачи, когда случилось неожиданное и поразившее всех обстоятельство. Аргир приказал поджечь деревянные машины, приготовленные против города, снял осаду и передал греческому представителю не только Трани, но и Бари. Это значило, что Аргир изменил норманнам и перешел на службу Византии.

Но рядом с этим совершенно изменяется роль Маниака. Получив известие о происшедшем в Константинополе перевороте и о вступлении на престол Мономаха, Георгий Маниак вместе с тем должен был оценить вытекающие отсюда последствия лично для себя. Вместе с Константином Мономахом восходила звезда Склиров, издавших соперников Маниака, так как сестра Романа Склира, известная Склирена, пользовалась исключительной привязанностью

нового царя. Весьма легко теперь понять, что прибытие в Италию патрикия Парда и протоспафария Туваки вместе с подарками для Аргира и с большими денежными суммами обозначало перемену в администрации Южной Италии и в командовании войсками. Маниак приказал убить обоих доверенных лиц, когда они высадились в Отранто, и провозгласил себя императором. Весьма вероятно, что цель его заключалась в том, чтобы подать руку норманнам и при их содействии укрепить за собой владение Южной Италией; но его имя было весьма непопулярно как среди норманнов, так и в греческих городах, и попытка его войти в соглашение с антигреческой партией не имела успеха. Гораздо лучше воспользовались норманны новыми событиями. Поняв, до какой степени непоследовательна политика византийского правительства и как частая смена административных и военных чинов вредит авторитету самой империи, норманнские вожди пришли к мысли, что они не нуждаются более ни в лангобардских князьях, ни в императорском катепане для ведения в Италии самостоятельной политики. В этих соображениях осенью 1042 г. избран был вождем с титулом графа Апулии старший сын Танкреда Готвиля Вильгельм по прозвищу Железная Рука. Но так как было необходимо, чтобы один из местных князей дал инвеституру новому графу Апулии, то норманны обратились к салернскому герцогу Гаймару, который охотно принял графа Апулии в ленную зависимость и обязался защищать как те области, которые уже были отняты у греков, так и имеющие быть завоеванными в будущее время. В то же время за графа Вильгельма вышла замуж племянница герцога. Тогда же герцог Гаймар и Райнульф, граф Аверсы, в сопровождении блестящей свиты из норманнов отправились в Мельфи, где в начале 1043 г. происходил раздел части Апулии, уже завоеванной норманнами, между 12 вождями. Райнульф получил Сипонто и святилище на горе Гаргано, т. е. монастырь св. Михаила, который пользовался особенным почтением норманнской колонии. Что касается 12 городов, выделенных 12 графам, то весьма вероятно, что в 1043 г. они еще не все были во власти завоевателей. Асколи, Веноза и Лавелло прежде других подпали власти норманнов, точно так же Монтепелозо и Ачеренца. Мельфи оставался в общем владении как центральный пункт норманнского владычества. Хотя занятые норманнами города были на значительном один от другого расстоянии, но они были хорошо укреплены и имели важное положение, откуда норманны могли господствовать над главными дорогами, ведущими к Адриатическому морю. Так, Вильгельм Железная Рука, завладев Матерой, мог всегда угрожать Таренту.

Вследствие указанного положения дел ясно обозначалось в Южной Италии преобладание норманнских вождей и сюзерена их салернского герцога. Небольшая часть территории находилась еще под властью Аргира, который господствовал над Бари и Трани. Для патрикия Георгия Маниака не оставалось другого выбора, как покинуть Италию. Ближайшей его целью становится перебраться на берега Адриатического моря в Отранто, так как в Таренто ему угрожал императорский флот, прибывший с новым катепаном патрикием Феодороканом. Весьма любопытно, что Маниак переправился из Южной Италии на противоположный берег Адриатики и пристал к Дураццо⁶. Все заставляет думать, что здесь он нашел себе приверженцев среди местного населения, т. е. среди славян и албанцев, между которыми не затихало движение против Византии. Поднятое им здесь восстание, распространившееся на Македонию, заставило правительство Константина Мономаха вступить с самозванцем в переговоры. Но Маниак, питая надежду на успех, продолжал движение вперед и угрожал Солуни. Тогда против него было послано войско, и хотя происшедшее сражение окончилось в пользу самозванца, но он сам был поражен стрелой и захвачен в плен; его голова отправлена в Константинополь. После удаления Маниака из Южной Италии положение императорской партии становилось все хуже и хуже. Хотя правительство имело в Италии представителя своей власти в лице катепана, но не снабжало его достаточными силами, чтобы он мог восстановить упавший авторитет Византии. В

особенности Апулия только в приморских городах удерживала еще византийские гарнизоны, между тем как внутренняя область вся сделалась достоянием норманнов. Длинная узкая полоса, отмечавшая приморские владения империи, постоянно сокращалась, и на место византийских крепостей и городов постепенно возникали норманнские военные поселения. В течение с небольшим 30 лет со времени занятия Мельфи норманны настойчиво и умело преследовали задуманную цель, и в конце концов горсть авантюристов пересилила громадную империю, располагавшую обширными военными средствами.

Мы должны ограничиться в изложении этой роковой для империи борьбы лишь наиболее крупными событиями.

В политическом отношении норманны Аверсы и Мельфи стояли в вассальных отношениях к салернскому герцогу. Но им была не по плечу подчиненная роль, и они мало обращали внимания на своего сюзерена, в особенности с тех пор, как Вильгельм Железная Рука был избран главой апулийских норманнов, которые с тех пор приступили к систематическому расхищению городов Апулии. Не ограничиваясь тем, что лежало плохо, т. е. византийскими областями, норманны налагали руку и на лангобардские владения, причем слишком затронули интересы герцога Салерно, когда стали посягать на владения Монтекассинского монастыря, зависевшего от Салерно. Недоразумения между сюзереном и вассалами усилились еще вследствие споров из-за графства Аверсы, которое сделалось вакантным по смерти Райнульфа в 1044 г. и которое было замещено вопреки желанию норманнов. В 1044 г. император Генрих III посетил Южную Италию и своим авторитетом закрепил ряд важных для норманнов привилегий. Прежде всего император положил границы политическим притязаниям герцога Гаймара, заставив его отказаться от церковных владений Монтекассинского монастыря. Но что в особенности было важно, норманнские графы Дрого Апулийский и Райнульф Аверсы были возведены в состояние имперских вассалов и таким образом освобождены от ленных обязанностей по отношению к Салерно.

В эту эпоху появляется на исторической сцене младший сын Танкреда Готвила знаменитый в истории XI в. Роберт по прозвищу Гвискар, или Коварный. Это совершенно исключительный тип политического авантюриста, какого могло образовать занимающее нас время. Не встретив в Италии поддержки со стороны своих братьев и сородичей, Роберт начинает свою карьеру разбоями на больших дорогах и нападениями на путешественников, продолжает устройством западни для самого близкого друга, по брачному дару получает маленькое владение и скоро делается решителем судеб Южной Италии.

В лице Роберта выступает совершенно новый тип со своими оригинальными и совершенно беспринципными воззрениями, с дерзкими замыслами и отрицанием всякой морали. Этому новому типу исторических деятелей было суждено перехитрить и победить старую империю и совершенно вытеснить ее из Южной Италии⁷.

На первых порах он должен был бороться с большими трудностями, так как надежды на помощь братьев оказались напрасны. Счастье ему несколько улыбнулось, когда его пригласил на службу Пандульф, герцог Капуи, обещая ему вместе с рукой одной из своих дочерей небольшое поместье, но скоро оказалось, что тесть не исполнил обещания. Тогда Роберт ушел из Капуи и выпросил у своего брата Гумфрида в ленное владение в долине Крати небольшую крепость, которая затем заменена городом С. Марко в Калабрии. Отсюда Роберт Гвискар начал систематическое расхищение византийской территории и явился тем пожирателем чужих земель, по выражению Шлумбергера, которого не останавливали никакие препятствия. Оружием и конями он запасся посредством ночных засад на путешественников, казну добыл от богатых горожан и купцов, захватывая их в плен и заставляя платить большой выкуп. Но он не останавливался и перед более сложными комбинациями. Ему захотелось пожить на счет

богатого монастыря, и [так] как открытой силой не мог действовать, то стал стучать в двери монастыря как скромный проситель, желавший дать погребение в святой ограде своему спутнику, якобы неожиданно умершему в пути. Когда двери были открыты, из гроба поднялся мнимо умерший и роздал оружие своим соумышленникам. Так приобретал Роберт нужные ему средства на содержание дружины. С такой же отвагой, соединенной с коварством и дерзостью, поступал он при занятии византийских городов. В то же время начал свою военную карьеру в Италии и другой герой средневековой хроники, знаменитый Ричард, основатель норманнской княжеской династии в Капуе. Около этого времени, в конце 1047 г., сделалось вакантным графство Аверса, на которое Ричард по фамильным связям мог иметь права. Сначала он был назначен опекуном малолетнего Германа, сына Райнульфа Тринканокте, и когда этот умер, то стал полновластным графом Аверсы, полученной им из рук герцога Салерно. Оба упомянутых героя, Роберт и Ричард, оказали в ближайшие годы весьма важное влияние на политику норманнов в Италии. Именно в последние годы норманны сделали громадные успехи в Апулии и Калабрии, не встречая серьезного сопротивления от греков, которые шаг за шагом уступали им поле. При катепане Евстафии (1046) греки потеряли и главную свою опору, город Бари, а в следующем году империя должна была дать согласие на заключение союза между норманнами и Бари. Через год норманны нанесли грекам поражение при Трикарико в Апулии и взяли город Трою.

Приближалась эпоха окончательной ликвидации арабского, а затем и греческого вопроса в Южной Италии и Сицилии. Норманнам удалось выполнить то, к чему более ста лет стремились восточные и западные императоры: постепенно они освободили Италию от хищнических набегов арабов и заняли в Южной Италии такое положение, что в недалеком будущем надеялись нанести полное поражение византийским притязаниям на обладание фемами Апулия и Лангобардия. В лице Роберта Гвискара и Ричарда родился в Южной Италии новый политический элемент, который скоро вырос и стал играть всемирно-историческую роль. Римские епископы поняли, что новые пришельцы могут оказать им большую услугу в борьбе с германскими императорами, т. е. дать им то, чего у них до сих пор не доставало, — поддержку военной силой. Вновь возникшие в Италии политические организации, основывавшиеся на феодальном праве, многочисленные графства с Аверсой, Мельфи и св. Марком во главе со своей стороны нуждались в санкциях церковной власти. При всякой попытке освободиться из-под опеки германских императоров папы встречались с затруднениями, какие противопоставляли им германские военные силы. Если бы на стороне Церкви оказалась эта новая политическая и военная сила, которую представляли собой норманны, то ей не были бы страшны притязания германских императоров и угрозы из Византии. Это положение дел прекрасно взвесили римская дипломатия и тогдашний руководитель церковной политики при нескольких папах знаменитый Гильдебранд. Он первый понял, что все занимавшие современников вопросы о реформе Церкви сводятся, в сущности, к одному — к эмансипации Церкви от светской власти. Но этот принцип шел вразрез с выгодами и стремлениями германских императоров, раздававших по своему произволу папский престол. Столкновение этих двух принципов и подняло ту вековую борьбу светской и духовной власти, которая служит существенной характеристикой конца XI в. Не было, может быть, с давнего времени такого энергичного папы, как Лев IX, который в течение своего пятилетнего управления Церковью (1049—1054) три раза путешествовал в Германию и Швейцарию, несколько раз посетил Южную Италию, где мог лично убедиться, как много вредит Италии вражда между лангобардскими князьями и норманнами и как опасно становится для церковных интересов возрастающее господство вновь поселившегося в Италии военного элемента. Чтобы хотя несколько предупредить развитие пороков среди латинского духовенства и положить предел вопиющим беспорядкам в тех епархиях, где соприкасалась латинская и

греческая Церковь, папа собирал церковный Собор в Сипонто и Салерно (1050). Жалобы местных церквей и монастырей на притеснения и хищения церковных земель со стороны норманнов были весьма многочисленны и основательны и требовали решительных мер со стороны церковной власти. В биографии папы Льва читаем⁸, что к нему в Рим явились послы из всех областей, занятых норманнами, с горькими жалобами, что их предоставили в полную волю их яростным врагам и что их положение стало еще хуже после путешествия папы. Даже укрепленные города не доставляют защиты, наглость и бесстыдство норманнов возрастают с прибытием к ним новых подкреплений. Они грабят церковные имущества, захватывают усадьбы и поля, уводят женщин и позволяют себе всякие ужасы и злодеяния. Зато и население платило норманнам глубокой ненавистью и враждой.

«Ненависть итальянцев к норманнам, — говорится в одном письме, — дошла до такой степени, что норманну нельзя показаться ни в одном итальянском селении; если бы он имел вид паломника, и тогда он подвергается опасности быть ограбленным и брошенным в темницу».

Нет ничего удивительного, если уже в 1051 г. папу стала занимать мысль об организации лиги для борьбы с норманнами или по крайней мере для защиты от них княжества Беневентского, вступившего тогда в ленную зависимость от св. престола. Хотя большим препятствием для Льва IX служило то обстоятельство, что Гаймар V, герцог Салерно, как сюзерен норманнских владетельных графов поддерживал их интересы и противодействовал образованию антинорманнской лиги под главенством папы, но случилось так, что против него составилась заговор, от него отделились вассальные города Амальфи и Сорренто, и, таким образом, значение Салернского герцогства понизилось. Кроме того, папа завязал сношения с магистром Аргиром, прибывшим в Апулию в качестве дуки Италии с поручением подкупить норманнов на войну с восточными арабами. Аргир ввиду господствовавшей в стране анархии вступил в сношения с папой, предлагая ему начать совместные военные действия против норманнов. Хотя у папы были отряды военных людей, приглашенных и нанятых из разных стран, тем не менее он желал заручиться согласием Генриха III, а равно немецкими вспомогательными дружинами. Но его попытка привлечь немцев к походу в Италию имела мало успеха. В начале 1053 г. Лев IX направляется в Южную Италию с целью соединить свой отряд с греческим войском, которое со своим стратигом Аргиром находилось близ Сипонто. Перешедши реку Форторе, папа остановился близ города Чивитате (или Чивителла), имея у себя несколько тысяч наемников, набранных со всех концов Италии. Здесь его ожидали норманны, нанешие уже поражение его союзнику Аргире и овладевшие уже Северной Апулией между Офанто и Форторе. Прежде чем вступить в сражение, обе стороны имели переговоры, причем норманны соглашались дать ленную присягу на те земли, которыми они уже владели, но протестовали против союза папы с Аргиром.

В решительном сражении участвовали со стороны норманнов их главные предводители: Гумфрид Апулийский, Ричард — граф Аверсы и Роберт Гвискар с калабрийским отрядом. Норманны после стремительного нападения рассеяли итальянский отряд, несколько больше сопротивлялся немецкий, но и он был перебит норманнами. Папа спасся за стенами города Чивитате и выслал для переговоров с норманнскими вождями своих уполномоченных. Тогда произошла драматическая сцена, так поразившая современников. Папа сдался пленником на волю норманнов и вместе с тем даровал им прощение и принял их в общение с Церковью. При этом норманны преклонили колени в знак почтения к главе Церкви и благоговейно приняли его благословение.

Какие затем происходили переговоры между Львом IX и победителями, об этом можно лишь делать догадки. Вероятно, речь шла о передаче норманнам церковных владений в Апулии и Калабрии и об отказе папы от союза с Византией. Но существенное значение имеет то, что

папа в сопровождении Румфрида и норманнов отправился в Беневент, куда он прибыл 23 июня и где в течение 6 месяцев он оставался в почетном заключении и под крепкой стражей. Все заставляет думать, что полного соглашения папы на предложения норманнов долго не получалось, чем и объясняется шестимесячное его пребывание под стражей. Победа при Чивитате имела громадное значение для укрепления норманнского господства в Южной Италии. Папа прежде всего должен был отказаться от усвоенной Римским престолом политики — относиться к норманнам как к чуждому в Италии элементу, против которого бы позволительно было искать союза с греками. В пользу норманнов складывались и другие обстоятельства: разрыв между Восточной и Западной Церковью и новые враги, начинавшие угрожать Византийской империи с востока. Сельджукский вопрос побудил правительство сосредоточить главное внимание на малоазийской границе.

Между тем Ричард — граф Аверсы стал теснить Капую. Он построил поблизости от города три замка и стал досаждать гражданам набегами и разбоями, так что принудил город платить дань норманнам. Такую же участь испытывал герцог Салерно, теснимый со стороны Ричарда и Гумфрида. В Италии не оказывалось более такой политической силы, которая бы могла выступить против норманнов. Со вступлением на папский престол Стефана IX в 1057 г. наступил благоприятный момент для новой попытки против норманнских вождей, среди которых началась вражда, вызванная смертью Румфрида Апулийского и спорами из-за его владений. Роберт Гвискар был избран на вакантный трон, хотя после Гумфрида остался малолетний сын. Но против нового графа Апулии началось сильное движение, так как он стремился наложить зависимость на других норманнов, владевших в Апулии небольшими участками. Роберт тогда же обнаружил стремление поставить норманнских владетелей в зависимое от него положение, чем возбудил против себя большое раздражение. Но в конце концов настойчиво проведенная им цель увенчалась успехом: этим он положил основание для будущего норманнского королевства в Италии. Только граф Аверсы Ричард, принявший скоро затем титул герцога Капуи, отстаивал свою независимость и не подчинялся Гвискару. Стефан думал воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы снова вступить в соглашение с византийским правительством ввиду перемен, наступивших в Византии со вступлением на престол Исаака Комнина, и для этого отправил в Южную Италию аббата Монтекассинского монастыря Дезидерия, которому поручил представиться в Апулии дукке Аргиру и вместе с ним идти в Константинополь. Но когда посольство достигло города Сипонто и имело намерение отправиться дальше, до него дошло известие о смерти папы Стефана (март 1058 г.). Посольству предстояло или отправиться дальше согласно поручению умершего папы, или возвратиться назад. Но Дезидерий избрал другой путь. Он явился к Роберту Гвискару и получил от него пропуск на обратное путешествие в [Рим](#). План папы Стефана, таким образом, был оставлен, и с тех пор римская политика по отношению к норманнам принимает совсем новое направление и преследует другие задачи.

Известно, что поворот римской политики объясняется новыми веяниями, идущими от Гильдебранда. Уже при Льве IX он начинает играть видную роль. Когда папа Лев IX на пути в Италию посетил монастырь Клуни, откуда распространялись реформаторские идеи, аббат Гугон посоветовал ему обратить внимание на молодого монаха Гильдебранда и взять его в секретари. Уже тогда этот знаменитый впоследствии церковный деятель проявил глубокую ученость и гениальный ум, уже тогда он наметил оригинальный путь, которым он думал вести Римскую Церковь. Много пап он пережил, оставаясь все тем же секретарем, руководя их политикой и выжидая благоприятного времени, когда планы его могли быть с наибольшей надеждой на успех приведены в исполнение. Скоро новый политический курс сказался в политике Рима. Ричард — граф Аверсы и герцог Капуи был призван принять непосредственное

участие в церковных делах Рима. Там одна партия, руководимая Гильдебрандом, избрала в папы епископа Флоренции, принявшего имя Николая II, между тем как другая выставила антипапу в лице Бенедикта X. Гильдебранд обращается к Ричарду, который приходит с норманнами в Рим с целью поддержать Николая II. Первым делом нового папы было назначение Дезидерия кардиналом Римской Церкви и викарием папы для проведения реформ в южноитальянских монастырях. Если Ричард оказался полезным союзником, то отчего не может быть поставлен в такие же отношения и Роберт Гвискар? Вот сущность политической проблемы, прекрасно разрешенной Гильдебрандом. Политический акт, соединивший интересы Церкви и норманнских авантюристов, имел место на Соборе в Мельфи в 1059 г. Здесь предстали норманнские вожди Ричард и Роберт и принесли папе присягу на верность, причем Церковь освятила их завоевания, которые и передала им в качестве лена св. престола. Норманны обязывались охранять владения Церкви и поддерживать на престоле лиц, избранных коллегией кардиналов. Постоянный норманнский гарнизон введен был в Рим для охраны пап. За Робертом признавался титул Божией милостию и св. Петра дука Апулии и Калабрии и дука острова Сицилии, когда она будет завоевана. С своей стороны он давал клятву защищать *regalia S. Petri*⁹.

Акт, составленный на Соборе в Мельфи, имеет громадное политическое значение. Гильдебранд пришел к убеждению, что норманны составляют такую силу, которая не может грозить интересам св. престола, если они преклоняются перед его авторитетом, что эта сила скорее может быть полезна папскому престолу, чем вредна, что для интересов папства будет полезнее войти в сношения с норманнами, заключить с ними крепкий союз, соединить их интересы со своими. Обе стороны — и норманны и папы — нуждались во взаимной помощи: первым нужно было получить признание, санкцию от такого авторитета, как авторитет папы, на право существования в Италии; папы нуждались в поддержке против притязаний обоих императоров, посягавших на права св. престола, старавшихся подчинить его своей власти. Они тем более нуждались в таком союзе, что обстоятельства уже близились к эпохе великой борьбы духовной и светской власти. Эти обстоятельства имеют глубокую аналогию с событиями половины VIII в. — с перенесением королевского достоинства с Меровингов на Каролингов, когда в 752 г. папа Стефан III, теснимый с двух сторон лангобардами и греческим экзархатом, действовавшим под влиянием греческих императоров-иконоборцев, так охотно утвердил выбор Пипина Короткого, надеясь иметь себе защитника в новом государе франков.

Предыдущее изложение достаточно выясняет тот факт, что на западной границе империи при преемниках царя Василия II складывается такой порядок вещей, при котором руководящая роль в дальнейших событиях отходила от двух соперничавших империй и от мусульман в пользу нового, пришедшего в Италию немногочисленного отряда норманнов, получавшего подкрепления от своих северных сородичей. Дальнейший ход событий зависел здесь от заключенного при папе Николае II союза с норманнами, благодаря которому будущий папа Григорий VII мог вступить в борьбу с императорами и провести вопрос об инвеституре в пользу Западной Церкви, а норманнский дука и граф — основать в Италии независимое королевство.

Почти таков же в существе смысл событий, подготовлявшихся в изучаемое время на восточной границе. И здесь так же, как на Западе, первая роль и притязания на мировое значение отходят от Византийской империи и арабов в пользу нового народа турецкого происхождения, которому в последующее время суждено играть первостепенную роль на малоазийском Востоке. Ввиду чрезвычайной скудости известий и недостаточной оценки значения их для историка представляется обязательной потребностью разобраться в известиях, отделив между ними важные от второстепенных и выставив на первое место те факты, которым следует придавать первостепенное значение в истории Византии.

Центр тяжести из Сирии и Палестины постепенно передвигается на восток, к областям,

лежавшим к северо-востоку от Черного моря. Сильный отпор, данный императорами Македонской династии Фатимидскому и Аббасидскому калифату, сопровождался восстановлением до известной степени равновесия между мусульманами и христианской империей. Эмиры Алеппо и Мосула, игравшие столь важную роль в X в., теперь утратили силу и сделались данниками империи. В политическом отношении самый деликатный вопрос заключался в способе установления удовлетворительных для той и другой стороны отношений к окраинным областям, недавно вошедшим в непосредственную сферу влияния империи. Это были Грузия и Армения. Все заставляет думать, что и там и здесь было достаточно пиетета к имени империи, от которой ожидали властного и твердого слова к прекращению внутренних усобиц, разъедавших эти страны. Грузия и Армения стали в вассальные отношения к Византии вследствие договоров, которыми обеспечивалась автономия вассальных государств и определялись их политические отношения к сюзеренной империи. Между тем со стороны византийского правительства допущен был ряд злоупотреблений административного и фискального характера. Так, по смерти грузинского царя Георгия, во время малолетства его сына и наследника (с 1027 г.), со стороны Византии предпринимались неоднократные попытки к возбуждению служилого класса против царя и к поддержанию претендентов на престол, вследствие чего Грузия становилась театром смут и усобиц. Так же характеризуются и отношения к Армении. Эта страна уступлена была Византии в качестве лена по завещанию царя Иоанна Сембата, владевшего Ани, равно как вследствие соглашения с царем Васпураханом Сеннакеримом, искавшим защиты у царя Василия от набегов со стороны туркменских кочевников (1021). По смерти Сембата в 1042 г. начинается в Армении ряд смут и внутренних движений, искусно поддерживаемых императорским правительством и имевших целью ослабление туземной власти и подчинение страны посылаемому из Константинополя катепану, как это было по отношению к Болгарии и Италии.

К сожалению, мы не можем следить за всеми подробностями происходивших на восточной границе событий. Лишь для связи и выяснения условий, при которых центр тяжести перемещается из Сирии на северо-восток, находим необходимым возвратиться к выяснению политического строя на восточной границе в ближайшие годы по смерти царя Василия II, который необходимо должен был сопровождаться оживлением здесь притязаний мелких владетелей, стоявших в сфере влияния империи¹⁰. Главное место, как и в прежние годы, принадлежало здесь эмиру Алеппо, который полагал основной своей задачей и исторической миссией тревожить набегами византийские владения. Власть в Алеппо принадлежала, однако, не Хамданидам, столь памятным в истории X в., но потомкам бедуинского вождя Салиха ибн-Мирдаса, которые при Романе Аргире в 1029 г. нанесли большое поражение антиохийскому дуклу. Дела приняли такое угрожающее направление, что вызвали военную экспедицию Романа Аргира, который желал напомнить мусульманам времена Никифора Фоки и Цимисхия и шел в поход с самыми широкими планами распространить завоевания до Иерусалима. В Филомилии (ныне Ак-Шехир) к нему явились послы от эмира с подарками и извинениями. Это был благоприятный момент, чтобы устроить дело с эмиром и не продолжать похода, предпринятого, по мнению военных людей, слишком в позднюю и жаркую пору года и не обещающий ничего хорошего. Но Роман, повинувшись своим честолюбивым и мечтательным намерениям, решил прервать переговоры и двинуться против Алеппо. Здесь, в двух днях пути от своей цели, Роман остановился с главным войском, послав вперед Льва Хирсфакта во главе полка экскувитов. Но арабы устроили засаду этому отряду и уничтожили его, а затем напали на главные силы, бывшие под начальством царя, и нанесли им сильное поражение. С большим трудом удалось спастись под защиту стен Антиохии небольшому числу совершенно расстроенного отряда. «Если бы Бог, — говорит Пселл, — не укротил ярость неприятеля, все войско ромэйское было

бы уничтожено, не спасся бы и царь». Неожиданное поражение навело панику на царя и его приближенных. Опасались, чтобы это печальное событие не подало повода к движению в столице, царь, «проведя только одну ночь в Антиохии», поспешил в Константинополь.

По поводу этого рокового для царя Романа предприятия, бывшего причиной нового подъема сил в пограничных мусульманских владениях, летописец Скилица рассказывает о небольшом сарацинском отряде, потерпевшем большое поражение от начальника города Телуха. Здесь мы встречаемся в первый раз со знаменитым в истории того времени вождем Георгием Маниаком, с которым мы ознакомились выше, при изложении южноитальянских дел. Именно стратигом в этом городе в горах Тавра оказался Маниак, совершенно ничем до сих пор не заявившее себя лицо. Между тем как сарацины предложили ему сдать город, он объявил, что утром следующего дня город будет очищен от гарнизона и передан. Чтобы показать свои мирные намерения и усыпить подозрительного врага, Маниак выслал осаждающим в достаточном количестве съестных запасов и напитков. Когда же мусульмане, предавшись излишествам пиршества, заснули, Маниак сделал ночную вылазку, перебил почти всех врагов ¹¹ и завладел громадным обозом на 280 верблюдах, на которых была навьючена захваченная арабами при разграблении царского лагеря добыча. Донесение об этом деле и богатая добыча, поднесенная царю самим Маниаком, нагнавшим Романа на его возвратном пути в Константинополь, так его выдвинули во мнении царя, что он тогда же получил повышение, будучи назначен катепаном в область Верхнего Евфрата, отнятую у сарацин, с главным городом Самосатом. Это было боевое место, требовавшее исключительных военных способностей; Маниак составил себе на нем большое имя и приобрел военную славу. Из Самосата византийский катепан мог следить прежде всего за вассальными княжествами Грузии и Армении и вместе с тем за мелкими мусульманскими владетелями и держать на должной высоте византийский авторитет. Первым военным подвигом Маниака было завоевание богатого торгового города, находившегося на юг от Самосата и давно уже утраченного вследствие арабских завоеваний. Это была знаменитая Эдесса, тогдашний владетель которой Хибл был в зависимости от эмира Мейафарикина (Мартирополь); но так как он должен был делить власть с другим владетелем, то между ними происходили постоянные раздоры, вызывавшие вмешательство соседей в дела Эдессы. Случилось, что временный владетель города Салман обратился к Маниаку с просьбой принять город под власть царя и исходатайствовать ему в награду придворный чин и административную должность. Понимая важное значение приобретения Эдессы и оценивая, кроме того, то обстоятельство, что этот город хранил в своих церквах драгоценные христианские реликвии, и, между прочим, Убрус, или священное изображение лика Спасителя на полотне, которое, по преданию, самим Христом было дано Авгарю, византийский катепан не мог не отнестись с особенным вниманием к предложению Салмана. Было условлено, что этот последний сдаст Маниаку наиболее важные городские башни и ключи от города и даст таким образом полную возможность без труда овладеть этим прекрасным и укрепленным городом, считавшим вокруг стен не менее 150 башен. Маниак с небольшим отрядом ночью подошел к Эдессе, заняв три башни, укрепился в них и начал понуждать горожан к сдаче. Но оказалось, что соседние эмиры скорей узнали о том, что происходило в Эдессе, чем пришла к Маниаку помощь из Самосата. Он был окружен мусульманами и должен был защищаться в церкви св. Софии, которую обратил в неприступную крепость. Наконец ему была подана помощь по приказанию царя Романа, вследствие чего Эдесса окончательно перешла под власть империи. Правительство не могло не оценить приобретение этого важного в военном и торговом смысле города. В него перенесена была гражданская и военная администрация покоренной области, гарнизон города доведен до 10 тысяч человек, и стены вновь приведены в прежнее состояние. Приобретение Эдессы сделало

имя Маниака очень известным. С тех пор он вошел в ряды служилой аристократии и, вероятно, посредством брака приобрел большие земельные имущества в Малой Азии, став соседом крупных землевладельцев из рода Склиров. Это обстоятельство было причиной враждебных отношений между двумя крупными государственными мужами, сопровождавшихся важными последствиями для Маниака.

Особенно ценной добычей, взятой в Эдессе и представленной царю, было «письмо к Авгарю на сирийском языке», написанное Спасителем. По отношению к этому апокрифическому сказанию о письме к Авгарю существует огромная литература¹², в большинстве случаев сказание это передается в связи с историей Убруса, или Нерукотворного образа, хранившегося также в Эдессе и перенесенного в Константинополь при Романе Лакапине в 944 г. Любопытно здесь отметить, что с именем Георгия Маниака соединяются сказания о других святынях, обретенных им в Сицилии и пересланных в Константинополь.

Перевес влияния империи сказался здесь в неожиданном переходе под власть царя эмира Триполи ибн-Зайрака, или Пинзарака византийской летописи. Однако когда египетские войска осадили Триполи, эмир должен был искать прибежища в Византии, где его приняли с большим почетом. Но предпринятая при Романе морская экспедиция против Александрии с целью принудить калифа отказаться от Триполи не сопровождалась желательным успехом. Хотя византийское правительство знало цену этим перелетам мусульманских эмиров под власть христианской империи, но находило полезным поощрять их. По отношению к ибн-Зайраку взгляд современников сохранился в известном «Стратигике» Кекавмена¹³.

«Был один филарх арабский по имени Апелзарах. Он также пришел к вышеназванному царю кир Роману и почтен был значительными дарами и почестями и был отпущен царем в свою землю. Он повторил свое посещение, но во второй раз ему уже не было оказано прежнего внимания. Не видя почета, он хотел удалиться, но на это не было царской воли. Проведя два года в столице, каждый день он ожидал ссылки или гибели. Однако через два года ему было позволено отправиться к себе. Удалившись и миновав железный мост за Антиохией, он созвал своих слуг и ближних и, схватившись за голову обеими руками, сказал им: «Что же это такое?» Они со смехом отвечали: «Голова твоя, господин наш». — «Так благодарю Бога, — продолжал он, — что я с головой на своем месте переправился в Хрисополь и достиг пределов Аравии».

Автор дает такое нравоучение по поводу рассказанного: если когда пожелаешь прийти и поклониться царскому могуществу, либо поклониться святым храмам, либо посмотреть на благоустройство дворца и города, то сделай это один раз, иначе будешь уже раб, а не друг.

Более, однако, значения в истории занимающего нас времени имели те события, которые происходили на границе с Арменией, где смерть царя Иоанна Сембата и его брата Ашота IV дала повод к внутренним смутам и вмешательству соседей во внутренние дела Великой Армении. Для Византии вопрос шел о полном подчинении этой страны на основании известного соглашения с Иоанном Сембатом. Пропуская период борьбы за власть между разными претендентами и неоднократные военные походы греков под стены Ани, остановимся на царствовании последнего представителя Багратидов Какига II, сына Ашота IV, который вступил на престол в 1042 г. В том же году вступивший на византийский престол Константин Мономах, следуя традиционной политике своих предшественников относительно Армении, принял меры к тому, чтобы поставить Какига II в зависимость от империи. Несчастный царь, поставленный в безвыходное положение как внешними врагами, действовавшими в согласии с Византией, так и внутренней смутой, должен был признать себя верным вассалом Византии, но вместе с тем желал оставаться свободным в управлении своей страной. Следствием этого была снаряжена в Армению военная экспедиция под начальством Михаила Иасита, а на помощь ему присоединены были войска доместика схол восточных, проедра Николая. Чтобы достигнуть

вполне задуманной цели, Мономах вступил в соглашение с мусульманским владельцем Товина на р. Араксе, эмиром Абул-Севаром, которому было обещано передать во владение все области, какие он успеет занять из царства Какига II. Когда таким образом Армения сделалась легкой добычей арабских грабителей и византийских войск, несчастному Какигу не оставалось другого выбора, как согласиться на волю Мономаха и уступить ему свое царство. Он был приглашен в Константинополь, откуда никогда уже более не возвращался. Нельзя читать без волнения историю этого последнего представителя свободной страны, окруженного изменниками и предателями и бессознательно шедшего по пути в расставленную ему западню. В Константинополе ему предложено было вместо царства над Арменией управление городом Малатией, и, когда он отказался от этого, ему пришлось провести некоторое время в заключении на одном из Принцевых островов, а потом жить на пансионе в одном из городов Каппадокии. Католикос Ведрос, игравший одну из главных ролей в сношениях с Византией и оставшийся вместе с вельможей Апиратом временным правителем царства, передал ключи от Ани византийскому стратигу. Главными виновниками передачи Армении под власть империи и посредниками сношений между царем Мономахом и павшим Какигом II были магистр Крикорикос, или Георгий ¹⁴, с которым еще встретимся в дальнейшей истории, вест Саркис и, наконец, католикос Ведрос.

По преимуществу к занимающему нас царствованию относится ряд важных событий на восточных окраинах, стоящих в ближайшей связи с появлением нового народного элемента, которому суждено было иметь продолжительное и роковое значение в истории Византии, разумею турок-сельджуков.

Прежде чем, однако, знакомить с обстоятельствами, при которых турки-сельджуки вошли в непосредственное соседство с империей, находим нужным сказать несколько слов об исторической обстановке, которая имеет объяснить поразительные успехи турок насчет Византии. Обратим внимание на некоторые подробности, относящиеся к 1047 г. и последующим годам. Прежде всего на это время падает громадное движение, поднятое Львом Торникием и имевшее ближайшей целью низвержение Константина Мономаха ¹⁵. Это движение хорошо освещено в современном самому событию ораторском произведении, именно в речи митрополита Иоанна Мавропода, который по своему положению имел все средства собрать об нем точные сведения. Бунт Торникия потому получает в наших глазах особенное значение, что сам он, как показывает и его имя, не принадлежал к туземной служилой аристократии, а был иностранцем по происхождению, — был потомком знаменитой династии Багратидов, перешедшей на службу империи со времени царя Василия. Прозвание свое Торникий Лев получил от области Тарона, или Дарона, на границе с Персией и, следовательно, был владетельным князем в Армении. При царе Константине Мономахе в управлении Арменией и соседней Грузией, тоже вступившей в вассальную зависимость от империи, произведена была перемена, имевшая весьма плачевные результаты для охраны восточной границы. Оказывается, что византийское правительство перенесло обязательность военной службы армянских воинственных владетелей, привыкших к военному делу в постоянных столкновениях с соседними дикими племенами, на денежную повинность и тем не только лишило себя естественной и хорошо приспособленной к местным потребностям военной защиты, но и открыло как Армению и Грузию, так и свои собственные пределы для хищнических опустошительных набегов со стороны турок-сельджуков, тогда начавших приближаться к имперским границам. Собранные с Армении деньги были истрачены на нужды расточительного двора и на безрассудные личные потребности Константина Мономаха, между тем как для защиты границы необходимо было нанимать на казенные средства иноземные отряды. Среди военных людей принятая Мономахом мера подвергалась всяческому осуждению и вызывала

всеобщее раздражение. В особенности в Адрианополе, где был центр военного управления западными войсками, таилось глубокое недовольство против непопулярного женолюбивого царя, вследствие изнеженности и болезненности неспособного стать во главе войска и вести его против врага.

Лев Торникий происходил из Адрианополя, где владел земельными имуществами и где пользовался большим влиянием столько же по своему происхождению, как и по родству с Константином Мономахом по матери. Народная молва окружила его ореолом и передавала слухи о том, что ему предсказано царство. Лев не пользовался любовью царя и находился в удалении от двора, одно время он был назначен стратигом в пограничную область в Грузии. Хотя при дворе его сторону поддерживала сестра Мономаха, умная и энергичная Евпрепия, но подозрительный царь, желая лишить Торникия всякого участия в политической деятельности, приказал постричь [его] в монахи. Это обстоятельство поставило Торникия во главу партии, образовавшейся против царя в столице и руководимой одним из местных служилых людей, Иоанном Ватаци. В сентябре 1047 г. заговорщики, находя менее надежным свое положение в столице, бежали в Адрианополь и здесь 15 сентября стали открыто организовывать военный бунт. К Торникию присоединились македонские войска, действовавшие против Болгарии, и провозгласили его царем ромэйским. Новый царь раздавал своим приверженцам почести и отличия и обещал земельные и денежные награды, когда в его руки перейдет столица и будет низвергнут никем не любимый Мономах. Момент для движения выбран весьма благоприятный для самозванца.

В Константинополе было мало войска, так как тогда велась война на восточной границе и угрожало нападение турок-сельджуков и независимо от всего другого была полная надежда на содействие населения Константинополя — таково, по крайней мере, было убеждение Торникия и его партии. Но в действительности они не приняли в соображение многих обстоятельств и ничего не сделали для подготовки столицы к замышляемому перевороту. Между тем как македонские войска с Торникием во главе приближались к Константинополю, Мономах лежал в постели, пораженный подагрой, и не мог принять своевременных мер к защите. Население, однако, волновалось и далеко не было расположено к перевороту. Тогдашний патриарх Михаил Кируларий устраивал церковные процессии вокруг стен и возбуждал религиозное настроение в народе надеждой на небесную помощь. Около 25 сент. Торникий появился под стенами города и расположился лагерем на небольшом расстоянии от Влахернского дворца. Как можно догадываться, он предполагал, что его примут с распростертыми объятиями и что его ожидает торжественное вступление в столицу. На самом деле предстояло осаждать укрепленный город или брать стены приступом. Чтобы рассеять слухи о его отчаянном болезненном положении, царь со всем двором, с царицами Зоей и Феодорой расположился на одной из террас Влахернского дворца и наблюдал неприятельский лагерь, хорошо видный с высокого здания. Несколько дней провели в бездействии осаждающие и осажденные, ограничиваясь взаимными упреками, насмешками и пусканием стрел. Наконец сделана была попытка прогнать неприятеля от стен, но за это жестоко поплатились защитники города, так как были увлечены далеко от стен и почти все перебиты.

Проходили дни за днями, которые делали положение нападающих хуже и опасней, так как Мономах ожидал подкреплений со стороны тех отрядов, которые были посланы в Армению и которые ожидались морем из Трапезунта. В это время нередко бывали легкие сшибки между войском Торникия и защитниками города, которые оканчивались в пользу самозванца и которые легко бы могли сделать его господином положения, если бы в его отряде было больше организации и если бы во главе его стоял более опытный вождь. Когда стало ясным, что город не расположен к сдаче, приверженцы Торникия перестали иметь доверие к своему вождю и

начали отставать от него. Немало содействовало ослаблению самозванца и то обстоятельство, что из Константинополя постоянно выходили неизвестные люди с полными золотыми руками и предлагавшие хорошее вознаграждение тем, кто оставит лагерь Торникия. Ввиду этих обстоятельств Торникий нашелся в необходимости с остатками своего войска отступить по большой дороге к Адрианополю и разбил свой лагерь в долине Аркадиополя, ныне Люле-Бургас.

Отсюда Торникий завязал сношения с печенегами, желая их привлечь к союзу. Но его дни были уже сочтены, так как на помощь к Константинополю стали прибывать азиатские отряды, которые по распоряжению царя были направляемы против бунтовщика. От Торникия отстали главные его приверженцы: Врана, Полис, Феодор Стравомита и несколько лиц из фамилии Глава. Начальник царских войск Михаил Иасита постепенно окружил Торникия и поставил его в невозможность избежать плена. Его накрыли в Булгарофиге, ныне Кумли, отвели пленным в Константинополь, где наказали лишением зрения.

Описывая смуту, вызванную бунтом Торникия, мы несколько раз замечали, что Константинополь в то время был лишен защиты по случаю исключительно опасного положения дел на восточной границе. Здесь нам следует сосредоточить внимание на новом этнографическом элементе, тесно сросшемся с историей Византии.

Глава 2. Состояние империи от смерти царицы Феодоры до вступления на престол Алексея I Комнина

Смерть царицы Феодоры (31 августа 1056 г.), последней представительницы Македонского дома, выдвигала вопрос, всегда представлявший повод к неожиданным осложнениям, — о замещении трона. Не может быть сомнения, что ему следовало выступить уже два года назад, когда семидесятилетней Феодоре выпала очередь занять престол за смертью Мономаха. Но как раз теперь не было в Константинополе крупных представителей военной знати, которые могли бы иметь притязание на высшую власть и которые скоро затем и заявили свои права. Влиятельная же при дворе Феодоры партия, во главе которой стоял Лев Стравоспондил, убедила Феодору назначить своим преемником Михаила Стратиотика, единственным качеством которого, с точки зрения партии, было разве то, что он не был опасен для круга лиц, составлявших правительство Феодоры. Лев и его приверженцы рассчитали правильно, потому что новый царь согласился на все условия, ему предложенные, и не обнаружил враждебных чувств относительно стоявшей у дел партии. И патриарх Михаил Кируларий спокойно отнесся к совершившемуся факту и не поставил никаких препятствий к коронованию избранного Феодорой преемника. Легкомысленная затея племянника Константина Мономаха по имени Феодосия, который выставил свою кандидатуру на престол, не быв поддержана ни патриархом, ни народным сочувствием, имела жалкий исход и сопровождалась ссылкой искателя престола в Пергам.

Важней было движение среди военных кругов, которые привыкли быть во главе управления и которые в последние годы были несколько отодвинуты на задний план.

В марте 1057 г. в Константинополь прибыли высшие военные чины, стоявшие во главе азиатских фем: магистр Исаак Комнин, магистр Катакалон Кекавмен, вестарх Михаил Вурца, Константин и Иоанн Дуки. Они остались недовольны оказанным им приемом и сговорились между собой насчет низвержения Стратиотика, к заговору присоединились члены знатных и богатых родов, которым принадлежит главная роль в событиях XI и XII вв.: Никифор Вриенний, Роман Склир, Никифор Вотаниат. Летом 1057 г. заговорщики сошлись в Кастамоне, в поместье Исаака Комнина, и провозгласили его императором. Располагая значительными военными силами, примкнувшими к нему из соседних азиатских фем, он двинулся по направлению к столице и занял укрепленное положение в Никее. Между тем советники Михаила Стратиотика приняли меры к защите столицы и к усмирению поднявшегося на востоке мятежа. На восток были двинуты западные фемы, во главе коих поставлен domestик евнух Феодор. Но было ясно, что в войсках больше авторитета имело имя Комнина, чем царя Михаила, — это обнаружилось из того, что в лагерь Исаака Комнина стали перебегать из царского стана значительными партиями. В начавшемся сражении первое время перевес был на стороне царского войска, но Кекавмен спас положение и склонил победу на сторону Исаака Комнина.

Когда Стратиотик узнал о поражении его войска и о движении Комнина к Никомидии, то он решил отречься от престола, но его советники подали ему мысль вступить с заговорщиками в переговоры. К Исааку было отправлено посольство, состоявшее из представителей сената: Константина Лихуда, Феодора Алопа и тогдашнего ипата философской школы Константина Пселла, которому принадлежит сохранившаяся до нас история этой переходной эпохи. В переданном послами письме Комнину предлагалось от имени царя сложить оружие и в награду за это обещано было «усыновление» и достоинство кесаря. Насколько было искренно это предложение, трудно судить. Во всяком случае, со званием кесаря необходимо соединялось представление о преемстве власти, а между тем в Константинополе

была истребована царем клятва от сенаторов, что они не признают Исаака Комнина своим царем. Поэтому не должно удивляться, что Комнин пожелал некоторых ручательств в том, что обещания, ему даваемые, будут выполнены. Ввиду этого стороны несколько раз обменивались посольствами, пока не были выяснены все подробности. Положение осложнялось еще и тем, что сами посредники в переговорах не были достаточно искренни и не всегда передавали то, что было им поручаемо. Стратиготик, искренно желая соглашения с Комнином, приказал заверить его, что он немедленно готов приобщить его к царской власти. Это уже вполне удовлетворяло Комнина, и он обещал через три дня быть в Константинополе и представиться царю в качестве кесаря. Между тем Исаак действительно перенес свой лагерь из Никомидии к берегам Босфора и остановился во дворце Даматри, построенном Маврикием. В Константинополе в это время (31 августа) готовилась развязка драмы, какой не ожидал Михаил Стратиготик, и главная роль в заключительном действии принадлежала патриарху. Ко храму св. Софии, где были палаты патриарха, собралась толпа народа вместе с частью сенаторов и требовала, чтобы патриарх высказался по занимающему всех делу о введшихся между царем и Исааком Комнином переговорах. Михаил Кируларий сделал вид, что не желает вступить в общение с толпой, но потом сошел вниз и сел на патриаршее кресло. К нему обратились из толпы с просьбой вытребовать от царя тот документ, которым сенат и народ под клятвой обязались не признавать царем Комнина. Ибо, объясняли жалобщики, пока этот документ не уничтожен, мы находимся в опасности или быть клятвопреступниками перед нашим царем в том случае, если согласимся признать царем Исаака, или привлечь на себя гнев и нерасположение императора Исаака, если останемся верны данному Михаилу Стратиготику обещанию. Вся эта сцена получает свое объяснение с точки зрения интересов партии Исаака Комнина: ею предreshен вопрос о предпочтении самозванца законному царю. Патриарх принял на себя задачу освободить народ от клятвы, и в то же время в церкви было провозглашено многолетие Исааку Комнину. В тот же день Михаил Кируларий отправил к Исааку Комнину извещение о происшедшем и приглашал его поспешить в столицу, а Михаилу Стратиготику чрез посланных высших церковных сановников сделано было неожиданное предложение оставить дворец и искать убежище в храме св. Софии. Когда царь спросил посланных к нему митрополитов: «Что же может обещать мне патриарх за требуемые от меня жертвы?» — последние отвечали: «Царство небесное». Михаил без малейшей попытки к борьбе подчинился воле патриарха и тогда же принял пострижение в монахи. Сентября 1-го 1057 г. состоялся торжественный въезд в Константинополь, а на следующий день состоялось коронование Исаака Комнина.

Имя Комнинов в первый раз появляется в истории в царствование Василия II в лице двух деятелей этой эпохи: Никифора, правителя Васпурахана, умершего без потомства, и Мануила по прозванию Эротика, пользовавшегося особенным расположением царя Василия и исполнявшего при нем важные поручения. Поколение Комнинов ведет начало именно от Мануила, у которого было два сына и, может быть, дочь¹⁶. Исаак и Иоанн Комнины, которые выступают с притязаниями на царскую власть в занимающий нас период, были сыновьями Мануила Эротика и начали свою служебную карьеру еще в царствование Василия II. Старший, Исаак, составил себе громкое имя на Востоке и прославился военными делами с турками-сельджуками. Любопытно отметить, что за него была сосватана дочь царя Самуила Екатерина и что в семье Комнинов текла славянская кровь. От этого брака произошли сын Мануил и дочь Мария. Дальнейшее поколение идет, однако, не от Исаака, а от его младшего брата Иоанна. Браком с представительницей знатного имени Далассинов, занимавших важные места в администрации итальянских фем, Иоанн укрепил положение семьи, которая в этом браке имела блестящее поколение. Анна Далассина дала Иоанну Комнину пять сыновей и трех дочерей: Мануила, Исаака, Алексея, Адриана и Никифора, из них третий основал в 1081 г. блестящую и

даровитую династию императоров. Дочери вышли в замужество за представителей знатнейших родов, игравших политические роли. Мария выдана за Михаила Таронита, Евдокия за Никифора Мелиссина и Феодора за сына царя Романа Диогена от первой жены, Константина. В истории возвышения дома Комнинов немаловажное значение имели связи его с аристократическим родом Дук, на который после двухлетнего царствования Исаака перешла верховная власть в империи. Высокообразованная и гордая Анна Далассина дала прекрасное образование своим детям и должна была бороться с многочисленными затруднениями, чтобы сохранить семью среди смутной эпохи политических переворотов и потрясений, какие происходили в Константинополе, прежде чем сыну ее Алексею удалось утвердиться на престоле.

Возвращаясь к событиям, происходившим в первые дни сентября 1057 г., мы должны напомнить, что Исаак был обязан своим успехом как военной партии, так и тогдашнему патриарху Кируларию, который весьма искусно подготовил движение против Михаила Стратиотика и оказался приверженцем нового царствования. Казалось бы, все складывалось так благоприятно для Исаака, что долгое и счастливое царствование могло считаться за ним обеспеченным, но в действительности этого не случилось. Постигшую Исаака неудачу на престоле можно объяснять частью его личным характером, частью задуманными им реформами во внутреннем управлении, которыми затронуты были интересы учреждений и частных лиц. Но прежде чем входить в подробности, приведем характеристику первых действий Исаака, как она читается у Иоанна Скилицы¹⁷.

«Достигнув власти вышеизложенным способом и обнаружив славу мужества и военной доблести, Комнин немедленно приказал изобразить себя на монете с мечом в руках, не Богу приписывая свою удачу, а собственному мужеству и военному опыту. По отношению к делам империи являет себя неограниченным повелителем, и прежде всего почтил отменными наградами тех, которые оказали ему содействие в задуманном предприятии.

В заботах о народной пользе он назначил многих дозорщиков за сборами податей. За великой Церковью утвердил право непосредственного распоряжения всеми ее имуществами, совершенно изъяв ее от государственной власти, так что как в ее земельных владениях, так в распоряжении священными предметами царь не имел никакой власти, а все было подчинено патриарху, как назначение должностных лиц, так и заведование администрацией. Приказав доставить в столицу из замка Пимолиссы свою жену, объявил ее августой и севастой. Собственного брата Иоанна и Катакалона Кекавмена почтил саном куропалатов, брату, кроме того, дал звание великого domestика. Так как от материальных средств зависит все — и военное дело пришло в упадок и вконец расстроилось вследствие отсутствия денег в казне, и со всех сторон поднялись против Ромэйской империи враги, что не мог он не вменять себе в бесславию и что его крайне беспокоило, — то он стал беспощадным сборщиком податей с тех, которые задолжали в казну, и сам первый оборвал раздачу привилегий. Обратил он внимание и на бережливость в расходовании государственных средств и озаботился приращением казенных имуществ. Почему многие частные лица лишились своих владений, так как он отменял жалованные им царские грамоты, равно как некоторые монастыри потеряли записанные за ними имущества под благовидным предлогом, что монахи должны довольствоваться малым...»

Приведенное место может до некоторой степени объяснить нам сущность тех недоразумений, какие возникли на первых же порах между Исааком и различными классами населения империи и привели к роковой для царя развязке. Как человек, сделавший карьеру в лагере, в войнах на Востоке, Исаак Комнин отличался резкостью и прямоотой в сношениях с людьми, которая не делала приятными служебные с ним сношения. Не имея широкого образования, он был, однако, весьма самолюбив и в разговоре о серьезных предметах, прежде чем высказать свое мнение, пытался окольными вопросами выведать взгляд на дело своего

собеседника. Исаак приносил на престол такие же суровые нравы, как в свое время Никифор Фока или Цимисхий, и не мог не нажить себе врагов. Хорошо знавший царя писатель Михаил Пселл дает весьма правильную характеристику Исаака¹⁸.

Таким образом, при всех его добрых намерениях Исааку не удалось создать благополучного царствования. Напротив, недовольство им обнаружилось во всех слоях общества: среди крупных землевладельцев, светских и духовных, среди служилого сословия и, наконец, среди сельского населения. Более яркими чертами выразилось охлаждение между царем и патриархом, который принимал деятельное участие в возвышении Комнина и, конечно, надеялся быть за это вознагражденным. В надежде на беспредельную благодарность царя патриарх не знал меры в ходатайствах и просьбах то за себя, то за других, но так как не всегда исполнялись его просьбы, то он стал позволять себе угрозы и нелепые выходки, требуя от царя уступок, иначе угрожал лишением царства: «Я сковал для тебя корону, я же могу ее и расплавить!» — пользовался окрашенной в пурпуровый цвет обувью, утверждая, что таков был обычай в прежнее время и что патриарху должно вновь восстановить этот обычай, ибо между царской и патриаршей властью нет или почти нет различия, а что касается наиболее важных дел, то священство может быть еще и выше царства. Когда отношения дошли до последней степени холодности, царь решил отделаться от патриарха. Он воспользовался праздничным днем в честь архангела Михаила, когда патриарх, по установившемуся обычаю, должен был провести некоторое время вне города, в одном из монастырей, послал туда отряд военных людей и приказал взять под стражу патриарха вместе с его племянниками. Пока происходили затем совещания с некоторыми митрополитами и с Пселлом насчет мер, какие бы можно было употребить против патриарха, чтобы принудить его к отречению, получено было известие о смерти Кирулария (1058), которое, освободив Исаака от крайне затруднительного положения, вместе с тем послужило для него источником новых забот и огорчений. Был ли Исаак виновен в смерти патриарха, о чем ходила молва, это трудно решить, но, во всяком случае, низвержение патриарха было незаконным и насильственным актом, значение которого еще более обрисовывается в неосновательных обвинениях, взведенных на Кирулария в угоду царю придворным оратором Пселлом¹⁹. Нужно думать, что дело с патриархом происходило за год до катастрофы, жертвой которой сделался и сам Исаак Комнин. В преемники Кируларию назначен был Константин Лихуд, государственный человек, заведовавший финансовым управлением при Мономахе и державший сторону Комнина при низвержении Михаила Стратиотика. Он был возведен в патриарха из светского звания и, по-видимому, дал царю обещание не препятствовать его планам насчет ограничения монастырей в их земельных владениях.

Подходя к изложению событий, вследствие которых произошел переворот в Константинополе, лишивший Комнинов власти и выдвинувший новый аристократический род Дук в лице Константина X Дуки, мы должны заметить, что до сих пор неясны мотивы, произведшие этот переворот. Не может быть и речи о сравнительных достоинствах между Исааком и его братом Иоанном Комнином и Константином Дукой. И между тем неожиданно сложились такие обстоятельства, когда Исаак принужден был передать власть не своему брату, а товарищу по прежней боевой службе, упомянутому Дуке. Трудно разобраться в подробностях, но ход внешних фактов заключается в том, что Исаак в 1059 г., возвратившись из похода на печенегов и угров, осенью отправился в Малую Азию и на охоте близ Ефеса схватил простуду. Больной, он прибыл в Константинополь и здесь во Влахернском дворце постригся в монахи под влиянием советов патриарха и приближенных и удалился в Студийский монастырь, где спокойно прожил еще два года. Преемником своим он назначил, также по совету приближенных, обходя своего брата, будто бы добровольно отказавшегося от царства, Константина Дуку. Такова официальная версия, сохраненная Пселлом и Вриеннием, которая, по

всем вероятиям, маскирует действительность, под давлением которой Исаак пожертвовал интересами своего дома. Нужно представить себе отчаянное и незащищенное положение членов царского рода в Византии, устраненных по обстоятельствам от власти в пользу другого рода, чтобы без колебаний признать поддельной сложившуюся легенду о добровольном отречении Исаака²⁰.

Около 20 лет затем судьбы империи были тесно связаны с царствующим домом Дука, представители же рода Комнинов должны были, довольствуясь второстепенной ролью, в то же самое время употреблять все средства, чтобы не возбудить против себя подозрений и не навлечь на себя непоправимых бедствий. Хотя у Исаака не осталось мужского потомства, ибо сын его Мануил умер в юном возрасте, но от бывшей с ним в супружестве болгарской царевны Екатерины он имел дочь Марию — обе они окончили свои дни в монашестве. Но брат его Иоанн, имевший сан куропалата и должность великого доместика, и его многочисленное семейство, несомненно, подвергалось всяческим опасностям в этот двадцатилетний период, пока вновь сложившиеся благоприятные обстоятельства не выдвинули их снова на первое место.

Константин Дука, провозглашенный царем в декабре 1059 г., происходил из поместного дворянства в Пафлагонии и женат был во втором браке на Евдокии Макремволитиссе, племяннице Михаила Кирулария. Проследить родословное его дерево весьма трудно, хотя исторические деятели с этим прозвищем встречаются с половины IX в. В занимающее нас время Дуки играли выдающиеся роли, а будущий император Константин уже при Исааке был приближен к высшей власти в качестве носителя кесарского сана. Но, по-видимому, у него произошли недоразумения с царем, так как он при Исааке получил назначение в отдаленную провинцию и возвратился из Эдессы лишь к тому времени, когда произошел в столице переворот в его пользу. У Константина была многочисленная семья, состоявшая из трех сыновей и трех дочерей: Михаил, Андроник и Константин; Анна, Феодора и Зоя. По ходу обстоятельств следует думать, что в день отречения Комнина от власти в пользу Константина Дуки главным образом интриговал Пселл вместе со своим товарищем и другом, новым патриархом Лихудом. На это указывает и случайно брошенный Пселлу упрек со стороны царицы Екатерины²¹: «Благодарю тебя, философ, за совет, хорошо ты нам отплатил, убедив императора перейти в монашество».

Дуке как царю партии предстояла нелегкая задача удовлетворить общественное мнение уступками по всем тем важным мероприятиям финансового характера, которые вооружили многих против его предшественника. Без сомнения, в этом находят себе объяснение «ласковые речи», с которыми он обратился к сенату и народу по избрании²², и разнообразные облегчения в пользу землевладельцев и служилого сословия, которыми он, по-видимому, старался выполнить принятые на себя при избрании на царство обязательства. Но ему не удалось ни удовлетворить все притязания, ни примирить между собой враждебные партии. Константин Дука, хотя и принадлежал к военным сферам, не был по своим склонностям военным деятелем, и притом достиг власти, имея уже больше 50 лет от роду. Летопись не отмечает за ним положительных качеств, и никто из современников не дает о нем похвальных отзывов, так что остается малопонятным, для кого же было полезно устранение Комнина и возвышение Дуки. Пренебрегая военным делом и предоставляя границы империи опустошениям и завоеваниям беспокойных соседей, Константин оставил безнаказанными громадные поражения, испытанные от турок-сельджуков на востоке, от угров и узов на Балканском полуострове и, наконец, от норманнов в Южной Италии и Сицилии. В то время как на границах дела были в отчаянном положении, император обращает исключительное и любовное внимание на правосудие и реформы по взиманию налогов и сбору пошлин, доводя до крайности свою систему. Так в судебном деле развилось сутяжничество, привлечшее много новых сил к адвокатской

деятельности; в фискальной системе введена отдача на откуп взимания государственных податей, отягощавшая население. Рядом с этим была введена крайняя осторожность в расходовании: сокращены выдачи на военное ведомство, запущена постройка кораблей и осталось в пренебрежении все, что относилось к обновлению и заготовлению военного материала. Можно еще удивляться, что в царствование Константина мало было внутренних потрясений. Правда, в 1060 г. была попытка поднять возмущение, но благодаря своевременным мерам, принятым братом царя Иоанном, заговор был потушен и виновники потерпели наказание. С тех пор до самой смерти своей в 1067 г. царь Константин спокойно продолжал свое бесславное царствование, принесшее большой вред империи. Чувствуя приближение смерти, Константин принял меры к утверждению власти за своим домом. Прежде всего он приобщил к власти своих сыновей, возложив на них корону; царица Евдокия была объявлена опекуншей за несовершеннолетием старшего сына, будущего царя Михаила VII Паррапинака, причем будто бы дала обязательство и подписку не выходить замуж²³.

К числу мероприятий об утверждении династии должно относить и то, что брат царя Иоанн был возведен в сан кесаря и получил личные поручения относительно высшей государственной политики²⁴. Трудно, конечно, гадать, что разумел писатель под высшими тайнами политики, но весьма вероятно, что умная и энергичная регентша Евдокия, находясь во главе правления после смерти своего мужа, сочла необходимым реагировать против этих тайных распоряжений. Ввиду затруднительного положения на восточной границе и принимая в соображение беспомощность той партии, которая осталась у дел после Константина Дуки, царица Евдокия пришла к мысли возвратиться к практике последних лет Македонского дома и избрать себе между военными людьми товарища — супруга, который был бы в состоянии удовлетворить и требованиям военных нужд на границах и вместе с тем оберегал бы интересы царевичей — наследников престола.

С небольшим шесть месяцев прошло по смерти царя Константина, как в столице стал на очереди вопрос о браке регентши. Все заставляет думать, что в пользу этого проекта было значительное большинство в сенате и что предстояло бороться лишь с кесарем Иоанном и с Михаилом Пселлом, пользовавшимся большим влиянием, между прочим, и потому, что ему было поручено воспитание царевича Михаила. Что касается кесаря, легко понять, что новый проект наносил ущерб его личному влиянию в правительстве и его двум сыновьям. Избрание Романа Диогена на престол посредством брака его со вдовой царицей-опекуншей обставлено в летописи романическими подробностями. Роман Диоген происходил из служилого сословия. Отец его Константин Диоген, приобревший известность при Василии Болгаробойце, погиб во время Романа III Аргира, в 1031 г., трагической смертью. Не желая выдать на следствии своих соучастников в заговоре, он выбросился из окна Влахернского дворца и умер на месте, оставив сына в лице Романа, который был в описываемое время дукой Сардики (Софии). Оказывается, что Роман Диоген очень глубоко чувствовал весь вред для государства, наносимый дурным управлением Константина Дуки, и решился отложиться от империи, провозгласив себя царем. Когда же его предприятие было своевременно раскрыто, в оковах он был доставлен в Константинополь и предан военному суду, от которого должен был ожидать сурового наказания. Здесь и создается романическая обстановка. Царица, увидев Романа, сжалилась над его молодым возрастом, военными заслугами, мужественной и красивой фигурой и присудила его к отрешению от должности и ссылке в Каппадокию, где находились его владения. Но после истечения двух месяцев его снова пригласили в столицу, почтили саном магистра и приблизили ко двору. Декабря 31-го он вступил в брак с царицей Евдокией, а 1 января 1068 г. короновался императорским венцом. Так произошел весьма важный государственный переворот, в котором главную роль нужно приписать царице. У Михаила Пселла встречаем несколько весьма важных

замечаний насчет описываемого здесь переворота, который произошел, по-видимому, без его ведома²⁵.

«Доведя мой рассказ до этих событий, я затрудняюсь продолжать о царице Евдокии, которая доселе вела такую жизнь, что могла бы служить примером целомудрия для других женщин. И не скажу, что она после этого изменила добродетели воздержания, но она перестала быть такой строгой, как прежде, и не держалась тех же взглядов на вещи. Сказал бы я в оправдание ее и то, что перемена не заключалась ни в склонности к удовольствиям, ни в рабстве перед телесными наслаждениями, нет, ее мучили опасения за судьбу сыновей, чтобы при отсутствии защитника и покровителя их не постигло лишение царской власти... Человек весьма переменчивое создание, в особенности если на него действуют сильные внешние влияния. Хотя царица была твердого нрава и благородной души, но под напором сильного течения поколебались устои ее целомудренных помыслов, и она стала помышлять о втором браке. И хотя многие знали об этом, но мне царица ничего о своих планах не сообщала, так как стыд связывал ей язык и она избегала моих возражений. Злые ее советники побуждали меня советовать ей, что для пользы государства следует избрать мужественного царя. ...Вечером (речь идет о кануне провозглашения Романа) царица пригласила меня и, оставшись со мной наедине, с плачем сказала: «Разве тебе не известно, что государство страдает и дела наши совсем пошатнулись, враги поднялись со всех сторон, варварские полчища опустошают восток, — как положить предел бедствиям?» Я же, ничего не зная о подготавливавшихся событиях и будучи далек от мысли, что будущий царь стоял уже у ворот дворца, отвечал: «Это нельзя решить сразу, нужно подумать и рассудить, семь раз померяй, одинова отрежь, по пословице». Она же, улыбаясь, сказала: «Не стоит беспокоиться, об этом уже подумано и решено, ибо Роман Диоген избран уже на царство». Я остолбенел и, не зная, как быть, сказал: «Ну что же, завтра я подам свой голос за это решение». — «Нет, — говорит, — не завтра, ты должен подать свой голос сейчас же». Но я спросил: «А твой сын и царь, который имеет право на самостоятельную власть, знает ли он об этом проекте?» Она ответила: «Он совсем незнаком с этим планом и ничего не знает, но ради пользы сына пойдём вместе к нему и объясним дело, он спит теперь в одной из дворцовых комнат»²⁶.

Выбор был весьма удачный, трудно было найти наиболее подготовленного для решения серьезных государственных и военных задач человека. Роман Диоген приносил с собой на престол сознание высокой ответственности и любовь к военному делу, которое так долго находилось в пренебрежении. Он ни минуты не колебался дать истребованные у него обязательства соблюдать права наследников престола и управлять совместно с царевичами Михаилом, Андроником и Константином, имена коих ставились во всех законодательных актах. Но он должен был скоро почувствовать, что против него организуется враждебная партия с кесарем Иоанном Дукой и его сыновьями Андроником и Константином во главе. Не мог простить ему быстрого возвышения и Михаил Пселл, ставший на сторону врагов Диогена и объяснявший дурными намерениями самые лучшие действия царя. Известнейшие военные генералы Никифоры Палеолог и Вотаниат также оказались на стороне противников Романа Диогена. Непродолжительное царствование его, проведенное в походах и в войнах с неприятелями, в высшей степени трагическое по своим последствиям, служит прекрасным свидетельством исключительно трудных условий, в каких пришлось действовать этому рыцарственному государю, но вместе с тем беспримерного падения доблестей и добрых нравов в занимающий нас критический период.

Заниматься изложением событий, происходивших на границах империи, мы предполагаем в другом месте, теперь же наметим лишь рамки, в которых проходит жизнь быстро следующих один за другим императоров. Роман Диоген не мог не понимать затруднительности своего

положения, но он до некоторой степени пренебрег своими врагами и решился немедленно выступить против внешних врагов, наносивших большой вред в особенности восточным владениям. Может быть, в целях собственной защиты он взял в первый поход своего пасынка Андроника, чтобы на всякий случай иметь в нем заложника, равно и впоследствии, оставляя столицу, имел обыкновение брать с собой Пселла, как наиболее опасного интригана, которого лучше было постоянно держать на глазах. В марте 1068 г. предпринят им первый поход против турок-сельджуков; в апреле следующего года снова был совершен поход; весной 1071 г. Роман, несмотря на тревожные симптомы и предупреждения, вновь пошел походом в Азию. На этот раз в битве под Манцикертом (у озера Ван) ему изменил подчиненный ему вождь Андроник Дука, чем приведено было в расстройство царское войско и последствием чего был плен самого царя (1071). Хотя счастливый победитель, знаменитый своими победами Альп-Арслан, отнесся к пленнику великодушно и через неделю отпустил его на свободу, но обязал его по договору уплатить огромный выкуп.

Между тем как Роман из Армении и Грузии направлялся в фему Колонию, в Константинополе произошел весьма для него неблагоприятный поворот дел. Пришедшие в столицу известия, весьма неблагоприятные и сами по себе, были умышленно преувеличены неблагожелателями царя и дали повод не считаться более с пленным царем, заключившим притом постыдный и обременительный мир. Отправляясь из того соображения, что Романа не выпустят турки на свободу без выкупа, правительница под влиянием настоятельных требований Иоанна Дуки и Пселла объявила царем старшего царевича, Михаила. Но пришедшее вслед за тем известие об освобождении царя из плена и об его приближении к пределам империи поставило в большое затруднение вновь организовавшееся правительство. Кесарь Иоанн Дука, опираясь на значительную партию, потребовал от правительницы манифеста о низвержении Романа, но так как Евдокия не согласилась на это, он взял ее под стражу и заключил в монастырь, а от имени Михаила VII объявлено было по всему царству о лишении власти Романа Диогена. В последовавшей затем междоусобной войне против несчастного Романа высланы были отряды под начальством сыновей кесаря, Константина и Андроника, которые нанесли ему поражение и лишили его поддержки преданного ему антиохийского дуки Качатура. Роман был осажден в Адане и должен был сдаться на волю победителя; он отрекся от престола, дал согласие принять монашеское пострижение, но за то ему обещана была полная безопасность, за которую поручились три епископа. В Константинополе, однако, этим не удовольствовались: кесарь приказал ослепить Романа, и эта операция произведена была так грубо и бесчеловечно, что Роман не вынес ее последствий и умер на острове Проти, где предполагал провести свои печальные последние дни. Это произошло в 1072 г.

Воспитанник Михаила Пселла, Михаил VII Дука, занимал византийский престол до 1078 г. Он имел во время свержения Романа около 20 лет от роду и, следовательно, мог бы нести ответственность за жестокую расправу со своим вотчимом. Но это был человек без воли, весь находившийся в руках клики, захватившей правление в свои руки. Слишком двуличный и неискренний Пселл писал к ослепленному Диогену, что царь несколько не повинен в его несчастии, что все произошло без его ведома и по воле окружающих. Главная ответственность должна пасть на кесаря, но, конечно, при дворе знали об его намерении, знал и царь, и его советник Пселл. В его истории есть достаточные на это указания. Так, говоря о полученном Андроником поручении идти на Романа, он обронил замечание, что это очень тревожило царя, ибо он боялся, как бы это не окончилось для Романа несчастием, если он попадет в плен, и как бы он не подвергся членовредительству. Нет сомнения, что опасения подобного рода могли основываться на реальных основаниях, а не на догадках. Михаил мог действительно жалеть Романа, но он ничего не сделал, чтобы его спасти, точно так же как не воспользовался своей

властью для защиты своей материи. Это был педант, достойный ученик Пселла, приготовленный для составлений хрий и для беседований по теоретическим вопросам, но стыдившийся резкого слова с приближенными и благодушно переносивший проступки даже прислуги. При таком государе влияние на дела должно было перейти к приближенным: сначала все зависело от кесаря Иоанна, дяди царя, а потом наступило всемогущество евнуха Никифорицы.

Никифор, получивший в истории прозвище Никифорица, известен был как правитель Антиохии, откуда был переведен в Элладу и Пелопоннис, и отовсюду шла недобрая слава об его жестокости и любви к взяткам. Тем не менее скоро после низложения Романа Диогена он пошел в гору, его вызвали в столицу и назначили на большой государственный пост — в логофеты дрома; его друзья, способствовавшие возвышению его, жестоко в нем обманулись, так как он не хотел играть подначальной роли и постарался оклеветать и удалить от царя тех лиц, которые стояли выше его. Так по его совету удален был под видом почетного назначения на военную должность в Азию кесарь Дука, так при его посредстве произошло охлаждение между царем и его братьями. Сделавшись временщиком, он легко удалил Иоанна, митрополита Сиды, бывшего при Михаиле первым министром, и занял его место. Никифорица начал ряд реформ и смелых предприятий по финансовому ведомству и по взиманию налогов, направленных, впрочем, не для блага государства, а для собственной наживы. Период его бесконтрольного распоряжения судьбами государства вызвал всеобщее раздражение: конфискации имуществ, система монополий, денежные поборы и пр. возбудили против правительства основательные жалобы, которыми воспользовались представители служилой аристократии, развращенной частыми сменами на престоле и переменами правительств. Не говоря о возмущении кесаря Иоанна, объявившего себя царем по подстрекательству норманнского вождя Урселя и впоследствии в покаянном виде явившегося с повинной к племяннику, ненависть к правительству Никифорицы нашла себе выражение в сильных движениях, начавшихся в 1077 г. и окончившихся низвержением Михаила VII. Первым выступил проедр Никифор Вриенний, бывший дука Драча: при содействии своего брата Иоанна, имевшего в Адрианополе большие связи и влияние, он объявил себя императором в ноябре 1077 г. и послал своего брата, возведенного в сан куропалата и доместика схол, на Константинополь. Столица представляла легкую добычу, так как мало имела войска. Любопытно отметить, что самым важным лицом, защищавшим Константинополь, был Алексей Комнин, племянник бывшего царя Исаака, так как Михаил счел полезным войти в соглашение с этой семьей, для чего вызвал из ссылки вдову Иоанна Комнина Анну с сыновьями и выдал за старшего из них, Исаака, Ирину, дочь грузинского владетеля и племянницу императрицы Марии, дочери армянского царя Баграта IV. Приняв ряд мер для отражения Иоанна Вриенния и заставив его отступить сначала в Редесто, а потом в Кизик, правительство Михаила VII почти уже одержало верх над Вриенниями, когда на востоке вспыхнуло восстание Никифора Вотаниата, стратига фемы Анатолика. Он объявлен был царем и с помощью сельджукских отрядов овладел Никеей и приблизился к Халкидону, против Константинополя. Хотя Алексей Комнин предлагал императору ударить на Вотаниата с остатками находившегося в Константинополе гарнизона, но Михаил VII не воспользовался советом и пропустил время. В самой столице произошел поворот в пользу Вотаниата, образовалась стража из граждан и завладела дворцом. Находясь в отчаянном положении, Михаил бежал во Влахерны, откуда был отведен в Студийский монастырь и там пострижен (1078). Царица с сыном, порфирородным Константином, спаслась в монастырь Петрий. Вотаниат вступил в столицу 3 апреля и короновался в храме св. Софии.

Здесь мы должны перенести внимание на бывшую все это время вдали от дел семью Комнинов, среди которой при Михаиле VII и Никифоре Вотаниате вырастает импозантная

фигура Алексея Комнина, занявшего престол после Вотаниата, также путем военного бунта, в апреле 1081 г. Нет никакого сомнения, что в смутную и полную всяких превратностей эпоху, последовавшую после удаления от дел Исаака Комнина, судьба оставшейся семьи в лице его брата и его многочисленного семейства всецело зависела от политического такта, благоразумия и большого авторитета супруги Иоанна Анны Далассины, о которой нужно сказать несколько слов. Дочь царя Алексея, знаменитая писательница Анна Комнина, вспоминая об исключительном доверии, которое оказал ее отец Анне Далассине, назначив ее правительницей государства на время своего похода против Роберта Гвискара, характеризует свою бабушку в таких выражениях²⁷:

«Иной, пожалуй, будет порицать распоряжение моего родителя, доверившего женщине управление империей. Но кто имел случай знать просвещенные взгляды моей бабушки, ее добродетель, ум и житейскую опытность, тот бы, напротив, похвалил отца. Моя бабушка так была искусна в ведении дел и так способна разбираться в политике, что могла бы управлять не только Ромэйской империей, но и всяким царством под солнцем. Она была весьма опытна, знала природу многих вещей, понимала, из чего что возникает и к чему приводит, что имеет второстепенное значение и что способствует к усилению другого, в высшей степени находчива в распознавании того, что нужно, и удивительно осторожна в действиях. И такова была не только по умственным расположениям, но в том же смысле и выражала свое мнение. ...Даже и в молодые годы она казалась удивительным существом, обнаруживая почтенную серьезность в юных летах. При одном на нее взгляде можно было заметить присущую ей доблесть в соединении с величественной осанкой. Мой отец, получив царскую власть, взял на себя подвиг и заботы, ставя свою мать зрительницей его деяний и доверив ей верховную власть, и исполнял, как подданный, ее приказания. Он чрезвычайно любил ее и находился в полной от нее зависимости, верно исполнял ее волю и слушал ее распоряжения; на все соглашался, на что выражала она свою волю».

В последующей истории можно видеть эту замечательную женщину и в роли правительницы государства, и в роли представительницы просвещенного кружка, который образовался при дворе императоров. Семья Комнинов, т. е. дети и внуки Анны Далассины, несомненно, во многом ей обязаны и безбедным достижением спокойной пристани среди бурь смутной эпохи, и связями с высшими кругами, и прекрасным образованием. Так как ее муж Иоанн Комнин умер в 1067 г., то целое десятилетие семья была на руках Анны. У ней была никогда не заживавшая рана, глубокое сожаление о том, что Дуки вырвали у ее семьи царскую власть, которая была уже в руках у Комнинов. С большим искусством, не допуская царствующих Дук догадываться об ее чувствах, она должна была поддерживать с ними сношения и готовить в своих сыновьях будущих заместителей престола. Сначала Далассина примкнула к партии Евдокии Макремволитиссы и Романа Диогена: первая едва ли не приходилась двоюродной сестрой, а Диоген уже и потому мог расположить ее в свою пользу, что с его царствования Дукам нанесен был временный удар. Вследствие вновь сложившихся благоприятных отношений одна из дочерей Анны, по имени Феодора, была сосватана за Константина, сына Романа Диогена. Точно так же старший из сыновей, Мануил, получил почетные назначения в войнах на Востоке и за военные дела удостоен сана протопроедра и куропалата. Но переворот, сопровождавшийся ослеплением Романа и вступлением на престол Михаила VII, угрожал серьезными опасностями семье Комнинов. Обвиненная в сношениях с низверженным царем, она поплатилась изгнанием и жила некоторое время на Принцевых островах. Но скоро она вошла в расположение царя, возвращена в столицу, и ее сын Исаак вступил в брак с Ириной, родственницей царицы Марии, супруги Михаила, будучи назначен доместиком восточных схол. Здесь, в войнах с турками-сельджуками, под начальством брата

начал военную карьеру третий сын Анны, Алексей. Еще будучи молодым человеком, он приобрел опытность и военное имя, спас из плена своего брата Исаака и обратил на себя внимание царя Михаила. По случаю возмущения кесаря Иоанна Дуки и предводителя норманнского отряда Урселя в 1073 г. Алексей в звании стратопедарха был отправлен на Восток уже с самостоятельным поручением. Говорят, что этим назначением, которое было не по душе матери Алексея Комнина, равно как назначением Исаака Комнина дукой Антиохии, т. е. самой отдаленной области, тогдашний временщик Никифорица имел намерение удалить Комнинов из столицы, так как их авторитет казался ему опасным²⁸. Но Алексею, несмотря на незначительные силы, удалось лишить Урселя союзников и неожиданно захватить его в плен. Этим делом он заслужил большую славу, так что имя братьев Комнинов начало пользоваться известностью и авторитетом в больших кругах.

Вновь Алексей выступает на сцену во время одновременного на западе и востоке бунта, поднятого Вриеннием и Вотаниатом. В то время Комнины занимали уже весьма почетное место, и царствующая семья Дук испытывала такое затруднительное положение, что пошла навстречу Комнинам и искала вступить с ними в родственную связь. Тогда именно внучка кесаря Иоанна Дуки, дочь Андроника Ирина, была сосватана за Алексея. Этим браком соединялись две наиболее аристократические семьи империи и определялись на ближайшее время политические судьбы государства. Мать Алексея была против этого брака, «так как питала старинное нерасположение к дому кесареву»²⁹. Подозрительно смотрел на это сближение и царь Михаил,

Но все препятствия были превзойдены, и бракосочетание состоялось в конце 1077 или в начале 1078 г. Уже после этого брака Алексею была поручена важная задача усмирения возмущения, поднятого во Фракии братьями Иоанном и Никифором Вриенниями. Выше мы видели, как первый, подступив к Константинополю, ошибся в своих расчетах на легкую победу и должен был отступить на дорогу между Ираклией и Константинополем (Афира), где Алексей Комнин вместе с Урселем нанес ему поражение. Но положение дел приняло весьма дурной оборот, когда в это же время начал в Азии восстание Никифор Вотаниат. Имея сан куропалата и стоя во главе фемы Анатолика, Никифор обладал большим военным и политическим тактом и повел дело гораздо осмотрительней, чем его западный сотоварищ. В пользу его было и то обстоятельство, что успехи турок-сельджуков в Малой Азии вполне поколебали авторитет правительства и что надежда на перемену политических обстоятельств и обещанная им защита против варварских наездников привлекли на его сторону и крестьянское население, и местное дворянство. Вотаниат, кроме того, послал преданных ему людей в столицу, где было также много недовольных правительством Михаила Парапинака, обещая населению разные милости, если оно станет на его сторону. Таким образом, еще находясь на пути к столице, он успел составить себе большую партию в духовенстве, в сенате и между высшими классами населения. К числу искусных мероприятий, которыми обеспечивался успех Вотаниата, было и то, что он имел в своем распоряжении самую крупную тогда военную и политическую силу Малой Азии — турок-сельджуков, с которыми состоял в союзе. В октябре 1077 г. Вотаниат был провозглашен царем войсками, но не спешил занять Константинополь, хотя и там имел много преданных ему людей. Видя безнадежность сопротивления, Алексей Комнин дал царю совет отказаться от власти в пользу своего брата, порфирородного Константина. Но этот последний предпочел признать своим государем Вотаниата, ему последовал и Алексей. Тогда Вотаниат занял Константинополь и 3 апреля 1078 г. был коронован патриархом. Положение Вотаниата на престоле хотя облегчалось тем, что его предшественник добровольно отрекся и постригся в Студийском монастыре, но представляло и обратную сторону, так как он не имел связей с царствовавшей династией и не мог похвалиться высоким родством. Поэтому нужно считать

исключительно политическим расчетом брак его с царицей Марией, супругой Парапинака, к заключению которого были большие препятствия, так как был еще жив Михаил VII. Алексей Комнин был щедро вознагражден за признание Вотаниата царем, он назначен великим домостиком схол и получил сан нобилиссима. Свое доверие Комнину Вотаниат выразил в особенности тем, что поручил ему главное начальство над войском, отправленным на запад против Никифора Вриенния.

Вриенний продолжал держаться во Фракии, находя приверженцев среди местного населения, и отверг неоднократные предложения со стороны Вотаниата, обещавшего ему приобщение к власти посредством акта усыновления и амнистию для всех участников возмущения. Но так как все предложения были отвергнуты, Алексей Комнин выступил против него с войском, нанес ему поражение и взял его в плен. Этим, однако, не окончилось поднятое на западе движение; дело Вриенния продолжал Васибеки, его преемник по управлению Драчем, который, опираясь на албанские и норманнские наемные отряды, овладел Фессалией и Эпиром и дошел до Солуни. Прежде чем Алексей Комнин успел возвратиться в столицу после победы над Вриеннием, ему вместе с пожалованием сана севаста отдан был приказ идти на Солунь. И на этот раз ему удалось одержать победу над отрядом самозванца, запереть его в Солуни и наконец взять его в плен. По приказанию Вотаниата тот и другой самозванцы подверглись ослеплению. Было бы в высшей степени утомительно следить в подробности за дальнейшими выражениями недовольства центральным правительством и за появлением новых смут в войске и среди населения в провинциях. Только что усмирена была Фракия, против Вотаниата объявился новый претендент в лице Константина Дуки, брата Михаила VII, но скоро его выдали царю его собственные приверженцы, и его постигла обыкновенная тогда участь претендентов — пострижение в монахи и ссылка. Наконец, в Малой Азии произошло более серьезное движение в конце 1080 г. Это был новый претендент на царскую власть по имени Никифор Мелиссин, находившийся в родстве с Комнинами по браку с Евдокией, сестрой Алексея. Когда вновь Вотаниат предложил Алексею стать во главе войска и идти на восток для усмирения поднятого Мелиссином движения, последний просил освободить его от этого поручения, ссылаясь на узы родства с бунтовщиком, могущие подать повод к невыгодным для него слухам и выводам. Здесь в первый раз получают несколько более определенные указания на политические воззрения будущего основателя династии Комнинов. Хотя сведения нами черпаются из такого источника, который не может не быть пристрастным к Алексею, именно из истории Анны Комниной и Вриенния, известного кесаря, сына того бунтовщика, который вооружился против Вотаниата, и вместе с тем зятя царя Алексея посредством брака с принцессой Анной, который вполне сделался сотрудником Алексея в укреплении на престоле династии Комнинов, тем не менее из рассмотрения внутренних событий того времени получается возможность до некоторой степени понять настроения семьи Комнинов.

Никифор Вотаниат не сумел воспользоваться своим положением, чтобы расположить к себе провинции и население Константинополя. Он опустошал государственную казну на выдачу наград и подарков своим приверженцам, но когда не стало средств, то возбудил против себя недовольствие тех, которые не успели воспользоваться его щедростью. Кроме того, Вотаниат подорвал свою популярность в духовных сферах и в народе двумя неосторожными поступками: во-первых, своим браком с императрицей Марией, что помимо всего прочего было его третьим браком, возбраняемым Церковью, во-вторых, устранением от наследства сына Михаила VII, порфирородного Константина. Еще податливая набожность могла бы помириться с нарушением канонов, но вопросы династические очень крепко держались в сознании, и нарушение прав законного наследника престола считалось таким важным преступлением, что даже Алексей Комнин воспользовался им в проведении своих планов к завладению империей. Итак, Вотаниат

не удовлетворял ни военное сословие, ни духовенство, ни народ, оттого такое тревожное время переживала империя в его царствование. Между тем Комнины в лице Исаака и в особенности Алексея достигли к тому времени высших служебных степеней и прославились, в особенности младший из них, победой над турками и искусными действиями против самозванцев. Кроме всего прочего Алексей Комнин, сочетавшись браком с Ириной Дукеной, вошел в интересы устраненного Вотаниатом дома Дук и, так сказать, принял на себя заботу о восстановлении его прав. Не будем входить в оценку факта, сообщаемого царевной Анной, что будто Борил и Гермак — оба славянского происхождения, пользовавшиеся особым доверием Вотаниата, — проникли в планы Комнинов и, считая их весьма опасными по известности и обширным связям, задумывали заблаговременно взять их под стражу и ослепить, — нам кажется, что нет необходимости прибегать к этому объяснению для оправдания мотивов открытого выступления Комнинов на путь военного возмущения, ибо ход дел хорошо был подготовлен заранее и медлить с выступлением было слишком опасно. У той же писательницы можно найти ключ к выяснению подготовительных средств к задуманному Комнинами перевороту, в котором, конечно, немалая доля участия принадлежала матери их, Анне Далассине. Царица Мария очень благоволила к Алексею, и последний был духовно ею усыновлен. Между женской половиной дворца и Комнинами установились весьма близкие связи, впоследствии даже говорили, что императрица была равнодушна к молодому севасту и сблизилась с ним. У царицы была заветная мысль видеть на престоле после Вотаниата сына своего Константина, эту мечту поддерживал в ней и Алексей и до некоторой степени давал если не обязательства, то положительные обещания в этом смысле. В истории цесаревны Анны находим следующее место³⁰:

«После наречения Алексея царица и мать его Мария обратилась к нему с просьбой дать ей скрепленное красными чернилами и золотой печатью письменное ручательство в том, что ее и сына ее не только не тронут, но что последний будет соцарствовать Алексею, носить красную обувь, возлагать на себя венец и провозглашаться вместе с ним как царь. И в этой просьбе ей не отказано. Говорили даже, что царица еще до восстания Комнинов заключила эти условия и требовала, чтобы так было поступлено с ее сыном».

Весьма вероятно, что в связи с теми же предварительными соглашениями стоит и тот довольно странный факт, что супруга царя Алексея, Ирина, долго не была провозглашена августой и короновалась после царя Алексея. В связи с тем же обстоятельством должно объяснять и обручение царевны Анны с Константином. Указанные соглашения и обязательства, проложившие Комнинам дорогу к трону, впоследствии потеряли, однако, силу и были отменены.

Окончательная развязка не заставила себя ждать. Никифор Вотаниат, находясь в преклонных летах и не имея собственных детей, желал передать наследство в свою боковую линию, в род Синадинов, которые оказали ему помощь в его стремлении к царской власти. Так как этот план, который не мог долго оставаться в секрете, шел вразрез с намерениями царицы Марии, уже получившими довольно основательно поддержку в ее многочисленной партии, и весьма сильно затрагивал интересы Комнинов, то нужно полагать, что окончательный план дальнейших мероприятий был выработан именно для противодействия намерениям Вотаниата. Тогда Комнины могли предложить царице свой план, при осуществлении которого один из них вступит на престол и приобщит к власти ее сына Константина, обеспечив ей весь почет и влияние, на какое имела право царица и мать царя. С своей стороны царица Мария должна была предоставить Комнинам всю поддержку, весь авторитет и влияние, каким могли располагать в империи Дуки.

Задуманный Комнинами переворот мог быть с успехом осуществлен, между прочим, и

потому, что Алексей в качестве великого домашнего, т. е. главнокомандующего армией, мог опираться на военную силу, от которой всегда зависел успех политических переворотов. Зимой 1081 г. правительство было напугано успехами турок-сельджуков, захвативших Кизик, и назначило Алексея Комнина в поход для освобождения этого важного города. В то же время Комнинов уведомили преданные им люди из дворца, что против них созрел замысел Борила и Гермака и что им угрожает ослепление. Это было 14 февраля 1081 г., тогда европейские фемы были на пути к Константинополю и великому домашнему предстояло вступить в командование ими и переправиться в Азию. Заручившись содействием и согласием армянина Пакуриана и норманна Убертопула пристать к военному бунту, Алексей вместе с братом своим Исааком и с другими участниками заговора собрались во Влахернском дворце для последних решений и, захватив коней в царской конюшне, рано утром поспешно отправились к сборному месту войска³¹.

«Была ночь сырного воскресенья, когда мой отец задумал это, а рано на следующее утро он вышел из города. По сему случаю народ сложил песенку: «В сырную субботу ты задумал это, любезный Алексей, а на другой день рано поутру я сказал: «Прекрасно, мой сокол!»

Сборным пунктом было Чорлу, неподалеку от Константинополя, куда собрались заговорщики, во главе коих был кесарь Иоанн Дука, который явился с отрядом нанятых им на службу турок и с членами рода Дук, в котором занимал первое место. Между более знатными заговорщиками нужно еще упомянуть Георгия Палеолога. Прежде всего был решен вопрос о провозглашении царя, и в этом смысле кесарь Дука своим голосом дал перевес Комнинам. Когда на Алексея была надета красная обувь и царское облачение, Дука первый приветствовал его от имени собравшихся.

Новое возмущение во Фракии поставило Вотаниата в отчаянное положение. В Азии войска следовали за Никифором Мелиссином и подошли к Босфору, находясь в нынешнем Скутари, у мыса Дамали. В столице он (Вотаниат) не мог располагать значительными военными средствами, которые бы позволили ему выдерживать продолжительную борьбу с двумя соперниками, окружившими Константинополь. Следует здесь припомнить, что Мелиссин и Алексей Комнин находились в родстве и легко можно было подумать, что они задумали общее дело.

На самом деле, однако, этого не было, так как Алексей не согласился на сделанное ему от Мелиссина предложение разделить власть над востоком и западом и старался завладеть Константинополем, прежде чем войти в какие-нибудь обязательства по отношению к восточному претенденту на царство. Приблизившись к столице в конце марта 1081 г., Алексей, не прибегая к осаде, вступил в тайное соглашение с начальником немецкого отряда, охранявшего башню при воротах Харисиевых (Адрианонопольские), который условился сдать Комнину защищаемую им башню и ворота. 1 апреля Алексей овладел воротами и главной улицей, ведущей через площадь св. Апостолов и площадь Тавра к церкви св. Софии. Малодисциплинированное и состоявшее из отрядов разного происхождения войско Комнина рассеялось по главным улицам и начало беспощадный грабеж и избиение. Это был очень критический момент для счастливого претендента, но им не воспользовался слабый и нерешительный Вотаниат. Он думал вступить в переговоры с Мелиссином и, опираясь на часть флота, мог бы еще справиться с нестройным ополчением Комнина, но ему изменил отец Палеолога, бывшего в числе приверженцев Комнина, и убедил моряков перейти на сторону Алексея. Чтобы спасти хотя тень власти, Вотаниат предложил Алексею усыновление и приобщение к власти, предоставив ему действительное управление, оставляя себе лишь царский сан и внешний почет. Но и это унижение не помогло. Ход дел направлялся в пользу Алексея Комнина, так как на его стороне оказался не только самый почетный представитель фамилии

Дук, кесарь Иоанн, но и современный описываемым событиям патриарх Косьма I. Вотаниат покинул остававшихся еще на его стороне немногих приверженцев и в храме св. Софии объявил об отречении от престола. Пострижение в монашеское звание он принял в монастыре Перивлента. В первый день Пасхи, 4 апреля, Алексей занял Большой дворец и венчался императорским венцом, положив начало знаменитой династии, занимавшей престол сто с лишком лет.

Глава 3. Северная и восточная границы империи. Печенеги и Турки-Сельджуки

Вместе со вступлением на престол основателя династии Комнинов мы дошли до того периода, который развивался главнейше под воздействием турецко-татарского напора, охватившего империю одновременно с севера и востока. В Европе и Азии Византия окружена была, как железным кольцом, различными народами и племенами, принадлежавшими к одному и тому же корню, которые притом же в большинстве были связаны магометанским исповеданием. И нельзя не поставить этого на счет византийскому правительству, которое вследствие близорукости и часто крайне нетерпимой политики своими же собственными руками разрушало равновесие на границах, столь тщательно оберегаемое Константином Порфирородным. Теория образования заслонов или таких территориальных групп, которые бы служили обороной границы и имели интерес отстаивать империю против враждебных нападений со стороны, произошла не в новое время. Напротив, на ней уже в средние века основывались отношения между большими империями и государствами. Но в занимающее нас время империя подвергалась большой опасности именно вследствие того, что подобные заслоны оказались сдвинутыми со своего места или даже разрушенными, как на северных границах в Европе, так и на востоке, в Азии. Беспощадное истребление Василием II своих соседей болгар и присоединение покоренной Болгарии к империи не только обнажило северную границу византийского государства, но и поставило его в соседские отношения с кочевыми, не культурными народами, от соприкосновения с которыми прежде оберегала империю Болгария. Следствия греко-болгарской войны не могли обнаружиться во всех подробностях в ближайшее время после Василия II. Но в занимающий нас смутный период смены лиц на престоле и появления на западе и востоке многочисленных самозванцев дунайская граница сделалась театром крупных событий. Важные дунайские города Силистрия, Видин и Месемврия, которые прежде представляли органическую и постоянно обновляющуюся силу, заимствуемую в населенных славянами окрестных областях, с падением Болгарского царства утратили свое положение и силу и сделались легкой добычей диких наездников, прибывавших из южнорусских степей. Факт громадной исторической важности, который нам нужно здесь отметить, состоит в том, что освобожденные от болгар позиции не были заняты греками и не могли быть вполне замещены колонистами из Азии, к чему стремилось правительство, а сделались добычей печенегов, а за ними половцев, или куман, и узов. Под разными этнографическими именами мы имеем здесь кочевые племена с одинаковыми дикими нравами, с хищническим образом жизни и с одинаковым языком. В XI и XII вв. они становятся страшным врагом империи, который не находил на Балканах никакой преграды для своих опустошительных набегов на Фракию и которого жестокость и дерзость, останавливаемая лишь стенами Константинополя, и в том имела для себя еще поощрение, что печенежские и половецкие наезды на Балканском полуострове были откликом на одновременные походы турок-сельджуков в Малой Азии.

Значение одновременного движения на Византию турецко-татарских народов Европы и Азии с особенной силой выдвинуто в прекрасном исследовании Васильевского «Византия и печенеги»³² которое остается руководящим в этом вопросе. Печенеги появляются в византийских областях на юг от Дуная в конце первой половины IX в. и производят с тех пор такое сильное давление на Балканский полуостров, что Фракия и Македония до самой Солуни постоянно подвергались их наездам и опустошениям. Занимая южнорусские области от Днепра до Дуная, печенеги потеснены были племенем узов, принадлежавшим к другой кочевой орде, и

сделали попытку искать новых мест обитания у устьев Дуная.

В самой печенежской орде тоже происходили раздоры между ханами отдельных колен. Кеген и Тирах находились в непримиримой вражде, последний, однако, владея одиннадцатью коленами, был гораздо сильнее своего противника, под властью которого было лишь два колена печенежской орды, и заставил Кегена искать прибежища за Дунаем, в пределах византийского императора. По свидетельству историка Кедрина, численность орды Кегена доходила до 20 тысяч. Император Константин Мономах приказал дать им свободу поселиться в пределах империи, снабдить продовольствием, а предводителя их препроводить в Константинополь. Желая обласкать Кегена, император пожаловал его званием патрикия, а этот последний изъявил желание креститься и побудить к тому же свою орду. Из принятой на службу империи орды, поселенной в Северо-Восточной Болгарии, образован был заслон для защиты империи частью от родственных Кегену задунайских хищников, частью от Руси. Послан был к печенегам проповедник в лице монаха Евфимия, окрестивший многих из них. Но это не смягчило нравов обращенных дикарей, они продолжали делать набеги на своих сородичей за Дунаем и вызвали последних к решительным действиям. Зимой 1048 г., когда Дунай покрылся льдом, Тирах со всей ордой численностью в 800 тысяч переправился через Дунай и напал на своего давнего врага, который даже и с помощью византийских стратигов не мог противостоять громадным отрядам печенежской конницы. Но на помощь христианской армии пришли болезни, бывшие следствием невоздержанности печенегов. Пользуясь тем, что в лагере было уныние по случаю эпидемических болезней, греки напали на печенегов и без труда завладели их становищем. Громадная орда военнопленных печенегов была поселена поблизости от Сардики (София) и Ниша. Тирах вместе с толпой знатных был отведен в Константинополь, где принял христианство и пожалован высоким саном.

Печенежская орда, поселенная на Балканском полуострове, скоро начала играть важную роль в военных предприятиях империи. Услугами своих новых подданных император воспользовался с целью отражения напора турок-сельджуков в Малой Азии. Судьба 15-тысячного отряда печенегов, во главе которого стояли ханы Сульчу, Сельте, Караман и Каталым, настолько любопытна для характеристики чрезмерной близорукости правительства Константина Мономаха, что на ней следует остановиться. Печенеги, переправленные в Скутари, по-видимому, были предоставлены самим себе. Здесь их охватило раздумье перед трудностями отдаленного похода, и они пришли к решению возвратиться назад к своим соплеменникам. По этому поводу рассказывается, что Каталым первый бросился на своем коне в Босфор, ему последовали и другие, и таким образом печенеги благополучно переправились на европейский берег пролива, вероятно, в более узком его месте, где ширина его не более полуверсты. Любопытно, что правительство не приняло мер к задержанию их и предоставило им свободу возвратиться к своим поселениям близ Средца и Ниша, где они подняли беспокойное движение среди своих соплеменников и побудили их искать новых мест для поселения. Это сопровождалось большими смутами на Балканском полуострове, где печенеги заняли господствующее положение и не признавали власти императора. К стыду империи, призванные против печенегов восточные войска были разбиты и обращены в бегство. Целых два года они хозяйничали во Фракии и Македонии, возвращаясь с богатой добычей в свои становища. Летом 1050 г. наезды печенегов простирались до Адрианополя, где стратиг Константин Арианит собрал значительные силы в укрепленном лагере. Но и здесь, несмотря на осторожность вождя и надежную военную базу в Адрианополе и его окопах, византийское войско потерпело полное поражение, причем сам предводитель греческого войска был взят в плен и погиб в жестоких мучениях³³. Одержанная победа придала печенегам новую энергию, они рассеялись по окрестным местам, везде внося грабеж, опустошение и производя большой полон. Отдельные их

шайки доходили до стен Константинополя и ставили императорское правительство в крайне затруднительное положение.

Как ни опасно было совершенно обнажать от охраны азиатские провинции, но Мономах решил потребовать оттуда последние войска и поручил их Никифору Вриеннию, рекомендуя ему, однако, не ставить на карту последние средства и без крайней необходимости не вступать с печенегами в открытое сражение. В то время как Вриенний очищал от печенежских разъездов адрианопольскую область, патрикий Михаил, носивший звание аколуфа, т. е. начальника варяжских дружин, занял оборонительное положение на юго-западе, близ Родосто. Здесь ему удалось сделать на отряд печенегов неожиданное нападение и почти без остатка истребить его. Затем оба предводителя начали действовать совместно и разбили еще две печенежские шайки. Но только в 1053 г. Мономах решил перейти в наступление против этого страшного и упорного врага и, завладев балканскими проходами, укрепиться в Преславе. Но это предприятие окончилось бесславным поражением, нанесенным византийскому войску в ночном бою. Удрученное печальными невзгодами настроение современников выражается в следующем замечании писателя: «Очевидно, не согласно с Божественным Промыслом поголовно истребить целый народ и вычеркнуть из числа предустановленных им хотя бы один язык»³⁴. Пришлось прибегнуть к подкупу и подаркам и купить у варваров мир дорогими уступками. В царствование Исаака Комнина в 1059 г. печенеги вновь заставили говорить о себе; против них, однако, выступил на этот раз сам царь и нанес им ряд поражений в Северо-Восточной Болгарии. Следствием похода Исаака было фактическое восстановление власти империи на дунайской границе, что выразалось, между прочим, в назначении будущего императора Никифора Вотаниата для управления придунайскими крепостями.

Но южнорусские степи продолжали выставлять к Дунаю новые орды кочевников, которые подкрепляли свежими силами печенежских колонистов в Болгарии. К 1064 г. относится известие о появлении на Дунае орды узов, которая в числе 600 тысяч угрожала переплыть Дунай и вторгнуться в имперские владения. Бывшие на Дунае гарнизоны оказались недостаточны для принятия серьезных мер против узов, о дунайской флотилии, которая бы могла воспрепятствовать переправе через Дунай, совсем нет упоминаний; на челноках, выдолбленных из древесных стволов, и на кожаных мешках с соломой, привязанных к хвостам коней, узы переправились на византийский берег. Громадная орда, не находя достаточного корма для себя и лошадей, рассеялась по дунайской равнине и простерла опустошительные набеги до Солуни и Греции. Император Константин Дука обратился к переговорам и обещаниям больших даров, если узы прекратят опустошения и возвратятся назад. Несколько знатных узов пришли в столицу и были обласканы вниманием и почестями. Но это не помогло. Жажда наживы и прокормления, которого не было достаточно в опустошенной Болгарии, гнала узов далее на юг и запад. Фракия и Македония представляли им более приманки. В Константинополе опасность от узов вызвала крайнее смущение и страх, под влиянием которого появилась мысль о переселении в Азию. Объявлен был всеобщий пост и покаяние, народ желал умиловить небесное правосудие молитвами и процессиями с иконами. Скоро стали приходить вести, вселившие надежду на улучшение дел. Часть узов ушла обратно, за Дунай, а между оставшимися распространились повальные болезни, начался голод и лишения. На ослабевших врагов стали делать нападения печенеги и болгары и легко уничтожали их и забирали в плен. Много пленных узов поступило на византийскую службу или поселилось на свободные места в Македонии. Так, много этнографической помеси постепенно вводилось в Болгарию и Македонию. В 1068 г. первого января вступил на престол Роман Диоген, с именем которого связаны удачные предприятия против печенегов, когда он был дукой Средца. Первой его заботой было походами на Восток против сельджуков завоевать себе сочувствие в народе и в больших кругах общества.

Но так как состояние военных сил империи было доведено до крайней степени ослабления, то император полной рукой брал из того неиссякаемого источника, который представлялся в варварской иммиграции на Балканский полуостров. Роман воспользовался для своих походов на Восток отрядами печенегов и узов, которые оказали ему громадную услугу в качестве образцовой конницы, употребляемой для добывания припасов, для необходимых разведок и разорения неприятельской страны. Это чуть ли не в первый раз в обширных размерах применена была система войны с турецкими племенами при посредстве турецко-татарских дикарей. Как неосмотрительна была эта мера, показали ближайшие события.

«Участники походов Романа, — пишет Васильевский³⁵, — наблюдая вблизи своих новых товарищей в их стычках с турками-сельджуками, поражены были близким родственным сходством тех и других: та же безобразная наружность, те же крики, те же военные ухватки. Когда турецкая конница напала на узо-печенежский стан, то греки теряли всякую возможность разобрать, кто их союзники и кто неприятель, только привычный глаз мог при близком сходстве отыскать внешние признаки отличия. Следовало опасаться, что, несмотря на византийское золото и ткани, скифы не останутся глухи к голосу крови, узнают в турках своих братьев и передадутся на их сторону. Перед самой роковой битвой, которая кончилась пленом Романа, целый отряд узо-печенежский ушел в лагерь врагов».

Печенеги и узы составляли весьма ненадежный элемент населения. Должно было смениться несколько поколений, прежде чем потомки Кегена и Тираха отвыкнули от обычаев кочевой жизни, примутся за сельское хозяйство и смешаются с местным населением. А пока этого не произошло, на Дунае происходил обмен разных племен и языков. За печенегами и узами шли сюда половцы, весьма также вероятны поселения на Дунае и русской вольницы под именем «бродников». На долю византийского правительства выпадала задача культивировать пастушеские племена и бродячие толпы и — что в особенности важно — знакомить между собой разные ветви турецкого племени и этим готовить себе весьма серьезные затруднения в ближайшем будущем. При Михаиле VII на Дунае образовалось самостоятельное княжение под властью некоего Татуша печенежского происхождения, который не только не оказывал подчинения катепану Нестору, но и принудил его вступить с ним в соглашение и идти с войском печенегов на Константинополь. Нет ничего удивительного, что в смутную эпоху, предшествующую вступлению Алексея Комнина на престол, печенеги не стояли вне движения, охватившего Балканский полуостров. Никифор Вриенний уплатил им громадную сумму в 20 кентинариев золота и должен был воспользоваться их услугами в борьбе с правительством Михаила VII и сменившего его Вотаниата. В этой борьбе принимали участие и половцы, в первый раз тогда вошедшие в византийскую летопись³⁶. Таким образом, до самого конца XI в. Дунай оставался во власти разноплеменной вольницы, которая сменила здесь прочный порядок времени Болгарского царства. В этом сказался один из печальных результатов истребительной войны Василия II.

Еще более опасности представляла восточная граница государства. Нигде падение военного могущества империи не обнаружилось в такой жалкой степени, как в Малой Азии, где империя с систематической последовательностью отступала перед новым врагом. Мы видели выше (т. II, отд. V, гл. 32), что турки-сельджуки начали пролагать новые пути для своей истории с XI в. Свергнув власть эмиров из племени Бунда, они с течением времени освободились из-под зависимости от калифа и сохранили лишь духовный его авторитет. Сельджуки повторили в истории мусульманства героическую эпоху VII в. и скоро столкнулись с имперскими пограничными гарнизонами. Первые пограничные недоразумения возникли в Армении, где напор турок-сельджуков вызвал желание отдаться под покровительство христианской империи. Таков был Сеннахариб, царь Васпураhana на озере Ван, который уступил империи свои

владения в обмен на города Севастию, Лариссу и некоторые другие местности. Византия постепенно укрепляла свое влияние в Армении, и при Константине Мономахе в 1046 г. сделано было последнее приобретение от царя Какига II, уступившего империи свою столицу Ани и получившего за это несколько городов в соседней феме. Здесь империя допустила такую же ошибку, как и с разрушением Болгарского царства, ошибку тем более непростительную, что армянские цари никогда не претендовали вести самостоятельную против империи политику и в то же время постоянно служили хорошим заслоном против кочевых народов, которыми так обильны были Хива, Бухара, Туркестан и другие области Центральной Азии.

Едва завершены были последние мероприятия по приведению Армении в зависимое положение, как империя должна была принять на свою ответственность борьбу с турками, которых до сих пор держала на расстоянии свободная Армения. Непосредственные столкновения здесь начинаются в 1048 и 1049 гг., при Константине Мономахе. Султан Тогрул-бег, завоевавший к тому времени всю Персию, послал Ибрагима и Кетельмуша в византийскую Армению с целью грабежа и опустошений. Это заставило царя послать к султану послов с предложением о мире, но пограничные столкновения становились так неизбежны, что мир не мог быть прочным. Племянник султана Кетельмуш, выступивший против ибн-Бедрана, владетеля Мосула, был им побежден и на обратном пути не мог миновать Васпурахан, в котором находился катепан патрикий Стефан Лихуд. Хотя Кетельмуш просил разрешения для своего отряда свободного прохода под условием не нападать на население и удержаться от всяких насильственных действий, тем не менее катепан принял его предложение недружелюбно и заставил турок принять открытое сражение, в котором, однако, византийское войско было разбито и Лихуд попался в плен³⁷. Чтобы отомстить за это поражение, султан послал отряд в 20 тысяч человек с поручением занять Васпурахан и присоединить его к турецким владениям. Предводитель отряда Асан внес пожары и опустошение в соседнюю с Арменией Юго-Западную Грузию, где управление находилось в руках веста Аарона, происходившего из рода болгарских царей. Не будучи в состоянии отразить нашествие, он дал знать об опасности Катакалону Кекавмену, правителю Ани, и просил его помощи. На этот раз византийский предводитель воспользовался военной хитростью, завлек турок в засаду и нанес им страшное поражение. Но Тогрул-бег, получив весть об этом новом несчастье, составил отборное войско до 100 тысяч и поставил его под власть Ибрагима, своего брата. «Как голодные волки», по выражению армянского историка, они набросились на Васпурахан. Катакалон, соглашаясь с мнением Аарона, не решился выступить против сельджукской конницы в открытое сражение, но, заняв часть Грузии, расположился укрепленным лагерем в долине Озуртру, куда должно было прибыть вспомогательное войско под предводительством Липарита. По этому поводу следует вспомнить известие писателей Скилицы и Глика, что Грузия содержала прежде 50 тысяч войска с целью защиты против азиатских хищников, но что Мономах переложил эту натуральную повинность на денежную и тем лишил восточную границу империи самой крепкой защиты³⁸. Между тем византийское войско в ожидании вспомогательного отряда, который должен был привести Липарит, не приняло сражения в Васпурахане и отступало в гористые места, куда был труден доступ для турецкой конницы. Пользуясь этим, Ибрагим бросился в Верхнюю Армению и овладел столицей этой страны, Эрзерумом, очень богатым и торговым городом, где, по словам Матфея Эдесского, совершалось богослужение в 800 церквах. В стенах взятого уже города турки еще шесть дней должны были вести отчаянную борьбу с жителями. При взятии этого города погибло до 150 тысяч жителей или от меча варваров, или в пламени своих жилищ. Понадобилось 10 тысяч телег, чтобы нагрузить на них взятые в городе сокровища. Это было, по словам патриота, настоящее начало бедствий Армении, Эрзерум был первой жертвой, погибшей в этом крушении! Нынешний Эрзерум, или древний Феодосиополь, возник после падения

первого Эрзерума, или Арзена. Разрушив и разграбив город, Ибрагим пошел навстречу византийскому войску, которое с прибытием подкреплений оставило гористую местность и перешло в долину Пазек, где укрепились поблизости укрепления Габудру³⁹. Здесь произошла ожесточенная битва между имперским войском и турками в 1042 г., в сентябре месяце. Хотя победа была на стороне византийцев, но они, потеряв одного из вождей в лице Липарита, сочли за лучшее не преследовать врага, а возвратиться на прежние стоянки, Аарон на озере Ван, а Катакалон в Ани. Несмотря на благоприятный для греков результат сражения при Габудру, Константин Мономах вступил в переговоры о мире, которые, однако, не привели ни к чему, так как султан отнесся слишком высокомерно к предложениям греческих послов. В это именно время, когда Ибрагим опустошал армянскую область Васпурахан, Мономах задумал воспользоваться против турок печенегами и отправил на восток 15-тысячный отряд под предводительством Сульчу, Сельте, Карамана и Каталыма, о чем мы говорили выше⁴⁰.

Нужно думать, что несколько лет затем турецкий султан не предпринимал новых наступательных действий по случаю внутренних смут в его владениях. Но в 1053 г. вновь возобновились военные столкновения сначала в Грузии, куда Тогрул-бег направил часть своих войск, а потом в Армении, где сосредоточились на осаде Манцикерта, неподалеку от Карса. Это был весьма укрепленный город, снабженный большими военными запасами и продовольствием. Осада его представляла большие трудности, тем более что он защищаем был известным византийским вождем, патрикием Василием Апокапом. Ввиду непредвиденных трудностей Тогрул-бег отделил часть из своего отряда для опустошения окрестностей. Этим временем воспользовались осажденные, чтобы снять посевы, «ибо было время жатвы». Если бы султан, говорит армянский историк⁴¹, еще десять дней оставался бы на месте, то он завладел бы Манцикертом. Опустошительные набеги простирались до Абхазии при подошве Кавказа и до Байбурта на истоках Чороха. Один из турецких отрядов захватил крепость Каре.

Между тем сам Тогрул-бег снова начал осаду Манцикерта. Действие приставленных им стенобитных машин было ослабляемо принятыми мерами со стороны двух искусных механиков, из коих один был армянин, другой же франк. Патрикий Василий зачислил в ряды защитников всех граждан, не пренебрегая трудом ни женщин, ни мужчин, всех воодушевляя своим примером и обещанием царских милостей. Духовенство по требованию патрикия совершало ежедневные моления и при помощи церковных «бил» призывало верных к молитве. Матфей Эдесский приводит рассказ о чудесном изобретении одного священника, посредством которого неприятельские снаряды, пускаемые их машинами, встречали на своем пути ответные византийские и были возвращаемы назад. Наконец, из Битлиса была доставлена колоссальная машина, требовавшая участия 400 человек прислуги, чтобы пустить ее в ход. Первым же каменным снарядом, из этой машины пущенным, была пробита стена, так что осажденные приведены были в крайнее смущение. Тогда патрикий Василий приказал объявить в городе, что если бы нашелся кто из городских жителей, который бы поджег эту дьявольскую неприятельскую машину, то ему бы дана была большая награда, а в случае его смерти — его семейству. Нашелся в городе один смельчак в лице франкского механика, который приготовил три сосуда с быстро воспламеняющимся составом, вышел из города в качестве вестника, имевшего передать поручение в неприятельский стан, и, будучи пропущен через первые ряды неприятелей, приблизился к машине. Быстро выбросив один из сосудов, он воспламенил часть машины, потом другим и третьим сообщил пламя всему сооружению. Все это произошло так быстро, что он имел время спастись на коне к стенам своего города. Тогрул-бег приведен был в отчаяние и уже хотел снять осаду, но один из подчиненных ему вождей, Алхан, попросил разрешения остаться еще на один день под городом и дать ему возможность еще раз напасть на стены. Он выбрал для этого часть самую слабую и начал ожесточенный приступ против

городских ворот. Но благодаря личной храбрости патрикия и эта последняя попытка окончилась полнейшей неудачей для султана. Неудачная осада Манцикерта, потребовавшая от турок больших жертв, составляет один из отрядных эпизодов в военной истории Византии за это время. Султан, сняв осаду, дал себе слово возвратиться под Манцикерт на будущую весну с новыми силами.

Между тем события складывались весьма благоприятно для усиления могущества турок-сельджуков. В 1055 г., когда Мономах уже не было в живых, в судьбе Тогрул-бега и турок-сельджуков произошла громадная перемена. Слабый калиф ал-Каим нашелся вынужденным пригласить в Багдад Тогрул-бега и поставить себя под его военную защиту. Султан дал присягу на верность Аббасидам и вместе с тем получил инвеституру на все владения, завоеванные турками в Азии. Вместе с короной и почетной саблей он удостоен был титула «царя Запада и Востока», а в 1063 г. женился на дочери калифа. После 1054 г. турецкие походы продолжались ⁴² с прежней настойчивостью, причем кроме самого Тогрул-бега встречается имя Салара, или правителя Хорасана, под которым разумеется племянник Тогрул-бега, знаменитый в последующей истории Альп-Арслан, вступивший на престол в 1063 г. Теперь уже турки не ограничивались нападениями на Грузию (Иверия) и Армению, но опустошали и собственно византийские области: Месопотамию, Халдию, Мелитену и страну при верховьях Евфрата.

Альп-Арслан продолжал завоевания своего предшественника. Одним из первых его дел было нападение на Ани, столицу Армении, которою управлял тогда дука Панкратий армянского происхождения, вызвавший гнев султана тем, что греческий отряд нанес поражение одной части турецкого войска⁴³. Взяв этот важный и укрепленный город, султан назначил для управления им турецкого эмира и сделал его опорным пунктом для своего дальнейшего движения против Византии. Ход событий рисуется из того положения, которое заставило владетеля Карса отказаться от своей области из страха перед турецкими опустошительными набегами и променять ее на несколько византий-городов в Южной Каппадокии: Цаманти, Комана и Ларисса.

Последние годы Константина Дуки на восточной границе происходила нескончаемая война. Турки неудержимо шли вперед, опустошая Месопотамию, угрожая пограничному укрепленному городу Мелитене и доходя до Кесарии, одного из главнейших городов Малой Азии. Ворвавшись в этот город, они разграбили его и лишили сокровищ церковь св. Василия, а потом внесли опустошение в Киликию. Если провести мысленную линию по Малой Азии от запада на восток, так чтобы образовались две равные части, то эта линия должна будет пройти близ Кесарии Каппадокийской⁴⁴. Часть Армении, лежащая к северу от этой линии, большею частью была занята турками или обращена в пустыню. В течение 1063—1064 гг. Альп-Арслан подчинил владетелей армянской Албании, завоевал Грузию и взял приступом Ани. И Карс, уступленный царем Какигом грекам, скоро попал в руки султана. Во всей Северной Армении грекам принадлежали только крепость Манцикерт и небольшая область с городом Феодосиополь на границе Халдии. Что же касается части Малой Азии, лежащей на юг от этой линии, то здесь успехи сельджукских завоеваний не были так значительны. Здесь прежде всего Византия удерживала под своей властью дукат, или княжество, Антиохию, находившееся при Константине Дуке под управлением веста Качатура, происходившего из Ани. В то время как внутренние области Малой Азии с течением времени постепенно делались добычей и театром опустошительных набегов турок, за империей благодаря флоту оставались береговые области Малой Азии и Сирии, и княжество Антиохия, доступное для морских судов по реке Оронту, могло держаться вследствие своевременной доставки морем военных людей и припасов. Кроме Антиохии империя удерживала свою власть над Месопотамией, и, между прочим, здесь ей принадлежала область с городом Эдессой. Хотя со стороны Альп-Арслана были деланы

неоднократные попытки завладеть Эдессой, но она с успехом отстаивала свою независимость при помощи вспомогательных отрядов, присланных дукой Антиохии. Ввиду намеченного положения дел для византийского правительства было первостепенной задачей удержать в своей власти доступы к Месопотамии и Сирии. В этом отношении одно из первых мест принадлежало Кесарии Каппадокийской, затем оборонительной линии от Мелитены до Киликии, которая защищала Сирию и вместе господствовала над проходами Тавра. Значение указанной здесь оборонительной линии весьма хорошо было понято как империей, так и турецкими султанами-сельджукидами. Вот почему на этой линии происходили имеющие всемирное значение военные столкновения между Романом Диогеном и Альп-Арсланом в 1068—1071 гг.

Когда в самом конце 1067 г. неожиданная игра судьбы дала верховную власть Роману IV Диогену, сельджукский вопрос настоятельно требовал неотложных военных мер. Оборонительная линия, о которой выше была речь, оказалась уже прорванной, и турки не встречали больше преград для движения как в собственные области Византии и Малой Азии, так и в Сирию. Если с давних пор помянутые области привыкли к арабскому полону, то сельджуки превосходили арабов беспощадным истреблением культурной и оседлой жизни, как будто все их стремления были направлены к тому, чтобы раз занятая ими страна обращалась на будущее время в привольную степь и пастбище для скота. Таким образом, решение Романа отправиться в поход на Восток через два месяца по вступлении на престол должно быть рассматриваемо как выражение его верного взгляда на политические обстоятельства и честного отношения к принятым на себя обязательствам. Ему, однако, предстояли большие затруднения, так как он не имел готового войска, весьма расстроенного его предшественником, и он не располагал достаточным временем, чтобы собрать и обучить новых ратников. Собрав наемные отряды франков и варягов, которые в XI в. играют большое значение в византийском войске, и присоединив к ним фемные войска из Македонии и Малой Азии, он сделал во Фригии смотр военным силам, какие ему предстояло двинуть против сельджуков.

«Странное зрелище представляли эти столь знаменитые ромэйские воины, храбрость коих подчинила Восток и Запад. Налицо было скромное число мужей, да и то одетых в рубища и удрученных скудостью, лишенных вооружения и вместо мечей и военных снарядов имеющих при себе колчаны и секиры, конники без коней и без прочего вооружения. Давно уже цари не выступали в поход, поэтому у военных людей, как не несших действительной службы, отнято было содержание и денежные выдачи. Они имели робкий вид, не имели мужества и казались не способными ни на какое большое предприятие. И самые знамена, не возбуждавшие громкого крика, мрачные и как бы потускневшие, окруженные незначительным количеством воинов, производили на зрителя тягостное впечатление. Приходило на ум, как дошли до такого состояния ромэйские войска и каких денег и какого труда будет стоить привести их в прежнее состояние: старые и опытные воины не имеют коней и снаряжения, а вновь набранная молодежь не имеет военной практики и опыта. С другой же стороны, неприятель, с которым придется иметь дело, известен своей отчаянной храбростью, настойчивостью, опытностью и искусством. Сознывая все это, император тем не менее ради государственной пользы считал обязательным для себя идти на врага и по возможности ограничить и сократить его сильный напор. Неприятель же, не догадываясь о внутренних тревогах и колебаниях царя, были крайне удивлены его неожиданным движением и прийти к заключению, как об этом мы осведомились после, что царь не имеет никакого понятия об опасности своего предприятия, если мечтает с такими средствами восстановить в прежнем блеске римские дела и нанести поражение своим врагам»⁴⁵.

Приведенная выдержка хорошо знакомит с психологическим состоянием царя перед его

громадной важности военным предприятием, трудности коего он хорошо учитывал. Поход его начался в мае или июне 1068 г., следовательно, он имел в своем распоряжении два или три месяца для необходимых подготовительных мер. Первоначальный план Романа идти на Мелитену и затем спуститься в Месопотамию и Сирию был изменен уже в пути вследствие полученных слухов о том, что турки напали на Неокесарию. Так как это могло угрожать боковым движением против Романа, то он изменил план и поспешил в Севастию и там оставил взятого им в поход Андроника Дуку вместе с отрядом пехотинцев, который считал лишь препятствием для кавалерии и для задуманного им плана нагнать отступавших с добычей турок. Действительно, ему удалось разбить отступавший отряд и освободить захваченных в плен жителей Неокесарии и отнять добычу. Быстрота, с какою был сделан поход, привела в страх турок и окрылила надеждами малоазийское войско, отвыкшее от военных успехов. Возвратившись в Севастию (Сивас) и взяв с собой пехоту, царь направился к Сирии, где на этот раз принял угрожающее положение эмир Алеппо. Оставив часть своего войска для охраны месопотамской области в Мелитене, с другой он прошел через Германикию и Телух к знаменитым горным ущельям, разделявшим Киликию от Сирии. Здесь после серьезного поражения, нанесенного турецкому отряду, пытавшемуся напасть на греков в горных теснинах, Роман вторгся в княжество Алеппо, опустошил его во всех направлениях и взял приступом знаменитый своим храмом Солнца Иераполь, или Баальбек (20 ноября 1068 г.). Желая сохранить этот важный город, находившийся в небольшом расстоянии как от Антиохии, так и от Алеппо, он оставил в нем гарнизон под начальством Фаресмака, сына Апонака⁴⁶. Глубокой осенью, не имея возможности решаться на новые предприятия в этой горной области, царь поспешил в Киликию, чтобы сесть на корабли и возвратиться в Константинополь. До какой степени смелости доходили сельджуки и как мало обращали они внимания на греков, видно из того, что в это же время один турецкий отряд дошел до Амория, лежащего на пути между Кесарией и Константинополем, ограбил этот город и увел из него много пленных.

В 1069 г. предпринят новый поход против турок. На этот раз царь шел большой военной дорогой на Дорилей и Кесарию, поблизости от которой свирепствовали уже сельджукские хищники. Византийский конный отряд не мог с успехом бороться с сельджуками, но на службе империи были узы, которые владели такими же, как и турки, хватками степного воина и содействовали грекам одержать над врагом победу. Роман дошел до верховьев Евфрата и неподалеку от Мелитены, в Романополе, оставил часть своего войска под начальством Филарета армянского происхождения, который в звании доместика должен был прикрывать Месопотамию, сам же с другой частью отправился на север. Но турки вытеснили Филарета из Романополя и заставили его спешить на север на соединение с царем. Вместе с тем для них открытой сделалась дорога к Каппадокии, откуда они вторглись в Ликаонию и дошли, все на пути предавая огню и опустошению, до Икония, тогда самого богатого и многонаселенного из всех городов Малой Азии. Этот неожиданный шаг имеет себе объяснение и в том враждебном по отношению к империи положении, какое начали обнаруживать армянские владетельные князья, обменивавшие свои уделы на пограничные византийские города. Как увидим ниже, из этого положения возникли для империи весьма важные затруднения⁴⁷.

Переходим к трагической развязке походов Романа в Азию. Весь следующий 1070 г. царь провел в Константинополе, хотя малоазийские дела находились в отчаянном положении. Так, при Сивасе было нанесено сильное поражение Мануилу Комнину, старшему брату будущего императора Алексея, сопровождавшееся пленением самого Мануила. Успех турок этим не ограничивался, скоро затем они напали на город Хоны на юго-западе фемы Анатолика, ограбили почитаемый храм архангела Михаила и надругались над его святынями. Современник, описывающий эти события⁴⁸, так передает тяжелое впечатление.

Ранее бывшие поражения от врагов и несчастья еще можно было принимать как выражение божественного гнева против еретиков, так как опустошаемые сельджуками области впали в монофизитство, «кишат эти страны таковым безбожным учением». Но «когда бедствие постигло и православную область, были приведены в смущение все исповедующие ромэйскую веру, ибо исполнилось над ними в той же мере, как над Содомом и Гоморрой. Тогда мы убедились и признали, что не вера только потребна, но и жизнь, соответственная вере. При первых об этом известиях царь изъявил горячее желание немедленно идти в поход на помощь своей стране».

Положение осложнялось еще и тем, что теперь явился на театр военных действий сам султан, который ранее был занят на востоке, предоставляя малоазийские дела подчиненным ему вождям. Хотя и в военных кругах не могли не понимать всей важности переживаемых событий, но придворная клика в лице Никифора Палеолога, Константина Пселла и кесаря Иоанна Дуки, которая не могла простить Роману его превосходных военных качеств и популярности, старалась задержать его в Константинополе. Следует думать, что и царица Евдокия, которая была опекуницей над наследниками престола, не была на стороне своего супруга и скорей разделяла воззрения не расположенной к Роману придворной партии. Это имело роковое значение в последующей судьбе царя.

Весной 1071 г. Роман, победив все затруднения, предпринял свой последний поход. Часть войска пошла морем из сборного места в Еленополе в Никомидийском заливе, а сам император занялся организацией и приведением в боевое состояние тех частей, которые постепенно к нему подходили из больших городов. В составе многочисленной армии Романа главное место занимали европейские фемы, на которые он больше мог полагаться, с наемными отрядами варягов, норманнов и узов. Во главе европейских фем поставлен был Никифор Вриенний, под ним находился Иосиф Тарханиот. В свите царя находился Андроник Дука, второй из наследников-царевичей, может быть взятый в качестве заложника в верности Роману фамилии Дук. Этот принц оказался, однако, злым гением Романа и был главным виновником обрушившихся на него бед.

Путь Романа описан в летописи Скилицы. Главной целью царя был Сивас, где недавно было нанесено поражение Мануилу Комнину. Этот город составлял удел сыновей армянского царя Сеннакерима, который при Василии II вступил в ленную зависимость от империи и получил этот город с округом в качестве лена. Весьма вероятно, что верность владетелей Сиваса была сомнительна и что сельджуки находили в них тайных союзников в своих предприятиях против империи. Хотя Роман не принял против Сиваса решительных мер, но не считал нужным скрывать своего нерасположения к владетелю его. Точно так же мало надежды внушала верность каппадокийских владетелей Цаманда (Цаманта) и доместика в пограничной области Мелитены и Эдессы известного уже нам Филарета. От Сиваса Роман направился к Феодосиополю (Эрзерум). Здесь было сделано распоряжение, чтобы каждый воин запаса продовольствием на два месяца, ибо дальнейший путь вел по пустыне. Весьма вероятно, что царь действительно, как говорит арабская летопись, имел в виду движение в Персию, именно на Тегеран, где была столица Альп-Арслана. Но для этого казалось необходимым взять три крепости, находившиеся в руках турок, — Манцикерт, взятый лишь год назад, Ардиш и Ахлат на озере Ван. Так как весьма важно было отрезать движение турок от озера Ван, то царь отделил часть войска для действий против Ахлата, а сам начал осаду Манцикерта. Но в это время пришло известие, что Альп-Арслан сильно стеснил высланный к Ванскому озеру отряд из норманнских наемников под начальством Урселя и из узов. Чтобы поддержать норманнов и узов, на помощь к ним отправлен Иосиф Тарханиот с частью конницы и пехоты, затем еще Вриенний со значительным отрядом. Когда же, несмотря на посланные подкрепления, греки все же не могли держаться против султана, был отправлен к ним Никифор Васибеки, дука

Феодосиополя, который, однако, не только потерпел поражение, но и был взят в плен. В высшей степени трудно понять подробности, почему именно царь ослаблял свое войско посылкой отрядов, а не двинулся сам против султана, равно как чем объяснить бездействие других отрядов в то время, как Василаки подвергся разгрому и плену. Новейший историк⁴⁹, тщательно разбиравший дошедшие до нас известия, приходит к основательной догадке, что в военном лагере было недовольство царем и подготавливалась измена. Основательность подобного предположения оправдывается всем последующим ходом событий. Альп-Арслан, прежде чем вступить в решительную битву с Романом, вступил с ним в переговоры о мире. Но император не оценил создавшегося положения, не обратив внимания хотя бы на то обстоятельство, что часть узов уже перешла из византийского войска к турецкому султану, и неблагоприятно отнесся к сделанным предложениям. Настояла необходимость встретиться византийским и турецким войскам. Знаменитая в истории средних веков битва между Романом и Альп-Арсланом, открывшая Малую Азию для беспощадных и опустошительных набегов и нанесящая непоправимый ущерб Византии, произошла поблизости от Манцикерта, в местности Зохра. В передовой линии стал сам царь со своим любимцем Алиаттом и Никифором Вриеннием, в запасе поставлен был Андроник Дука. Под рукой императора было до 80 тысяч войска, и тем не менее завязавшийся бой окончился бесславным поражением византийского войска и пленением императора. Некоторый свет на это печальное дело проливает сообщаемое летописцем известие, что в конце дня (25 или 26 августа 1071 г.), когда император дал знак своим возвратиться в лагерь, Андроник Дука, вместо того чтобы идти на соединение с Романом Диогеном, предался постыдному бегству со своим отрядом и произвел этим чрезвычайное смущение в лагере. Прежде всего его примеру последовали армянские вспомогательные полки, затем дезертировали несколько лиц из царских частей. Это сопровождалось полным ослаблением византийского войска, так что личная храбрость и геройство царя не могли поправить вконец испорченного положения. Неприятели окружили его железным кольцом и, когда он, получив рану, не мог более защищаться, взяли его в плен.

Император находился в турецком плену очень недолго. Его выпустили на свободу, предоставив ему возможность возвратиться в Константинополь и выполнить весьма тяжелые денежные и другие обязательства, благодаря которым и куплена была им свобода. Хотя относящиеся сюда известия весьма сухи и частью путаны и насчет состоявшегося между пленником и турецким султаном соглашения мы можем судить лишь по намекам и догадкам, тем не менее не считаем справедливым оставить без надлежащего выяснения этот вопрос. Следствия постигшего Романа Диогена несчастья были громадного значения, столько же для империи, сколько для его личной судьбы⁵⁰.

Что касается империи, Роман обязался уплатить в качестве императора громадный выкуп за себя лично и, кроме того, вносить ежегодную дань туркам, большая часть Малой Азии переходила под власть неприятеля как залог в верном исполнении договора. Лично для царя принятые им на себя обязательства имели то почти неизбежное последствие, что оставшееся в Константинополе правительство, как скоро до него дошли слухи о происшедшем, не захотело признать состоявшегося с турками соглашения, поспешило объявить недействительными обязательства Романа, лишив его царской власти. Кратко говоря, после поражения византийского войска при Манцикерте ход событий развивался следующим образом. Окруженный отрядом сельджуков, которые у историка названы, впрочем, послами⁵¹, царь в турецкой одежде направился к Феодосиополю, где оставался несколько дней для лечения ран. Политическое положение страны хорошо рисуется замечанием летописца, что бывший в Манцикерте гарнизон разбежался и крепость перешла во власть сельджуков. Вторым местом остановки была Колония, на пути к Черноморскому побережью. Весьма дурным

предзнаменованием для Романа было то, что здесь тайно оставил его катепан Эдессы, проедр Павел, который, как замечает летописец, «догадывался о том, что замыслили в столице». Конечно, не от этого важного в администрации чина, но и от других спасшихся из-под Манцикерта в Константинополе имели уже достоверные сведения о том, что последовало за битвой. Главная роль здесь принадлежала кесарю Иоанну Дуке, который занимал первое место в фамилии Дук и всех больше имел счетов с Романом. События, последовавшие на отдаленной окраине, поставили на ноги всех недовольных царем Романом Диогеном. Правительница, царица Евдокия, когда еще кесарь Иоанн не возвратился из Вифинии, где он находился в удалении от дел, созвала сенат и представителей военной и гражданской администрации для обсуждения чрезвычайного положения, в каком оказалось государство. Общее мнение склонялось к тому, что теперь не время думать о Романи, а необходимо озаботиться утверждением власти правительницы и ее сыновей от первого брака. К этому мнению присоединился потом и кесарь Иоанн и настоял на том, чтобы Евдокия была объявлена августой и управляла вместе со старшим сыном Михаилом. Но скоро дела приняли иной оборот. Царица получила непосредственные известия о событиях из письма к ней Романа Диогена. Царица, по-видимому, была склонна принять совершившийся факт и ждать возвращения из плена несчастного супруга, чтобы совместно обсудить положение дел, но выше ее оказался авторитет представителя фамилии Дук. Приняв начальство над иноземной стражей, кесарь Иоанн скоро стал неограниченным распорядителем в Константинополе: с одной стороны, он поспешил провозгласить императором Михаила VII, с другой — овладел особой правительницы и принудил ее запереться в монастырь и принять пострижение. Теперь ничто не препятствовало принять самые крайние решения против Романа, и притом именем царя, за которого действовали кесарь Иоанн и философ Михаил Пселл, который хвалился, что он немало содействовал к низвержению царя Романа.

Произошла гражданская война между новым правительством и царем Романом. Против последнего, когда он стал собирать войско, чтобы с оружием в руках защищать свои права, был послан Константин Дука, младший сын кесаря. Поблизости от Амасии царский отряд потерпел неудачу, и Роман отступил на юг, в Каппадокию, надеясь на помощь из Антиохии. Здесь на его сторону стал дука Антиохии Качатур армянского происхождения, который дал ему пристанище в Киликии и снабдил его необходимыми средствами для продолжения борьбы с константинопольским правительством. Этот неожиданный оборот дел заставил кесаря Иоанна принять экстренные меры, так как иначе ему самому стала угрожать опасность, что Роман возвратится победителем в Константинополь. При этом нельзя пройти, не отметив одного обстоятельства, заимствуемого из летописи Вриенния. Правительство получило донос на боярыню Анну, мать Комнинов, что она находится в переписке с Романом Диогеном. Знатная и влиятельная особа была приглашена явиться в суд и свидетельствовалась изображением Христа, что она невинна в взводимом на нее преступлении, тем не менее судьи обвинили ее по оговору, и она приговорена была к ссылке на Принцевы острова. Отсюда, во всяком случае, можно заключить, что в столице были и приверженцы несчастного Романа, которые могли еще быть опасны для Дук. Чтобы положить конец неопределенному положению, кесарь отправил в Киликию своего старшего сына Андроника, того самого, который был виновником поражения византийского войска при Манцикерте. С набранным в Малой Азии отрядом и с наемной дружиной норманнского вождя Криспина Андроник поспешно двинулся в Киликию, где прежде всего победил дуку Антиохии Качатура и взял его и плен. Сам Роман оставался в это время в крепости Адане и ожидал прибытия помощи от Альп-Арслана. Но когда его окружили правительственные войска, он должен был сдаться на волю победителя и обязался отказаться в дальнейшем от своих прав и принять пострижение. Андроник дал ему слово, в котором

поручились три епископа, что ему дарована будет безопасность со стороны царя Михаила VII. Но по прибытии в Котией получен был приказ, по которому Роман был лишен зрения. И самая операция ослепления произведена была так грубо и бесчеловечно, что несчастный царь не мог от нее оправиться и скоро умер на острове Проти, близ Константинополя.

Нам остается еще сказать несколько слов о судьбе византийских владений в Малой Азии после Романа Диогена. Хотя в том же 1072 г. произошла и смерть его соперника Альп-Арслана, но следствия заключенного между ними договора после дела при Манцикерте легли всею тяжестью на византийское правительство, не признавшее для себя обязательными условия этого договора. Малая Азия постепенно стала переходить под власть турок-сельджуков. В этом отношении следует заметить, что современные византийские известия из патристических побуждений частью запутали последующие события, частью о них умолчали. Некоторый свет проливает известие Абульфеды: «...от Кутулмыша происходят сельджукские султаны, владевшие Малой Азией». Что касается византийской летописи, здесь можно заметить лишь впечатление современника, пережившего тягостные события, а не рассказ о событиях. Скилица⁵², нарисовав мрачную картину правления Иоанна кесаря и Пселла, переходит к политическим делам на Востоке в таких выражениях:

«Когда все это происходило, восточные страны посетил некий божественный гнев. Так как заключенное с Диогеном соглашение осталось неисполненным, то турки, чрезвычайно взволнованные тем, что между тем как ими он был удостоен всякого почета и снова восстановлен в своем прежнем достоинстве, а своими был принят самым недружелюбным и враждебным образом, так что испытал от близких и родственников то, что могли бы нанести ему только враги, предав его самой жалкой и мучительной смерти (ибо и чужестранцы выражали сочувствие его безмерным бедствиям и неумолимой судьбе), поднявшись из Персии во всеоружии и не встречая никакого сопротивления, напали на ромэйские фемы и опустошили их, не ограничиваясь лишь временным наездом, как то было прежде, и быстрым отступлением, но завладевая страной с целью обладания ею на правах постоянного господства., с тех пор агаряне, имея полную свободу, ежегодно делали наезды на восточные области, грабили их и опустошали».

В ближайшие именно вслед за вступлением на престол Михаила VII годы произошло образование в Малой Азии отдельного султаната под главенством потомков Кетельмуша.

Постепенный захват сельджуками византийских владений в Малой Азии есть факт громадной исторической важности, который в такой же мере обуславливал внешнюю политику основателя династии Комнинов, как основание каролингской монархии и латинская религиозная миссия на Востоке влияли на политику первого царя Македонского дома. Впоследствии поняли опасность, но устранение ее уже было выше средств, какими могли располагать византийские цари. Дочь царя Алексея, цесаревна Анна⁵³, характеризует положение дел на Востоке в таких чертах:

«устроив западные дела, царь стал готовиться к отражению неизбежной и ближайшей опасности... Безбожные турки жили уже близ Пропонтиды, и Сулейман, властитель всей восточной страны, раскинул стан в Никее, где был и его дворец, откуда постоянно высылал разъезды, и грабил область Вифинию, и, делая опустошительные набеги до самого Босфора и до местности, называемой Дамали, собирал большую добычу, между тем византийцы, смотря, как они беззаботно проживают в прибрежных селениях и в церковных зданиях, откуда никто их не изгоняет, недоумевали, как быть».

Таким образом, главным виновником этого переворота в делах Малой Азии нужно считать Сулеймана ибн-Кетельмуша, или Κουτλουμυς Византийской летописи⁵⁴. И не далее как в 1075 г. создано уже такое положение на Востоке, при котором грекам отрезан был всякий способ

сухопутных сношений с Сирией и Месопотамией.

В высшей степени любопытно, что значение занимающего нас теперь факта — неожиданного захвата турками всех малоазийских областей — отмечено было в то же самое время замечательным западным дипломатом, как Григорий VII. В 1074 г. 2 февраля он отправил окружное послание к некоторым западным христианским князьям, приглашая их прийти на помощь Восточной империи, которая до такой степени стеснена язычниками, что они со страшной жестокостью опустошают ее земли даже до стен Константинополя⁵⁵. Это воззвание знаменитого папы может быть рассматриваемо как первый призыв к крестовому походу.

Глава 4. Войны с Робертом Гвискаром. Печенеги и Турки в 1089—1091 гг.

В истории Анны Комниной есть прекрасная страница в похвалу бабки ее, матери царя Алексея Комнина. По словам Анны, Алексей никогда не пренебрегал пользоваться советом своей матери, но имея ее участницей и помощницей во всех своих планах. Отвлекая ее от мыслей о монастырском уединении, он вводил ее в дела управления государством, ибо это была женщина высокого образования и государственного ума. Принимая в августе 1081 г. решение, вызванное нападением на империю Роберта Гвискара, царь Алексей выразил как высокое уважение к уму своей матери, так и свои сыновние к ней чувства в хрисовуле, которым на время своего отсутствия передавал ей единолично свои верховные права. Этот любопытный документ заключался в следующем.

«Ничто не может сравниться с нежной и чадолюбивой матерью, не найдется более надежного талисмана ни против предвидимой опасности, ни против неожиданных каких-либо бедствий. Данный ею совет будет надежен, ее молитва будет твердыней и непобедимой стражей. Таковою была для моего царства с самого юного моего возраста моя августейшая мать и государыня, бывшая для меня и кормилицей и водительницей. Любовь матери предшествовала мне в сенаторском звании, причем и сыновняя преданность осталась во мне во всей неприкосновенности. Единая душа познавалась в разделенных телах и по благодати Христа сохранилась в целостности и донныне.

Между нами не произносилось этих холодных слов: мое или твое, и, что особенно важно, ее молитвы, ежедневно возносимые, дошли до ушей Господа и возвели нас на высоту царства. Но и по получении мной скипетра царства она не переставала уделять мне свое сотрудничество и заботиться о пользах государственных. Готовясь ныне с помощью Божией к походу на врагов Ромэйской земли⁵⁶ и полагая великую заботу о сборе и снаряжении войска, не меньшее попечение отдаем и мероприятиям по устройению административных и гражданских дел. Итак, мы признали в том лучшую охрану государства, что возложили верховное управление на августейшую и высокочтимую родительницу.

Итак, настоящим хрисовулом определяем, чтобы все, что она при своей обширной опытности в житейских делах найдет нужным утвердить, будет ли то представление председателя приказов или доклад одного из подчиненных ему чинов приказа или других, на обязанности коих лежит составление докладов, ходатайств или решений по скидке казенных недоимок, — чтобы все ее распоряжения имели неизменную силу как постановления царства нашего и как бы написанное было выражением ее собственных слов. Какие бы ни были предъявлены от ее имени постановления или повеления, письменные или словесные, с указанием оснований или без оных, носящие печать со знаменем Преображения и Успения, должны быть принимаемы равносильными с актами, исходящими от царства моего. И не только по отношению к настоящему председателю приказов царица-мать имеет власть поступать по своему свободному усмотрению, но точно также относительно назначений на высшие места, замещение мест в приказах и в фемах, в раздаче чинов и должностей и в выдаче земельных пожалований. Лица, пожалованные назначениями в приказы или в фемы, равно как отставленные от должностей, возведенные в высшие, средние и низшие звания и чины, — должны оставаться на будущее время на своих местах твердо и без перемен. Точно так же увеличение жалованья за службу, прибавку к наградам, прощение так называемых обычных податей, уменьшение или пресечение выдачи жалованья она может считать своим неотъемлемым правом, и вообще, что бы она ни приказала письменно или словесно, все должно

иметь обязательное значение. Ибо слова ее и приказания равносильны словам и приказам царства моего, и ни одно из них не может быть произнесено всуе, но должно оставаться властительным и твердым на все последующее время, не подлежа ни расследованию, ни проверке ни ныне, ни в будущем. И ни одна власть, ни даже сам нынешний логофет приказов не может отменить ее распоряжений, как бы ни казались ему они правильными или неправильными. Да исполняется все беспрекословно, что постановлено настоящим хрисовулом»⁵⁷.

Не отрицая важности приведенного акта, свидетельствующего о безграничном доверии царя Алексея к своей матери, мы все же должны признать преувеличением слова Анны Комниной, будто Алексей имел только вид царской власти, а она — самую власть, будто она издавала законы, двигала всем и управляла, а он письменные и неписьменные ее распоряжения запечатлевал одни подписью руки, другие живым голосом. Из рассмотрения приведенного хрисовула можно выводить заключение, что царь предоставил регентше-матери всю обузу текущих дел по внутреннему управлению и по судопроизводству, оставив за собой политические дела, ведение войны и военную администрацию.

Весной 1078 г. в Константинополе произошел переворот, следствием которого было низвержение Михаила VII Дуки и сына его Константина, за которого была сосватана дочь Роберта Гвискара. Уже это подавало ему благовидный предлог вмешаться в византийские дела, но восстание собственных вассалов в Южной Италии на этот раз помешало ему воспользоваться столь давно ожидаемым случаем. Через два года Роберт мог использовать для своей цели и другое благоприятствующее его видам обстоятельство. В Италии появился летом 1080 г. один грек, выдававший себя за Михаила VII и объяснявший, что он бежал из заточения в Студийском монастыре и желает с помощью норманнов вернуть отнятую у него власть. Хотя, несомненно, это был самозванец, но Роберт, может быть сам подготовивший это столь обычное для Византии орудие для произведения смуты, ласково принял его и воздавал ему отменные почести. Весьма важно было и то, что права претендента принял под свою защиту и папа Григорий VII, который после заключенного с Гвискаром соглашения в Чеперано (1080) обязался поддержать всеми средствами норманнские виды на Византию. Сохранилось письмо папы епископам Апулии и Калабрии, в котором разрешается верным сынам Церкви идти на помощь Михаилу VII под знаменами герцога Роберта Гвискара. Таким образом, уже за год до восшествия Алексея Комнина на престол в Южной Италии созрел план открытого нападения на имперские владения.

Алексей, оценивая угрожавшую опасность, употребил все меры к тому, чтобы удовлетворить притязания падшей династии Дук. Прежде он поступился правами своей супруги Ирины и не возложил на нее короны. Рядом с этим династическим видам Комнинов наносился удар торжественным распоряжением приобщения к царской власти порфирородного Константина, сына Михаила VII и Марии. Ходили слухи, что вместе с Константином может приблизиться к высшей власти и царица Мария, с которой будто бы Алексей находился в связи. Вместе с тем и дочери Роберта Гвискара, проживавшей в Константинополе в качестве невесты царевича Константина, оказан был особый почет и внимание, которыми царь Алексей думал, между прочим, устранить повод к враждебному нападению со стороны норманнов.

Несмотря на просьбы о помощи со стороны папы, невзирая на противодействие своих вассалов, не питавших расположения к заморской войне с Византией, Гвискар с невероятной настойчивостью готовился к походу. Для управления герцогством на время отсутствия самого герцога оставлен был старший сын Роберта Рожер, происшедший от брака с Сигельгантой, княжной Салерно, между тем как другой его сын, Боемунд, не уступавший отцу в смелости, силе и храбрости и неукротимом мужестве, должен был начать поход и приготовить

возможность высадки норманнов на греческой земле. Приняв эти решения, Роберт в середине мая 1081 г. был уже в Отранто, где присоединилась к отряду и супруга его, желавшая принять участие в походе. Когда уже все было готово к движению флота из Бриндизи, Роберт был несколько встревожен прибытием из Константинополя посла его графа Рауля, который сообщил о последовавшем в Константинополе перевороте, предоставившем власть Алексею Комнину. Из данных послом объяснений можно было понять, что положение Дук при дворе совершенно не соответствовало сведениям, бывшим у Роберта, и что сопутствовавший ему претендент на имя Михаила VII есть обманщик, так как действительного Михаила Дуку посол видел в Студийском монастыре.

Несмотря на эти известия, достаточно, впрочем, расстроившие его, Роберт приказал сниматься с якоря 1 мая 1081 г. С ним шло 1300 норманнов и 15 тысяч сборных отрядов ⁵⁸. Выше было замечено, что сын Роберта Боемунд отправлен был с 15 кораблями вперед, чтобы приготовить на эпирском берегу место высадки для норманнского войска. Боемунд успел завладеть береговыми городами Валлоной, Каниной и Ориком и затем сделал попытку взять Корфу, но так как здесь встретил большое сопротивление, то остановился поблизости в ожидании прибытия главного войска. Между тем Роберт без труда высадился в упомянутых морских гаванях, которыми завладел его сын, направился к Корфу и принудил его к сдаче, а затем обратил внимание на главный город этой части Эпира, Диррахий, или Драч. В то время как Боемунд подошел к городу с суши, Роберт предполагал начать осаду его с моря, но сильная буря погубила часть его флота и лишила его сделанных для похода запасов. Тем не менее с остатками флота он подошел к Драчу и приступил к его осаде. Стратегом фемы и начальником крепости был Георгий Палеолог, которому были предоставлены большие военные средства и который, кроме того, ожидал прибытия венецианского флота, имевшего выступить против норманнов в союзе с империей. В июле того же 1081 г. под предводительством дожа Доменико Сельво прибыла к Драчу венецианская морская эскадра, которой удалось удалить от города норманнские корабли и вступить в сношения с греческим гарнизоном осажденного города. Несмотря на такой оборот дела, угрожавший положению норманнов в других завоеванных городах Эпира, Роберт употребил все усилия, чтобы не отказываться от осады Драча, и продолжал держаться под ним до осени. В октябре явился на театр военных действий Алексей Комнин с вновь собранным войском в числе 70 тысяч. Несмотря на советы Палеолога уклониться от генерального сражения, Алексей решился вступить в бой и проиграл его. После этого сражения, показавшего все превосходство военного таланта Роберта Гвискара, который разбил в несколько раз сильнейшего неприятеля, судьба Драча была уже предрешена. Он держался еще несколько месяцев, но в начале 1082 г. должен был сдаться норманнам ⁵⁹. Дальнейший план Роберта состоял в движении на восток, в Македонию, где он рассчитывал завладеть Солунью, а затем он мечтал о завоевании Константинополя. Но слухи об отчаянном положении папы, которому угрожал германский император Генрих IV, и о враждебном движении среди его собственных вассалов в Южной Италии побудили его приостановиться походом на империю, почему он, сделав нужные распоряжения насчет армии, поспешил возвратиться в Италию весной 1082 г.

Оставим Роберта Гвискара заниматься устройством итальянских дел и посмотрим, как шло его смелое и громадное предприятие на Балканском полуострове. После удаления в Италию своего отца Боемунд приостановил дальнейшее движение на запад. Внимание его сосредоточилось теперь на организации военных средств в занятой стране и на переговорах с албанскими вождями, на помощь которых, несомненно, рассчитывал Роберт Гвискар, предпринимая войну с империей. Как ни скудны наши сведения об этнографии побережий занимающей нас полосы Адриатики, тем не менее ясно, что албанцам и итальянцам

принадлежала здесь важная роль: напомним хотя бы краткую заметку Анны Комниной, что в составе гарнизона в Драче венецианцы занимали видное место и что защита города принадлежала албанскому вождю, почтенному званием комита⁶⁰.

Весьма вероятно, что притязания хорватских и хорутанских князей на власть в приморских городах играли известное значение в политических планах норманнского герцога. Некоторое время Боемунд остается в приморских областях Эпира. Арта и Янина составляли предмет домогательства со стороны норманнов и греков, здесь Алексей Комнин снова потерпел поражение. Легко видеть, что области на север от Фессалии и Эпира были еще под влиянием брожения, вызванного разгромом болгар, и представляли благодарную почву для новых политических движений, которые могли быть полезны для Роберта Гвискара. Театр военных действий захватил македонские города, доходя до Охриды, Острова и Веррии, между тем как сам Боемунд продолжал держаться в Фессалии и имел серьезное дело под Лариссой с византийским вождем Львом Кефалой; хотя под Лариссой греки вновь потерпели поражение, но вместе с тем и норманны потеряли свои запасы и снаряжение. Царь Алексей нашел между тем возможным воспользоваться против норманнов теми же условиями местной вражды и противоположности между этнографическими элементами, на которые рассчитывал и Роберт. И прежде всего в самом центре отряда Боемунда было крайнее недовольство на этот отдаленный поход, которое усиливалось еще более оттого, что Роберт задерживал выдачу условленной платы приглашенным в поход своим вассалам и их дружинам. На этой почве возникали шумные сходы, на которых заявлялись требования выдачи денег или возвращения назад в Италию. Агенты царя Алексея умело воспользовались этими обстоятельствами и переманили на службу императора некоторых норманнских вождей, таковы Петр Алифа и Амичетти Джиованеццо. Осенью 1083 г. на сторону империи перешел целый отряд норманнов, державший гарнизон в Кастории. Не менее важное значение имели те мероприятия, которыми обеспечивалась империи служба Венеции и ее могущественного в то время флота. Благодаря громадным торговым преимуществам, уступленным Венеции знаменитой в истории буллой 1082 г., республика охотно шла на норманнов в союзе с империей, и в 1083 г. прибывшая в гавань Драча венецианская эскадра вместе с греками отняла у норманнов Корфу. Таким образом, в течение двух лет норманны не могли обеспечить своего положения на Балканском полуострове, почему весной 1084 г. Боемунд должен был лично отправиться в Салерно, чтобы побудить оказать содействие задуманному им предприятию. Осенью того же года в Таренте собралась большая военная сила для вторичного похода против империи. В свите герцога были четыре его сына: Боемунд, Рожер, Роберт и Гвидо, командовавшие частями флота. Передовой отряд под начальством Рожера и Гвидо направился к Валлоне и овладел г. Бутринто, где скоро соединился с ними и сам Роберт Гвискар. Поздней осенью последовало движение на Корфу, где в крепости держался еще небольшой норманнский гарнизон. С большим трудом Роберту удалось победить сопротивление союзников империи венецианцев и завладеть крепостью Корфу, но приближалась зима, и нельзя было думать о продолжении похода. Остановившись на зимнюю стоянку в местности близ города Бундица, он подвергся зимой злокачественной болезни, от которой сильно пострадало и все его войско, и старший сын его Боемунд, которого для поправления здоровья он должен был отправить в Италию. Несмотря на эти невзгоды, летом 1085 г. Роберт стал продолжать движение на запад, но скоро злокачественная болезнь вновь обнаружилась и свела его в могилу 17 июля 1085 г. Хотя остававшийся в лагере Рожер принял присягу на верность от войска, но не считал возможным, зная расположения норманнов, настаивать на продолжении похода. Таким образом, все сделанные норманнами завоевания в Фессалии, Эпире и Македонии оказались утраченными неожиданно и бесславно. Норманнский отряд поспешно сел на суда, не успев взять ни оружия, ни лошадей, ни добычи.

Со смертью Гвискара закончился период утверждения норманнов в Южной Италии. Это громадной важности событие, произведшее полный переворот в западноевропейской и византийской истории, несомненно, зависело главнейше от того человека, который в течение 40 лет и с невероятными трудностями вел борьбу с греками и итальянцами, с лангобардами и арабами, доставив преобладание своим сородичам, составлявшим ничтожное меньшинство среди окружавших его чуждых народностей⁶¹. Сыновья Танкреда Готвиля, читаются в летописи Готфрида Малатерры, так были устроены природой, что, будучи исполнены ненасытной жадностью к власти, насколько хватало их сил, не могли оставить в спокойном владении землями и людьми ни одного своего соседа, который оказывался в необходимости или служить им, или поступиться в их пользу всем своим достоянием. Жестокосердый и свирепый, коварный и вероломный Роберт Гвискар не пренебрегал никаким случаем, чтобы настойчиво приближаться к предположенной им цели. Никакое соображение и никакой роковой удар судьбы не в состоянии были заставить его поколебаться в раз принятом решении. Нельзя отрицать, что большая часть успехов Роберта зависела от его военной удачи, но важнейшими своими приобретениями он был обязан своим политическим и дипломатическим талантам. Среди разнообразных контрастов столь раздробленной южноитальянской территории Роберт должен был иметь трезвый взгляд на политические отношения и руководящие факторы, чтобы достигнуть предположенной цели. Хотя он победил лангобардов силой оружия, но примирения их с норманнским господством он достиг через свой брак с дочерью лангобардского королевского дома. Сепаратные стремления его соотечественников, которые могли воспрепятствовать развитию и укреплению единого политического тела и таким образом поставить преграды для самого существования норманнского господства, хотя он подавил силой, но вместе с тем умело воспользовавшись теми особенными чертами норманнских вождей, которые были свойственны и ему самому. Поселяя между ними раздоры, ненависть и вражду, он легче подчинил их своей власти, чем если бы стал действовать оружием. Не менее того Роберт обнаружил большую изворотливость и проницаемость в важных вопросах внешней политики, именно в своих отношениях к Западной империи и к Византии, равно как в сношениях с Римской Церковью. Замечательная черта в характере Роберта — его благотворительность и церковностроительная деятельность. Между церквями особенным его почетом пользовалось аббатство св. Бенедикта, которого он избрал своим специальным патроном; между постройками особенно замечательна церковь Богоматери в Палермо и собор в Салерно, украшенные фресками, колоннами и мозаиками. В союзе с Римской Церковью и ее аскетически-иерархическими тенденциями заключено и мировое значение Роберта. Его предприятия против сарацин и греков находились под защитой Церкви и имели значение религиозных войн, которые вместе с земными выгодами заключали надежды на небесные награды. Как Григорий VII был предвестником воинствующей Церкви на Востоке, так Роберт Гвискар и его героическая дружина были прообразом того западного рыцарства, которое в союзе с воинствующей Церковью стало главнейшим носителем крестоносного движения.

Со смертью Роберта Алексей освободился от страшной опасности, которая в течение нескольких лет угрожала империи и новой династии.

Как ни серьезны были затруднения, вызванные движением к Балканскому полуострову Роберта Гвискара, тем не менее царю Алексею предстояло испытать еще ряд других опасностей, которые поэтому и должны быть здесь подробно указаны, что имеют не местный, а всемирно-исторический характер. Выше мы видели, что в конце XI в. мусульманство вновь организовало свои силы и направило их против христианской империи. На Востоке магометанский мир приобрел новых прозелитов в лице туркмен, живших у Каспийского и Аральского морей, которые вторглись в области Багдадского калифата, подчинили себе мелких владетелей Ирана и

Месопотамии и начали принимать деятельное участие в судьбах калифата. Став известными под именем турок-сельджуков, к занимающему нас времени они перенесли на себя весь интерес восточного мусульманства. Образованием могущественного султаната в Малой Азии со столицей в Конии турки-сельджуки стеснили восточные владения империи и продвинулись до Мраморного моря и Босфора, угрожая столице христианской империи на Босфоре. Как увидим ниже, сельджуками был испробован план действия против Константинополя, практически осуществленный впоследствии османскими турками. Широкий размах политики мусульманского мира, совпадающий с началом царствования Алексея Комнина, получает надлежащее освещение при рассмотрении событий, театром коих был северо-восток Балканского полуострова. В этом отношении обращают на себя внимание европейские сородичи сельджуков, хорошо известные по русской летописи половцы и печенеги, которые, переходя из южнорусских степей за Дунай и утвердившись на севере Балканского полуострова, не раз вносили опустошительные набеги в европейские владения Византии. Наиболее интересным наблюдением является то, что турки-сельджуки и их южнорусские сородичи, половцы и печенеги, пришли к мысли об одновременном и более или менее комбинированном движении против Византии, вновь поставив на очередь грозный вопрос о поединке между христианским и мусульманским миром⁶².

Господство над малоазийскими областями, постепенно переходившими под власть турок, принадлежало султану Сулейману ибн-Кетельмушу который получил верховную власть на эти области от калифа Малек-шаха. Сулейман в конце 1084 г. лишил Византию последнего оплота ее на Востоке, завоевав Антиохию. Этим нанесен был непоправимый ущерб еще державшемуся в Сирии влиянию византийского императора и положен конец власти его на Востоке. Мелкие князья, державшиеся против притязаний Сулеймана при помощи империи или калифата, должны были теперь подчиниться конийскому султану. Так был побежден эмир алеппский Шереф ад-Дауле, так была объявлена война наместнику Дамаска, брату калифа, Тутушу, которая, впрочем, имела гибельные последствия для Сулеймана. Когда эмир Дамаска нанес Сулейману поражение, в котором этот последний потерял жизнь, калиф нашел необходимым вмешаться в сирийские дела. Следствием его похода было новое распределение политических сил в Сирии и Малой Азии. Антиохия осталась под мусульманской властью и получила отдельного эмира в лице Яги-Сиана, управлявшего городом и областью до появления под стенами Антиохии крестоносцев; в Алеппо получил власть Касим ад-Дауле Ак-Сонкор, в Эдессе — Бузак, остальные сирийские области с городами Шейзар, Лаодикея, Апамея и Кафартаб, будучи отторгнуты из-под влияния Фатимидов, присоединены к Багдадскому калифату.

Неожиданная смерть Сулеймана сопровождалась потрясениями в Малой Азии, которыми, однако, не мог воспользоваться царь Алексей, занятый в то время войной с печенегами. Из владетелей отдельных городов, зависевших от Сулеймана, выдвигаются в это время в качестве самостоятельных эмиров: Чаха в Смирне, Абул-Касим в Никее и его брат эмир Пулхас в Каппадокии.

В начале 1087 г. царь Алексей должен был сосредоточить все внимание на событиях, происходивших в северо-восточной части Балканского полуострова. Здесь опасность от вторжения и опустошительных набегов со стороны хищников из южнорусских степей осложнялась внутренними и, так сказать, домашними волнениями, исходившими от богомилов. Уже во время войны с норманнами бывшие в военной службе империи богомилы под начальством собственных вождей Ксанты и Кулеона изменили царю в самый критический момент и вызвали потом, в 1085 г., жестокие меры против них, сопровождавшиеся восстанием среди филиппопольских богомилов⁶³. Здесь в первый раз упоминается имя Травла, занимавшего

важный пост на службе империи и бежавшего к своим единоверцам, которые большими массами присоединились к нему как к своему защитнику и вождю. Заняв крепость Белятово поблизости от Филиппополя, Травл начал вести партизанскую войну с византийским правительством и поднял большое движение среди богомилов. Местное волнение среди богомилов нашло благоприятную и восприимчивую среду в болгарском населении и сообщилось печенегам, кочевавшим поблизости от Дуная и выжидавшим лишь благоприятного случая, чтобы сделать набег на имперские области. Западный domestik Пакуриан и его помощник Врана, которым было поручено усмирить начавшееся движение, встретили в Травле опасного и хорошо подготовленного противника, который занял горные проходы и защищенные позиции и нанес императорской армии сильное поражение; Врана был убит, а Пакуриан ранен. Это послужило началом печенежского и половецкого вторжения в Северо-Восточную Болгарию, которое побудило царя Алексея призвать войска из Малой Азии, хотя там турки-сельджуки подходили к Никее и хозяйничали у берегов Мраморного моря. В военных действиях против печенегов получает известность Татикий, турок по происхождению, получивший воспитание в Константинополе и пользовавшийся личным доверием царя. Он одержал победу над одним отрядом печенежской орды и следил из Филиппополя за дальнейшими предприятиями врага. Вследствие принятых им мер и его настойчивости печенеги были принуждены возвратиться на свои становища к Дунаю. Это было осенью 1086 г.

Весной следующего года в южнорусских степях, где кочевали половцы, и в придунайских равнинах, занятых печенегами, происходили оживленные сношения, направляемые угорским королем Соломоном, лишенным престола своими двоюродными братьями, целью которых было общее нападение на Византию. Печенежский хан Челгу с союзными половцами и Соломон с венгерской дружиной, всего в числе 80 тысяч, сделали вторжение в беззащитную Северо-Восточную Болгарию и, не встречая отпора, прошли балканскими проходами в Македонию. По долине Марицы кочевники спустились к Мраморному морю, производя везде убийства и опустошения, но здесь им дал отпор воевода Маврокатакалон и заставил их возвратиться на север, за балканские проходы, где они давно уже были полными хозяевами и где влияние империи сведено было на нет. Чтобы предупредить дальнейшие набеги хищников, царь Алексей решил сам идти за Балканы и летом 1088 г. собрал с этой целью значительное войско. Сорок дней, однако, простоял он при подошве Балканских гор, близ Ямполи, ожидая сбора других войск и движения флота к устьям Дуная с целью противодействия сношениям половцев с их соотечественниками Южной России и соединенного действия как морских, так и сухопутных войск, которыми командовал Георгий Евфорвин. Принятые царем оборонительные меры действительно приостановили половцев и печенегов и их союзников.

И вот отправили они, по словам Анны Комниной⁶⁴, огромное посольство из 150 лиц «просить о немедленном заключении мира и, ввернув в речь угрозу, вместе с тем обещать, что, если самодержец захочет склониться на их представления и просьбы, они дадут ему вспомогательный отряд из 30 тысяч всадников».

Царь хорошо понимал, с кем имеет дело, и решил поразить печенегов неожиданным для них явлением. Зная, что в тот день должно последовать солнечное затмение, он сказал послам:

«Предоставляю суд Богу. Если в нынешний день будет явное знамение с неба, то вы должны будете совершенно согласиться, что я справедливо не соглашаюсь на ваши предложения, не доверяя вашему посольству, если же нет, это будет доказательством, что моя догадка ошибочна». Можно понять, какое сильное впечатление произвело на печенегов последовавшее затем солнечное затмение. Их взяли под стражу и отправили в Константинополь, но дорогой они избили стражу и возвратились к своим.

Поход 1088 г. имел для царя тяжелые последствия. Он двинулся через балканские проходы

и остановился лагерем на северной стороне гор у древней Преславы на реке Тыге, или Большой Камгии⁶⁵, где уже рыскали печенежские разъезды и делали нападения на передовые части царского войска. От Преславы небольшой переход к Плискове, первой столице болгарских царей, которая тогда, по всей вероятности, уже была разрушена. Наконец царь достиг Дуная и остановился лагерем в некотором расстоянии от крепости Дристра, или Силистрии. Здесь была уже неприятельская страна, и самая Силистрия находилась во власти печенегов, которых смелые наезды простирались даже на царский лагерь и производили в нем смущение и тревогу. Греки начали осаду Силистрии, но встретили большие затруднения в двух замках, которые возвышались над городом и которые были защищаемы родичами хана Тутуша, владевшего придунайскими областями. Не будучи в состоянии выгнать из кремля печенежский отряд, Алексей решился отступить от Силистрии. В объяснение этого решения, которое имело роковые последствия для греческого войска, можно разве сослаться на то, что царь опасался перехода за Дунай половецкой орды и желал быть ближе от балканских проходов. Но когда началось обратное движение византийского войска по направлению к Преславе, печенеги начали теснить его с большой настойчивостью и скоро окружили его со всех сторон. Произошла битва, длившаяся целый день и окончившаяся для царя весьма неудачно, в особенности когда к вечеру на помощь к печенегам явился свежий отряд, который поселил смятение между византийцами и был причиной их бегства. Хотя царь показал здесь чудеса личной храбрости и пытался личным примером ободрить свое войско, но все было напрасно. С большим трудом он спасся от плена, поспешно миновал балканские проходы и только в Голое почувствовал себя в безопасности. В Константинополе сложилась ироническая поговорка насчет печальной развязки похода: «От Дристры до Голои хорошая станция, Комнин!» Печенегам досталась большая добыча и значительное число важных пленников, между последними известен Никифор Мелиссин, зять царя по сестре. Было множество убитых, таковы сын Романа Диогена Лев, брат царя Адриан и другие. Множество знатных вождей, взятых в плен печенегами, давало им право надеяться на большой выкуп, и действительно, царь не пожалел казны, чтобы удовлетворить требования победителей. Но едва печенеги успели поделить добычу, как из-за Дуная прибыла орда половцев, предводимых ханом Тутушем. Последние считали себя вправе получить долю с добычи, так как прибыли с тем, чтобы помочь печенегам, «и не наша вина, — говорили половцы, — что греческий каган вступил в сражение, не дождавшись нас». Варвары от слов перешли к делу и начали взаимную кровавую бойню. Половцы оказались сильнее и победили печенегов и хотя возвратились в свои становища в Южной России, но с твердым намерением скоро предпринять новый поход за Дунай.

Хотя взаимная вражда из-за добычи на этот раз освободила империю от совокупного движения печенегов и половцев, но никто не мог поручиться за то, что между ними не последует нового соглашения. Правда, половцы грозили двинуть за Дунай всю орду, чтобы отомстить печенегам, и в этом отношении могли быть полезны Византии, но нельзя было не понимать, что таких союзников лучше было держать дальше от своих границ, а между тем театром столкновений и предметом опустошительных набегов были Македония и Фракия. На следующий год повторилось вторжение печенегов в Македонию, где они расположили даже свою стоянку на том месте между Ямполи и Голоей, где недавно стоял византийский лагерь. Еще более опасений возбудили доходившие до правительства слухи о том, что половцы приготовляются к походу и что целью движения было нападение на печенегов. Хотя, таким образом, непосредственно Византии половцы не угрожали, но была опасность в том, что, узнав дорогу к Адрианополю и ознакомившись с культурными и плодородными местами, хищные кочевники захотят основаться на новых местах. С целью воспрепятствовать переходу половцев за Дунай царь Алексей вступил в сношения с печенегами, роздал им на подарки большие суммы

и убедил их дать заложников в том, что они будут иметь мир с империей. Но переход через Дунай половецкой орды тем не менее совершился, хотя дальше Балканских гор половцам не удалось на этот раз продвинуться. Со стороны царя предложено им удовлетвориться денежными подарками и оставить византийские владения. Между тем новые союзники, печенеги, хозяйничали в занятых ими местах, захватили Филиппополь, овладели течением Марицы, где утвердились в городе Кипселы, неподалеку от Димотики.

Самым неожиданным обстоятельством было то, что замечено было одновременное и комбинированное движение против империи с востока и запада, именно турки-сельджуки, вступив в сношения с своими европейскими единоплеменниками, задумали сделать нападение на Константинополь с востока и запада, с суши и с моря. Таков был Чаха, турок по происхождению, в юности получивший воспитание в Константинополе и хорошо ознакомившийся с положением империи в качестве носителя высокого служебного звания протоновелиссима. Он является весьма тонким дипломатом, искусно ведущим переговоры с византийскими военными и гражданскими чинами с целью усыпить их бдительность, и в то же время весьма умным организатором, приготавливающим империи большой удар. Пользуясь затруднительным положением царя⁶⁶, он овладел влиянием на море и построил при помощи смирнских греков собственный военный флот и на некоторое время совершенно вытеснил кивиррэотскую морскую фему из сферы ее действий у берегов Малой Азии. Имея точку опоры в Смирне, Чаха овладел Клазоменами, Фокеей и островами Хиосом, Лесбосом и Митиленой. Увеличив свои силы купеческими кораблями, захваченными в завоеванных городах, Чаха был в состоянии померяться с царским флотом и доказал это тем, что нанес морское поражение Никите Кастамониту и завладел его кораблями, а спустя несколько времени принудил императора вызвать против него адриатический флот, бывший под командой великого дуки Иоанна Дуки. Стало известно, что Чаха вступил в переговоры с ханом печенегов и уговаривал его занять европейский берег со стороны Дарданелл с тою целью, чтобы отрезать Константинополь от сношений с Грецией и островами, как уже он был совершенно изолирован от азиатских областей. В то же время, состоя в родстве с никейским султаном и подкупив дарами разных мелких владетелей, правивших от имени сельджукского султана в Малой Азии, Чаха составил себе громадное число приверженцев и мечтал уже о присвоении себе титула византийского императора⁶⁷. Это был момент крайнего потрясения для империи, имевший, несомненно, большое влияние на душевное состояние царя Алексея. Во время этих событий, происходивших на островах и поблизости к Дарданеллам, сам император поглощен был заботами об отражении печенежско-половецкого наводнения. Хотя он имел союз с печенегами, но они прежде всего не хотели довольствоваться уступленными им пределами и пытались прорваться за балканские проходы через Маркеллы, или ныне Корнобадский Хиссар⁶⁸. Переход половецкой орды за Дунай должен был произвести передвижение печенежского стана, который в течение 1089—1090 гг. показывается в долине реки Марицы. Царское войско занимало линию от Адрианополя к Константинополю, защищая дорогу к столице. Главнейшие военные дела происходили в тех же местах, которые стали так известны в войне балканских союзников с турками в 1913 г. Военные действия сосредоточивались близ города Русия, в долине упомянутой Марицы, неподалеку от Родосто. Когда царь передвинулся с войском на север и был на главной дороге к Константинополю, в местности Чорлу печенеги окружили его и начали теснить его в укрепленном лагере, но на этот раз Алексей нашел возможным прогнать хищников и остался на зиму в Чорлу, чтобы защищать столицу от набегов опасного врага, который расположился на зиму по берегам Эргене в Люле-Бургасе. Лишь зимой 1091 г. он решился направиться в Константинополь, оставив войско под командой Николая Маврокатакалона. Но печенеги не дали ему спокойного отдыха и выслали конный отряд в Хировакхи, ныне Чекмедже, что

побудило царя немедленно отправиться к угрожаемой печенегами крепости. Византийский отряд подвергался большой опасности быть совершенно отрезанным от столицы, но император воспользовался тем обстоятельством, что печенеги разделились на две части, из коих одна бросилась грабить окрестности. Алексей нанес поражение каждой части порознь и тем доставил константинопольским грекам давно не виданный ими пример триумфального вшествия в столицу. Впереди ехали на печенежских конях и в варварском убранстве переодетые византийцы, а за ними шли со связанными назад руками настоящие печенеги под охраной крестьян из соседних селений, шествие замыкали всадники с поднятыми копьями, на которых были головы убитых печенегов. Но действительное значение этой победы было в высшей степени призрачно. Уже через две недели, т. е. в начале марта 1091 г., печенеги снова стали угрожать самым предместьям столицы, так что в первое воскресенье Великого поста благочестивым читателям памяти св. Феодора Тирона не было возможности выйти из города и помолиться в храме великомученика, так как поблизости рыскали печенежские разъезды.

Мы имеем особенные побуждения остановиться подробнее на этих событиях, так как в связи с ними, как видно будет далее, находится объяснение мотивов первого крестового похода. И прежде всего заметим, что зима 1091 г. имела в этом отношении чрезвычайно важное значение для царя Алексея Комнина. Если ему удалось удержать печенегов в некотором страхе перед стенами Константинополя и даже отогнать их на север, тем не менее положение дел оставалось крайне серьезным ввиду задуманного турками и печенегами соединенного движения. Пират Чаха готовил флот с целью сделать высадку на полуострове Галлиполи, где ему должны были помочь печенеги, раскинувшие свои становища по течению Марицы. При устье этой реки находился город Энос, который в XI в., как можно заключить из тогдашних известий, не был еще отделен от моря, как ныне, песчаными заносами и болотными зарослями, обратившими этот важный прежде город в жалкое местечко, окруженное развалинами домов и церквей и величественными боевыми укреплениями и башнями. Царь избрал Энос стоянкой для флота и сборным местом для войска, откуда он мог удобно наблюдать за действиями врагов и препятствовать сношениям между ними. Здесь, поблизости от города, устроен был военный лагерь, и отсюда направлялись военные распоряжения царя Алексея. На четвертый день по прибытии его к месту получено было известие, что половецкая орда под предводительством ханов Тугоркана и Боняка численностью в 40 тысяч человек приближается к Эносу. Хотя можно было ожидать, что половцы будут действовать в соглашении с императором, но пока никто не мог еще поручиться за это. Со стороны императора последовало приглашение половецким вождям прийти к нему для переговоров. Им предложено было богатое угощение и дорогие подарки, которыми и удалось склонить половецких ханов дать заложников и обещать союз и помощь против печенегов. Но в лагере стали получаться известия о переговорах между половцами и печенегами, и были основания к опасениям, что может последовать соглашение между кочевниками и одновременное нападение их на греческий лагерь. Но на этот раз страхи были напрасны. Половцы, получая от печенегов двусмысленные обещания, не шли с ними в союз и объявили царю: знай, что долее ждать мы не будем, завтра с восходом солнца будем есть либо волчье мясо, либо баранье. Такая картинная речь требовала решительных действий, и царь объявил, что битва произойдет завтра⁶⁹. К большой радости греков, накануне битвы от печенежского стана отделился пятитысячный отряд и перешел на сторону империи. Это был русский отряд, пришедший из Карпатской Руси под предводительством Василька Ростиславича. Последовавшая между половцами и печенегами битва имела для последних роковой исход. Это одна из битв, в которой погибла вся печенежская орда, т. е. вся боевая сила этой орды.

«Здесь, — говорит Анна Комнина, — можно было видеть, как целый народ, считавшийся не десятками тысяч, превышавший всякое число, погиб в один день с женами и детьми».

Так окончился ужасный день 29 апреля 1091 г., о котором сложилась поговорка: из-за одного дня скифы (печенеги) не увидели мая. Но огромное число пленников, захваченных половцами и оставшихся по случаю утомления войска без надежной охраны, побудило греков обезопасить себя от них беспощадным средством: в ночь безоружные пленники были беспощадно истреблены.

Между тем, говорится в истории Алексея, написанной дочерью его, «около средней стражи по Божественному ли внушению или как иначе, но только по одному условному знаку наши воины перебили почти всех пленных».

Грубая наивность рассказа получит в глазах читателя надлежащий смысл, если он ознакомится с несколькими строками ниже в той же истории. Утонченная жестокость образованных греков поразила самих половцев, которые, очевидно, никак не ожидали такой грубой ночной бойни. Они боялись, чтобы на следующую ночь император не сделал с ними того же, что случилось с печенегами, и при ее наступлении оставили свой лагерь, зараженный запахом трупов. Нужно было посылать за ними погоню, чтобы вручить им то, что им следовало по уговору сверх добычи. В начале мая император с торжеством возвратился в столицу, освободившись от большой опасности. Половцы ушли за Балканы, а печенегов более не осталось как орды, небольшая их часть перешла в подданство императора и получила земли для поселения в Могленской области. С этим вместе нанесен был непоправимый удар и предприятию Чахи. Не успев высадиться в Галлиполи, он не сделал необходимой для успеха его предприятия диверсии и не отвлек к себе внимания императора. Освободившись от печенежско-половецкого наводнения, царь нашел возможным настроить против Чахи его тестя, никейского султана, от руки которого и погиб этот авантюрист, впервые пустивший в оборот политический и военный план против империи, осуществленный османскими турками в XIV-XV вв.

Существует в высшей степени интересный литературный памятник, характеризующий настроения современного официального византийского мира. Это известное послание Алексея к государям Западной Европы, составленное зимой 1091 г.

«Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками; они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух. Турки подвергают обрезанию детей и юношей христианских, насилуют жен и дев христианских перед глазами их матерей, которых при этом заставляют петь гнусные и развратные песни. Над отроками и юношами, над рабами и благородными, над клириками и монахами, над самими епископами они совершают мерзкие гнусности содомского греха. Почти вся земля от Иерусалима до Греции и вся Греция, острова Хиос и Митилена и многие другие острова и страны, не исключая Фракии, подверглись их нашествию. Остается один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских. Пропонтида уже покрыта двумястами кораблями, которые принуждены, были выстроить для своих угнетателей греки: таким образом Константинополь подвергся опасности не только с суши, но и с моря. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я принужден бегать пред лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом. Итак, именем Бога умоляем вас, воины Христа, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Для вас должна быть так же дорога та святыня, которая украшает город Константина, как она дорога для нас. Если сверх ожидания вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напоминаю вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях,

которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей константинопольских в серебре, золоте, жемчуге и драгоценных камнях, в шелковых тканях могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Но богатства Софийского храма могут превзойти все эти сокровища, вместе взятые, и равняются разве только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих. Итак, спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов. Ибо, кроме того бесконечного числа, которое находится в пределах империи, ожидается ежедневно прибытие новой 60-тысячной толпы. Мы не можем положиться и на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения. Итак, действуйте, пока есть время, дабы христианское царство и — что еще важней — Гроб Господень не были для вас потеряны, дабы вы могли получить не осуждение, но вечную награду на небеси».

Глава 5. Побережье Адриатики. Организация Сербских земель

Давно уже отмечено в применении к истории сербов, что приморская их часть развивались под иными условиями, чем племена континентальные, жившие за горами и отделенные от Адриатики. И прежде всего первые зачатки политической организации и успехи в военном и торговом деле падают на долю приморских сербов. Исторической колыбелью сербского народа и сербской государственности была область Зета, или Диоклея, в юго-западной части Балканского полуострова, прилегающей к Скутарийскому озеру в ближайшем соседстве с албанцами. Окруженная труднопроходимыми горами и имевшая доступ к морю, Зета, или ныне Черногория, составляла самостоятельное политическое тело и начала играть заметную политическую роль приблизительно в ту эпоху, которая нас теперь занимает. Возвышение Зеты и подчинение зетским князьям сербских племен в Босне и Расе составляет первые ощутительные шаги сербского народа к образованию государственности и победе над центробежными элементами, имеющими столь крупное значение в славянской истории. Процесс политической организации приморских сербов находился в связи с борьбой латино-католического и греко-православного обряда в славянских областях. Известно, что постановлением Собора в Сплете в 1059 г. запрещено было употребление церковнославянского языка в богослужении и тем произведена резкая граница между католическими и православными славянами. Первым деятелем, хорошо воспользовавшимся настроением православных сербов для достижения политических планов, был зетский князь Михаил, сын Воислава. Ему удалось исходатайствовать у папы разрешение освободить православных сербов от церковного подчинения Сплетской архиепископии и поставить ее в связь с церковной властью Константинопольского патриархата. Более определенными чертами рисуется деятельность сына его Константина Бодина, который в 1072 г. принял участие в восстании болгар против империи и был даже избран болгарским царем. Хотя этим актом предreshалось объединение сербов и болгар и хотя избрание Бодина в Приштике могло считаться вполне законным, тем не менее дальнейшие события показали, что предприятие зетского князя было преждевременно и не носило в себе залога успеха. Без большого труда греки приостановили движение сербских отрядов и нанесли Бодину поражение в области между Нишем и Скопьем. Вновь избранный царь болгарский попался при этом в плен и отведен в Константинополь, где ему сначала было предоставлено жить в монастыре Сергия и Вакха, а потом назначено более отдаленное место, Антиохия, откуда ему удалось, однако, бежать на венецианском судне.

Нет сомнения, что в истории политического и церковного освобождения сербского племени значительную роль играли венецианцы, с которыми приморские области Сербии находились в разнообразных сношениях. В предприятии Роберта Гвискара, имевшего целью отвоевать Балканский полуостров от империи, южноитальянские норманны должны были серьезно считаться с притязаниями Венеции в прибрежной полосе Адриатики. Самым выразительным фактом культурного тяготения приморских областей Сербии было то, что в 1077 г. Михаил Сербский получил от папы королевский венец и титул короля. С тех пор Сербия пользовалась как политической, так и церковной самостоятельностью. Когда Бодин около 1081 г. принял власть, Сербия со столицей в Скутари была уже довольно значительным государством, с которым необходимо было считаться тем, кто стремился удержать влияние на Адриатике. В этом положении владетелю Зеты требовалось много искусства и осмотрительности, чтобы не попасть в ложное положение и не навлечь на себя гнев со стороны более сильных адриатических государств. В особенности смелое предприятие Роберта Гвискара, подошедшего к Драчу и выбросившего на Балканский полуостров значительный военный отряд, открыло для

Бодана широкое поле новой деятельности. Как для норманнов, так и для Византии владетель Драча, важнейшей морской гавани, обеспечивавшей успех действий сухопутного войска, представлял в то время весьма полезного союзника и в то же время серьезного врага, если он пристал бы к противоположной партии. Римский папа, находившийся в тесном союзе с норманнами и, без сомнения, сочувствовавший политической аванюре Роберта Гвискара, конечно, благоприятствовал сближению между сербами и норманнами. С другой стороны, Венеция, естественная соперница норманнов и союзница Византии, видевшая для себя большую опасность в движении норманнов на Балканский полуостров, тесней примкнула к империи и за обещание предоставить свой флот на службу империи получила от нее важные политические и торговые привилегии. Как империя, так и Венецианская республика домогались того, чтобы удержать Бодина в сфере своих интересов. И действительно, на первых порах князь Зеты стал на сторону Византии, против норманнов, хотя, как показали последствия, он колебался в выборе партии и предоставил окончательное решение жребии войны. Весьма может быть, что, поддерживая тайные сношения с норманнами, Бодин не решался разорвать союз с императором. Когда в 1081 г. Роберт высадился близ Драча и царь Алексей Комнин выслал против него войско, Бодин не принял участия в решительной битве и тем косвенно содействовал поражению, какое норманны нанесли грекам. Следствием этого поражения было то, что норманны, захватив Драч, победоносно пошли вперед двумя направлениями, на Скопле и Охриду до Солуни⁷⁰. В дальнейшей борьбе между норманнами и империей Бодин не принимал прямого участия и воспользовался этим временем для расширения своей власти над соседними сербскими племенами, и притом как в приморских областях, так и в континентальных, находившихся за горами. В этом последнем направлении деятельность Бодина тем более была вознаграждена успехом, что царь Алексей, занятый делами с печенегами и половцами, не мог оказать ему надлежащего отпора.

На северо-востоке от Зеты, отделяясь от нее горами, находилась жупания Раса, откуда открывался доступ в долину Косова поля, принадлежавшую тогда империи. Сюда главнейше направилась деятельность князя Зеты. Десятилетие от 1081 по 1091 г. является важнейшим периодом сербской истории, когда большая часть сербского племени стала объединяться и полагать начало к политической организации под главенством Зеты. На этом периоде необходимо остановить внимание. По словам сербского историка Станоевича, Бодин своими победами на востоке «дал направление распространению сербской власти и сербской политики на несколько веков. Естественным последствием того было и перемещение центра тяжести сербской государственной жизни из Зеты в Расу». Опорным пунктом сербов в Расе был Звечан, границей между сербами и греками был водораздел Дрины и притоков Моравы. Действующим лицом здесь является жупан Волкан — весьма загадочное имя, которое некоторыми исследователями отождествляется с Бодином⁷¹. Он свободно распоряжается в Расе и Косовом поле, пока царь Алексей был занят войной с кочевниками. Но когда в 1091 г. ему удалось почти уничтожить печенежскую орду, он принял меры к защите византийской границы от нападений сербов, но, укрепив проходы новыми сооружениями и укреплениями, отступил назад, так как ему угрожало предприятие пирата Чахи. В последующее время продолжались пограничные столкновения между сербами и греками в долине Косова поля до самого начала крестовых походов.

В самом начале XII в., со смертью Бодина, положение дел в Сербии изменяется, так как вновь со всей силой обнаружилось центробежные стремления, находившие поддержку в соперничестве членов княжеского рода. Но еще более, чем взаимные раздоры между удельными князьями, или жупанами, Расы, Зеты и Босны, на последующие судьбы Сербии обнаружило влияние распространение Угорского королевства до Адриатического моря и овладение уграми

Хорватией и Далмацией. С одной стороны, это затронуло интересы Венеции, которая имела жизненные задачи в удержании своего торгового и политического влияния по берегам Адриатики, где было значительное итальянское население, в особенности в древних городах. С другой — с приближением к морю и с завоеванием культурной и хорошо организованной страны угры и сами не могли остановиться на этом, а, напротив, заявили широкие политические притязания на господство над Балканским полуостровом, т. е. вновь подошли к той задаче, которая выпала им на разрешение с начала X в. Прежде всего они оказались естественными наследниками притязаний хорватских банов и поэтому должны были выступить соперниками Венеции. Далее, предстояло найти средства к примирению империи с новым порядком вещей, который являлся большим для нее сюрпризом: она могла еще допустить Венецию разделять с ней влияние в Далмации, но новый участник становился совсем излишним. Таким образом, было очевидным, что угорское господство по берегам Адриатики вызовет всяческое противодействие со стороны Восточной империи. Для сербских кралей начала XII в. предстояло пристально всмотреться в новые политические условия, чтобы определить свое положение между соперничающими партиями.

Когда по смерти Бодина началась борьба между родичами из-за власти, Византия употребила все свое искусство, чтобы питать и развивать эту борьбу, в том расчете, что внутренняя усобица ослабляет сербов и делает их менее опасными. Частью под влиянием создавшихся в то время условий в Сербии происходила медленная, но упорная борьба из-за преобладания между двумя областями — Расой и Зетой. По-видимому, еще при Бодине центр тяжести начал переходить из приморской области на восток, в Расу, где завязывалась основа будущей Старой Сербии, дедины Неманей. Царь Алексей оказал поддержку жупанам Зеты, которые нашли приют в Константинополе, и помог им выгнать брата Бодина Доброслава, который временно утвердился в Зете. Но преемники Бодина, управлявшие Расой, пришли к мысли, что им легче будет провести свою утлую ладью, если они будут опираться на новую силу, пришедшую вместе с уграми. Таким образом начатая Урошем политика соглашения с уграми принесла большую пользу жупанам Расы. Угры, овладев Хорватией и Далмацией, должны были войти в соглашение или с Венецией, или с Византией. Первое время политика их колебалась, но потом, со времени царя Иоанна Комнина, в 1127 г., начинает принимать твердое направление. Урош, жупан Расы, пристал к антивизантийской стороне, когда угры счастливой войной захватили у Византии Белград, Ниш и Софию и дошли до Филиппополя. В следующем году был заключен мир, но та и другая сторона хорошо понимали, что предстоит вновь решительная война между Угрией и Византией из-за влияния на Балканах. Угры вообще пользовались сербами, подстрекая их к восстаниям и борьбе с империей, причем нередко на долю сербов выпадала удача получать важные уступки и приобретения, так что можно полагать, что в конце XI в. сербский краль из своего стольного города в Скутари владел обширными землями, обнимавшими нынешнюю Черногорию, Герцеговину, Босну и часть Старой Сербии.

Но самым существенным фактом в истории Сербии занимающего нас времени нужно признать сделанные уграми завоевания в сербских землях. Именно, овладев частью Босны около 1137 г., угры утвердили здесь свое господство, и угорские короли с тех пор внесли в свой титул наименование Боснии как удела угорской короны. Это нужно считать большим ударом для сербского племени, так как мелкая война с Византией и усобицы отвлекли внимание сербских вождей от опасного угорского соседа. Слишком скудные известия о положении дел на Адриатическом побережье получают некоторое освещение в истории Анны Комниной ⁷². Когда Алексей находился в колебании насчет полученных им известий из Далмации и готовился идти войной против Бодина и далматов, к нему пришло донесение от Феофилакта, архиепископа Охриды, насчет подготавливаемого дукой Драча восстания. Так как Драч составлял опору

византийского господства и влияния на этой важной окраине, то царь был весьма обеспокоен этим известием.

«Зная, сколь неудержимы в своих порывах юноши, самодержец опасался, чтобы и Иоанн, который был еще юношей, не произвел возмущения и не причинил этим невыносимой печали отцу и дяде»⁷³.

Он призвал к себе тогдашнего великого этериарха Аргира Карацу, который хотя по происхождению был скиф, однако ж отличался благоразумием и любовью к добродетели и истине, и вручил ему два письма, одно из них к Иоанну следующего содержания.

«Мое величество, узнав о вторжении варваров в наши владения, выступил из Константинополя, чтобы обезопасить ту границу Ромэйской империи. Посему и ты должен прийти ко мне с донесением о состоянии управляемой тобою страны, ибо я опасаюсь и Волкана, как бы он не задумал чего-нибудь нам противного. Кроме того, ты должен сообщить мне сведения касательно Далмации и самого Волкана — соблюдает ли он мирные условия, ибо и о немежедневно доходят до меня недобрые вести. Узнав об этом яснее, мы приготовим больше средств и, дав тебе что нужно, пошлем в Иллирик, чтобы, напав на неприятелей с двух сторон, при помощи Божией одержать победу». В то же время к представителям⁷⁴ Драча писал: «Узнав, что Волкан снова строит против нас замыслы, мы вышли из Византии с намерением занять горные теснины между нашею и далматскою землей и вместе с тем обстоятельней разведать все касательно его и Далмации. Для сего мы признали нужным позвать к себе вашего дуку и любезного нашего племянника и дукой к вам назначить этого подателя нашего письма. Примите его и повинуйтесь всем его распоряжениям».

Вручив Караце эти письма, он приказывал ему сперва отдать письмо Иоанну и, если он добровольно послушается, проводить его с миром, а самому принять охрану страны до возвращения его назад. Когда же воспротивится и не послушается, созвать старшин Драча и сообщить им другое письмо, дабы они содействовали ему задержать Иоанна. Как видно, однако, из дальнейшего рассказа Анны, весь эпизод о готовившейся в Драче интриге и о враждебных замыслах дуки Иоанна не оправдался самым делом, так что дука Иоанн, явившись в Филиппополь и объяснившись с царем, был снова послан в Драч в качестве царского наместника.

Номинальная власть империи по берегам Адриатического моря постепенно ослабевала в течение XI в. под действием столько же внутренних, как и внешних обстоятельств. Выше мы видели, какое важное значение империя приписывала своим заморским владениям, как дорожила она хотя бы призрачной властью в Южной Италии и как держалась она за предания об ее морской военной славе. Даже и тогда, как норманны окончательно лишили империю ее южноитальянских владений, византийские цари не теряли еще надежды на возвращение утраченного, и, владея по берегам Адриатического моря важными морскими стоянками и укрепленными городами, они внимательно присматривались к событиям на итальянском материке и выжидали случая, чтобы снова восстановить поколебленное их влияние в северо-западной части Средиземного моря. Но целый ряд внешних событий и внутренних причин постоянно ослаблял живые силы империи, и она не была в состоянии держать на прежней высоте свой флот. Падение морского дела и ослабление производительных и платежных средств государства свидетельствуется столько же из экстренных мер, к каким прибегало правительство для собирания необходимых денежных средств⁷⁵, сколько из необыкновенно широких торговых привилегий, данных в это время республике Венеции. В высшей степени интересно здесь войти в рассмотрение византийско-венецианских отношений в занимающее нас время.

Централизация административной власти, выразившаяся в отмене городских привилегий и ограничении прав сената, не могла быть проведена в такой же мере на отдаленных окраинах

империи, в особенности в западных провинциях, где рано пробудилась муниципальная жизнь в древних городах. В XI в., назначая в далматинские города своего наместника с титулом дуки, центральное правительство считалось также с городским представительством и сношлось с ним непосредственно, помимо дуки. В особенно счастливых условиях развилась история Венеции, которая при Комнинах имела уже самостоятельное политическое положение и владела своим флотом. В борьбе Западной империи с Восточной из-за господства в Истрии и Далмации Венеция проявила большую приспособляемость к обстоятельствам и успела занять чрезвычайно выгодное для ее дальнейшего развития положение. В договорах с германскими императорами, которые не могли не считаться с тем, какую роль будет играть Венеция в натянутых отношениях между Восточной и Западной империей, каролингские и саксонские императоры были весьма щедры к Венеции и давали ей право свободных торговых сношений в Италии⁷⁶. В особенности Венеция хорошо воспользовалась смутным временем Генриха IV, когда этот император, находясь в крайне затруднительном положении, лично прибыл в Венецию, где принял от купели дочь дожа и возобновил договоры своих предшественников. Весьма любопытно, что на этот раз сделаны ограничения морских сношений Западной империи: венецианцы имеют право торговать в имперских землях *ubi voluerint*⁷⁷, а германцы могут проникать морским путем до пределов Венеции⁷⁸. Но в особенности торговое влияние Венеции распространялось по областям, где господствовало византийское влияние, в пределах славяно-романских поселений по Адриатике. Усиление Венеции и развитие национальной политической организации с дукой (или, по местному произношению, с дожем) во главе дало республике материальные и военные средства, с которыми она приняла на себя задачу борьбы с пиратами и с этой целью захватила Лиссу, ныне Алесслио, Рагуза также ранее других городов подпала под ее зависимость. Наконец, когда весной 1000 г. явился сюда венецианский флот, то духовные и светские представители островов и береговых городов Зары, Белграда, Трогира, Спалато и Рагузы дали венецианскому дожу Петру Орсеоло присягу на верность. Вместе с этим владетель соседней Хорватии прислал к дожу послов и выдал в заложники своего племянника. Первым следствием нового порядка было уничтожение пиратства, а дальнейшим — основание политической власти Венеции по берегам Адриатики. Дож присоединил к своему титулу наименование «далматинского», и с тех пор вошел в обычай торжественный акт обручения дожа с морем. Далматинские города много выиграли при указанном порядке вещей. Во главе городов стояли выборные приоры вместе с советом старейшин и епископом. Приорат был выборным достоинством на определенное число лет⁷⁹. Приор Зары чаще всего был военным правителем Далмации и носил достоинство византийского протоспафария. Точно так же хорватская королевская династия находилась в ближайших с ним родственных связях⁸⁰. Бесспорное преобладание Венеции по берегам Адриатического моря продолжается до самого конца XI в., когда в 1091 г. последовало угорское вторжение при короле Ладиславе. Далматинские города считали невозможным, чтобы норманны утвердились по обеим сторонам Адриатики. В феврале 1076 г. города Сплет, Трогир, Зара и Белград обязались «перед своим господином, дожем Венеции и Далмации, отвечать как за государственное преступление за всякие сношения с норманнами или другими иноземцами».

Длинный ряд договоров Венецианской республики с Византийской империей⁸¹, изданных в трех томах с ученым комментарием, вскрывает интимную историю Венеции и знакомит с обширными сношениями этого торгового государства, которое везде и во всем на первом месте ставило реальную пользу и свои собственные интересы и не встречало затруднения оказывать помощь арабам против христиан и устранять с дороги убийством или ядом неудобное ему историческое лицо. Византийские императоры издавали запрещения и угрозы против тех, кто

ввозит оружие и всякие военные материалы в землю сарацин под страхом отнятия или уничтожения судов, но в конце концов цель не достигалась, и Венеция с течением времени все больше захватывала военное и финансовое влияние в империи и становилась для нее необходимым союзником.

По поводу знаменитых дарственных грамот, данных императором Алексеем I и повторенных его преемниками, обеспечивавших за Венецией громадные политические и торговые привилегии в империи⁸², в последнее время высказаны некоторые положения, которые изменяют общепринятую доселе в приложении к ним точку зрения. Именно обращено внимание на то обстоятельство, что форма более ранних грамот отличается от позднейших привилегий 1187 и 1198 гг. в том отношении, что в этих последних обозначены и венецианские обязательства, между тем как в грамотах Мануила 1147 и 1148 гг., в которые включены и грамоты двух первых царей Комнинов, Алексея и Иоанна, дарованные Венеции преимущества рассматриваются просто как знак царской милости, а об обязательствах венецианских говорится лишь в общих чертах. Вопрос заключается в выяснении следующей проблемы. Если речь о взаимных обязательствах Венеции по отношению к империи выступает в актах конца XII в., то может ли это рассматриваться как достаточное основание для заключения, что в более ранних грамотах не были точно формулированы эти обязательства. По мнению немецкого ученого Неймана, можно находить указания в грамоте царя Иоанна 1126 г., что привилегии давались за определенные обязательства, которые Венеция принимала на себя по определенному договору, заключенному с Империей ее послами⁸³. Принимая во внимание разнообразные и сложные формы, наблюдаемые при заключении договоров между двумя государствами, мы должны допустить, что в истории греко-венецианских отношений мы не имеем в полноте всех актов и что отношения Венеции к империи и обратно не могут быть правильно оценены на основании напечатанных Тафелем и Томасом актов.

Чтобы отразить опасность, угрожавшую империи от Роберта Гвискара, Алексей I, в особенности по причине недостатка морских сил, должен был искать союзников. Он послал в Венецию послов с дарами и вызвал ответное посольство, которое с большим успехом использовало, правда, исключительно тревожное состояние империи и правительства. Можно даже думать, что интересы Венеции вполне совпадали с предложениями царя Алексея⁸⁴, ибо появление новой политической силы на романо-славянской стороне Адриатического моря наносило сильный ущерб торговле Венеции.

До какой степени Венеция была чутка к вопросу об удержании своего влияния на Далматинском побережье, видно из мер, принятых в 1075 г. дожем Доминико Сельво, когда он, прогнав норманнов из Далмации, принял присягу от главных городов в том, что они никогда не будут ссылаться ни с норманнами, ни с другими врагами республики. Что между далматинцами было тяготение к норманнам, видно из того, что Рагуза в 1081 г. послала на помощь норманнам часть своих кораблей. Отсюда легко понять, что соглашение, о котором предстоит нам говорить, отвечало и византийским, и венецианским интересам. Таким образом, флот республики оказался в июле 1081 г. в Драче, составлявшем опорный пункт империи в западных морях. Венецианцы, высадившись под Драчем, обложили его осадой с суши и с моря, начав осаду с 17 июня. Известно, что норманны потерпели поражение под Драчем и потеряли свой флот. Но зато союзник Венеции, царь Алексей I, под тем же Драчем проиграл битву с норманнами. Городской кремль остался, однако, в руках царского военачальника, носившего звание комита двора (comes cortis), хотя кремль скоро сдался норманнам вследствие измены одного венецианца. После морской победы над норманнами царь отблагодарил дожа особенным посольством и подарками.

В связи с этими обстоятельствами нужно объяснить появление золотой буллы,

утверждавшей за венецианцами большие торговые и политические в империи преимущества. Так как эта булла⁸⁵ помечена маем 1082 г., то весьма легко рассматривать ее как результат переговоров, имевших место в прошедшем году и приведших к военному союзу между империей и Венецианской республикой⁸⁶. Не останавливаясь на пышных титулах, пожалованных дожу и патриарху, мы должны привести здесь самые существенные черты из этого любопытного документа.

«Самая главная сторона этого акта, — говорит Гейд, — заключается в привилегии в пользу венецианских купцов беспошлинной купли и продажи на всем протяжении империи, причем таможенным и финансовым чинам было запрещено досматривать их товары и брать с них пошлину. Эта привилегия сразу дала венецианским купцам исключительное положение и поставила их вне конкуренции с другими купцами, торговавшими в империи. Им были открыты бесчисленные морские стоянки, где они могли бесплатно приставать и складывать свои товары, равно как громадные территории, по которым они свободно могли ходить, не платя ни за ввоз, ни за вывоз, ни при продаже, ни при покупке».

В хрисовуле специально упомянуто, что помощь венецианцев при Драче была главным основанием для наделения их торговыми привилегиями. Привилегии были широки и разнообразны. В пользу венецианских церквей 20 ливров, дожу титул протосеаста с причитающимся этому званию денежным вознаграждением, патриарху титул итертима с жалованьем в 15 ливров. В пользу церкви св. Марка в Венеции установлен налог со всех амальфитанцев, живущих в империи и занимающихся торговлей и ремеслами, по три пошлины с каждого. В столице пожалован в пользу венецианских граждан, проживающих с торговыми целями, большой квартал и три морские пристани между иудейскими воротами и Виглой на мысе, вдающемся в Босфор близ моста⁸⁷. Но в особенности были широки привилегии для торговли по империи купцам. Здесь в первый раз мы знакомимся с дальновидными промышленниками и предпринимателями, которые с неослабной энергией направляют свои планы на восточные рынки и постепенно лишают Византию собственных рынков и громадных таможенных пошлин, которые прежде шли на удовлетворение ее жизненных потребностей. Это был громадной важности исторический факт, служивший прологом к полной перемене внутреннего строя Византии, вызванной громадным наплывом в Константинополь и большие приморские города итальянцев и других иностранцев. Перечень мест и городов начинается с восточной границы. Венецианцам дается право доступа в Лаодикею и Антиохию, Мопсуестию, Таре, Атталию, Хиос, [Ефес](#). Затем в Европе — Драч, Авлона, Бондица с островом Корфу, Модон и Корон, Навплия, Коринф, Фивы, Афины, Негропонт, Димитриада, Солунь, Хрисополь (при устьях Стримона), Абидос, Адрианополь, Ираклия, Силиврия и, наконец, самый Константинополь. Во всех упомянутых местах, продолжает хрисовул, венецианцы имеют право торговать свободно, не внося никаких пошлин и не делая никаких взносов в казну за ввозимые и вывозимые товары, будучи свободны от власти морского эпарха, от логофета казны, коммеркиариев, хартулариев, счетчиков и всех чинов, ведающих сборами пошлин, ибо им предоставлена беспошлинная торговля всяческим видом товаров. Если же какой чин нарушит изложенные в хрисовуле вольности венецианцев, подвергается штрафу в пользу приказа двора (των οικειοκων) в 10 ливров и платит вчетверо против той суммы, на какую по его вине потерпели ущерб венецианские купцы.

Глава 6. Состояние империи накануне крестовых походов

Есть некоторая возможность ознакомиться с мировоззрением и умственными течениями в обществе на основании учено-литературных фактов. Во второй половине XI в. наиболее популярными именами среди константинопольских мыслителей и ученых были философы Михаил Пселл и Иоанн Итал. Первый был вместе с тем и государственным деятелем, но оба одинаково пользовались большим влиянием в обществе, имели много учеников и оставили после себя сочинения, имеющие первостепенное значение в истории византизма. Чтобы ввести читателя в существо дела, обращаемся к судебному процессу, производившемуся в духовном и светском суде. В начале 1082 г. только что вступившему на престол царю Алексею Комнину подан был донос, в котором излагались тяжелые обвинения против ученого, не только пользовавшегося известностью в столице, но и занимавшего важный пост ипата философов, который давался ученым первой величины. Говорилось в донесении, что знаменитый профессор внушает своим слушателям превратные теории и еретические мнения, осужденные св. Церковью и противные Священному Писанию, что не чтит св. икон, не признает пресвятую Деву Марию Богородицей и что нанес оскорбление иконе Христа. Императору нельзя было колебаться в своем решении по отношению к этому делу, так как в городе действительно ходили слухи о вредном направлении преподавания философа Иоанна. Отдав распоряжение произвести дознание по поводу полученного донесения, царь назначил смешанный из светских и духовных членов суд, а потом все делопроизводство было препровождено к патриарху для окончательного постановления решения. Здесь получился обильный материал, добытый следствием, на основании которого можно составить полное представление об этом деле⁸⁸. В деле Итала обращает на себя внимание не только то, что Церковь осудила его учение и подвергла его отлучению, заключив его самого в монастырь, — в этом эпизоде вскрывается любопытная страничка из истории просвещения и вместе с тем вопрос о высшей и средней школе в Константинополе, и в этом отношении оно заслуживает здесь подробного рассмотрения.

Прежде всего судебное дело выдвигает главные вины Итала в 11 положениях, в которых главное внимание сосредоточено на философских положениях, совершенно поглощающих противощерковный богословский элемент. Именно щерковному суду подверглись и обвинены им как неправые следующие мнения: о переселении душ, о платоновских идеях как реальных сущностях, наконец, о создании мира из предвечной материи. Из этого можно видеть, что Иоанн Итал не был собственно богословом и не может быть рассматриваем как виновник особого еретического учения. Он был мыслитель и подвергся щерковному осуждению за то, что не согласовал свою философскую систему с щерковым учением. Итак, на Итала следует смотреть как на выразителя философской мысли в конце XI в. и с этой точки зрения отнести к его учению.

Не лишено значения то обстоятельство, что византийский философ носит прозвание Итала. Он действительно не грек по происхождению и никогда не владел в совершенстве греческим языком. И первоначальное воспитание его относится к тому времени, когда он жил в Сицилии и Ломбардии, и когда он состоял уже на службе в Константинополе, не прерывал сношений с своими соотечественниками. Крупной известностью в столице был тогда Михаил Пселл, у которого Итал слушал уроки и влияние которого должно было отразиться на ученике. Но отношения ученика к учителю не были дружественные. Хотя свидетельство Анны Комниной⁸⁹ не может считаться вполне беспристрастным, но то обстоятельство, что Итала не удовлетворяли уроки Пселла, не может быть отрицаемо.

«Учителей он не выносил и не терпел ученья, полный же дерзости и варварского нахальства, он считал себя выше всех и без науки и поспорил с самим Пселлом на первых же уроках».

При царях Дуках Иоанн Итал занял высокое положение и получил известность и, когда Пселл постригся в монахи, занял его место в Высшей школе, получив титул ипата философов. Следует полагать, что Итал в решении некоторых философских вопросов отдавал предпочтение мнениям древних эллинских или языческих писателей, с которыми в резком противоречии находилось церковное учение. Легко понять, что его взгляд не мог быть одобрен в то время, когда свобода философского мышления была ограничена высшим авторитетом Священного Писания и святоотеческих творений. Пселл в этом смысле был консервативней и держался в подчинении церковному учению. Итал объяснял в своей школе Платона и Прокла, Порфирия и Ямвлиха, в особенности же Аристотеля и его Органон.

«Не мог он, — свидетельствует Анна Комнина, — принести большой пользы учащимся, так как тому препятствовали его вспышки и нескладный характер. Многих из них я потом часто видывала во дворце. Ни одной науки не знали они в точности, выдавали же себя за диалектиков беспорядочными движениями и странными кривляниями. Не владея реальными знаниями, они находили себе защиту в идеях да в смутных теориях о переселении душ».

Другое свидетельство позднейшего писателя об Итале приписывает ему притязание создать себе известность на аристотелевской риторике, и этим объясняется его популярность между учениками⁹⁰. Казалось бы несколько странным, что преподавательская деятельность Итала, состоявшая в толковании логики Аристотеля и его комментаторов, могла иметь последствием догматические уклонения. Но мы должны вспомнить, что в средние века, в период господства схоластики, философия тесно примыкала к богословию; философу невозможно было удержаться на середине метафизического мышления и не вдаться в область христианской догматики⁹¹. И действительно, все философы необходимо приходили к постановке и решению богословских вопросов. Сама публика требовала от учителя философии мнения по поводу волновавших общество догматических вопросов, имевших общий интерес. Такой универсальный характер тогдашней философии весьма хорошо виден в лекциях Михаила Пселла, занимающегося и риторикой, и богословием, и естественными науками, и даже правом⁹². Отсюда понятно, как трудно было удержаться философу на золотой середине и не возбудить против себя подозрений в неправославии.

Читатель легко поймет, что, встретившись с двумя крупными в византийской философской литературе именами, мы не можем пройти мимо них, не попытавшись выяснить их значение, тем более что в философских теориях Пселла и Итала есть точка соприкосновения с современным им умственным движением в Западной Европе. Весьма любопытно при этом отметить, что точкой отправления в наших дальнейших заключениях служит по превосходству, можно сказать, византийско-церковный акт — это известный Синодик в неделю православия, в котором подвергаются отлучению 11 положений, заимствованных из сочинений Итала.

Мы привели выше основные положения, заимствованные из Синодика, из которых с полной ясностью вытекает, что основание неправых, с церковной точки зрения, мнений лежало в увлечении эллинской наукой и преклонении пред языческими мудрецами. Вопрос сводится, в сущности, к философскому направлению, представителями коего были Пселл и Иоанн Итал. Хотя окончательного суждения нельзя здесь высказать, так как большинство философских трактатов того и другого писателя, а в особенности последнего из них, находится еще в рукописях, тем не менее на основании тех отрывков, которые были изданы в последнее время⁹³, можно заключить, что они занимают свое определенное место в схоластической философии средних веков. Достаточно сказать, что он уделяет обширное место учению о родах и видах.

Остается несколько сомнений по отношению к тому, признать ли Итала последователем Аристотеля или Платона. В своих «Очерках» мы высказывались за то, что в Синодике остались следы борьбы платонизма и аристотелизма, что Церковь усвоила себе аристотелевское направление и с конца XI в. поражала анафемой тех, кто придерживался Платона. Но на это было замечено ученым рецензентом, что, если в сочинениях Итала и оказывается некоторое влияние Платона, все же ввиду преобладающего влияния Аристотеля мы не имеем достаточного основания называть Итала платоником.

Важней в занимающем нас вопросе сравнение философского мышления на Западе и в Византии. Решение этого весьма тонкого вопроса не подготовлено еще в такой степени, чтобы можно было отнестись к нему без оговорок. Единственный ученый, судивший на основании личного знакомства о рукописи, в которой находится главное философское сочинение Итала, выразился о нем в том смысле, что оно влияло на средневековую западную науку⁹⁴. Но как это доказать и в какой степени следует допускать взаимодействие между Западом и Востоком на почве философского мышления, — это составляет еще задачу будущего. Нужно признать, что византизм в некоторых отношениях значительно принижен, но есть и почитатели его, в сочинениях которых ему придано неподобающее высокое умственное значение. Увлечением, между прочим, следует назвать и часто повторяющееся на веру утверждение о громадном и всестороннем влиянии эллинских ученых на начальных деятелей итальянского Возрождения. Это влияние нужно вообще принимать в очень ограниченном и условном смысле⁹⁵ и не рассматривать вопрос о Возрождении исключительно с точки зрения знакомства ранних гуманистов с греческими рукописями и языком. Для конца XI в. такое же подверженное ограничениям и весьма невыясненное положение занимает вопрос о логике Пселла. По мнению Прантля, аристотелевская логика в переделке Пселла имела продолжительное господство в западной школе, так как легла в основание всех школьных руководств. Принимая в соображение, что парижская рукопись Петра Испанского, умершего в 1277 г., представляет такие черты сходства с логикой Пселла в рукописи XIV в., что заимствование одного сочинения из другого не может быть оспариваемо, — одно сочинение, несомненно, послужило оригиналом другому. Но за греческим или за латинским списком логики признать оригинал — по этому поводу выставляются мнения и за Пселла и за Петра Испанца. Против Прантля вел полемику в разных французских журналах ученый Тюрю⁹⁶, который своими доводами убедил известного автора истории философии Ибервега и, по-видимому, перенес центр тяжести в полемике на сторону оригинальности латинского трактата. В этом же смысле стал на сторону противников оригинальности логики Пселла и русский ученый П. В. Безобразов, подтвердивший свои заключения рукописными наблюдениями⁹⁷. Чтобы окончательно решить вопрос об отношении Пселла к Петру Испанскому, нужно, говорит г-н Безобразов, предпринять кропотливую работу сличения логики Пселла с сочинениями, несомненно ему принадлежащими, и с другими византийскими трактатами по логике, какой никто еще не предпринимал.

Таким образом, в настоящее время нужно пока отказаться от той мысли, которая руководила и моими заключениями, изложенными более 20 лет назад⁹⁸ насчет влияния византийской науки на Запад через посредство логики Пселла. Хотя при Дуках и Комнинах, несомненно, был умственный и художественный подъем, но живым творческим духом не обладал и век Комнинов, между тем как на Западе организующая просветительная и эмансипационная работа шла своим путем независимо от Византии.

Начальные годы царствования Алексея Комнина дают драгоценный материал для суждения об экономическом и финансовом положении государства. Вынужденный прекращением всяческих доходов из Малой Азии вследствие распространения власти турок-сельджуков и

всеми вредными последствиями норманнского нашествия на Балканский полуостров, царь Алексей решил прибегнуть к крайнему средству для изыскания денежных средств. Он коснулся священных сокровищ в богатых церквах и употребил их на государственные нужды. Но это произвело дурное впечатление на общественное мнение в столице, о котором говорит Анна Комнина⁹⁹. Он только в крайней необходимости, во время тяжких народных бедствий и при оскудении государственной казны, обращался к такому средству и считал это займом, а не грабежом или насилием. У него было намерение по окончании предстоявших войн возвратить церквам взятое у них украшение. Чтобы положить конец обвинениям в святотатстве, царь решился подвергнуть этот вопрос рассмотрению на церковном Соборе и сам выступил защитником сделанного им распоряжения о позаимствовании из церковных средств.

«Нашедши царство со всех сторон окруженным варварами и не имея ничего достаточного для своей защиты от приближающихся врагов... без денег и оружия в кладовых, я употребил взятое у церквей на необходимые расходы, как поступал в свое время Перикл и как царь Давид, находясь в крайней нужде, вкусил со своими воинами от священного хлеба».

После того императору снова пришлось приносить покаяние за присвоение церковных имуществ и употребление их на государственные цели в новелле 1088 г. и дать обещание возвратить Церкви ее достояние, как скоро утихнет буря варварского нашествия. Но обстоятельства не складывались так благоприятно, чтобы произвести желаемую расплату из государственного казначейства, и вопрос, насколько можно судить, так и остался нерешенным.

Нет сомнения, что только крайняя нужда побудила царя Алексея к рискованной для того времени финансовой мере. Исключительная материальная скудость государственного казначейства и бедность империи во второй половине XI в. хорошо выясняется из истории тогдашней стоимости денежных знаков. Чтобы легче ориентироваться в нижеследующих объяснениях, напомним, что господствовавшей денежной единицей был золотой империал, называемый номисмой и иперпиром (перпер). Из фунта золота чеканилось 72 номисмы, каждая весом 4,55 г, т. е. стоимостью на наш счет от 4 до 5 руб. Разменной монетой был серебряный милиарисий, или 11000 золотого фунта, стоивший от 30 до 35 коп., в каждой номисме полагалось 12 милиарисиев. Более мелкая монета была кератий или коккий, коих полагалось 24 на номисму и цена коего была несколько больше 15 коп. Наконец, обращалась медная монета фолл (пула), равняющаяся 2 коп. С этой ходячей монетой византийское правительство во все времена производило противозаконные операции, обесценивая чеканку и давая монете принудительный курс. Так как взимание налогов и податей отдавалось частным предпринимателям, и притом с публичных торгов, то сборщики податей в желании наживы позволяли себе всяческие злоупотребления, часть которых хорошо покрывалась монетной системой. Кроме того, Византийская податная и финансовая система допускала в этом отношении различные добавочные и дополнительные статьи, обусловленные довольно трудными вычислениями, при производстве которых также допускаемы были злоупотребления. Так, еще Лев Исавр ввел дополнительный сбор в 2 кератия на номисму по случаю возобновления стен. Стены давно уже были поправлены, а сбор продолжался и в занимающее нас время. Таков же был добавочный сбор в шесть фоллов на номисму. Наконец, были еще добавочные пошлины разных наименований: обычная (συνθητεια) и погонная (ελατικον), увеличивающие сбор на каждую номисму капитального обложения по крайней мере в 50 коп.

Царь Алексей ввиду трудных экономических условий не только не улучшил способа податного обложения — напротив, допустил новые ухудшения, легшие тяжелым бременем на население. Именно ему посылается следующий упрек:

«Нашедши номисму испорченною его предшественниками, он стал ее выделять из меди

и употреблять такую монету для расплаты по казенным покупкам, между тем как поступления в казну обязательно взимались полновесной золотой монетой»¹⁰⁰.

Пущенный в обращение сплав, долженствовавший иметь принудительный курс номисмы, или 12 милиарисиев, на самом деле стоил лишь 4 милиарисия, т. е. в три раза был ниже настоящей номисмы. Мы не можем допустить, чтобы правительство совершенно не принимало к уплате своей низкопробной монеты, но все ведет к мысли, что принудительный курс плохой монеты оплачивался именно теми, кто имел дело с казенными учреждениями. Есть весьма любопытный финансовый памятник, относящийся ко времени Алексея Комнина, в котором наглядно, в таблицах, представлена господствовавшая система взимания налогов и податей¹⁰¹. Прежде чем представить картину того, каким тяжелым бременем был принудительный курс, приведем образец самой обычной раскладки. Если принять за норму податной итог в 100 номисм, какой требовался с той или другой сельской общины, то при фактической уплате сборщику указанный податной налог выражался в следующей величине. На 100 номисм следовало добавочных статей: дикерата 100 милиарисиев, или 8 и 13 ном., эксафолла (6 фоллов) 25 милиарисиев, или 2 и 112 номисмы, так называемого обычного 3 номисмы и погонного 1 ном. Всего вместо 100 номисм с плательщиков собиралось 114 с лишком номисм, т. е. увеличение было на 14%. Но если принять в расчет не такой большой итог, как 100 номисм, а меньшую сумму, например 1 номисму, то подлежащая уплате сумма со всеми надбавочными статьями увеличивалась почти вдвое (1 56 ном.).

Еще хуже стояло дело при сборе податей новой монетой, введенной в обращение царем Алексеем. По-видимому, в одно и то же время практиковались две системы в разных частях империи. Во Фракии и Македонии собирали по старому образцу, с надбавкой 14% накладных. Но на 1090 г. некто Димитрий Каматир подрядился собрать с этих фем вдвое более против обычного. На следующий год взял подряд на сбор подати Никифор Артавазд. В памятной книжке этого сборщика оказалась заметка, что при сборе податей господствовал большой произвол: в одних селениях вместо милиарисия взыскивалась номисма, в других номисма бралась за два милиарисия, а в иных — за три или четыре. Неравномерность бросалась в глаза в особенности тогда, когда подать взыскивалась с крупных землевладельцев и с монастырей, ибо в этом случае номисма рассчитывалась на 12 милиарисиев. Это значило, что с мелких крестьянских угодий подать бралась в несколько раз выше, чем с больших земельных участков. Вследствие доклада, поступившего от упомянутого выше Артавазда, царь сделал новое разъяснение закона о податях, причем разрешил принимать в уплату и низкопробную монету, но с большим учетом курса. Именно все мелкие доли, из которых, конечно, и составлялись взносы с крестьянских участков, позволялось вносить медной разменной монетой (148, 132, 116 и проч. доли номисмы) с таким условием, чтобы когда получится сумма в 4 милиарисия, то она должна засчитываться за 1 номисму нового чекана. Для казны и для плательщика теперь каждые 12 милиарисиев стоили уже не 1 номисму, а 3. Но тягость плательщика легко себе представить, если вспомнить о добавочных статьях, считавшихся на каждую номисму. Теперь эти добавочные статьи увеличивались гораздо быстрее и были втрое больше, чем при прежней системе. Положим, — приводим рассуждение Васильевского, — что с известного плательщика следовало взыскать полторы номисмы. За одну целую номисму с него совершенно законно брали 4 милиарисия, т. е. новой монетой царя Алексея; но половину номисмы считали по прежней системе в 6 милиарисиев и, перелагая эту сумму на новый счет, считали их за 1 номисму и 2 милиарисия. И получалась странная система: полномисмы обходились плательщику в полтора раза дороже, чем целая номисма. Хотя в 1094 г. царь сделал новое разъяснение и приписывал злой воле сборщиков податей оказавшееся недоразумение, тем не менее поводы к несправедливой раскладке этим не были устранены. Совершенно основательно указывали

правительству, что несправедливо платить за новую номисму, которая втрое дешевле прежней, те же 30 фоллов дополнительного обложения, какое прежде распределялось на 12 миллиарсиев, или золотую номисму. По новому царскому указу положено было взыскивать с номисмы 15 фоллов накладных статей (дикерат, обычное, погонное и др.). В особенности эти накладные статьи обременяли отсрочки и недоимки в платежах, причем миллиарсии обращались в номисмы, и каждая номисма вновь рождала из себя миллиарсии. Нужно считаться с этим положением вещей, когда мы будем свидетелями того, как подданные византийского царя добровольно переходят в иностранное подданство.

Глава 7. О крестовых походах. Первый крестовый поход

Крестовые походы имеют не только общеисторический интерес как выражение идей и настроения умов в известный период средневековой истории. По своим мотивам, а равно по ближайшим последствиям, в особенности же по разнообразным и глубоким влияниям на взаимные отношения Востока к Западу, крестовые походы не лишены специального значения для истории восточноевропейских народов. Составляя весьма важный отдел в западноевропейской истории, крестовые походы обильны внешними фактами и богаты результатами, которые хотя и куплены были весьма дорогой ценой, но могущественно повлияли на духовное развитие европейских народов. Западные народы вложили в крестовые походы много своих сил, и материальных и духовных, потому нет ничего удивительного, что национальная история французов, немцев, итальянцев и англичан не может не уделять значительного места изложению истории крестовых походов. Для восточноевропейской — в частности, для русской — истории крестовые походы представляют интерес с другой точки зрения, именно по соображению мотивов и результатов крестовых походов. Весьма рельефно выступающий в новой истории антагонизм между Западной и Восточной Европой, резко выдвигающаяся противоположность интересов и культур романо-германской и греко-славянской в первый раз обнаружилась в эпоху крестовых походов, а нынешнее политическое и религиозное влияние католических стран на Востоке началами своими восходит к той же эпохе. Религиозная и национальная вражда к мусульманству, одушевлявшая первых крестоносцев и поддерживавшая их в перенесении громадных лишений и потерь, скоро уступила место другим побуждениям, которые, однако, оказались несколько не слабее, первых и продолжали увлекать на Восток новые и новые западные ополчения. Когда первоначальная цель крестоносного движения перестала быть руководящим мотивом, выдвинулись на первое место политические соображения. Не об Иерусалиме и не об освобождении Гроба Господня из рук неверных стали помышлять вожди крестоносцев, а об основании независимых княжений на Востоке, о завоевании Византии, наконец, о торговых преимуществах в областях византийских и мусульманских. Таким образом, с точки зрения восточноевропейской истории, эпоха крестовых походов представляет собой любопытнейший эпизод борьбы между Западом и Востоком, борьбы, которая еще не окончилась и поныне и продолжается на наших глазах, соединив разнообразные интересы, как религиозные, так и политические и торговые, в так называемом Восточном вопросе. Ввиду указанного крестовые походы и с точки зрения русской истории получают важное значение как эпизод столкновения двух миров, разделяющих и поныне господство в Европе и Азии.

Ближайшие обстоятельства, вызвавшие крестовые походы, остаются до сих пор не вполне ясными. Сильное развитие папской власти, мечтавшей в конце XI в. обратить греков к послушанию римской Церкви, глубокое влияние духовенства, подвинувшего западные народы к исполнению воли Римского первосвященника, тяжкое экономическое и социальное положение народных масс, привычка к войне и жажда приключений — вот причины, которыми объясняют начало крестовых походов. Решительным и последним побуждением было обращение царя Алексея I Комнина к папе Урбану II в 1094 г. с просьбой о помощи против турок-сельджуков. Все эти мотивы, конечно, имели значение при возбуждении первого крестового похода, но ни все вместе, ни каждый в отдельности они недостаточно объясняют принятое крестовыми походами направление и на первых же порах обнаружившиеся недоразумения между крестоносными вождями и византийским правительством. В русской исторической литературе с особенной силой выдвинуто то обстоятельство, что крестовые походы стоят в тесной

внутренней связи с тогдашним состоянием Византийской империи и что принятое ими направление может быть выяснено из рассмотрения политических условий, в каких находилась тогда Византия.

Само собой разумеется, здесь подразумеваются отношения Византии к мусульманскому миру. К VIII в. мусульмане овладели Азией и Африкой и утвердились на островах Средиземного моря и в некоторых областях Западной Европы. В 717 г. они осадили Константинополь с суши и с моря, семь раз делали приступ на столицу восточного христианского мира. Но царь Лев Исавр успел соединить против магометан большие морские и сухопутные силы и нанес им сильное поражение под Константинополем; это была первая победа христиан, надолго приостановившая победоносный напор мусульманского мира и спасшая от порабощения им Переднюю Малую Азию. Скоро затем (в 732 г.) магометане потерпели большое поражение от Карла Мартела, заставившее их надолго отказаться от попыток новых завоеваний и в Западной Европе. Несмотря на частные успехи магометан на островах Средиземного моря (Крит и Сицилия), несмотря на опустошения, производимые ими в Италии и Южной Франции, в общем в IX и X вв. они уже не были так страшны и победоносны, как ранее. Это частью объясняется внутренними явлениями, наблюдаемыми в самом мусульманском мире. Когда ослабел первый религиозный пыл, в магометанской среде начались распри, выразившиеся в политическом дроблении калифата и в религиозном сектаторстве. Мало-помалу образовалось три калифата: Багдадский, Египетский, или Фатимидский, и Испанский, или Омейядский. Багдадский калифат разделился к X в. на множество отдельных княжений; пользуясь его раздроблением, византийские императоры Никифор Фока и Иоанн Цимисхий отняли у него часть Сирии с городом Антиохией и остров Крит. Египетский калифат действовал отдельно от других и направлял свои силы против Сицилии и Южной Франции. Что касается испанских арабов, то они также заняты были внутренними войнами и борьбой с вестготами. Магометанство вновь становится опасным для христиан в XI в., и притом как на Востоке, так и на Западе. На Востоке магометане приобрели новых прозелитов в лице туркмен, живших около Каспийского и Аральского морей. Туркмены, получившие потом имя турок-сельджуков, вторглись в области Багдадского калифата, подчинили себе мелких властителей Ирана и Месопотамии и начали принимать деятельное участие в делах самого калифата, занимая место приближенных советников и администраторов калифа и составляя его военную стражу. Скоро турки-сельджуки перенесли на себя весь интерес истории магометанского мира. Они завоевали почти всю Малую Азию, образовав могущественный султанат со столицей в Икони и угрожая самому Константинополю. Один из крупных эпизодов этой эпохи сосредоточивается на событиях 1071 г., когда султан Альп-Арслан одержал блестящую победу над византийскими войсками при Манцикерте, в Армении, взяв в плен царя Романа Диогена. Это поражение имело важное значение не для одной Византии, но и для всего христианского мира. Для сельджуков теперь открывался свободный путь к Мраморному морю и Босфору, они могли без особенных затруднений осадить Константинополь. Как бы ни были грубы и дики сельджуки, они и тогда уже понимали, что тот план действий, который впоследствии осуществлен был османскими турками, мог быть испробован и теперь. Что туркам-сельджукам была не чужда мысль о завоевании Константинополя, это доказывается нижеследующими фактами.

Говоря о состоянии мусульманского мира накануне крестовых походов, нельзя оставлять без внимания европейских сородичей сельджуков, хорошо известных из русской летописи половцев и печенегов, которые в конце XI в. распространились по Южной России и, переходя через Дунай, не раз тревожили Византийскую империю. Не далее как летом 1088 г. печенеги нанесли Алексею Комнину страшное поражение при Дристре (Силистрия), захватили в плен

много знатных византийцев и самого императора заставили искать спасения в постыдном бегстве. Богатая добыча, доставшаяся печенегам, пробудила алчную зависть в их союзниках — половцах, которые пришли к ним на помощь. Откупившись золотом от хищных соседей и подданных (печенеги были уже приняты на византийскую землю), Алексей, однако, не мог быть спокоен и за ближайшее будущее, пока печенеги без страха переходили Балканы и нападали на византийские города Адрианополь и Филиппополь, доходя даже до стен столицы. На этот раз опасение усиливалось еще и потому, что половцы, не получив себе части из византийской добычи, грозили двинуть всю половецкую орду за Дунай, чтобы отомстить печенегам. Правда, половцы в этом отношении могли оказать услугу Византии, но чего было ожидать потом от такого рода слуг и союзников?

В зиму 1089—90 г. печенеги расположились в Адрианопольской области, чтобы весной начать свои опустошительные набеги в самом сердце империи. Император занимался обучением войска для предстоящего похода и набором новых отрядов. Лето (1090) принесло с собой новые затруднения. Турецкий пират Чаха, воспитанный в Константинополе и хорошо знакомый с положением дел, снарядил собственный флот и составил план действий против империи с моря, когда печенеги будут отвлекать ее силы с сухого пути. Все лето император провел в походе против печенегов. Чтобы судить об опасности, угрожавшей Константинополю, достаточно сказать, что военные действия сосредоточивались около Чорлу, т. е. в расстоянии одного дневного перехода от столицы. С наступлением осени война прекращалась, но печенеги не думали возвращаться в свои кочевья, а расположились тут же, почти в виду Константинополя. Зима 1090—91 г. прошла в постоянных схватках, которые, впрочем, не имели решительного значения ни для той, ни для другой стороны. Столица была заперта, из нее не выпускали жителей, потому что за стенами города рыскали печенежские наездники. В трудных обстоятельствах, какие могла помнить Византия из предшествовавшей истории, ее спасала возможность морских сношений. Но теперь Чаха замыслил отрезать от Константинополя и море. Располагая значительным числом кораблей, он сделался полновластным господином Босфора и Мраморного моря. Стало известным, что его послы переговариваются с предводителями печенежской орды и условливаются об общем плане действий. Вообще положение империи в 1091 г. представляется в высшей степени беспомощным. Едва ли ранее угрожала ей такая неминуемая и близкая гибель. Император, говорит Анна Комнина, видя, что и с моря, и с суши наше положение весьма бедственно... посланиями, отправленными в разные стороны, спешил собрать наемное ополчение. Некоторые из этих грамот назначены были в половецкие вежи, другие — к русским князьям; без сомнения, были послания и на Запад, в особенности к друзьям, которые уже доказали раз свое расположение к императору, каким был Роберт, граф фландрский, приславший Алексею вспомогательный отряд.

Между тем воззвание Алексея Комнина на Западе должно было произвести сильное движение. Не без причины, конечно, первый крестовый поход составил по преимуществу из владетельных князей и рыцарей Франции. Роберт Фриз, к которому, между прочим, адресовано письмо Алексея Комнина, был авторитетным глашатаем первого похода именно в среде высших классов; притом и послание императора Алексея совершенно ясно и определенно ставило вопрос о цели похода, т. е. именно так, что могло возбудить самые замечательные надежды феодальных рыцарей: берите империю и Константинополь, богатств найдете вы много; пусть все будет ваше, лишь бы не доставалось печенегам и туркам. Гроб же Господень и Иерусалим, оскверняемый неверными, были достаточным знаменем для верующих в простоте сердца, среди которых действовали другие проповедники, между которыми особенной известностью пользовался Петр Пустынный. Не забудем и того, что в первом походе участвуют сын Роберта Фриза и два его племянника, также немало близких родственников. Первый крестовый поход,

таким образом, состоялся бы и помимо папы и имел бы тогда совершенно иное значение и несколько другие цели. Но в октябре 1093 г. умер Роберт Фриз, чем несколько замедлился ход начавшегося в рыцарстве движения. В латинских летописях того времени сохранились некоторые указания, что уже в 1092 г. были речи о крестовом походе, было движение умов в этом направлении.

Пока на Западе происходили переговоры и составлялись соображения, скорому осуществлению которых помешала смерть Роберта Фриза, император Алексей Комнин не только успел пережить мучительные минуты отчаяния, внушившие ему малодушное послание, но и устранить опасность, которая угрожала его империи. На весну 1091 г. Чаха приготавливал высадку в Галлиполи, сюда же потянулась печенежская орда. Но его отвлекли от своевременного прибытия к месту сбора греческие морские силы, а потом он был убит никейским султаном. 40 тысяч половцев под предводительством Тугоркана и Боняка и отряд русского князя Василька Ростиславича содействовали тому, что печенеги были уничтожены 29 апреля 1091 г. Половецкие предводители Тугоркан и Боняк оказали громадную услугу Византии. Печенежская орда была ими уничтожена, остатки ее не могли уже возбуждать опасений, напротив, в качестве легких разведочных отрядов они с пользой служили в византийском войске. Не будь на службе императора этих печенежских конников, ему не так легко было бы тревожить крестоносные отряды неожиданными нападениями, заставляя их держаться в тесном строю и не расходиться по окрестностям для грабежа мирного населения. С победой над печенегами Алексею перестала угрожать опасность соединения азиатских и европейских турок (печенеги и турки-сельджуки — одного происхождения); раздробленные и враждующие между собой малоазиатские княжества турок-сельджуков были для Алексея совсем не так опасны, как норманнское нашествие, как набег печенежский или как остроумный и дальновидный замысел пирата Чахи. Но к 1092 г. Алексей был уже свободен от томительного страха за судьбы империи, а на Западе только еще знакомился с содержанием его послания и собирались в поход, который имел определенную цель — спасти Византийскую империю от печенегов и сельджуков. Здесь, конечно, следует искать причину к объяснению взаимных недоразумений и горьких обвинений, которые направлялись крестоносцами против византийцев и наоборот. К крайнему изумлению крестоносцев, печенеги и турки оказывались на службе императора и всего чувствительнее вредили им быстрыми набегами; византийский император не только не сдавал им города и не унижался, но еще требовал себе ленной присяги и договаривался о городах, которые крестоносцы завоюют у турок. Но нужно помнить, что не меньше изумлены были движением крестоносного ополчения и византийцы — они утверждают, что это движение на восток не вызвано было просьбами их, а произошло самостоятельно и угрожало пагубными последствиями для греческой империи ¹⁰².

Движение в пользу крестовых походов было уже довольно заметное в рыцарских замках и в деревнях, когда в нем принял непосредственное участие папа Урбан II. Можно даже думать, что первый крестовый поход осуществился бы и без знаменитой клермонской речи, как это показывает ход событий. В марте 1095 г. папа Урбан II присутствовал на Соборе в Пиаченце, где решались вопросы церковного благочиния — о строгости монашеской жизни, о мире Божьем и пр. — и где церковный авторитет обнаружился в некоторых мерах по отношению к германскому императору и французскому королю. Говорят, что в конце собрания была высказана мысль о крестовом походе. Летом того же года папа был в Южной Франции, 18 ноября состоялся Собор в Клермоне. Действия этого Собора далеко не отличаются характером политических или военных решений, напротив, ограничиваются церковной сферой. Здесь снова выдвинуты были церковные вопросы: о прекращении феоды, о Божием, произнесено отлучение от Церкви короля Филиппа. В конце заседания папа произнес ту речь, с которой обыкновенно

начинают историю первого крестового похода. Но о содержании этой речи, сказанной под открытым небом, ибо огромное стечение народа не могло поместиться ни в одном городском здании, нельзя составить точного представления. Правда, речь эта передана тремя писателями первого похода, которые сами присутствовали на Соборе и были свидетелями всего происходившего, но содержание речи у всех передано по памяти, со значительными личными вставками и такими отличиями в изложении, которые способны внушить мысль, что все они передают не одну мысль, а разные. Само собой разумеется, если бы речь Урбана II имела действительно официальное значение, то она должна бы была сохраниться в каком-нибудь акте, а не в случайном изложении писателей. Точно так же и по отношению к организации крестового похода роль Урбана II сводится к самым незначительным мероприятиям. Правда, он обещал принять под защиту Церкви имущество тех, кто отправится в крестовый поход, возобновил распоряжение о прекращении внутренних войн, поручил епископу Адемару произнести отпущение грехов для всех присутствовавших на Соборе, но этим, в сущности, и ограничивалось участие папы в деле такой важности для всего европейского человечества, как организация крестового похода. Нужно было иметь мало политического такта и совсем не понимать готовящихся событий, чтобы оставаться до такой степени безучастным к организации и направлению похода, в котором за отсутствием церковного руководства должны были получить место несогласные с интересами Церкви влияния.

Если таким образом папе Урбану и его клермонской речи нельзя приписывать решительного значения в деле первого крестового похода, то остается рассмотреть составные элементы, из которых составила крестоносная армия, и в них поискать разгадки движения.

В первом крестовом походе прежде всего выступает на первый план народное движение, оно шло впереди и, по всей вероятности, вызвало движение высших классов. Во главе воодушевленных проповедников, неотразимо действовавших на простой народ, предание ставит Петра Пустынника, или Амьенского. Теперь уже доказано, что сага о Петре Амьенском не имеет фактической достоверности, ибо стало известно, что он не был в Иерусалиме и что рассказ об его видении в храме Гроба Господня есть позднейший вымысел. Тем не менее участие Петра и подобных ему лиц, красноречиво обращавшихся к массам простого народа с проповедью о борьбе с неверными, более всего содействовало тому, что идея крестового похода стала популярной в народных массах.

Петр Пустынный проповедовал о походе в Северной Франции; вокруг него собралось множество народа с полным доверием к нему как пророку Божию. В то же время некто Вальтер из рыцарского сословия собрал массы народа в других местах. К концу зимы он уже имел до 15 000 человек. Готшалк сначала ведет дело вместе с Петром, потом отделяется от него и сам собирает огромную толпу из франков, швабов и лотарингцев. Проходя Германией, эти толпы нападали на сельских жителей, производили грабеж и вообще не хотели соблюдать приказаний своих мало уважаемых вождей. В прирейнских городах Трире, Майнце, Шпейере и Вормсе толпы крестоносцев напали на евреев, многих перебили и разграбили их имущество. Означенные вожди и сподвижники их, выступившие в поход весной 1096 г., стояли во главе хотя и многочисленного, но самого жалкого сброда, к которому приставали преступники, беглые крестьяне и не ужившиеся в монастырях монахи. Эти первые крестоносные толпы не имели с собой ни запасов, ни обоза, не признавали никакой дисциплины и позволяли себе невообразимые насилия на пути, оставляя по себе самую дурную память. С подобными нестройными массами в первый раз знакомятся греки и турки-сельджуки и по ним составляют понятие о целях, средствах и силах крестоносцев.

Когда крестоносное ополчение приблизилось к границам Венгрии, там уже знали, с кем приходится иметь дело, и приняли меры предосторожности. Король Коломан стоял с войском

на границе и поджидал крестоносцев. Он соглашался не только пропустить их, но и снабдить съестными припасами, если они не будут позволять себе насилий и беспорядков. Первая толпа, пришедшая в Венгрию, имела во главе Готшалька. Здесь услышала она, что другой отряд, предводимый графом Эмиконом Лейнингеном, был почти весь уничтожен в Чехии князем Брячиславом. Тогда ополчение Готшалька, считая своим долгом отомстить за своих собратьев, начало опустошать страну, по которой оно проходило. Коломан напал на крестоносцев и одним делом решил участь всего отряда. Позже этой же дорогой идут толпы, предводимые Петром и Вальтером. Наученные опытом, они прошли через Венгрию в должном порядке и без особенных приключений. Но на границе Болгарии их ждал враждебный прием. Петр проходил Болгарией как неприятельской землей и, весьма ослабленный, добрался до границ Византийской империи. Численность крестоносцев после всех потерь доходила до 180 000.

Когда ополчение Петра достигло границы Византийской империи, царь Алексей Комнин послал навстречу ему послов и обещал снабжать Петра всеми продовольственными средствами, если он без замедления поспешит к Константинополю. На местах остановок крестоносцы действительно находили припасы, и греческое население относилось к ним с доверчивостью и не разбегалось при появлении их. Только на два дня Петр остановился в Адрианополе и 1 августа 1096 г. прибыл к столице. Здесь присоединились к нему остатки отряда Вальтера, императорские чиновники указали им место остановки и расположения. Император отнесся к этой крестоносной толпе со всею гуманностью и состраданием. Он уговаривал Петра переждать на европейском берегу пролива, пока подойдут рыцарские отряды, ибо плохо вооруженная толпа, каково было почти 200-тысячное войско Петра, не в состоянии было вести дела с турками. Призвав к себе Петра и расспросив его, император понял, что он имеет дело с мечтателем, совсем незнакомым с принятыми им на себя обязанностями предводителя. Алексей выразил, однако, полное расположение к Петру, сделал ему подарок, приказал раздать деньги и припасы его отряду и просил лишь наблюдать порядок и не допускать насильственных действий. Крестоносцы бродили по городу, удивлялись роскоши и богатствам; беднякам нельзя было брать на деньги всего, что им нравилось, они начали брать силой. Последовали неизбежные столкновения с полицией, пожары и опустошения. Благочестивые крестоносцы стали жаловаться, что их удерживают против воли на европейском берегу и не позволяют вступить и борьбу с врагами креста Христова. Что оставалось делать византийскому правительству? Не без удовольствия оно вняло ропоту толпы и дало ей возможность переправиться на азиатский берег. Здесь при Еленополе, на северо-запад от Никеи, крестоносцы расположились лагерем. На неприятельской земле, в виду турок-сельджуков, владения которых простирались тогда почти до самого берега моря, крестоносцам нужно было держаться со всею осторожностью и в полном подчинении одному вождю. Но Петр не сумел сохранить своего влияния: толпы расползлись по окрестностям, грабили селения и опустошали страну, одной удалось даже близ Никеи одержать верх над турецким отрядом. С кичением и самонадеянностью удалцы рассказывали в лагере о своих подвигах; составила другая толпа охотников, пожелавшая повторить набег. Все это делалось помимо Петра Пустынника, против его советов и предостережений. С огорчением оставил он лагерь крестоносцев и возвратился в Константинополь поджидать рыцарских ополчений. Затем все крестоносное войско постигла самая жалкая участь. Между тем как толпа охотников, запертая в одном укреплении, была уничтожена турками, в Еленопольском лагере распущен был ложный слух, что Никея взята крестоносцами. Все пожелали участвовать в добыче и шумно, без всякого порядка, снялись с лагеря. Путь лежал по гористой местности, которую заняли турки. Нестройная и беспорядочная толпа крестоносцев перебита была в один день, немногие спаслись бегством к Босфору и перевезены на греческих лодках в Константинополь. Это было в первых числах октября 1096 г.

Рассказанные события составляют введение в первый крестовый поход. Большинство участников в этих событиях не возвышались до политических целей и соображений и действовали только под влиянием фанатического чувства: насилия и убийства, совершенные ими в тех странах, через которые они проходили, стремясь к своей цели, — в Венгрии, Болгарии и Константинополе, — казались им вполне благочестивыми подвигами, прямо относившимися к делу. Несчастный опыт, сделанный первыми крестоносцами, послужил уроком для последующих крестоносных войск. Как венгры, болгары, так и сами греки стали недоверчиво относиться к действиям крестоносцев и их целям; по первым толпам они судили вообще о всех крестоносцах. Но кроме этого обстоятельства весьма невыгодно отозвалось на крестоносцах и то, что несчастный исход октябрьской катастрофы, уничтожив сотни тысяч крестоносцев, вселил уверенность в турок. Как у греков, так и у турок возникли новые планы относительно крестоносцев.

События 1096 г. должны были ускорить движение рыцарей. Проповедь о крестовом походе нашла приверженцев и среди высших слоев общества; но она не коснулась тех лиц, которые могли направить движение по одному плану и к одной цели. Ни французский, ни английский, ни немецкий короли не могли принять и не приняли участия в этом движении. Это объясняется тем, что как король французский, так и германский император стояли в неблагоприятных отношениях к Римскому престолу. Филипп I, король французский, навлек на себя гнев св. престола своим бракоразводным делом. Германский король Генрих IV находился в самом критическом положении: он вовлечен был в трудную и опасную борьбу за инвеституру и готовился в это время смыть с себя позор каносского свидания. Но, не принимая личного участия, никто из них не мог и остановить начавшегося движения. Среднее и высшее сословия — рыцари, бароны, графы, герцоги — были увлечены сильным движением низших классов, к которым пристали также и города, и не могли не поддаться общему течению. Видя массы народа, которые без оружия и без провизии стремились в неизвестные земли на неизвестное рискованное предприятие, военные люди считали бесчестным оставаться спокойными на своих местах.

Летом 1096 г. начинается движение графов, герцогов и князей. В середине августа снаряжается в поход Готфрид Бульонский, герцог нижнелотарингский (племянник Готфрида Бородатого, который в борьбе за инвеституру был решительным врагом Григория VII). Готфрид Бульонский имел качества феодального государя, он хотел провести в своих владениях меры, противоположные интересам св. престола, и далеко не сочувствовал недавней победе папства над светской властью, словом, не был церковного направления. Но как скоро он принял участие в крестоносном движении, народная сага придала ему церковный характер. В этом облике для историка трудно отличить настоящего Готфрида, отделить действительность от фантазии, истину от вымысла. По позднейшим преданиям, свой род Готфрид ведет от Карла Великого. Он находится в прямой связи с папами, он их помощник и слуга, он строит, обогащает церкви... Но если отнять от Готфрида весь фантастический элемент, то он представляется нам в высшей степени несимпатичным, неидеальным. Он желает на Востоке вознаградить себя за те потери, которые он понес в собственных владениях. Чтобы иметь средства для похода, он заложил свои владения епископу Люттиха и Вердюна. Получив за это значительную сумму денег, он собрал вокруг себя многочисленный отряд (до 70 тыс.) из хорошо вооруженных рыцарей и снабдил его провиантом и всем необходимым для дальнего похода. К нему пристают его братья Евстафий и Балдуин, впоследствии король иерусалимский. Готфрид не был главным начальником всего похода, но во многих случаях князья, бароны спрашивали его совета и руководились его мнениями. Он держал путь к Константинополю через Венгрию и Болгарию, т. е. шел тою же дорогой, что и ополчение Петра, Вальтера и других.

Наследственные земли тогдашней французской короны выставили отряд под предводительством брата короля — Гуго, графа Вермандуа. Это был еще молодой человек, гордый своим происхождением и рыцарской славой, тщеславный и пустой, по свидетельству Анны Комниной. Поход был для него лишь средством искать славы и новых владений. Он спешил возможно скорее добраться до Константинополя и предпринял путь чрез Италию, чтобы отсюда переехать морем в Византию. Поспешность много повредила ему; он действительно первым попал в Константинополь, но в печальном положении: буря прибила его судно к берегу, и он должен был без особенных почестей отправиться в Константинополь по приглашению императорских чиновников.

На севере Франции оставалось два ополчения: герцог Нормандии Роберт, сын Вильгельма Завоевателя и брат тогдашнего английского короля Вильгельма Рыжего, предпринял поход уже совсем не из религиозных побуждений. В своем герцогстве он пользовался весьма ограниченной властью и располагал малыми доходами. Большая часть городов Нормандии принадлежала английскому королю; бароны не оказывали повиновения своему герцогу. Для Роберта поход в Св. Землю казался единственным средством выйти из затруднительного положения, в которое он поставил себя в Нормандии. Заложив английскому королю свое герцогство, Роберт получил необходимую для предприятия сумму и собрал вокруг себя рыцарей Нормандии и Англии. Другое ополчение собралось во Фландрии под предводительством Роберта Фриза, сына известного графа того же имени, пилигрима в Св. Землю, находившегося в дружественных отношениях с царем Алексеем Комнином.

Все три ополчения Северной и Средней Франции направились через Италию, где папа Урбан благословил их предприятие, причем Гуго Вермандуа получил из рук Римского епископа священную хоругвь.

Из Южной Франции составилось ополчение под главенством Раймонда, графа тулузского. Он уже ранее прославился в войнах с арабами и обладал всеми качествами народного вождя. 100-тысячный отряд и строгая дисциплина снискали уважение графу тулузскому в Греции и в Азии. Он шел через Альпы к Фриулю и потом берегом Адриатического моря через Далмацию. Граф Раймонд С. Жиль играет странную роль среди других предводителей крестоносного ополчения. В нем мало энергии, мало предприимчивости: он как бы сам упустил из рук свое главенство и отдавал его другим.

Французские крестоносцы, избравшие путь чрез Италию, не успели все переправиться в Византию до наступления зимы. Часть их зимовала в Италии. Этому обстоятельству следует приписать движение, появившееся в Южной Италии в начале 1097 г. Князь тарентский Боемунд, сын Роберта Гвискара, владел маленьким княжеством, далеко не удовлетворявшим его честолюбию и не соответствовавшим его военной славе. Он вошел в переговоры с оставшимися в Южной Италии толпами крестоносцев и убедил их примкнуть к нему и под его начальством начать поход. Значение Боемунда Тарентского усилилось особенно тем, что с ним соединился для похода племянник его Танкред, замечательнейшее лицо первого похода. Южноитальянские норманны, самые опасные враги Византии, не один раз уже считавшиеся с ней из-за обладания Далмацией, вносили, в лице своих предводителей Боемунда и Танкреда, новый элемент в крестоносное движение — политические счеты и вражду к Византии. Силы норманнов могли равняться по качеству с силами французских рыцарей. Но предводители их были, кроме того, чрезвычайно коварны и корыстолюбивы. В особенности Танкред не мог переносить совместительства, держался во всем походе недоверчиво и не хотел подчиняться выгодам общей пользы. Зимой 1096 г. норманны заняты были общим делом — войной с Амальфи. Боемунд воспользовался случаем, сосредоточившим в одной местности норманнских рыцарей, и убедил их, что лучше искать счастья в отдаленных землях, чем терять время в осаде Амальфи. Так стал

князь Боемунд во главе южноитальянских и сицилийских норманнов, вместе с тем в первый крестовый поход вносился элемент политических счетов с Византиею. Все перечисленные отряды преследовали совершенно самостоятельные задачи. Общего плана действия и главнокомандующего не было. Даже части отрядов и отдельные рыцари нередко переходили от одного вождя к другому.

В Константинополе заблаговременно получались сведения о движении князей, о числе их войска и направлении, какого держались они на пути в Азию. Само собой разумеется, точных известий не могло быть: доносили, что крестоносцев более, чем звезд на небе и песку на берегу моря, подозревали у некоторых вождей враждебные намерения относительно самой столицы Византийской империи. Царевна Анна Комнина так передает впечатление, произведенное крестоносным движением:

«Разнеслась весть о нашествии бесчисленных франкских ополчений. Император испугался, ибо знал, каков был этот народ — неуправляемый в порывах, неверный данному слову, изменчивый. Не без основания предвидя важные затруднения, он принял свои меры, чтобы быть готовым встретить вождей крестоносного ополчения».

Византийское правительство упрекают в том, что оно своим недоверием и интригами парализовало действия крестоносцев и одно должно нести ответственность в неуспешности всего предприятия. Вместо того чтобы вместе с вождями первого похода идти против турок-сельджуков, император Алексей, говорят, довел дело до крайних пределов подозрительности и думал извлечь личные выгоды из крестового похода. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность судить о взаимных отношениях византийского правительства и вождей крестового похода; теперь же заметим, что византийцы и крестоносцы иначе понимали весь ход отношений, из чего возникали крупные недоразумения и промахи со стороны тех и других. На первых порах Алексей остановился на мысли — пользуясь разобщением вождей и отсутствием между ними такого руководителя, который бы заправлял всем походом, — не допустить, чтобы все отряды в одно и то же время собрались около Константинополя, наблюдать особо за каждым вождем, как скоро явится он в пределах Византии, и стараться по возможности скорее переправить его на азиатский берег. Знакомясь отдельно со свойствами и характером каждого предводителя, Алексей вступил с некоторыми из них в приязнь и завязал дружбу, вследствие чего должен был измениться и взгляд его на поход. Тогда открылась возможность поставить вопрос, чтобы все завоевания крестоносцев у турок переходили к византийскому императору и чтобы вожди предварительно дали на это присягу.

Первым, с которым познакомился Алексей, был Гуго, граф Вермандуа. Еще из Италии он отправил к императору два письма, извещая о своем решении принять крест и о том, что высадится на византийскую землю в Драче (Dyrrachium, Epidamnus). На основании этих писем в Константинополе сделаны были соответствующие распоряжения. Местные власти получили приказание сейчас же по прибытии Гуго дать об этом знать в столицу и стараться без всякой медлительности препроводить его далее. Несколько судов греческого флота крейсировало около берега и наблюдало, когда прибудет Гуго. На беду, Гуго не мог встретить торжественного приема: буря, как сказано выше, выбросила его корабль на берег, византийская береговая стража нашла его в жалком положении. Сообразно полученным приказаниям Гуго препроводили в Константинополь, где император устроил ему почетную встречу. Это было вскоре за поражением турками первой крестоносной толпы под Никеей, приблизительно в декабре 1096 г. Император был к нему весьма любезен, оказывал ему почет и внимание и без особенной борьбы убедил его дать вассальную присягу. За Гуго следили и доносили императору обо всем, что он делал и с кем говорил; на Западе из этого распространилась молва, что Гуго находится в плену и что император вынудил его дать ленную присягу.

Готфрид, герцог нижнелотарингский, был уже в византийских пределах, когда узнал, что случилось с Гуго и как он дал византийскому царю присягу на верность. Он отправил из Филиппополя посольство в Константинополь, требуя, чтобы Гуго дана была свобода, затем начал опустошать область, по которой проходило его войско. За день до Рождества Готфрид был уже под самым Константинополем. Император Алексей просил его к себе для переговоров; но Готфрид боялся западни и не хотел войти в столицу. Однако же крестоносцам отведено было место для стоянки, так как Готфрид желал дожидаться под Константинополем других вождей. Алексею не хотелось иметь в герцоге лотарингском врага себе, и потому он употреблял все необходимые меры предупредительности, чтобы вызвать его на личное свидание. Особенно когда весной 1097 г. стали подходить к столице остальные вожди, для византийского правительства были совершенно основательные причины бояться единодушного нападения их на столицу. Пересылаясь посольствами с Готфридом, Алексей оцепил его лагерь печенежскими и славянскими наездниками с тем, чтобы совсем изолировать его от сношений с вновь прибывшими вождями. Между этими последними особенные опасения возбуждал Боемунд, князь тарентский. Алексей хорошо знал этого вождя по предыдущим войнам с Робертом Гвискарсом. Воззрения на норманнов у византийских писателей выражаются так:

«Боемунд имел старую вражду с императором и таил в себе злобу за поражение, нанесенное ему под Лариссой; общим движением на восток он воспользовался с тем, чтобы отомстить императору и отнять у него власть. Прочие графы, и по преимуществу Боемунд, только для вида говорили о походе в Иерусалим, на самом же деле имели намерение завоевать империю и овладеть Константинополем».

Можно догадываться, в каком тревожном состоянии было византийское правительство, когда Готфрид не подавал надежды на примирение, а Боемунд приближался к Константинополю. Однако всю зиму Алексей честно выполнял свои обязательства, своевременно доставляя припасы и предупреждая столкновения. 3 апреля 1097 г. Алексей решился понудить силой герцога Готфрида на уступки. Правда, соображения византийского императора были весьма не гуманны, и византийцы первые начали делать нападения на отделившихся из лагеря крестоносцев. Алексей думал, что герцог не решится на борьбу с ним, что, запертый с одной стороны морем, а с другой — цепью византийского войска, он поймет всю невыгоду своего положения и согласится дать требуемую присягу. Но эти расчеты не оправдались: Готфрид поднял весь лагерь и прорвался через цепь византийских войск. К вечеру того же дня крестоносцы подступили к стенам города. Больших опасений лотарингцы не могли внушать императору, но ему и то уже было неприятно, что дело зашло так далеко, что расчеты его оказались ложны. К тому же получено было известие о приближении Боемунда и желании его вступить с императором в переговоры. И было чего опасаться: узнай Боемунд о раздоре между императором и герцогом, тогда соединились бы норманны и лотарингцы и дали бы ему весьма чувствительный урок. Алексей сделал попытку повидаться с Готфридом и поручил вести переговоры об этом графу Гуго. Но герцог сурово обошелся с Гуго и колко заметил ему: «Ты, сын королевский, ставши рабом, хочешь и меня обратить в рабы. Не хочу я ни ленной присяги давать, ни в Азию переправляться». Тогда император приказал вновь теснить крестоносцев. Ход событий проследить весьма трудно, по последующим событиям лишь можно заключить, что крестоносцы терпели поражения и что ни Готфрид не узнал о приближении норманнов, ни Боемунд — о затруднительном положении лотарингцев. Герцог согласился наконец принять предложение императора о личном свидании и явился во дворец. Император принял франкского герцога сидя, окруженный толпою царедворцев. Готфрид и его свита приблизились к трону и, коленопреклоненные, целовали руку императора. Алексей поговорил с каждым из свиты Готфрида и, похвалив герцога за его благочестивую ревность, превозносил его военную славу.

Затем Готфрид дал за себя и своих рыцарей ленную присягу, обещая возвратить императору все города, которые удастся ему отвоевать у турок. Не позже 8 или 10 апреля лотарингское войско переправлено было на азиатский берег Босфора. Пример лотарингского герцога, давшего Алексею ленную присягу, имел значительное влияние на стоворчивость последующих вождей, а для императора Алексея служило это прецедентом — от каждого вождя требовать подобной же присяги.

Боемунд шел в Азию с другими намерениями, чем герцог лотарингский. Он думал основать на Востоке независимое владение, причем он рассчитывал не на норманнские только силы, но и на помощь императора. Боемунду таким образом желательно было прикинуться другом Алексея, для чего он заранее готов был на все уступки. Он отделился от своего отряда, поручив его Танкреду, и поспешил в первых числах апреля к Константинополю, чтобы переговорить с императором и войти с ним в соглашение. Переговоры с Боемундом были непродолжительны: как император, так и тарентский князь были лучшие политики того времени и рассыпались друг перед другом в любезностях. Против ленной присяги Боемунд не нашел особенных возражений и спокойно назвал себя вассалом императора. Ему отведено было роскошное помещение в Константинополе и посылались кушанья с царского стола. Боемунд боялся отравы и отдавал приносимые блюда приближенным; тогда из дворца стали доставлять припасы в сыром виде. В тот день, когда Боемунд дал клятву, император показал ему одну часть дворца, которая ради этого случая украшена была драгоценностями. Золото и серебро лежало здесь кучами. У Боемунда сорвались слова при взгляде на эти сокровища: «Если бы мне владеть такими богатствами, то давно бы я повелевал многими землями». Ему заметили, что эти сокровища назначены ему. Раз Боемунд предложил императору назначить его «великим домашником Востока». Хотя Алексей не дал на это своего согласия, но и не сделал резкого отказа, оставляя Боемунда в надежде получить это важное звание при благоприятных обстоятельствах.

Остальные вожди прибыли в Константинополь по большей части в мае. Роберт Фландрский и другой Роберт, Нормандский, дали ленную присягу без особенных колебаний. Только граф тулузский Раймонд не уступил ни просьбам, ни угрозам, ни даже военной силе. Алексей мог добиться от Раймонда только обещания — не предпринимать ничего против жизни и чести императора. Все отряды перевозимы были на другую сторону Босфора. С конца апреля лотарингцы и норманны двинулись к Никее, другие отряды пристали к первым уже в походе. Император озаботился доставкой съестных припасов и обещался лично присоединиться к крестоносцам, как скоро сделает предварительные к тому распоряжения.

Алексей мог находить весьма благоприятными для себя обязательства, какие дала ему большая часть вождей. Во всяком случае, важнейшие затруднения устранялись, как скоро западные дружины перевезены были в Азию. Ближайшие сношения византийцев с латинянами не могли, однако, склонить их ко взаимному уважению и доверию. Император потребовал еще раз торжественной клятвы от крестоносцев, когда они уже переправились в Азию, причем случилось следующее. Один французский рыцарь, принеши императору ленную присягу, сел на его трон, и император ничего не осмелился заметить ему, «зная высокомерие латинян». После того как князь Балдуин взял рыцаря за руку и указал на неприличие такого поступка, рыцарь воскликнул, гневно смотря на императора: «Что за грубый человек, он сидит, когда столь многие стоят перед ним!»

В Малой Азии крестоносцы должны были каждый почти шаг брать с бою. Византийское господство на Востоке во второй половине XI в. было уничтожено турками-сельджуками, которые сделались повелителями всего магометанского и христианского населения в Азии. Широкие полномочия, которыми владели наместники провинций, отсутствие закона о престолонаследии были, однако, причиною, что отдельные части обширного султаната

распались на независимые одно от другого владения. Для крестоносцев было весьма важно то, что иконийский эмир, владевший Малою Азией, не мог двинуть против них больших турецких масс, так как стоял во вражде с соседними магометанскими владениями Сирии и Армении, от султана же был в полной независимости. Император Алексей Комнин, угрожаемый норманнами и печенегам, не имел времени восстановить свою власть на Востоке, хотя внутренние раздоры и усобицы турок не раз давали ему случай без особенного напряжения отнять у них, по крайней мере, Малую Азию. Крестоносцам пришлось вести дело с султаном Кылыч-Арсланом, который утвердил свою столицу в Никее, на восток его эмират простирался до реки Евфрат. Нужно иметь в виду, что магометанского населения, сравнительно с туземным христианским, не могло быть много, что симпатии малоазийского населения всего скорее могли быть в пользу крестоносцев, чем турок-завоевателей.

Как ни искренно было желание крестоносцев добраться скорее до Иерусалима, но прошло два года, пока они прибыли в Палестину. События этих двух лет показывают, как между предводителями различных частей крестоносного ополчения развился дух партии, как постепенно изменились стремления и цели предводителей.

Более выдающуюся роль в крестоносном ополчении играют норманны в лице их предводителя Боемунда, герцога Тарентского, и провансальцы, предводимые Раймондом. Причины возвышения этих двух вождей среди крестоносного ополчения различны для каждого из них. Провансальцы были хорошо вооружены и вообще отличались всеми необходимыми качествами правильно устроенного войска. Сам их предводитель, Раймонд, был человек религиозного направления и принял крест, исключительно следуя нравственным влечениям; для религиозных целей он готов был пожертвовать всеми политическими интересами и соображениями. Совершенно противоположного направления были Боемунд и Танкред, представители норманнского элемента, это были князья, видевшие в крестовом походе средство для достижения политических целей. Все их стремления сосредоточивались теперь на Сирии, где они хотели основать независимое княжение. Боемунд был гениальный человек как в военном, так и в политическом отношении, — где нужно было напряжение сил для победы над сильнейшим врагом, где нужны были серьезные соображения и умно составленные планы действий, там крестоносные вожди обращались к уму Боемунда.

Норманны шли впереди всего крестоносного ополчения; они первые испытывали натиски турок-сельджуков, они же первые подступили к Никее, тогда как другие отряды крестоносного ополчения, оставшись назади, прибывали постепенно один за другим. Мало есть данных, по которым можно было бы судить о численности всего крестоносного ополчения. Можно думать, что из Константинополя отправилось всего до 300 тыс. военных людей; кроме этого, судя по тому устройству войска, которое было в обычае того времени, нужно предположить, что в ополчении было еще около 300 тыс. чернорабочих, женщин, детей и других лиц, приставших добровольно к ополчению; следовательно, численность крестоносного ополчения доходила во всяком случае до полумиллиона.

Обстоятельства, можно сказать, благоприятствовали крестоносцам. Кылыч-Арслан, уничтоживши толпы крестоносцев, предводимые Петром, Фолькмаром и другими, не ожидал новой опасности, был вдали от Никеи, занимаясь набором новых войск. Город Никея расположен на берегу озера, вокруг которого возвышаются крутые горы. Находясь в выгодных условиях, данных самою природою для защиты от внешнего врага, и будучи окружен стеной, город мог бы выдержать продолжительную осаду, но городской гарнизон был малочислен и слаб. Население, окружавшее город, было преимущественно христианское — греки и армяне, которые, естественно, своими симпатиями были на стороне крестоносцев. Последние могли тем легче приобрести эти симпатии, что вместе с ними следовал маленький греческий отряд,

предводимый греческим же стратигом. Первыми подошли к Никее норманны и лотарингцы. Хотя народная сага выдвинула личность Готфрида Бульонского как играющего первенствующую роль в делах первого похода, но не ему, не лотарингцам принадлежит главная заправляющая роль: направление делам дают Боемунд Тарентский и Раймонд Тулузский, норманны и провансальцы.

Южная часть города, обращенная к озеру, была плохо защищена; с этой именно стороны крестоносцы и должны были начать свои военные действия. Так как крестоносцы подходили к Никее отдельными отрядами, далеко не достаточными для того, чтобы окружить город со всех сторон, то они и не могли вести правильной осады. Подойди в это время к городу Кылыч-Арслан, он мог бы нанести крестоносцам значительный урон и их ошибка осталась бы надолго непоправимою. Боемунд уговорил вождей, не дожидаясь прихода Кылыч-Арслана, дать сражение ему вдали от Никей. Кылыч-Арслан потерпел поражение и должен был удалиться внутрь страны, предоставив Никее собственным ее судьбам.

После поражения Кылыч-Арслана крестоносцы воспользовались лодками, доставленными им по распоряжению греческого императора, для военных операций против Никей со стороны Асканиева озера. На 18 или 19 июня 1097 г. был назначен общий приступ, которым заправляли Боемунд Тарентский и Раймонд Тулузский. Утром того же дня ворота города были отворены, и в город вошел византийский отряд. Греческий стратиг, стоя у стен Никей, вошел в сношения с комендантом и от имени греческого императора потребовал сдачи города. Крестоносцы были возмущены таким ходом дела. Они рассчитывали на богатую добычу, между тем представитель греческого правительства отнял у них возможность грабежа. На их заявления он ответил напоминанием о ленной присяге и объяснил, что крестоносцы могут требовать удовлетворения от царя и он не откажет им, но что они обязаны исполнять обещание, скрепленное присягой, согласно которой все отвоеванные у мусульман города переходят во власть греческого императора и, следовательно, не должны подвергаться разграблению. Князья должны были уступить и еще раз повторить ленную присягу, от которой на этот раз не отказались и самые упорные, как, например, Танкред. Император со своей стороны обещал впоследствии соединиться с вождями, а в ожидании этого крестоносцам сопутствовал византийский уполномоченный Татикий. Истинная цель миссии Татикия выясняется из дел под Антиохией. По-видимому, он играл роль охранителя интересов византийского императора. Внешним образом его миссия мотивировалась тем, что он как представитель греческого правительства мог оказывать большое влияние на православное греческое и армянское население страны и таким образом крестоносцы, при его помощи, могли пользоваться всеми теми удобствами, каких не могли бы иметь, если бы им пришлось брать все вооруженной силою. Он обязан был вести крестоносцев к Палестине более краткими и удобными дорогами.

От Никей путь крестоносцев шел через Дорилей, Иконий и Гераклею. Здесь они разделились на два отряда: одни направились на юг, к Тарсу, другие пошли на северо-восток, чтобы, обойдя Таврские горы, спуститься к Антиохии. Кылыч-Арслан ожидал крестоносцев при Дорилее, желая преградить дальнейшее их движение. Впереди крестоносного ополчения шел Боемунд со своим отрядом. Ему и принадлежит честь победы над Кылыч-Арсланом при Дорилее. Позднейшие писатели рассказывают, что Боемунд, отчаявшись в успехе своего предприятия при Дорилее, послал гонцов к крестоносным вождям. Гонцы будто пришли прямо к Готфриду; последний, посоветовавшись с вождями, отправился лично на помощь Боемунду и выручил его из беды. Но дознано, что Готфрид вовсе не участвовал в деле при Дорилее; Боемунд разбил Кылыч-Арслана, соединившись с провансальцами. Делом при Дорилее и заканчивается более сильное сопротивление, которое турки оказывали крестоносцам; Кылыч-Арслан удалился внутрь страны и ограничивался слабыми нападениями на отдельные отряды крестоносцев.

Теперь, когда турки оставили незанятыми области, прилегающие к морю, императору византийскому представилась полная возможность восстановить свою власть на всем побережье Малой Азии без особенных жертв и затруднений.

Крестоносцы обратили внимание на армян, которые, естественно, не были довольны магометанским господством. Армяне, ослабленные ударами турок-сельджуков, долго отстаивали свою независимость; но это удалось только той части их, которые переселились в Месопотамию, Каппадокию и Северо-Восточную Сирию, по побережью Средиземного моря. Крестоносцы дали понять армянам, что если они согласятся действовать заодно с ними, то могут надеяться на освобождение от турецкого ига. Армяне с готовностью приняли предложение крестоносцев: в самое короткое время они выгнали из своих городов турецкие гарнизоны и турецкое население. Та часть крестоносцев, которая направилась на северо-восток от Гераклеи, имела целью поднять на своем пути христианские народности против турок и спуститься к Антиохии, где был назначен сборный пункт крестоносного ополчения.

На юг от Гераклеи в Киликию направились только Балдуин, брат Готфрида, и Танкред со своими отрядами; они держали путь к Тарсу, занятому слабым турецким отрядом. Крестоносцы и здесь подняли против турок христианское население, как в стране, прилегающей к Тарсу, так и в самом городе. Турецкий отряд должен был сдать крестоносцам. Здесь возникли пререкания между Балдуином и Танкредом из-за права на владение Тарсом. Честь победы была на стороне Танкреда, между тем Балдуин присваивал себе и победу и право на город. Рассвирепевший Танкред вырезал весь турецкий гарнизон и выгнал Балдуина. Этот факт свидетельствует о том, что в это время у норманнского вождя уже созрела идея основания независимого владения. Со своей стороны Балдуин, потерпев неудачу под Тарсом, отправился искать счастья в другом месте. Одержав несколько побед над сельджуками и приобретя расположение армян, Балдуин вошел в непосредственные сношения с князем Эдессы Торосом и так расположил его в свою пользу, что вскоре был усыновлен им и объявлен наследником княжества. Не довольствуясь этим, Балдуин убил Тороса и занял его престол. Таким образом, с 1098 г. в Эдессе устраивается первое княжение, во главе которого стоит западный герцог. Это княжение имеет важное значение в том отношении, что оно составляло оплот для всех христианских народностей и защищало христианский элемент Малой Азии от турецких волн, которые шли из середины Азии.

К октябрю 1097 г. крестоносцы подступили к Антиохии, где провели целый год (с октября 1097 по ноябрь 1098 г.). С одной стороны, осада города, с другой — внутренние раздоры остановили дальнейшее движение. Этот год составляет целую эпоху в истории крестовых походов. Дело в том, что Антиохия, поставленная самой природою в весьма благоприятные условия для защиты от внешнего врага, была укреплена еще и искусственно. Город окружали высокие и толстые стены, по которым мог свободно двигаться экипаж в 4 лошади; стены защищались башнями (450), снабженными гарнизонами. Укрепления Антиохии представляли, таким образом, страшную силу, преодолеть которую, при недостатке осадных орудий, при отсутствии дисциплины и главнокомандующего, не представлялось никакой возможности. Но и оставить позади себя такой важный стратегический пункт, каким была Антиохия, которая служила оплотом всего мусульманского мира, крестоносцы не могли. Правда, в самих мусульманских владениях господствовала анархия, которая была весьма полезна для крестоносцев. Сирия находилась тогда под двойным политическим влиянием, исходившим из Египта и из Багдада. Фатимидский калифат высылал толпы мусульман, которые, завладев некоторыми пунктами в Сирии и заняв Иерусалим, ослабили значительно Багдадский калифат. Эмир Антиохии Баги-Сиан ожидал помощи то от Багдадского калифата, то от Египетского. Все другие мусульманские владения в Сирии находились также в положении политической

раздвоенности. Ожидания Баги-Сианом помощи со стороны Египетского или Багдадского калифата остались тщетны; правда, несколько раз мусульманские отряды показывались в виду Антиохии, но они были так незначительны, что не осмеливались вступить в бой с крестоносцами и не принесли никакой пользы Баги-Сиану.

Осенью 1097 г. крестоносная армия оказалась в весьма печальном состоянии. Грабежи, отсутствие дисциплины и взаимная вражда заметно расслабляли крестоносное ополчение. Вожди не успели ничего запасти для себя на осень и зиму, между тем в крестоносном войске начались болезни, проявилась смертность, и пред страхом смерти целые толпы и даже отряды, [имея] во главе своих предводителей, обращались в бегство.

Боемунд, князь Тарентский, который и прежде играл видную роль в крестоносном ополчении как опытный вождь, как храбрый, неустрашимый рыцарь, как устроитель военных отрядов, под Антиохией отличается уже как искусный политик. Боемунд увидел, что Антиохия, со своими неприступными и несокрушимыми укреплениями, со своим выгодным положением (недалеко от Средиземного моря, на реке Оронто, впадающей в море), представляет весьма удобный пункт для основания в ней независимого княжества, что составляло главный предмет всех стремлений и желаний его. Дела его в Эдессе и Тарсе только разжигали честолюбие тарентского князя. При достижении намеченной цели ему могло мешать присутствие в крестоносном войске уполномоченного греческого императора. Роль Татикия, правда, была двусмысленна, но важно то, что он в походе был представителем и защитником интересов греческой империи. С точки зрения Татикия, и Антиохия, подобно Никее, будучи взята крестоносцами, должна была принадлежать греческому императору, и никому другому. Положение Татикия среди крестоносного ополчения было довольно влиятельное, он умерял честолюбивые стремления отдельных вождей. Раймонд Ажилский, писатель крестовых походов, обвиняет Татикия в том, что он, отчаявшись в успехе осады, подговаривал князей снять осаду с города и расположить войска по окрестным селениям, что он поселил между крестоносцами вражду и измену и скрылся из лагеря. Обстоятельство это очень важно, но оно не вяжется вообще с положением и ходом дел. Анна Комнина прямо обвиняет Боемунда в вынужденном бегстве Татикия. Эти два противоположные известия возможно объяснить следующим образом. Боемунд, преследуя свои честолюбивые цели, тяготится присутствием Татикия. Хотя намерения Боемунда не были ни для кого тайной, крестоносцы всякий раз, когда находились в стесненном положении, вручали ему командование над союзными войсками, вынуждаемые к этому, во-первых, необходимостью, во-вторых, насильственными действиями со стороны самого Боемунда; Татикий же, представитель византийского императора, был вполне независим и самостоятелен в среде крестоносцев и в то же время пользовался весьма большим авторитетом и мог оказывать влияние на весь ход дел. Боемунду нужно было во что бы то ни стало устранить это влияние. Когда разнеслась весть о приближении 300-тысячной армии мосульского эмира Кербуги, который шел на выручку Антиохии, Боемунд начал доказывать вождям, что Кербуга подослан византийским императором, что цель участия Татикия в их войске состоит в том, чтобы возбуждать мусульман против крестоносцев. Все это вызвало в крестоносцах такую неприязнь против Татикия, что он принужден был бежать. Бегство Татикия имело важное значение для всего хода событий. Крестоносцы нарушили клятву, данную византийскому императору, устранили греческий элемент из своего ополчения и начали действовать на свой собственный страх. После бегства Татикия Боемунду открылось свободное поле для его честолюбивых замыслов. Боемунд сыграл здесь роль Ахиллеса под Троей. Обиженный Ахиллес оставляет стан греков, проводит в бездействии целые месяцы, пока наконец греки, теснимые со всех сторон троянцами, не были вынуждены просить его выручить их из беды. Увлекаемый честолюбием Боемунд, видя, что при той деморализации, которая

господствовала среди крестоносцев, нельзя поддержать осаду, и ожидая в то же время с часу на час прибытия сильного мусульманского ополчения под начальством Кербуги, сделал решительный шаг. Он заявил крестоносцам, что если они не предоставят ему главного начальства над всем войском, если не пообещают оставить за ним это главенство и на будущее время для ведения дела крестового похода, если, наконец, не предадут в его власть Антиохии в случае ее завоевания, то он умывает руки и не отвечает ни за что и вместе с своим отрядом оставит их. Между тем среди крестоносцев день ото дня увеличивалась смертность, бегство целых отрядов и вождей. Находясь в таком положении, крестоносцы порешили предоставить Боемунду все полномочия для ведения дела и обещали исполнить все, что он требовал. Боемунд еще раньше вошел в соглашение с одним из начальников, защищавших антиохийские стены. Это был Фируз, армянин по происхождению. Фируз, как христианин, не мог не питать симпатии к крестоносцам, освободителям всего малоазиатского христианства, кроме того, он имел личную вражду к Баги-Сиану, эмиру Антиохии. Сношения Фируза и Боемунда держались в тайне, и никто не знал о них. Боемунд назначил на 2 июня общий приступ на Антиохию. В ночь с 1 на 2 июня он подвел свой отряд к башне, которую защищал Фируз; башня была сдана. С другой стороны в Антиохию ворвались другие крестоносцы, и в городе началась резня; большая часть мусульманского гарнизона, не успевшая спастись бегством, была перерезана и перебита. Сам Баги-Сиан едва спасся бегством, но всего только на несколько дней; его поймали и убили. Таким образом, 2 июня 1098 г. Антиохия была взята. Но немного выиграли крестоносцы, занявши город, обнищавший, изнуренный голодом, ослабленный продолжительностью предшествовавшей осады.

На другой день (3 июня) к городу подошел эмир мосульский Кербуга с 300-тысячной турецкой армией. Кербуга знал и о слабости крестоносного войска, и о том бедственном положении, в котором оно находилось: крестоносное ополчение достигало теперь не более 120 тысяч, остальные 180 тысяч частью погибли в битвах с мусульманами и в трудном переходе по опустошенным областям после никейского дела, частью же были рассеяны в различных городах Малой Азии в виде гарнизонов. Но и эти 120 тысяч вошли в город, лишенный всяких средств к пропитанию, притом они были утомлены продолжительною осадой и длинными переходами. Кербуга знал это и твердо решился голодом заставить крестоносцев сдаться. Крестоносцы очутились в самом ужасном, безвыходном положении. Три недели они сидели запертыми в городе, изредка делая незначительные и не имевшие никаких последствий вылазки, пользуясь тем, что город не вполне тесно был окружен врагами. Для крестоносцев оставалось одно средство к спасению: по реке Оронто спуститься к Средиземному морю, в гаванях которого были венецианские торговые корабли. Но этот путь представлял много опасностей, им пользовались, однако, сначала поодиночке, а потом целыми отрядами, были даже случаи, что князья и знатные рыцари сдавались на милость мусульман или спасались бегством к морю.

К этому тяжкому для крестоносцев времени относится появление саг и народных сказаний, которые были продуктом болезненного фантастического настроения народных масс. К этому времени относится и происхождение саги о Петре Пустыннике. Исторический Петр Пустынник, спасшись после уничтожения его армии, участвовал, правда, в первом крестовом походе, но не как вождь, а как простой пилигрим, без особенной силы, авторитета и влияния. Только в весьма немногочисленном кружке простого народа Петр Пустынник пользовался некоторым почетом и уважением, это выражалось в том, что его избирали казначеем. Он был, между прочим, одним из первых, которые решились бежать из Антиохии, и только Боемунд остановил его. В это же время составилось сказание о св. копье, Раймонд Тулузский, отличавшийся религиозным настроением между остальными крестоносными вождями, вполне искренно верил в св. копье. Но уже Боемунд, находясь под Иерусалимом, подсмеивался над Раймондом, доказывая ему, что

рассказ о св. копье был вымыслом для поддержания упавшего духа и для возбуждения мужества народных масс. Предание о св. копье появилось следующим образом. Однажды приходит к Раймонду Тулузскому один монах и рассказывает, что во время молитвы ему явился св. Андрей и сказал, что в городе есть место, где скрыто копье, которым было прободено ребро Спасителя, что в этом именно копье крестоносцы должны искать свое спасение. Добродушный Раймонд поверил этому; объявил народу, начали искать, нашли действительно заржавленное копье; толпы крестоносцев были воодушевлены этой находкой. Боемунд, назначенный главным предводителем крестоносного ополчения, решился сделать последнее усилие, чтобы освободить Антиохию от осады. В мусульманском войске между тем происходили раздоры между предводителями, в продолжение трех недель многие из них оставили отряд Кербуги, так что осаждающая армия значительно ослабела. 28 июня 1098 г. крестоносцы сделали вылазку, прогнали мусульман и завладели всем их лагерем. Спасение Антиохии и славная победа над Кербугой приписана была чудесной помощи св. копья, которое с тех пор сделалось палладиумом крестоносцев.

Когда крестоносцы овладели Антиохией, религиозный энтузиазм их вождей значительно ослабел. Целый год они проводят в бездействии, во взаимных спорах и распрях из-за обладания Антиохией; они как бы совсем забыли о главной цели своего предприятия — об освождении от неверных Гроба Господня. Как только миновала опасность от Кербуги, тотчас между сильнейшими вождями — Боемундом Тарентским и Раймондом Тулузским — возник довольно крупный спор, характеризующий обоих предводителей. Боемунд напоминал теперь крестоносцам об их обещании, данном ему до взятия Антиохии, и требовал исключительного господства в городе. Но у Раймонда Тулузского, представителя законности и рыцарской верности долгу, была многочисленная партия, которая в силу чисто материальных выгод находила требования Боемунда вовсе несогласными с положением крестоносцев. Раймонд и его партия настаивали, ввиду данных византийскому императору обязательств, на том, что Антиохия должна быть передана во власть византийского правительства. Партия Раймонда взяла верх, и в Константинополь было отправлено для переговоров посольство, во главе которого стоял брат французского короля Гуго Вермандуа. О результатах переговоров мы ничего не знаем, так как Гуго не возвращался более в лагерь, он сел на корабль и удалился в отечество. То же сделал и другой вождь, Стефан Блуа, который, правда, не играл выдающейся роли в ополчении, но участвовал в нем со значительным военным отрядом, так что его удаление не могло не ослабить крестоносное войско. Боемунд, чтобы отстоять свое право на господство в Антиохии, обратил внимание вождей на поведение византийского императора, свидетельствовавшее о враждебных его чувствах к крестоносцам. В то самое время, когда крестоносцы, лишенные средств к пропитанию, изнемогали под Антиохией, взятие которой замедлялось еще и тем, что они не имели осадных снарядов, византийский император находился вблизи Антиохии со значительными военными силами и осадными машинами и не захотел оказать крестоносцам никакой помощи; между тем при переправе крестоносцев через Босфор он дал слово лично участвовать в их походе. Теперь же, занимая без особенных усилий Ефес, Милет и другие города, без особенных жертв одерживая победы над турками, ослабленными крестоносцами, император покупает ценою крови крестоносцев легкие победы и расширяет свои владения. На это именно обстоятельство указывал Боемунд как на бесчестный поступок со стороны византийского императора, и ему удалось убедить князей в том, что передача Антиохии византийскому правительству принесла бы вред делу крестовых походов. Таким образом Антиохия предоставлена была во власть тарентского князя.

В Антиохии распространилась смертность, которая похитила многих знатных, в том числе и папского легата, духовного представителя в первом крестовом походе. Крестоносное

ополчение терпело большой недостаток и в пище и в одежде. Лишения приводили в экстаз простой народ, который приписывал свои несчастья небесной каре за то, что медлили освобождением Гроба Господня. Выведенный из терпения народ угрожал сжечь Антиохию, если его не поведут дальше. Честолюбивый Боемунд устоял против искушения и не внял побуждениям долга, — Раймонд же Тулузский и другие вожди двинулись дальше. Они направились к Иерусалиму береговой полосой и не теряли надежды вознаградить себя другими земельными приобретениями. Легкие победы над ослабленным турецким населением не вознаграждали их более. Они с завистью вспоминали об Эдессе, Тарсе и Антиохии. В особенности честолюбивыми желаниями горел теперь Раймонд, всего более обиженный судьбой. Он был из сильнейших вождей крестоносного ополчения, он всех теплее относился к делу крестовых походов, и, однако, до сих пор он не владел ничем, между тем и менее знатные и менее сочувствовавшие делу похода имеют уже независимые владения. Раймонд остановился у Триполи. Уже все было готово для взятия города, как вдруг Боемунд, зорко и ревниво следивший за тем, чтобы вблизи его княжества не появилось другого самостоятельного владения под главенством западного князя, прислал к Триполи коварного Танкреда, который и помешал плану Раймонда. В крестоносном лагере начались громкие жалобы на князей, простой народ требовал немедленного движения к Иерусалиму. Тогда Раймонд, находя невозможным противиться далее общему желанию, принужден был оставить Триполи (в середине мая 1099 г.).

Крестоносцы очень много потеряли в спорах из-за Антиохии и Триполи. Летом 1098 г. Иерусалим, находившийся во власти слабого багдадского калифа, был завоеван сильным египетским калифом. Таким образом, по мере приближения крестоносцев к Иерусалиму перед ними вырастали новые и сильные преграды. Иерусалим оказался весьма укрепленным, снабженным сильным гарнизоном. Между тем крестоносная армия, пришедшая к Иерусалиму, представляла одни жалкие остатки того мощного ополчения, которое два года назад переправилось через Босфор. Всех крестоносцев было теперь не более 20 тысяч, и те были изнурены, обессилены длинными переходами, битвами и всякого рода лишениями. В этом ополчении недоставало уже многих знатных; часть погибла от эпидемических болезней, часть осталась в различных завоеванных городах, часть воротилась в отечество. К Иерусалиму пришли из главных вождей только три — Раймонд Тулузский, Роберт Нормандский и Готфрид Бульонский, после присоединился Танкред. Но у них не было ни средств, ни материалов для предстоявших осадных работ. Крестоносцам помогли в этом отношении генуэзцы и пизанцы; они доставили все необходимое для осады и средства к пропитанию. 15 июля 1099 г. Иерусалим был взят приступом.

Итак, цель была достигнута, крест восторжествовал над исламом. Город был наполнен враждебным мусульманским населением, завоеватели обошлись с ним в высшей степени жестоко. Как бы в отомщение за свои продолжительные страдания, они предали мечу и огню все, что было в городе мусульманского. Летописцы с удовольствием рассказывают о лужах крови, по которым ходили воины Христовы. Кроважностью и хищностью отличался Танкред, удовлетворивший на этот раз, сколько возможно было, своей жестокости и ненасытной скупости. Первым делом, которое должны были решить крестоносцы, был вопрос об устройстве административной власти в Иерусалиме. Но здесь снова они разделились на две партии: одна стояла за то, чтобы устроить в Иерусалиме церковную республику с патриархом во главе, — это партия духовного господства; другая партия выдвигала светский принцип, эта последняя взяла перевес. Предложили Раймонду Тулузскому принять на себя управление Иерусалимом, но он в силу своих личных нравственных принципов отказался; предложили Роберту Нормандскому, и тот отказался. Остался один Готфрид Бульонский, который и согласился на предложение, заявив, однако, что будет носить титул не иерусалимского короля, а «защитника Гроба

Господня». Таким образом, Иерусалим был предоставлен во власть герцога нижнелотарингского Готфрида Бульонского. Это обстоятельство имеет важное значение для последующей истории государств, основанных западными князьями. В Малой Азии было другое княжество — Эдесса, принадлежавшее брату Готфрида Бульонского — Балдуину; таким образом, в руках одного дома были два владения, которые при необходимости могли соединиться и оказывать сильное влияние на политику и положение других княжеств. Вручение власти над Иерусалимом Готфриду Бульонскому обуславливало собою усиление лотарингского дома на Востоке. Готфрид Бульонский был человек добрый, уступчивый, но в то же время весьма недалекий. Он едва не упустил из рук и той незначительной доли власти, которая ему досталась. В первый же год княжения Готфрида духовенство иерусалимское в высшей степени систематично начинает его стеснять, доводя его власть до минимума.

Самый желательный, естественный ход событий вслед за окончанием первого крестового похода должен был бы заключаться в дальнейшем проведении того принципа, который поставили себе крестоносцы, — принципа укрепления христианского элемента в Азии и ослабления мусульманского. Такой именно ход событий был желателен и ожидаем всем христианским населением как Европы, так и Азии. Но так как усиление христианского элемента в Азии обуславливало собою в то же время усиление тех княжеств, которые были основаны крестоносцами, и так как это последнее обстоятельство было противно видам и интересам Византийской империи, то ход событий принял совершенно иное направление. Византийские цари с этих пор всегда стояли на страже своих собственных интересов и препятствовали делу усиления христианского элемента в Малой Азии; этим обстоятельством объясняется все негодование, все обвинения, которые направлены против Византии со стороны западноевропейцев.

Турецкий султан Кылыч-Арслан, выгнанный из Никеи, стесненный в Икони, предоставивший всю Переднюю Азию ее собственным судьбам, не был уже более серьезным врагом для Византии, которая и поспешила восстановить свои права в Малой Азии. Но раз Передняя Азия перешла во владение Византии, политика византийского императора пошла дальше: он начал подумывать о том, чтобы подчинить своей власти Сирию, Палестину и владения, основанные крестоносцами. Вот почему в событиях XII ст. мы встречаемся с явлением в высшей степени любопытным. Византийский император, объявляя войну крестоносцам, часто заключает союзы с тем самым народом, который так недавно еще готов был разрушить Византийскую империю, — заключает союзы с турками. То же самое делают и западные князья: угрожаемые со стороны Византийской империи, они, видя в ослабленных турках менее опасных врагов, чем были для них теперь греки, заключают с турками союзы, чтобы общими силами выжить из Азии беспокойный греческий элемент. В этом именно обстоятельстве и заключается весь трагизм положения дел и интерес изучения эпохи.

Между всеми князьями выдающееся положение занял Боемунд. Он, устроившись в Антиохии, сохранил сношения с Западной Европой, что доставило ему весьма благоприятные условия и выгодное положение для предстоявшей ему деятельности. Боемунд решился округлить свои антиохийские владения; это и было вполне осуществимо, так как те незначительные и слабые представители мусульманского элемента, которые еще остались вокруг Антиохии, не могли оказать большого сопротивления. Но Боемунд в 1099 г. встречается с неожиданным для него противодействием. Император Алексей, так часто обещавший прислать войско и лично участвовать в походе, после занятия Иерусалима крестоносцами поднимает оружие против самих крестоносцев, направив свои действия на первый раз против самого опасного своего соседа — князя антиохийского. Он снарядил флот и приказал осаждать приморский город Лаодикею, занятый отрядом Роберта Нормандского. Отдать Лаодикею

греческому императору было далеко не в интересах антиохийского князя, так как в этом случае он всегда был бы подвержен неприятному соседству и наблюдению со стороны греков. Поэтому взаимные отношения норманнов и греков в 1099 г., принимая все более резкий характер, дошли наконец до полного разрыва. Борьба между противниками возгорелась и привлекла к участию посторонние силы. К малоазиатским берегам в это время прибыли корабли генуэзцев и пизанцев, привезшие свежие, хотя немногочисленные военные силы, направлявшиеся в Св. Землю. Им Боемунд и указал, что опасность грозит в настоящее время не от мусульман, а от греков, и легко привлек их к участию в борьбе. Таким образом, Боемунд свой личный интерес сделал общим делом, выгнал греческий гарнизон из Лаодикеи, а пизанцы начали делать нападения на приморские города.

Сила Боемунда была в высшей степени серьезна, другие князья сравнительно с ним не имели значения. У Готфрида, князя Иерусалимского, было не более 200 рыцарей и до 2 тысяч малодисциплинированного войска. При такой малочисленности дружины положение «защитника Гроба Господня» было весьма незавидное. Боемунд понял это и желал распространить свое влияние на Иерусалим. Для этого он отправился в столицу Готфрида как бы для того, чтобы исполнить тот нравственный долг, который лежал на нем, — поклониться Гробу Господню. Его сопровождает довольно значительная армия, простиравшаяся до 20 тысяч. Боемунд оказал такое влияние на дела в Иерусалиме, что патриархом Иерусалима был выбран архиепископ Пизанский Адальберт, человек, вполне преданный Боемунду. Новый патриарх, честолюбивый и ловкий политик, направил свои действия к тому, чтобы отнять у Готфрида и ту тень власти, которую тот еще имел. Адальберт хотел основать на Востоке святой престол, подобно Римскому, ввести в Иерусалиме духовный абсолютизм и подчинить себе все светские княжества.

Если мы припомним характер норманнских завоевателей, как Роллон, основавший свои владения в Нормандии, как Роберт Гвискар, утвердившийся в Италии; если примем во внимание политику и средства, какими пользовались эти князья для достижения своих целей, то мы будем иметь возможность понять и оценить действия Боемунда. Боемунд считал себя ничем не ниже Роллона и Роберта Гвискара и хотел повторить в Азии дела, которые его предки совершили в Европе. Боемунд был уже близок к осуществлению исторической задачи норманнского народа. Владея сильной армией, он округляет свое Антиохийское княжество. Здесь были мелкие государства, принадлежавшие турецким эмирам; но эти эмиры не могли оказать Боемунду сильного сопротивления, так как они были ослаблены войной с крестоносцами, к тому же их силы были разъединены внутренними раздорами. Но стремления Боемунда имели трагический исход, отразившийся неблагоприятным образом на всем христианском деле. Боемунд напал на опасного соперника в лице Данишменда Малика Гази, эмира Сивасского (на р. Галисе). Оставшись позади крестоносцев, Данишменды успели настолько усилиться, что после окончательного ослабления Иконийского султаната выступили к 1101 г. главным оплотом мусульманского элемента в Азии. Появление этой силы было вполне ново и неожиданно для Боемунда.

Когда Боемунд по просьбе армянского князя Гавриила в Малатии пошел войной на Малика Гази, то против ожидания встретился с сильным турецким отрядом, потерпел полное поражение, захвачен со многими рыцарями в плен и отведен в Неокесарию, где содержался около четырех лет (1101 — 1104). Этот плен имел важное значение для всех христианских земель в Азии: христиане остались без своего главы, были предоставлены собственным силам среди враждебного магометанского населения. Боемунд, находясь в плену у Малика Гази, очень может быть, сделался его политическим наставником и учителем. Как ни был груб Данишменд, он понял цену своего пленника. Когда византийский император пожелал выкупить Боемунда,

Малик Гази потребовал огромную сумму денег. Греческое правительство готово было на все жертвы, лишь бы избавиться от грозного норманна. Но тут спасло Боемунда совершенно случайное обстоятельство: Малик Гази и Кылыч-Арслан поссорились между собою из-за того, как должна была быть разделена между ними выкупная сумма за Боемунда. Боемунд воспользовался этим обстоятельством, чтобы выставить им на вид опасность со стороны византийского императора. Он выяснил им, что царь Алексей, завладевши им, избавится от сильного и грозного врага и направит тогда свои силы против них, что если они дорожат собственно выкупной суммой, то ее выплатят им друзья его — князя Иерусалима и Эдессы, что в данном случае важнее не деньги, а политические интересы, в достижении которых он может оказать большую услугу всему турецкому народу, соединившись с ними против византийского императора. Боемунд обещал турецким вождям всю Переднюю Азию, а себе выговорил только Антиохию. Уполномоченный византийский Григорий Таронит, который вел с турецкими князьями переговоры о выкупе Боемунда, был вовлечен в обман и потому не донес византийскому императору, что переговоры приняли неблагоприятный для Византии оборот. Малик Гази, получив за Боемунда выкуп от одного армянского князя, освободил его на волю и препроводил в Таре.

Несколько монет, сохранившихся от этого времени, дают нам весьма любопытный и в высшей степени драгоценный материал для уяснения дел в эту эпоху. Монеты принадлежат царству Данишмендов; на одной стороне изображен Иисус Христос, на другой стороне греческими литерами выбито: «Малик Гази, царь Романии и Анатолии» — явление в высшей степени знаменательное; оно прямо характеризует нам Малика Гази. Он не был похож на тех диких турецких завоевателей, которые жгли, опустошали и уничтожали все, что было вне ислама. Малик Гази проводит принцип веротерпимости, предоставляет подчиненным народам политическую свободу, оставляя неприкосновенным греческий язык и греческое письмо. В этих монетах в настоящее время имеется единственное указание на ту политическую роль, какую играл в Передней Азии Данишменд и которая была усвоена им, без всякого сомнения, по внушению такого умного политика, как Боемунд.

Возвратившись в Антиохию, Боемунд собрал в свои руки все нити политического движения. Он составил большой союз, в котором участвовали как магометанские, так и христианские силы, и прежде всего направил свой удар против эмира Мосула и Алеппо, который наиболее теснил христиан во время нахождения его в плену. Хотя средства, собранные Боемундом, и были значительны, но результат далеко не соответствовал его ожиданиям: христианские князья потерпели полное поражение в битве при Гарране (1104). Это поражение имело весьма важное значение для судьбы христианских княжеств на Востоке, оно возбудило новые надежды в мусульманах и греках и поставило на край гибели самое существование крестоносцев. К тому же и в будущем не предвиделось благоприятной перемены обстоятельств, потому что христиане не сохранили между собою единства; между вождями двух племен, норманнов и провансальцев, продолжала расти вражда и недоверие. Провансальцы в отсутствие Боемунда при помощи греческого императора завладели Триполи — обстоятельство, которое было весьма нежелательно для Боемунда, так как близкое соседство провансальцев могло серьезно угрожать судьбам Антиохийского княжества. Кроме того, Боемунд имел основание недоверчиво относиться к провансальцам еще и потому, что они в продолжение всего крестового похода отстаивали интересы византийского царя, заклятого врага Боемунда. После рокового для христиан поражения при Гарране всякая попытка со стороны Боемунда, в смысле ослабления византийской или мусульманской силы в Азии, казалась уже неосуществимой и несвоевременной, ибо силы христиан были в высшей степени ослаблены. Король Иерусалимский, который по своему положению должен был бы играть передовую роль среди

христианского элемента и стоять во главе всякого предприятия, направленного для ослабления врагов Христовых, Иерусалимский король, «защитник Гроба Господня», лишен был всякой силы, всякого авторитета. Если и оставались у кого средства для борьбы, то они сосредоточивались в руках Антиохийского князя. Но он мало заботился об общих интересах, он преследовал свои личные цели. Таким образом, политический горизонт христиан был мрачен; их выручило случайное обстоятельство.

Для исполнения своей заветной мечты Боемунд составляет обширный дальновидный план. Находя наличные средства христиан недостаточными для борьбы с двумя врагами, мусульманами и греками, он решил вызвать для этой борьбы новые силы из Европы. Он сообщил антиохийским князьям, что они переживают в данную минуту весьма опасное для себя время. «Но опасное время, — утешал он, — возбуждает к великим планам и предприятиям. Я полагаю, что в Антиохии можете оставаться вы одни; я же отправлюсь в Европу и привлеку новые силы для борьбы». Но Боемунд был далек от мысли составить второй крестовый поход; честолюбивый и себялюбивый князь преследовал одну личную цель — уничтожить византийского императора в Азии. Этот план выясняется из действий Боемунда, когда он был в плену у мусульман, а равно и из последующих обстоятельств. Для выполнения этого плана представлялось немаловажное затруднение. Греческий император, как бы предчувствуя, что подобный план мог зародиться в уме предприимчивого норманна, приказал греческим военным судам крейсировать у берегов Малой Азии. Существует легенда, которую повторяет и Анна Комнина: чтобы обмануть бдительность греков, Боемунд будто бы приказал положить себя в гроб, и таким образом удалось кораблю, везшему живого мертвеца, пройти беспрепятственно ту берегательную линию, которую составили греческие суда у берегов Малой Азии. С острова Корфу Боемунд послал письмо, полное сильных угроз, греческому императору.

В Италии Боемунда ожидала восторженная встреча как героя и борца за святое дело. Папа Пасхалис II, человек добрый и доверчивый, дал Боемунду рекомендательные письма к королям французскому и немецкому и разрешил проповедовать поход против схизматических греков. Боемунд провел в Европе три года, и не даром. Его вполне заслуженная слава как лучшего предводителя крестовых походов выросла на глазах европейцев и доставила ему желанный успех. Король французский женил его на одной из своих дочерей (Констанце), а другую выдал за Танкреда, чем Боемунд завязывал связи с коронованными европейскими особами. Его проповедь имела полный успех в Ломбардии, Франции и Германии. К началу 1107 г., возвратившись в Южную Италию, он стал выжидать соединения наемных им сил. Приморские города — Генуя, Венеция и Пиза — предложили к услугам его флот. Весною 1107 г. в Южной Италии собралось многочисленное (свыше 30 тысяч) ополчение, снабженное в изобилии оружием и съестными припасами. Эта эскадра должна была внушать серьезные опасения грекам. Таким образом, во имя идеи уничтожения византийского господства и завоевания греческой империи под знаменами Боемунда соединились Германия, Франция, Север и Юг Италии.

Ополчение, во главе которого стоял норманнский вождь, направилось прямо к византийским владениям и осадило город Драч (Dyrrachium). В 1081 г. Роберт Гвискар напал на византийские владения, но с тех пор обстоятельства во многом изменились в пользу империи.

Вследствие побед, одержанных крестоносцами на Востоке, Византия избавилась от врага, угрожавшего ей в Азии, и император Алексей, располагая значительными морскими и сухопутными силами, имел полную возможность защищать свои западные владения. Драч оказался очень сильным и укрепленным городом, для взятия которого нужно было сделать еще большие приготовления: построить лестницы, стенобитные машины, башни, а лесу у

крестоносцев не было. К этому присоединилось еще то, что греческий флот отнял у крестоносцев возможность подвоза съестных припасов. Крестоносцы начали терпеть лишения; поднялся ропот среди войска; от Боемунда требовали, чтобы он не тратил бесполезно времени в осаде города, а вел бы войска дальше. Подобное внутреннее и внешнее положение дел заставило Боемунда прекратить осаду и начать переговоры с византийским императором. Царь Алексей хорошо знал своего противника и потому в переговорах употребил всю осторожность и настойчивость. В 1108 г. был заключен мир, унижительный для честолюбия норманнского князя. Он должен был отказаться от всех своих планов, от притязаний на Киликию, Лаодикею и провансальские владения, обязался передать Антиохию византийскому царю, если не оставит после себя мужского поколения, и, что еще унижительнее, даже употребить силу против своего брата, если бы он не согласился на эти условия. Этим и оканчивается деятельность Боемунда. С 1108 г. он не играет уже никакой роли. Может быть, он и хотел еще раз повторить свою попытку, но на этот раз не встретил более того одушевления в Европе, какое нашел ранее. Да и обстоятельства были совсем иные. Папа Пасхалис был в борьбе с германским императором Генрихом V; занятый тяжелою и рискованною борьбою, он на этот раз иначе взглянул на дело Боемунда и не только не оказал ему поддержки, но даже вошел в сношения с византийским царем и был готов сделать ему крупные уступки относительно Южной Италии, чтобы получить от него помощь в борьбе с императором. Боемунд умер в 1111 г.

Оценивая деятельность Боемунда, мы должны признать, что он принес много вреда всему христианскому делу на Востоке, что он есть главный виновник всех бедствий, неудач и потерь крестоносцев. Христиане на Востоке должны были преследовать одну цель: твердо сохраняя солидарность между собою, они должны были заключить в то же время прочный союз с Византийскою империей и направить все силы на мусульман. Между тем роковая ошибка христиан заключалась в их соревновании между собою и во вражде с Византией, самая сильная ответственность в этом отношении падает на Боемунда. Он своим честолюбием поселил антагонизм между Византийскою империею и крестоносцами. Он первый ввел в практику тот странный прием, к которому впоследствии прибегали и византийские императоры: он первый начал заключать дружественные союзы с тем народом, против которого было направлено все крестоносное движение.

Глава 8. Последние годы Алексея Комнина. Участие русских в делах Византии

Как ни благоприятными могли представляться достигнутые Алексеем успехи по отношению к крестоносцам, но он не мог почивать на лаврах, пока не обезопасил ближайших и наиболее плодородных областей Малой Азии от новых бедствий вражеского нападения. Не о покое и не о развлечениях заботился он, говорит цесаревна Анна¹⁰³, а о том, чтобы прекрасные приморские области от Смирны до Атталии, вполне опустошенные варварами и находившиеся в отчаянном положении, привести в прежнее состояние, установить в них должный порядок и вернуть туда разбежавшееся земледельческое население. В этих заботах он нашел ревностного исполнителя его желаний в лице Евмафия Филокала, бывшего лукой Кипра. О нем замечено, что он был совсем незнаком с военным делом, не умел ни стрелять из лука, ни пользоваться для защиты щитом, но вместе с тем прекрасно понимал теорию военного дела и отлично умел приготовить неприятелю засаду. Ему удалось сохранить наилучшие отношения с крестоносцами и ничем не поступиться в их пользу. Лучшего администратора трудно было найти, как это скоро и оказалось. Евмафий назначен был стратигом в Атталию и получил в управление всю область, которая прежде отличалась морскими качествами своего населения и составляла Кивиррэотскую фему. Из Абидоса, в котором было сосредоточено таможенное ведомство, Евмафий перенес свою деятельность в Адрамиттий, весьма сильно пострадавший в эпоху господства в этих местах пирата Чахи. Отстроив вновь совсем было запущенный и обезлюдивший город, он принял меры к заселению его охотниками, привлеченными отовсюду, и создал из него сильный оплот против турок-сельджуков. Последние, испытав неоднократные поражения от крестоносцев, держались несколько вдали от греческих владений, хотя все же им принадлежала значительная часть малоазийских фем. Ближайшее укрепление, в котором держались турки, было Лампе, сюда направил Евмафий свои силы, нанес туркам поражение и взял большой полон. Дальнейшим его делом было взятие Филадельфии, но это уже встревожило турок и побудило их к решительным предприятиям. Эмир Каппадокии Асан напал на византийские области, подчиненные стратегу Евмафию, и произвел в них опустошения и хищения. Его целью были города Смирна, Нимфей и Пергам. Искусным отражением турецких отрядов византийский стратиг не допустил опустошения означенных городов и тем оправдал благоприятный о нем отзыв Анны Комниной. Но в 1111 г. возобновились военные столкновения в Малой Азии, вызванные призывом султана Мухаммеда ко всем правоверным. Султан Икония, который теперь представлял для Византии ближайшего турецкого властителя, взял на себя задачу вытеснить кисийской фемы. Но царь Алексей, имея опору в приморских городах, легко справился с угрожавшей опасностью и принудил иконийского эмира к заключению мира. Хотя и в следующем году (1113) продолжались столкновения и хотя турки снова простирали свои набеги до Nikeи и Бруссы, с одной стороны, и до Пергама и Адрамиттия — с другой, но это были кавалерийские наезды, которые не сопровождались прочным завладением.

Угрожавшая опасность на Дунае отвлекла внимание царя от восточной границы, но в 1115 г. снова возобновилась здесь война. Хотя серьезная болезнь лишала Алексея его обычной энергии и хотя приготовления к новому походу велись довольно медленно, но нельзя не отметить, что попытка иконийского султана воспрепятствовать возвращению под власть Византии отошедших к туркам земель была с успехом отстранена. Главной опорой византийского поступательного движения был на этот раз Лопадий, откуда царь грозил самой столице Малик-шаха, Иконию. Так как большинство населения в стране принадлежало к греческому племени, то движение греков встречало содействие и сочувствие в местных

жителях. В событиях на восточной границе принимали участие полководцы Евстафий Камица, Михаил Стиппиот и Варда Вурца, с которыми мы будем не раз встречаться в дальнейшем изложении. Главные столкновения происходили во Фригии, где туркам нанесены поражения при Филомилии, Поливоте и Ампуке¹⁰⁴, после чего султан Малик-шах принужден был заключить мир. Не разделяя преувеличенной оценки этих успехов со стороны цесаревны Анны, мы должны допустить, что турки-сельджуки все же поставлены были Алексеем в необходимость очистить область Дорилея, где прежде было гнездо их власти, и ограничиться Иконием. Аморий и Филомилия могли считаться опорой византийской власти, откуда греки могли постоянно угрожать иконийскому эмиру. О приобретениях Византии в Сирии была речь выше.

Последние годы царя Алексея были омрачены семейными огорчениями. Между многочисленными членами царской семьи Комнинов и родственными с царским домом родами Дук, Вриенниев и Далассинов не было достигнуто единство взглядов насчет династического принципа. Царь Алексей, как родоначальник и основатель династии, придерживался того воззрения, что наследство власти должно принадлежать его старшему сыну, Иоанну, который с юных лет был сопричислен к власти. Но и в самой его семье, состоявшей из трех сыновей и четырех дочерей¹⁰⁵, не было по этому вопросу одинаковых взглядов, вследствие чего в семейных отношениях царя Алексея отмечается холодность и взаимное недоверие. В этом отношении необходимо войти в некоторые подробности. Во все продолжительное царствование Алексея женскому влиянию было предоставлено большое место не только в придворной жизни, но и в политике. Стоит здесь напомнить о знаменитом хрисовуле царя Алексея, данном на имя его матери, женщины с мужским характером, которая во время первых и самых тревожных лет царствования Алексея держала в своих руках всю администрацию империи. Можно думать, что со временем влияние матери стало для царя довольно отяготительным, но нельзя указать каких-либо резких мер, принятых им против своей матери, которая с течением времени удалась в монастырь Спаса Всевидящего, ею же, вероятно, и основанный¹⁰⁶, где и оставалась до самой смерти (около 1110 г.). Можно, впрочем, думать, что, постепенно вырастая при дворе и в высшем обществе, партия царицы Ирины была главным препятствием для того, чтобы Анна Далассина могла удержать свое влияние. Политическим принципом этой второй партии была идея перенесения наследства власти на старшую дочь царя, Анну, которая была на пять годов старше своего брата Иоанна, вследствие чего на ней действительно в свое время покоились надежды династии. Мы уже говорили, что при воцарении Алексея была сильна тенденция соединить новую династию с фамилией Дук, в этих видах предполагалось устроить брак Алексея с царицей Марией, супругой Михаила VII Дуки, в этих же видах порфирородный Константин Дука обручен был с Анной Комниной, которая с юных лет, таким образом, считалась будущей византийской императрицей, и в этих видах ей дано было весьма хорошее образование. С течением времени, когда не стало в живых обрученного с нею Константина и когда проект передачи наследства в род Дук потерпел крушение, цесаревна Анна, хотя и вышла замуж за представителя аристократического рода Вриенниев, цесаря Никифора, никогда не могла помириться со скромной ролью и оставить честолюбивых планов на царскую корону. Ирина и Анна выдвинули проект передачи наследства на царскую власть в линию Анны Комниной и Никифора Вриенния, отец которого при Никифоре Вотаниате был некоторое время номинальным носителем короны. Между сыновьями Алексея одни были на стороне его планов, другие поддерживали партию матери: Андроник, второй сын Алексея, склонялся на сторону Анны и ее супруга, а третий сын, Исаак, поддерживал партию отца и был главным деятелем в пользу перехода власти к Иоанну. Царь Алексей отдавал себе полный отчет в положении дела и принимал все меры, чтобы царица Ирина не воспользовалась обстоятельствами для проведения

переворота. Писатели с нескрываемой насмешкой указывают, что царь, в молодости нередко изменявший своей жене, под старость так привязался к ней, что брал ее с собой во все походы. На самом деле Алексей не доверял Ирине и держал ее близ себя с той целью, чтобы не допустить ее до политической деятельности в пользу ее заветных планов. Таково было положение дел в начале 1118 г., когда царь, находясь в ипподроме, почувствовал сильный припадок и был поспешно вынесен на руках сначала в Большой дворец, а потом в Манганский дворец, на берегу моря. Могло быть, что желали доставить больному царю больше спокойствия, перенесши его в Манганы, а могла быть и другая цель: Ирина могла желать ближе следить за теми лицами, с которыми царь будет в сношениях, во всяком случае не допустить старшего сына царя видаться с ним. Около постели умирающего началась борьба влияний и игра страстей. Рядом с притязаниями политических партий обнаружилось соревнование между придворными врачами Николаем Калликли и Михаилом Пантехни, которые также не были чужды указанных политических партий. Ирина употребляла все средства склонить царя к своим планам, она старалась с этой целью опорочить Иоанна в глазах отца и не допускать его к больному. Алексей, по-видимому, не вступал в пререкания с супругой и отделялся молчанием на все ее просьбы и наговоры. В конце концов перевес оказался на стороне той партии, которая стремилась доставить наследство Иоанну Комнину, и в этом отношении, конечно, не было случайностью, что старший сын царя оказался носителем царского кольца с печатью, которое он выставял как вещественный знак изъявления воли умершего царя. Царице Ирине, когда она увидела, что ее перехитрили, приписываются следующие слова, обращенные к умершему: «И при жизни ты отличался всяческим коварством, одно говоря, другое держа на уме, и ныне, по смерти, ты придерживаешься тех же обычаев, каким прилежал в жизни»¹⁰⁷. Несмотря на принятые Ириной меры, к вечеру 15 августа, когда царь чувствовал себя особенно плохо, к нему был допущен Иоанн, и, по всей вероятности, по желанию умирающего. Что здесь происходило между отцом и сыном, сказать трудно. Поэтому нельзя решительно высказаться и относительно того, что затем последовало. Действовал ли Иоанн Комнин по внушению своего отца и действительно ли получил от него перстень с царской печатью, как утверждают его приверженцы, или же, напротив, осведомившись о близкой смерти отца, он на собственный страх завладел дворцом и провозгласил себя царем, как утверждают сторонники царицы Ирины, это остается невыясненным. Царь умер ночью с 15 на 16 августа 1118 г. В эту же ночь, сопровождаемый своим братом Исааком, Иоанн поспешил в св. Софию, провозгласил себя императором и был коронован патриархом Иоанном IX. Отсюда он отправился в Большой дворец, где варяжская стража оказала было ему сопротивление, но перстень с царской печатью открыл Иоанну доступ во дворец. Партия Ирины и Анны была проиграна. Но что положение считалось весьма серьезным, можно видеть из того, что тело умершего царя без обычной помпы на другой день было погребено не в царской усыпальнице, а в монастыре Спаса Филантропа, что поблизости от дворца Манганы¹⁰⁸. Несколько дней Иоанн не решался выходить из дворца, боясь измены.

В последние годы царствования Алексея, именно под 1114 г., упоминается в придунайских областях о русском отряде под предводительством Владимира Всеволодовича Мономаха. Не в первый раз византийская летопись говорит то о дружественных, то о враждебных отношениях Руси к Византийской империи. Мы оставляли этот вопрос без обстоятельного разъяснения, хотя уже и в течение XI в. русские принимали некоторое участие в судьбах империи в качестве постоянного военного корпуса, жившего в империи и состоявшего на службе царя. Существование этого корпуса, постоянно обновляемого притоком новых дружинников из Киева, свидетельствует о прочной связи, установившейся между Русью и Византией после просвещения Владимира христианством. После прекрасного исследования о варяго-русской

дружине в Константинополе, принадлежащего академику Васильевскому¹⁰⁹, легко восстановить историю военного вспомогательного отряда, присланного в Константинополь Владимиром в 989 г. Первое время русские, по-видимому, были присоединены в качестве небольших частей к разным византийским отрядам и упоминаются в разных местностях, где происходили военные действия. Так, в 1016 г. царь Василий II, захватив в плен болгар, предоставил третью часть пленников союзной Руси. Это было около нынешней Битоли. В 1019 г. в сражении при Каннах греки нанесли норманнам большое поражение, причем часть победы приписана русскому отряду.

Около 1024 г. упоминается о прибытии в Константинополь отряда в 800 русских под предводительством Хрисокира. С этим отрядом случилось, однако, странное приключение: он не подчинился предъявленному к нему требованию разоружиться, ушел в Мраморное море, был в Абидосе и потом был истреблен начальником кивиррэотского флота.

В 1034 г. во Фракийской феме в Малой Азии зимовали варяги. Под этими последними, несомненно, следует подразумевать русских. Рядом остроумных сопоставлений Васильевский приходит к заключению, что в этом же отряде находился знаменитый принц норвежский Гаральд¹¹⁰, который принимал участие в войнах с малоазийскими турками-сельджуками вместе с Георгием Маниаком и потом вместе с ним же переправился в Южную Италию в 1038 г. Вследствие блистательной победы над арабами при Траине, на северо-запад от Этны, Маниак завладел Сиракузами и другими укреплениями, находившимися во власти арабов, так что к началу 1040 г. вся Сицилия была снова в руках императора. Не входя здесь в подробности, которые были изложены в другом месте, будем следить за дальнейшими известиями об отношениях Руси к империи.

К 1047 г. относится поход на Константинополь Владимира Ярославича, о котором имеется подробное сообщение в летописи Пселла¹¹¹.

«Это варварское племя, — говорит Пселл, — всегда питало яростную и бешеную ненависть к ромэйской власти, при каждом удобном случае изобретало то или другое обвинение, они создавали из него предлог для войны с нами... Хотя варвары и не имели против Константина Мономаха никаких обвинений, но, чтобы их приготовления не оказались бесполезными, они подняли против него войну беспричинную. Когда же они тайно вступили в Пропонтиду, то сначала потребовали от нас заключения мирного договора под условием выплаты им большой суммы, именно определяли на каждое судно по тысяче статиров¹¹². Они предъявляли такие желания или потому, что предполагали у нас золотосные россыпи, или, во всяком случае, решившись сражаться... А у нас в то время морские военные средства были весьма недостаточны. Огненосные корабли были разбросаны по разным приморским местам для охраны той или иной нашей области. Посему император, собрав остатки старого флота и снарядив их, воспользовался перевозными царскими судами, а равно несколькими триерами, снабдив их военными людьми и большим запасом греческого «влажного» огня, выставил этот флот против неприятельских лодок. Сам же царь, сопровождаемый избранной частью сената, ночью стал якорем в той же самой гавани (где стояли русские суда) и таким образом открыто объявил варварам морское сражение. Не было человека, — продолжает автор, сам будучи личным наблюдателем описываемого, — который бы, смотря на это, не испытывал сильного смущения. Я сам стоял тогда подле императора, который сидел на холме, слегка возвышающемся над морем, и смотрел на происходившее».

Византийские моряки при помощи разрушительного действия греческого огня одержали полную победу над русскими, против которых были также и стихии, ибо поднявшийся ветер расстроил связь между их судами и отнес часть их в море, где они частью потерпели крушение у прибрежных скал, частью были потоплены нагнавшими их триерами.

Обстоятельства, вызвавшие этот поход, едва ли Пселлу могли быть известны. Напротив, согласно большинству известий, отношения между Византией и Киевской Русью были до описываемого похода самые дружественные. Это подтверждается и тем обстоятельством, что в первой половине XI в. в Царьграде жили русские купцы и что некоторые сказания о чудесах Николая Чудотворца составлены русским, жившим в Константинополе¹¹³. Несмотря на это военное столкновение, на службе императоров продолжали оставаться русские военные люди как в описываемое время, так и после Константина Мономаха. Византийское правительство лишь приняло необходимую меру предосторожности, препроводив русских в отдаленные провинции, где о них и сохранились, хотя и скудные, известия.

Около половины XI в. происходит большое движение народов в южнорусских степях. Печенеги перешли за Дунай, на их место в степях Южной России появились половцы, или куманы. Это значительно затруднило прямые сношения между Русью и Царьградом, хотя не повлияло на положение постоянного русского отряда, состоявшего на службе в империи. Но в то же время постоянными союзными отрядами империя начинает пользоваться из южноитальянских норманнов, которые становятся известны в летописи под именем франков и упоминаются иногда рядом с русскими: варяги и франки. Так, в походе Романа Диогена на Восток, окончившемся известным поражением и пленом его, собранное им войско состояло кроме византийских подданных из франков, русских, печенегов, арабов и грузин. По словам арабского писателя Ибн ал-Асира, «при Хелате отряд Альп-Арслана встретил предводителя русов. Они сразились, и были разбиты русские, и был взят в плен их предводитель и приведен к султану, который отрезал ему нос».

В царствование Алексея Комнина в качестве вольнонаемной военной дружины появляются англосаксы. Значение их на византийской военной службе получает совершенно особый политический смысл, если принять в соображение то обстоятельство, что главным соперником царя Алексея был представитель норманнского племени Роберт Гвискар, соплеменники коего в лице Вильгельма Завоевателя и его дружины подчинили англосаксов (1066). Первые признаки движения англосаксонского племени в Византию относятся к начальным годам правления Алексея Комнина. Явившись на выручку осажденного Робертом Драча, Алексей имел в своем войске и отряд варягов под начальством Набита. Хотя имя варяжского предводителя легко объяснить в смысле принадлежности его к русскому народу, но не будем на этом настаивать. По окончании войны с Робертом царь Алексей в 1085 г. построил укрепление Кивот, или Кеветот латинских летописцев, в Никомидийском заливе с целью оказать сопротивление туркам-сельджукам, овладевшим к тому времени Никомидией. Охрана этого укрепления была поручена англосаксонскому отряду, который, однако, через некоторое время переведен в столицу, и ему поручена охрана Большого дворца. Это было перед самым началом крестоносного движения, когда Алексей стянул в Константинополь все силы, какими можно было располагать. Но с тех пор под варягами, составлявшими лейб-гвардию императора, должны быть понимаемы не русские, а англосаксы. Таким образом, и этот так, по-видимому, малозначительный факт свидетельствует о сближении с Западом, которым характеризуется империя накануне крестовых походов. «Поворот к Западу... выразился в замене русских православных людей людьми Запада»¹¹⁴.

Мы считали необходимым изложить эти несколько сухие и однообразные известия о присутствии русского военного отряда на службе империи. Этот отряд пользовался в качестве почетной стражи во дворце и в качестве лейб-гвардии императоров немаловажным значением. По-видимому, перед крестовыми походами значение русского отряда начинает падать, уступая место англосаксонским наемникам. С этими наблюдениями переходим к легенде о походе на Византию Владимира Мономаха. Сам по себе этот факт не заслуживает особого интереса, и тем

более что известия о нем спутаны. Дочь царя Алексея, которая могла бы располагать хорошими сведениями, дает сухое сообщение, что в 1114 г. до Константинополя дошел слух, будто половцы приготавливаются к вторжению в области империи. Так как речь шла о защите дунайской границы, то император поспешил лично в Болгарию, поставил гарнизоны в балканских проходах и потом подошел к Видину, где, впрочем, мог только удостовериться в том, что половцы отложили переправу за Дунай. По всей вероятности, что подтверждается и русской летописью, здесь имеется в виду, собственно, поход киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха, или его воеводы Ивана Войтишига, или сына его Вячеслава. Хотя это входит, собственно, в русскую историю, но по общности имени Мономах, которое носил киевский великий князь и один из византийских царей, Константин IX (1042—1054), этот эпизод не должен остаться неисчерпанным и в нашем изложении. По русским известиям, поход Владимира Мономаха на Дунай вызван был желанием поддержать притязания на престол сына Романа Диогена Льва, который был женат будто бы на дочери киевского великого князя. Хотя византийская летопись совсем не знает о Лье Диогеновиче и об его родстве с великокняжеским домом в Киеве, но та же летопись, хотя совершенно в другой обстановке и при других обстоятельствах, упоминает о Константине Диогеновиче, убитом в сражении с турками-сельджуками близ Антиохии, и о появлении потом самозванца того же имени, который бежал к половцам, ходил с ними в поход против империи и был ослеплен греками, обманом захватившими его в плен; но это было в 1095 г. Таким образом, выяснение того обстоятельства, кто был зятем Мономаха, осталось совершенно не удавшейся доселе попыткой¹¹⁵. Можем утверждать лишь тот факт, что в занимающее нас время продолжались еще сношения между Русью и Византией. Так, известны два письма Михаила VII Дуки (1071 — 1078), посланные к двум русским князьям с просьбой у них помощи против болгар и корсунян¹¹⁶.

Глава 9. Время царя Иоанна

Подробной и современной истории Иоанна Комнина, получившего прозвание Калоиоанна, не сохранилось, и едва ли была такая написана. Историки периода Комнинов, Иоанн Киннам и Никита Акоминат, весьма кратко излагают время Иоанна, в особенности они скудно осведомлены о западных делах и, касаясь на основании слухов и устных преданий того, что происходило в Италии и на Балканском полуострове, часто впадают в ошибки и не могут быть хорошими руководителями. Хотя в XII в. Византия вполне вошла в круговорот европейской жизни, так как западные народы вторгались в имперские владения со всех сторон и западные нравы и учреждения постепенно входили в Византию, но так было серьезно создавшееся на восточной границе, в Сирии и Палестине, положение вследствие образования на Востоке христианских княжеств, что для преемников Алексея Комнина восточная граница должна была представлять более значения, чем западная. Очевидным для них оправданием служило и то, что западноевропейские события находили себе живой отклик, а иногда и разрешение в Иерусалиме и Антиохии. Так или иначе византийская летопись хуже осведомляет нас о западных событиях, чем о восточных.

Между тем эпоха Комнинов, составляющая наибольший подъем византизма, какого империя никогда уже потом не достигала, самыми выразительными своими чертами относится к западной истории. Хотя время Калоиоанна до известной степени было продолжением царствования Алексея, но при нем гораздо рельефней выказались потребности времени, он был отзывчивей на запросы своего века и, по-видимому, менее увлекался фантастическими планами и охватившим тогда высшее византийское общество религиозным и политическим индифферентизмом, чем его сын Мануил и потомство его брата Исаака севастократора. Иоанн представляет собой более цельный характер, чем его отец и сын. Изложение истории его времени много выиграет в своей рельефности, если мы не будем отвлекаться мелочами и сгруппируем факты по тем главным течениям, которыми роковым образом направляется вся византийская история XII в. События времени Калоиоанна рассмотрим по следующей схеме: 1) западные дела, 2) события на восточной границе и 3) внутренние отношения.

1. Сицилийское королевство и Западная империя

Западная политика царя Иоанна обуславливалась сочетанием тех политических и народных сил, которые частью вновь организовались, частью выросли на прежних основах в начале XII в. Можно утверждать, что германская политика византийского царя внушена была боязнью неожиданного и опасного удара со стороны южноитальянских норманнов. Опасение серьезных затруднений с этой стороны вполне было основательно. Империя не могла не рассматривать как покушение на свои вековые права неожиданные политические события, происшедшие в Южной Италии: соединение Апулии и Сицилии под властью сицилийских графов в 1127 г. и венчание Рожера II королевским венцом в 1130 г. Но успехи норманнов в свою очередь зависели от того положения, какое заняли в то время угры и сербы, и от тех затруднений, какие Византия испытывала на своей западной границе и на Адриатическом море. В какой тесной связи находились указанные политические события с ролью христианских княжеств на Востоке, лучшим подтверждением тому служит известный факт, что браком вдовы сицилийского владетеля с королем иерусалимским Балдуином корона Иерусалимского королевства переходила к сицилийским норманнам. На этой политической основе выросли весьма характерные для XII в. родственные связи и дружественные переговоры между восточным и западным императорами. Так как западная политика Иоанна Комнина подчинялась создавшемуся в Южной Италии и отразившемуся на побережье Адриатического моря

международному положению, то для историка является настоящей и первой задачей выяснение роли южноитальянских и сицилийских норманнов в начале XII в.

Мы уже выражали раньше мысль, что норманны в средней истории являются не только разрушительно-завоевательным народом, но вместе с тем творческим и созидательным элементом. Ряд даровитых деятелей появляется на небольшом пространстве времени, которые с замечательным искусством использовали современное политическое положение и придали небольшой группе авантюристов, начавших селиться в Южной Италии, громадное историческое значение. В занимающее нас время из южноитальянских норманнов происходили первые политические деятели, которым принадлежала руководящая роль в Европе и в Азии. Выше мы ознакомились с двумя князьями из этого поколения норманнов: с Робертом Гвискараром и Боемундом; первый в Европе, второй в Азии заняли первостепенное политическое значение и наполнили своими предприятиями и остроумными планами историю конца XI и начала XII в.

Нам следует в настоящее время познакомиться с третьим норманнским представителем этой эпохи, с младшим сыном Танкреда Готвиля, сицилийским графом Рожером. После того как Роберт Гвискар получил титул герцога Апулии (1059), младший его брат Рожер оставался владетелем небольшого удела в Калабрии, Мелито, который по своему отдаленному положению представлял мало значения. Но скоро этому скромному вассалу герцога Апулии выпала счастливая роль. В соседней Сицилии, присоединявшейся к владениям герцога Апулии, продолжалась еще борьба между арабами и христианами, последние, однако, едва держались в некоторых горных местах (Кастроджованни) и почти везде отступили перед арабами, захватившими уже все приморские города и крепости. Кроме продолжавшейся борьбы с христианами между самими арабскими эмирами и владетелями не было мира, вследствие чего постоянно открывалась возможность посторонних влияний на острове. Рожера пригласили, как говорит предание, христиане города Мессины в 1060 г. прийти к ним на помощь, обещая ему сдать город¹¹⁷. Может быть, не столько приглашение со стороны христиан, сколько естественное стремление норманнов распространить свои владения на соседний остров привело Рожера к походам в Сицилию. Как скоро окончено было в Южной Италии усмирение вассалов, восставших против сурового господства нового герцога, мы видим Рожера в 1061 г. ведущим переговоры с мусульманским владетелем Ибн Тимной, который захватил Сиракузы и Катанию и принудил признать свою власть Палермо. Но в борьбе с независимым владетелем южной части Сицилии Ибн Тимна потерпел неудачу — тогда ему пришла мысль обратиться за помощью к норманнам, с которыми, впрочем, он и раньше имел сношения. Явившись в Реджио, где в то время были Роберт Гвискар и Рожер, он описал им положение дел на острове и убедил их, что завоевание Сицилии не представит больших трудностей (1061). Завоевание Сицилии оказалось, однако, далеко не таким легким предприятием. Не входя здесь в изложение подробностей, ограничимся общим указанием, что Рожер частью при помощи брата своего Роберта, который даже лично принимал участие в походах в Сицилию, успел ступить твердой ногой на острове, когда подчинил Мессину и в 1072 г. Палермо. С тех пор власть арабов держалась только в южной части полуострова, но судьба Сицилии после сдачи Палермо уже была решена, и главная заслуга в этом отношении принадлежит вполне Рожеру. Со смертью Роберта Гвискара в 1085 г. положение членов правящего норманнского дома изменилось. Герцог Апулии и племянник графа сицилийского Рожер I хотя и был по господствующему праву сюзереном своего дяди, который был обязан ему ленной присягой, тем не менее на практике граф Сицилии был сильней своего племянника-сюзерена и приобрел над ним большое влияние тем, что оказал ему сильную поддержку для утверждения его власти. Взамен оказанных услуг граф Рожер получил значительные привилегии по управлению Сицилией, и, между прочим, ему уступлены были некоторые феодальные права, принадлежавшие герцогу Апулии, как, например, доходы с города

Палермо и бесконтрольная власть во всей норманнской Сицилии.

Под умным и либеральным управлением Рожера дела Сицилии складывались весьма благоприятно по отношению к завоевателям. Так, после взятия Палермо Рожер нашел возможным оставить город под управлением арабского эмира, предоставив жителям значительные гарантии и ручательства, обеспечивающие им жизнь и правый суд. С применением принципа раздачи чинов он также был осторожен и, пока Сицилия не была окончательно подчинена, старался не умалять своей власти над военными людьми. Лишь в 1091 г., когда завоевание было окончено, начал делиться со своими сотрудниками землями и пожалованиями. Большим для него преимуществом было то, что его войско, принимавшее участие в завоевании страны, происходило из разных областей Италии и не было исключительно норманнского происхождения. Ленная система не была здесь проведена во всей последовательности, напротив, местный элемент из христиан — греков и арабов — не был вполне поработан и ослаблен и оказал графу Рожеру неоцененную услугу в завоевании и усмирении страны. Оказывая покровительство грекам в городах и монастырях, Рожер находил в них опору против мусульман. Но, с другой стороны, и политика очищения острова от мусульман не входила в виды Рожера. Здесь, по словам новейшего историка¹¹⁸, в первый раз в истории христианского мира под давлением обстоятельств осуществлена была идея толерантного государственного устройства. И действительно, Рожер не только умел быть терпимым к мусульманам, но и пользовался их силами для своих военных целей, применил их административную и податную систему для потребностей своего государства.

Уже в 1088 г. имеются известия о сношениях¹¹⁹ Рожера с папой. На этот раз, однако, сам Римский епископ прибыл в Сицилию, чтобы переговорить с графом Рожером о современных церковных делах. Легко понять, что Римская Церковь не могла без участия относиться к сицилийским событиям. В Сицилии не только возникало благодаря успешной деятельности Рожера христианское государство, но вместе с тем воссоединяема была с Римской Церковью область, которая прежде составляла ее неотъемлемую принадлежность. Рожеру было в высшей степени важно установить правильные отношения с римской курией, которая в XI в. раздавала королевские и императорские короны. Еще в 1063 г. он получил от папы Александра II освященное знамя и церковное благословение и с тех пор находился в тесных отношениях с Римом, хотя и не оставлял своей либеральной политики. С большей свободой мог действовать Рожер там, где его политика была наиболее верна, хотя и не так приятна для курии. Оказанная им поддержка православию с политической точки зрения была так настоятельна, что сами папы были убеждены в ее справедливости, хотя в этой политике была большая опасность для Рима. С точки зрения папства завоевание Сицилии было столько же победой над Константинополем, как над исламом: Греческая Церковь отняла от Рима сицилийские епископии в VIII в., и арабское господство не ослабило притязаний Рима. Таким образом, со стороны Римской Церкви не было желательным поддерживать греческий элемент в Сицилии. Тем не менее, опираясь на каноническое право Греческой Церкви, Рожер приобрел весьма сильное влияние над епископами и клиром и мог достигнуть чрез это весьма важных результатов. Ему удалось создать в Сицилии такую католическую Церковь, которая до крайности мало зависела от Рима и весьма много от князя. Рожер был женат три раза. Уже под старость он вступил в третий брак, с Аделасией, племянницей знаменитого маркграфа Бонифация. От нее родился в 1095 г. сын, названный по имени отца и вступивший в обладание Сицилией по смерти его (1101) под именем Рожера II. За его малолетством управляла умная и в высшей степени энергичная графиня-мать, вдова Рожера I.

Следуя во всем политике своего мужа, Аделасия также нашла противовес против феодальных тенденций в туземном арабском элементе. Одним из важнейших ее дел было

перенесение столицы из Мессины, где было гуще норманнское население, в Палермо — с господствующим мусульманским элементом. В 1112г. Рожер II достиг совершеннолетия и принял в свои руки правление, когда для его матери открылась новая политическая перспектива в Св. Земле вследствие брака ее с иерусалимским королем Балдуином. В брачном договоре было внесено условие, что, в случае если брак ее с Балдуином не будет иметь мужского потомства, наследство иерусалимской короны должно перейти на ее сына Рожера. Известно, что этот брак не был счастлив и что он был впоследствии расторгнут Церковью. Аделасия через три года возвратилась в Сицилию и скрыла свой стыд и горе в монашеском уединении.

Рожер II принадлежит к выдающимся лицам в даровитой семье Готвилей и в то же время к самым образцовым политическим и государственным деятелям в средние века. Это одаренная творческим духом фигура, в которой прекрасно отразились лучшие стороны норманнского народа и культурные завоевания мусульманства и византизма. Им много создано в государственном, литературном и художественном отношении. Его столица Палермо в первой половине XII в. была мировым городом, и король Рожер играл первые роли в современных ему всемирно-исторических событиях. Что Рожер воспитан был под сильным арабским влиянием, это видно столько же из характера его государственной деятельности, сколько из его литературных и художественных вкусов. При нем получила первостепенное значение чисто арабская государственная должность адмирала, развившаяся из эмира Палермо, в руках которого сосредоточивалась власть над флотом, а впоследствии административная власть над всем островом. Носителем этой важной в истории Сицилии должности был великий адмирал Георгий Антиохийский, христианин сирийского происхождения, много лет проведенный на службе африканских арабов и перешедший затем на службу к графу сицилийскому. Здесь сначала он заведовал податным ведомством, а потом ему было поручено морское дело, в котором он проявил исключительные организаторские силы, создав из Сицилийского графства морское государство и сделав его обладателем флота. Мы не будем следить за первыми походами в Африку, где прежде всего нашли приложение морские силы Сицилии; в 1123 г. был отправлен флот в 300 кораблей и с 300 тысячами экипажа и 1000 лошадей. Хотя на этот раз поход не был удачен, но он показывает значение Сицилии как морской державы.

Но центр тяжести политики Рожера лежал в Европе. Отношения его к Риму сложились менее благоприятно, чем при его отце. Уже и в том могла лежать причина нерасположения к нему пап, что Рожер холодно относился к идее крестовых походов и слишком ревностно поддерживал в Сицилии греческое духовенство и православные церковные учреждения. По отношению к своим родственникам в Южной Италии Рожер мог держаться с достоинством, как старший между ними. Герцогская власть в Апулии принадлежала Вильгельму, племяннику Рожера II, который едва ли мог практически осуществить сюзеренные права относительно сицилийского графа. Напротив, в 1124 г. Вильгельм поступился своими правами над половиной города Палермо и таким образом уничтожил и последние остатки сюзеренных прав над Сицилией, а в следующем году бездетный герцог Апулии назначил Рожера своим наследником за небольшую, выданную ему за это сумму. Таким образом положено было начало политическому объединению Сицилии с Южной Италией.

В 1127 г. умер герцог Апулии Вильгельм, и герцогский титул переходил к дяде его, сицилийскому графу Рожеру II. После своего первого герцога, Роберта Гвискара, Апулия переживала продолжительный период смут и взаимной борьбы между баронами. Сын и наследник Роберта герцог Рожер мог сладить с внутренними неурядицами лишь благодаря помощи своего дяди, графа сицилийского. Самым опасным его соперником был сводный брат его Боемунд, притязаниям которого был положен конец в 1089 г. тем, что ему было выделено отдельное княжество с главным городом Тарентом. Боемунд увлечен был мечтой об основании

нового княжения за морем и, приняв деятельное участие в первом крестовом походе, был первым государем в Антиохии. Вследствие этого Тарент остался под управлением супруги его Констанцы, которая и по смерти Боемунда в 1111 г. унаследовала власть в Таренте за своего малолетнего сына. Политической тенденцией Тарента было сохранение связей с Антиохией, почему, как скоро Боемунд II достиг совершеннолетия (1126), он отправился в Антиохию и был там наделен владением Антиохийским княжеством, зависевшим по феодальному праву от Иерусалимского королевства. Так же как в Таренте, недоставало организаторских сил в герцогстве Апулии. За Рожером следовал в 1111 г. его сын Вильгельм, при котором в герцогстве наступила анархия; вассальные владетели разных областей отказались признавать зависимость от герцога и объявили себя в официальных документах графами милостию Божией.

При таких условиях безначалия и смут граф Рожер принял апулийское наследство. Получив известие о смерти племянника Вильгельма, Рожер явился с 7 кораблями в гавани Салерно и потребовал, чтобы ему был предоставлен доступ в город как наследнику умершего герцога. После длинных переговоров и после того, как Рожер дал обещание пощадить вольности граждан и не требовать с них больше обычного, Салерно открыл ворота и принял Рожера. Примеру Салерно последовали другие города; но оказалась против Рожера церковная власть. Папа Пасхалис II поспешил в Беневент и произнес отлучение против нового герцога. Оказывается, что соединение Апулии с Сицилией далеко не соответствовало политическим интересам Рима и придавало норманнам такое политическое положение, которое совсем не предусматривалось соглашением 1059 г. в Мельфи. Большое норманнское государство могло быть так же опасным для Рима, как прежде Византийская империя. Поэтому современный занимающим нас событиям папа Гонорий II вооружился всеми доступными ему средствами против Рожера. Он составил союз из южноитальянских владетелей против Рожера и начал с ним открытую войну. Зима 1128 г. прошла в приготовлениях к военным действиям, Рожер имел против себя союз, организованный папой, но с своей стороны заручился важным соглашением с республикой Генуей. Но в данном случае на стороне герцога была скорей тактика, чем превосходство сил, последним, бесспорно, мог похвалиться его соперник. Не вступая в открытый бой с превосходными силами папы, которые сосредоточены были на берегу реки Брадано, Рожер дождался июльских жаров, производивших болезни в папском лагере. К этому присоединившийся недостаток в съестных припасах и нежелание союзников без нужды подвергаться голоду и опасностям поставили папу в крайнее затруднение и побудили его начать с герцогом переговоры. Когда узнали об этом союзники, не дожидаясь конца переговоров, поспешно снялись с лагеря и разошлись по домам. В августе 1128 г. папа дал наконец Рожеру инвеституру на герцогское достоинство и принял от него присягу на верность. На следующий год Рожер держал торжественное собрание чинов в Мельфи, где собрались почти все владетели и бароны норманнских земель Южной Италии. Здесь была принесена собравшимися чинами присяга на верность Рожеру и его сыновьям и дано обязательство положить конец анархии и наблюдать земский мир во всех областях герцогства. Ближайшие мероприятия в Апулии по обузданию своеволия, постройка новых крепостей в Трое и Мельфи навели страх на апулийских баронов. Владетель Капуи не замедлил признать зависимость от герцога Апулии, точно так же дал ему ленную присягу *magister militum* Неаполя. Под влиянием достигнутых успехов у герцога Рожера начал зреть план о соединении норманнских владений в Сицилии и Апулии и о принятии королевского титула. Современные события как нельзя более соответствовали смелым планам Рожера.

Борьба светской власти с духовной, естественно, разделила европейские государства на два лагеря, на приверженцев папы и сторонников императора. И папы, и императоры желали иметь на своей стороне союзников, и тем более придавалось цены новому партизану, чем смелее он

был связан союзами и отношениями со старыми политическими организациями. В лице Рожера II образовалась совершенно новая сила. Пробивая себе дорогу в среду европейских государств, норманнский герцог производил этим перемены в сложившейся системе и вызывал крупный переворот в отношениях между тогдашними государствами.

Две дворянские фамилии в Риме спорили из-за власти, и, как всегда в вечном городе, освободившийся престол Римского епископа подал повод к открытой борьбе. Партия, стоявшая на стороне Франжипани, выдвинула в папы Иннокентия II, а партия Пьерлеоне стояла за папу Анаклета. Последний был кандидатом большинства римского дворянства и, следовательно, мог находить поддержку в церковных партиях итальянских городов; Иннокентий искал поддержки за границей и имел значительную партию во Франции. Рожер взвесил положение дел и своим присоединением к партии Анаклета дал ему решительный перевес над соперником. Но он давал свою поддержку не даром, он поставил необходимым условием венчание королевским венцом. О переговорах с папой сохранилось мало известий. Сентября 27-го из Беневента Анаклет издал буллу, в которой изъявил свою волю на пожалование Рожеру королевской короны¹²⁰.

Между прочим, в этой же булле признано за Рожером право на княжество Капуя и некоторые сеньориальные права по отношению к Неаполю и Беневенту. Венчание королевским венцом происходило в Палермо в Рождество 1130 г.

Воспользовавшись церковным раздором и без труда достигнув весьма важных политических и церковных привилегий для своего королевства, Рожер II тем не менее успехами своими был обязан союзу с представителем одной партии, которая получила временный перевес. Победенная партия тем более не считала проигранным своего дела, что она могла находить могущественную поддержку в тех государствах, которые считали нарушенными свои жизненные интересы соединением Южной Италии и Сицилии под властью Рожера II. Новый порядок вещей рассматривался несовместимым с интересами Германской империи, весьма вредным для Византии и опасным для североитальянских торговых республик.

В высшей степени интересно разобраться в сложной политической драме, которая на некоторое время в главных своих явлениях была разыграна Рожером и его соперниками. Несомненно большим счастьем для сицилийского короля было то, что германский король Лотарь II, уже в 1131 г. принявший сторону антипапы Иннокентия, не имел достаточных средств, чтобы совершить с успехом поход в Италию. Хотя итальянские торговые республики также затронуты были увеличивавшимся морским могуществом Рожера, но он успел заручиться союзом с Пизой и таким образом ослабить образовавшееся против него движение среди его собственных вассалов в Апулии. Как раз к 1136 г. относятся сношения Восточной империи с Пизой, вследствие которых за пизанцами были возобновлены привилегии, данные им царем Алексеем.

Находясь в крайней опасности и под угрозой новых предприятий норманнов, отец Иоанна Алексей Комнин тщательно разыскивал в самой Италии союзников. Сношения между торговым городом Пизой и империей происходили весьма оживленные. В 1111 г. куропалат Василий Месимерий сделал пизанцам от имени царя весьма выгодные предложения, на которые республика отвечала согласием войти в сферу политических интересов империи и стать на сторону ее друзей и союзников. Следствием этого соглашения следует считать хрисовул от октября 1111 г., которым византийский император обязывается не ставить препятствий пизанцам в их походах на Восток и оказывать покровительство тем, кто поселился в пределах империи. В знак особенной милости царь жалует в пизанский собор и в распоряжение архиепископа ежегодно определенный вклад в виде денежной суммы и шелковой ткани. Пизанским купцам предоставлялось право свободно торговать в пределах империи с тем ограничением, что золота и серебра они не ввозят совсем, а за другие товары платят ввозной

пошлины 4%. В самой столице империи им отводится пристань и отдельный квартал с постройками, в которых они могут жить и складывать свои товары; равно как указаны определенные почетные места в св. Софии и в ипподроме¹²¹. Как ни оберегала Венеция полученные ею в Константинополе исключительные привилегии, но на этот раз принуждена была уступить небольшое место пизанцам и поделиться с ними торговыми выгодами. Опасения Венецианской республики имели, впрочем, для себя основания, так как впоследствии торговое и политическое соперничество в Византии довело Венецию и Пизу до кровавых столкновений.

С восшествием Иоанна на престол Венеция послала в Константинополь посольство с предложением возобновить договор, заключенный при царе Алексее. Весьма любопытно отметить, что, по замечанию современному событиям писателя Киннама, уже и в то время в Константинополе чувствовали тяжесть венецианской опеки и с трудом сносили высокомерное отношение иностранной колонии, которая слишком высоко ценила свои услуги империи. Иоанн не исполнил желания Венеции и не возобновил договора и привилегий в пользу венецианцев, но скоро должен был пожалеть об этом. В 1122 г. венецианский флот явился к острову Корфу и начал враждебные действия, в следующем году подвергся опустошению Родос, затем Хиос и другие острова. Империя не имела достаточных морских сил, чтобы выступить против венецианцев, и царь Иоанн принужден был уступить. Он дал знать дожу, что готов вступить в переговоры, и в 1126 г. возобновлено было соглашение, нарушенное последними враждебными отношениями, продолжавшимися три года. С тех пор Иоанн поддерживал добрые отношения с Венецией, вполне понимая всю невозможность поступить иначе, так как западные народы со времени начала крестовых походов стали слишком могущественным элементом в империи. Нигде, однако, антинорманнское движение не могло иметь такой подготовленной почвы, как в Византии. Здесь никогда не забывали, что Южная Италия есть исконная провинция Восточной империи и что в норманнах, начиная с Роберта Гвискара, восточный император имеет самых опасных врагов, с которыми тем трудней считаться, что они построили все свое благополучие на захватах имперских областей. Возвращение Южной Италии составляло предмет самых горячих желаний царей Комнинов. Это столько же имело основания в сохранившихся остатках греческого населения и византийских учреждений в Апулии и Калабрии, как в недовольстве норманнской властью, вследствие чего в Константинополе постоянно жили князья и бароны, изгнанные или бежавшие из Италии¹²². Но для того, чтобы не терять почвы в Южной Италии и быть в состоянии до некоторой степени руководить событиями, византийский император должен был зорко следить за папской политикой.

Папство очень много было обязано норманнам¹²³ и вовсе не имело интереса уничтожать их власти на юге Италии... Но необходимо, чтобы норманны были покорными слугами и вассалами Римского престола. Получив корону от Рима, они должны быть верными папской тиаре. Всякий раз как норманны уклоняются от своего призвания, вступают во вражду с папским престолом, римская курия противопоставляет им притязание той или другой империи или обеих вместе. Восточная и Западная империи одинаково имели притязания на господство в Италии, но для одной важней было господство на юге полуострова, для другой — на севере его. Между ними, возможно, было, следовательно, временное соглашение, пока ни та, ни другая сторона не достигла своей ближайшей цели, но при одном только признаке ее достижения начиналось взаимное соперничество, и опасность для норманнов проходила благополучно. Будущая владычица морей и европейской торговли, умная Венецианская республика была естественной союзницей Византии, пока дело шло о том, чтобы не допускать господства норманнов на Адриатическом море... Но венецианцам вовсе не было желательно, чтобы Византия утверждалась в самой Италии, это было бы для них то же самое, если бы норманны утверждались на другом берегу Адриатики: оба берега в руках одной державы.

Неожиданное распространение норманнского могущества, выразившееся в соединении Апулии и Сицилии, и образовании морского флота и в принятии королевской короны Рожером II, конечно, не могло не встревожить царя Иоанна Комнина. Сфера норманнского влияния не ограничивалась уже Италией, но простиралась на Африку, куда стал ходить сицилийский флот, умело направляемый Георгием Антиохийским. Но самое важное было на Востоке. Тогда (в 1131 г.) в Сирии за смертью Боемунда II открылось антиохийское наследство, так как дочь умершего князя, малолетняя Констанца, осталась единственной представительницей рода Готвилей. В Константинополе питали надежду сосватать наследницу Антиохийского княжества за царевича Мануила, сына царя Иоанна, между тем как иерусалимский король Фулько имел другой план и желал удержать Антиохийское княжество за норманнским домом. Раймонд, граф Пуатье из Франции, намечен был как будущий князь Антиохии. Но король Рожер рассматривал себя вполне законным наследником по смерти бывшего тарентского князя и принял все меры к тому, чтобы захватить Раймонда во время его переезда в Антиохию. Последний, однако, обманул бдительность Рожера и переодетым добрался до Сирии.

При таких условиях мы должны рассматривать западную политику Иоанна Комнина. Чтобы положить преграды широкому размаху сицилийского короля, восточный император мог войти в сношение либо с Римским престолом и его приверженцами, либо с германским королем. Следы сношений с папой начинаются с 1124 г., когда в Рим было отправлено письмо, на которое папа Калликст II отвечал посольством в Константинополь и открытием переговоров о соединении Церквей. Хотя эти переговоры не сопровождались положительными результатами, но весьма вероятно, что в Риме и Константинополе не теряли надежды на благоприятное их направление. Больше значения приобретали сношения между Восточной и Западной империей. В 1135 г. пришли в Мерзебург к Лотарю два посла из Константинополя с дарами и предложением дружбы. Главная цель посольства, как видно из латинских хроник¹²⁴, заключалась в том, чтобы достигнуть соглашения против Рожера Сицилийского, который нанес столько вреда историческим притязаниям Восточной империи. В том же смысле приносили жалобу на Рожера венецианские послы, прося Лотаря употребить меры по обузданию Рожера. Следствием этих переговоров была посылка в Константинополь епископа Гавельбергского Ансельма, миссия которого была предметом особенного внимания в ученой литературе¹²⁵. Но, по-видимому, и на этот раз в Константинополе свели вопрос на церковную почву, так как там произошел богословский диспут между немецким епископом и Никитой, архиепископом Никомидийским, по вопросу о разделении Церквей, о котором сделал потом подробный доклад посол Лотаря. Что же касается политических затруднений, они нисколько не были устранены. В следующем, 1137 г. вновь видим константинопольских послов в Германии, а потом в Южной Италии, куда Лотарь предпринял поход. Как ни скудны сохранившиеся известия насчет этих сношений, но они сопровождались очевидными результатами, поход Лотаря в Южную Италию состоялся, и, по всей вероятности, Византия давала средства на осуществление этого предприятия, которое имело целью южноитальянские владения Рожера. Лотарь взял Бари и принял на себя титул герцога Апулии, поставив этим сицилийского короля в крайнее затруднение и воспрепятствовав ему заняться антиохийским делом, которое, как видно будет далее, всего более интересовало в это время царя Иоанна. Чтобы постоянно держать сицилийского короля в состоянии обороны против ближайших соседей, Иоанн Комнин, желая в то же время располагать всеми своими силами для сирийского похода, и 1140 г. вновь отправил к преемнику Лотаря посольство. На этот раз греческие послы имели трактовать о брачном союзе между младшим сыном царя, Мануилом, и одной из немецких принцесс. Следствием этого было торжественное посольство в Константинополь, которое исполняли королевский капеллан Альберт и граф Александр Гравина. Между прочим, они должны были вести дело о

браке между свояченицей короля Конрада и дочерью графа Зульцбах Бертой и Мануилом Комнином¹²⁶. Хотя вопрос о браке разрешался этим, но переговоры продолжались еще несколько времени, и притом неизвестно, с которой стороны поставлены были затруднения. В конце 1141 г. вопрос еще оставался открытым, и мы видим новое греческое посольство при германском дворе, которое занято было столько же брачным делом, как и политическим. В этой стадии сношения между Восточной и Западной империей становятся более ясны из сохранившегося письма Конрада к Иоанну Комнину. Оно помечено 12 февр. 1142 г. и сохранилось в сочинении Оттона Фрейзингенского¹²⁷. Хотя политическая сторона дела мало в нем затронута и, по-видимому, была предметом словесных поручений послу, но ясно, что обе империи вполне договорились относительно мер против сицилийского короля. Извещая византийского царя о том, что обстоятельства складываются благоприятно для давно задуманного им итальянского похода, Конрад переходит к изложению обстоятельств, имеющих для нас важное значение в смысле характеристики тогдашних отношений между империями. Конрад рекомендует прежде всего вниманию императора германцев, состоявших на военной службе империи, и просит, чтобы было уступлено в пользу поселившихся в Константинополе немцев место для постройки церкви. В особенности любопытно упоминание об одном частном случае. Западный император обращается к Иоанну Комнину с жалобой на русских, которые напали на немецких купцов и отняли у них товар и деньги, и вместе с тем просит во имя дружбы и союза принять меры к удовлетворению пострадавших. Трудно определить, какой случай вызвал это обращение, но его следует принимать в соображение при оценке сношений, которые нас занимают. После этого Иоанн отправил в Германию новое посольство, которому было поручено привезти в Константинополь невесту, сосватанную за Мануила. Берта Зульцбах прибыла морем в Константинополь и приняла имя Ирины. По-видимому, она не могла мечтать о блестящей судьбе, какая ожидала ее на Востоке. Ее женихом был второй сын царя, наследство царского достоинства принадлежало царевичу Алексею, тогда уже сопричисленному к царству. Историк Иоанн Киннам упоминает¹²⁸ об одном обстоятельстве, имевшем место при встрече германской принцессы в Константинополе. Оказывается, что между другими придворными особами при встрече была и супруга Алексея, старшего брата Мануила. Она была одета в платье из виссона, вытканного золотом и обшитого пурпуром. Но так как виссон отливал темным цветом, то Берте показалось, что эта дама в черном платье, и она спросила, кто эта так прекрасно одетая монахиня. Так как летом 1142 г. Алексей умер, то сказанные Бертой слова сочтены были за дурное предзнаменование. Во всяком случае, брак германской принцессы с Мануилом, которому судьба сулила царский престол, перешедший к нему за смертью старших его братьев Алексея и Андроника, обозначал счастливый поворот в западной политике царя Иоанна. Именно вследствие союза между Восточной и Западной империей, направленного против сицилийского короля Рожера II, Комнины удачней могли справиться с теми затруднениями, которые угрожали им в Сирии и Палестине. Между тем и Рожер хорошо сознавал создавшиеся для него затруднения и пытался всеми средствами противодействовать германо-византийскому сближению. И здесь он проявил большие дипломатические способности и много творческой деятельности. Удачно справившись с составившейся против него лигой в Италии, Рожер не терял из виду главного своего врага и лице западного императора. Германия давала приют его итальянским вассалам, не желавшим ему подчиниться. Вступление на престол Конрада Гогенштауфена было для него весьма благоприятным обстоятельством и давало ему возможность поддерживать денежными средствами и советом враждебную Конраду партию¹²⁹. Сицилийское королевство открыло у себя доступ всем недовольным правительством Конрада; насколько в свою очередь подозрительно относились к Рожеру в Германии, доказательством служит слух, сообщенный Оттоном Фрейзингенским, что

подосланные Рожером итальянские врачи отравили Конрада¹³⁰, равно как пущенные в обращение известия, будто он подкупил угорского короля для войны с немцами. В особенности следует отметить, что Рожер предпринял даже смелый шаг, чтобы помешать происходившим между западным и восточным императором переговорам о брачном союзе. Вероятно, уже в то время, когда Берта-Ирина прибыла в Константинополь, норманнские послы прибыли сюда с предложением заключить брачный союз между сыном Рожера и одной из византийских принцесс. Неожиданная смерть царя Иоанна в 1143 г. замедлила течение этих переговоров. Царь Мануил отнесся внимательно к сделанному из Сицилии предложению и послал туда своего уполномоченного Василия Ксира. Но, как говорит историк Киннам, Ксир превысил полномочия и, подкупленный золотом, надавал Рожеру таких обещаний, которые, с точки зрения современника, казались «нелепостями», т. е. будто Мануил и Рожер будут пользоваться одинаковым титулом¹³¹. Если подразумевать под этим разделение власти над Западом и Востоком с устранением германского императора, то, конечно, проект был весьма смел. Мануил не нашел возможным разделить планы Рожера и тем приготовил в нем ожесточенного врага Восточной империи, как это увидим в изложении истории второго крестового похода.

2. Венгры и сербы.

Переходя от Южной Италии и Германии к северо-западной границе Византийской империи, мы не находим здесь ни прежнего Болгарского государства, ни Великой Моравии. Как во время старой Римской империи, Дунай составлял здесь номинальную границу, но в обширной равнине по реке Тиссе и по течению Дуная образовалось на месте прежних славянских поселений Мадьярское, или Венгерское, государство, которому в XI и частью в XII в. принадлежит инициатива в истории этих областей и которое должно привлекать к себе наше внимание. Угры не только внесли в историю Юго-Восточной Европы совершенно новые начала, но дали особенное направление всему складу жизни юго-западных славян и обусловили развитие славянской истории на все последующее время. И в этом отношении, как бы ни казалась история их в отдаленной связи с византийской, она по своему праву займет несколько страниц в нашем изложении. Не возвращаясь к тому периоду, который относится к германской эпохе разгрома Моравии и Баварии и который закончился утверждением угров в прежних славянских областях и, следовательно, порабощением моравян и словаков и части русских и хорватов, мы остановимся лишь на главных фактах угорской истории, чтобы до некоторой степени объяснить сочетание счастливых обстоятельств, давших уграм исключительное положение в Средней Европе.

Угры поселились в нынешней Венгрии как кочевой народ, как орда завоевателей. Разделенные по племенам и семьям и сохраняя патриархальный быт, угры на первых порах своего поселения среди славянских народностей подвергались опасности быть поглощенными туземцами, по их ограждало от разложения строгое племенное устройство и широко развитая власть племенных старшин, а необходимость быть постоянно на военном положении и делать походы против соседей поднимала значение хана из потомства Арпада, который стоял во главе всех восьми племен. Угры долго сохраняли положение военного стана среди завоеванных ими народов и потому имели возможность развиваться вполне на своих национальных началах. Но когда ближайшие преемники завоевателя пришли к сознанию того, что в новых местах обитания нельзя оставаться в старых условиях жизни, они открыли в свою страну доступ иностранцам, которые пользовались значительными правами и постепенно влияли на изменение склада жизни кочевой орды. Главная орда под непосредственным начальством хана поселилась в середине Венгрии, в области Песта и Альбы. С конца X в. угры начали терять свои особенности кочевого народа и постепенно усваивать как религию, так и обычаи соседних христианских народов. Это был неизбежный ход вещей, обусловливаемый исторической эволюцией

европейских народов и стремлениями, исходившими из Рима и Константинополя, в смысле приобщения к христианству новых народов. Но независимо от того мы должны признать в угрох значительную долю творческих сил, которые позволили им стать выше окружающей среды и заставить ее служить благу и пользам кочевого народа, насильственно вторгшегося в Среднюю Европу. На пороге культурной истории Угрии стоит имя св. Стефана¹³².

Нет сомнения, что уже во время Гейзы, отца Стефана, начало проникать в Венгрию христианство. Для этого, впрочем, не нужно предполагать каких-нибудь новых проповедников, достаточно вспомнить, что туземное население еще до венгерского завоевания было обращено к христианству трудами братьев св. Кирилла и Мефодия. В конце X в. Пассавский епископ Пилигрим, к церковной области которого принадлежала необращенная Венгрия, извещал папу Бенедикта VII в 975 г. о значительных успехах, достигнутых им в Венгрии:

«Так как меня очень просили венгры или самому к ним прийти, или послать кого из моего духовенства для проповеди, я отправил к ним несколько монахов и священников, и по милости Божией им удалось обратить 5000 знатных к католической вере. Христиане составляют, однако, большинство населения, это пленники из разных стран, которые доселе были тайными христианами. И сами варвары не препятствуют своим подданным креститься и допускают священников приходить в их страну... Угорский народ во всей совокупности склонен к принятию христианства»¹³³.

Епископ Пилигрим свидетельствует здесь о том любопытном факте, что христианство сохранилось в Угрии как плод деятельности святых братьев — славянских просветителей. Оттого так легко обращены были и языческие угры, и притом скорей не баварским духовенством, а чешским. Крайний идеалист и отвлеченный мечтатель, друг коронованного идеалиста той же эпохи, императора Оттона III, епископ Пражский Войтех, которого неудовлетворенная жажда подвигов и ревность по Боге бросала из Чехии по разным странам, посетил, между прочим, и угорского короля Гейзу, который предоставил ему все средства проповедовать христианство языческим уграм. Хотя сам король довольно безразлично относился к вопросам веры и с самодовольством высказывался, что у него есть достаточно средств и для языческих богов, и для христианского, тем не менее аскетически настроенный св. Войтех произвел большое впечатление на него и его приближенных. Тогда (около 995 г.), вероятно, обращена была в христианство вся семья Гейзы и крещен сын его Вайк, принявший имя Стефана.

Когда по смерти отца своего Стефан принял власть над уграми в 997 г., государство его заняло уже важное место среди европейских народов. Одна сестра Стефана была замужем за Болеславом Польским, другая — за дожем Венеции, и самому Стефану предстояла важная роль в европейской политике вследствие брака его с баварской принцессой Гизелой, вместе с прибытием которой открылся большой простор для германского влияния в Венгрии. Но самым важным его делом были преобразования, внесенные им в государственное устройство Венгрии, и принятие королевского венца.

Каким образом удалось Стефану без особенной борьбы и так скоро и успешно провести дело о церковной организации Угрии и об освобождении ее от притязаний немецких епископов, чем объяснить встреченный им повсюду благоприятный прием в проведении столь важного национально-политического предприятия, которое требовало обыкновенно громадного напряжения и встречало непреодолимые затруднения, как скоро касалось славян, — это остается и до сих пор не совсем ясным. Во всяком случае, нельзя всего объяснить случайно сложившимися благоприятными обстоятельствами, несомненно, Стефан и сам умел готовить подобные обстоятельства. Прежде всего, основывая архиепископию в Гране и епископию в Калоче, он мало считался с притязаниями Пассавской епископии, а скорей

восстанавливал прежнюю Мораво-Паннонскую архиепископию, которая была реальным фактом и в сознании местного населения, и с точки зрения церковного предания. В этом отношении задуманное Стефаном дело могло казаться гораздо легче, чем то, что проделал Рожер. Стефан решился просить у папы королевского венца, который бы давал ему право устроить независимую Церковь. К сожалению, мы лишены возможности проследить мотивы и судить о подробностях этого крупного переворота в судьбе Венгрии. Когда посланец Стефана епископ Астрик прибыл в Рим, престол св. Петра занимал друг Оттона III ученый Герберт, принявший имя Сильвестра П. Есть рассказ, что в то же самое время шла речь о наделении королевским венцом польского князя Болеслава Храброго и что для него уже была приготовлена в Риме корона. Так как по отношению к Болеславу поставил препятствие Оттон III, то корона дана была епископу Астрику для Стефана. Эта корона составляет и по настоящее время один из драгоценных венгерских государственных памятников и тщательно хранится в музее.

Вместе с короной обычай усвоил употребление при священном акте коронования еще других принадлежностей нарядных выходов и церемоний. Таковы фелонь, или мантия, вышитая королевой Гизелой и принесенная в дар церкви в Альбе, и скипетр. В 1000 г. 15 авг. Стефан венчался в Гране королевским венцом. Хотя с тех пор Венгрия сделалась вполне католическим государством и вошла в сферу влияния Западной империи и латинской Церкви, но есть некоторые следы и византийских влияний. Так, известно, что много угров жило в Константинополе и что для них была построена в столице Восточной империи церковь. Так, византийские архитекторы и художники были приглашены в Венгрию и строили здесь церкви и монастыри. В Веспримае был устроен греческий монастырь для женщин, одаренный королем доходными статьями и приношениями.

За смертью св. Стефана в 1038 г. открывается продолжительный период внутренних смут, вызванных главнейше борьбой национальной партии с иноземцами, во главе коих стояла королева-вдова, по справедливости заслужившая всеобщую нелюбовь в Венгрии. Мы обойдем этот период, не имеющий ближайшего отношения к нашему предмету, и остановимся на выяснении причин, приведших Византию к непосредственным сношениям с уграми. Это произошло в конце XI в., незадолго до вступления на престол Алексея Комнина. Королевский престол занял в 1077 г. Ладислав, сын Гейзы, героическая фигура венгерской истории, давший Венгрии прочную организацию и указавший ей новые политические перспективы. Не принимая никаких на себя обязательств в происходившей тогда борьбе между светской и духовной властью, король Ладислав воспользовался этим временем для того, чтобы открыть для Венгрии доступ к морю и таким образом вступить в торговую конкуренцию и в борьбу за политическое преобладание на Адриатическом море с тогдашней владычицей Адриатики Венецией и с ее союзницей Византией. На пути между Венгрией и заветной целью ее стремлений к морю находилось славянское владение, занятое хорватским племенем, где в то время также были живы освободительные и преобразовательные идеи и где князь Звонимир, получив от папы Григория VII королевский венец (1076), задумывал вывести свое княжество из скромного положения, в котором оно доселе находилось. Но широкая политическая цель достигнута была не славянами, а их соперниками. У первых преобладали центробежные стремления и недоставало понимания общих интересов. Когда по смерти Звонимира в 1089 г. в Хорватии начались кровавые раздоры из-за власти, королева-вдова, сестра угорского Ладислава, пригласила своего брата на помощь. Тогда Хорватия между Савой и Дравой подпала власти более сильного и более счастливого ее соседа, и таким образом для Венгрии открылся доступ к Далмации и берегам Адриатики, где тогда делили власть греки и венецианцы. С тех пор (1091) началось единение между угорской короной и королевством Хорватией, единение, и до сих пор, однако, не спаявшее столь противоположных элементов. Король Ладислав, присоединив к

своему титулу звание герцога Кроации, на первых порах дал завоеванной стране отдельное управление, назначив управлять ею своего племянника Альмоша.

Венгрия многим обязана св. Ладиславу. Он нанес поражение половцам и печенегам и обезопасил свою страну от их нападений, умело воспользовался борьбой Григория VII с императором Генрихом IV для церковной организации Венгрии на национальных началах. Он не оставил прямого потомства в мужском поколении, дочь его по имени Пирошка была в супружестве с императором Иоанном Комнином. По его смерти в 1095 г., когда перед Венгрией стоял для разрешения важный вопрос о роли, какую она должна принять в крестовых походах, власть переходила к его племянникам Коломану и Альмошу.

Период, когда неорганизованные отряды крестоносцев начали показываться на границах Угрии, угрожал большими затруднениями только что вступившему на престол Коломану. Этот государь, мало возбуждавший сочувствия в современниках, некрасивый физически, суровый и тяжелый в обхождении, тем не менее по своим государственным заслугам занимает важное место в истории. Он предназначен был своим отцом и дядей Гейзой к духовному званию, получил широкое образование и отличался любовью к чтению книг. Одним из первых его дел был поход в Хорватию, куда призывал его Альмош для усмирения народного движения. Одержав решительную победу над повстанцами, Коломан положил принять решительные меры к окончательному присоединению к Венгрии завоеванной страны. С тем вместе вырастали притязания Коломана. Уже и в то время для Венгрии назрел вопрос об открытии свободных путей к Адриатике. Хорватские князья не могли до конца выполнить этой культурной и политической миссии и должны были поступиться ею в пользу угров: соревнование между балканскими народами из-за доступа к Адриатическому морю обнаруживается, таким образом, весьма рано, и с давних пор победа ускользала из рук славян. Далматинское побережье, на котором сталкивались итальянские, славянские и норманнские интересы, представляло и в конце XI в. боевой пункт для обнаружения разнообразных политических притязаний. Византийская империя, по крайней мере номинально, удерживала здесь свое историческое право; но, не будучи в состоянии за недостатком флота защищать берега Далмации от норманнов, Византия допустила утвердиться в некоторых приморских городах Венецианской республики, которая, состоя в торговом и политическом союзе с империей, имела задачей не допускать в Далмации чуждого политического влияния. Можно думать, что Византия и Венеция мало оценили опасность со стороны угров и не оказали достаточной поддержки славянам в их борьбе с притязаниями короля Коломана. После того как несколько далматинских городов сдались Коломану и он мог считать прочным свое положение на море, Венеция легко пошла на уступки и предоставила даже свои корабли для заморской экспедиции угров, которые перебрались в Южную Италию и овладели городом Бриндизи. Здесь в первый раз угры подали руку королю Сицилии Рожеру и был заключен брак между дочерью Рожера и Коломаном. Несмотря на серьезную опасность со стороны крестоносных отрядов, проходивших через Угriu, Коломан не был увлечен в общий поток. В этом нужно искать объяснение политического успеха, достигнутого Венгрией при Коломане. Так как управлением Альмоша не были довольны в Хорватии и так как Коломан составил план более реального соединения Далмации и Хорватии с Венгрией, то он и посвятил свои средства на выполнение этой вполне национальной задачи. С большим политическим тактом примирил он с угорской властью влиятельные и большие города Сплет и Зару, заручившись расположением местного духовенства, которому были предоставлены льготы, и гарантируя городским общинам их муниципальные права и торговые преимущества. Король обязался притом не увеличивать налогов и не вводить в города венгерских войск, за исключением небольшого гарнизона в кремль. Чтобы придать соединению Хорватии и Далмации с Венгрией внешнее выражение,

Коломан венчался от руки Сплетского архиепископа Кресценция хорватской короной и принял титул короля Хорватии и Далмации (1102). Либеральная политика Коломана по отношению к Хорватии и изданные им по случаю присоединения к Угрии подчиненных стран акты служили мотивами для освободительных стремлений славян от мадьярских стеснений.

Выросшая в лице Коломана важная политическая сила на северозападной границе империи побудила царя Алексея искать сближения с уграми. За Иоанна, сына Алексея, была выдана угорская принцесса Пирошка, двоюродная сестра Коломана, которая в Византии получила имя Ирины. В последние годы Алексея и при Иоанне поддерживались добрые отношения между империей и Венгерским королевством, хотя для Венеции было весьма трудно привыкнуть к тем ограничениям, какие для нее вытекали из приобретения Венгрией господства в Далмации. При наступивших за смертью Коломана (1114) смутах в Венгрии для империи открывалась возможность вернуть утраченное влияние в Далмации, но до открытой войны не доходило, хотя в Константинополе встречали приют князья-изгои, изгнанные из Венгрии, таков ослепленный Альмош и его сын Бела. Преемник Коломана, сын его Стефан II, не мог безразлично относиться к тому, что в Византии находили убежище венгерские выходцы, вместе с тем готовились поводы к столкновениям из-за Далмации. В 1128 г. в первый раз началась война, продолжавшаяся два года. Главные столкновения происходили на юге от Дуная, близ Белграда и Браничева, и не имели решительного значения. Исторический интерес угорско-византийских сношений заключается в том, что венгерские короли обнаружили в это время весьма определенную тенденцию подчинить своему политическому влиянию Балканский полуостров. С большим политическим тактом и с глубоким пониманием современных событий угорские короли нашли возможным сблизиться с сербами, естественными соперниками империи, и, с другой стороны, найти поддержку для своих антивизантийских планов в Германской империи, с которой чрез брак дочери Белы Слепого Софии угорская королевская семья породнилась с Гогенштауфенами¹³⁴.

Выяснить историческую роль Сербии в тот период, когда в борьбе за влияние на Балканском полуострове начинает принимать деятельное участие большинство тогдашних европейских государств, составляет весьма существенную задачу нашего изложения. Это в особенности поучительно для освещения переживаемых нами политических осложнений, в которых легко определить в главнейших чертах те же этнографические элементы и те же политические и вероисповедные мотивы. Так как вместе с тем занимающий нас период имеет в истории сербского народа исключительное положение по своей важности и по значению для всего средневекового исторического развития, то представляется необходимым сообщить здесь хотя бы в общих чертах добытые наукой результаты. В истории южных славян после разгрома Болгарии императором Василием II наступает значительное ослабление сил и понижение организаторской деятельности. Это тем более неблагоприятно отразилось на всем последующем развитии, что в соседстве с южными славянами образовались новые политические организмы, которые стали стремиться к захвату влияния в сферах, бесспорно принадлежавших южным славянам, и которые без труда занимали на Балканах слабо защищенные позиции. Нужно при этом открыто признать, что мадьярским королям, норманнским герцогам и венецианским дожам легче доставались победы и утверждение их влияния на Балканах, чем славянским князьям Зеты, Расы или Хорватии, которых антивизантийская политика лишала самой естественной поддержки из Восточной империи. Нельзя также не отметить, что рядом с Робертом Гвискардом, Боемундом и Рожером II, с одной стороны, и с королем Коломаном — с другой, история южных славян не может представить столь же даровитых, не лишенных творческих способностей, хотя и мало стеснявшихся нравственными мотивами и обязательствами деятелей.

Нельзя не видеть, что Болгария в это время имела уже позади блестящий период, а Сербия только подготавливалась выступить на широкое историческое поприще. Эта разность в периодах развития должна быть особенно подчеркнута и потому, что сербский народ более был выдвинут на северо-запад и соприкасался с западными государствами, в особенности же в период образования сербской государственности должно приписывать большое влияние тому обстоятельству, что значительная часть этого племени жила на территории, зависевшей в церковном отношении от Рима, а в политическом находившейся в сфере влияния Западной империи. В настоящее время выдвигается изучением тот факт, что организация сербской государственной жизни подготавливается в двух центрах и что нужно различать в истории XI в. по крайней мере две династии. Во-первых, к самостоятельной жизни стремится приморская, или береговая, область Адриатики, населенная сербами: Диоклея (Зета), Травуния и Захлумье. Во-вторых, была еще колыбель сербов на материке, в загорной области, в Старой Сербии, или Раса. Здесь в конце XI в. получил преобладание род Неманей¹³⁵, которому удалось счастливыми войнами с Византией завоевать такое положение, что в эту область перенесено было главное историческое русло и здесь образовался центр политической жизни сербов. В береговых областях писатели упоминают о стоящих во главе княжений архонтах, монархах и эксархах. Папа Григорий VII, не пренебрегая никакими средствами для усиления своей силы в борьбе с императорами, пожаловал королевский венец тогдашнему представителю династии Воислава, Михаилу.

Между тем те князья, которые владычествовали над сербами континентальными, или загорными, у тех же писателей носят славянское наименование великих жупанов, а находящиеся под ними удельные князья назывались жупанами. Центром области, где утвердилась в конце XII в. династия Неманичей, была долина Рашка при нынешнем Новибазар. Княжеский род распадался на ветви, или партии, из коих одна имела поддержку в Византии, другая в Венгрии, отсюда постоянная смена великих жупанов. Охваченная со всех сторон византийскими владениями, Раса могла расширяться лишь на счет империи, и, следовательно, весь процесс усиления Неманичей непосредственно входит в историю Византии. Антивизантийская политика Сербии открывала в ней благоприятный доступ для католической пропаганды.

Проследить отношения Восточной империи к приморским сербам чрезвычайно трудно за отсутствием источников. Нельзя установить ни хронологии, ни последовательности между разными именами князей и королей. Борьба претендентов была причиной вмешательства в сербские дела или жупанов Расы, или византийских наместников из Драча. Но более света дает история восточных сербов, в особенности при Иоанне Комнине, который и в направлении северо-западной границы принял наступательное движение. При дворе царя всегда находилось несколько выходцев из Сербии, которые при благоприятных обстоятельствах с поддержкой императора могли давать желательное для Византии направление сербским делам и вместе с тем давать преобладание в Сербии тем, кто придерживался партии императора. Усиление центральной власти в Раса начинается с Уроша I, который считается родоначальником Неманичей. Он имел многочисленную семью, и его дочь была замужем за Белой Слепым, чем можно объяснить, что Сербия была вовлечена в политику Венгрии. В связи с тем же обстоятельством стоит присоединение Босны к Угрии (1137). При царе Иоанне Комнине политический рост сербских жупанов только мало-помалу намечается, при царе Мануиле он получает более яркое выражение.

Глава 10. Восточные дела

Самым выразительным указателем изменившегося положения дел на Востоке было то, что Константинополь перестал быть угрожаем нападением со стороны засевших в Никее сельджуков и что иконийский султан, сильно стесненный крестоносцами и греками, не внушал более грозной опасности. И царь Алексей, и сын его Иоанн Комнин поставили себе на Востоке определенные цели: очистить Малую Азию от турок и вернуть империи занятые крестоносцами области в Сирии и Палестине. В этом отношении за всеми царями Комнинами нужно признать живое чувство и верное понимание насущных потребностей государства, которые в XII в. сосредоточивались на восточной границе.

Но фактически на Востоке владения империи ограничивались береговыми областями, так как почти вся внутренняя часть малоазийского материка принадлежала или сельджукам, или крестоносцам, или армянам. Самым крайним владением на севере было расположенное по Черноморскому побережью княжество Трапезунт, управляемое знатным в империи домом Гавров. С юго-восточной стороны империя владела еще обширной Фракисийской фемой, но вся Анатолика была уже захвачена турками, отсюда они делали легкие завоевания и опустошения по течению Меандра. Южней Фракисийской фемы империя держала в своей власти еще приморскую область Ликию и Памфилию с городами Силей и Агталия, а далее на юго-восток начинались снова турецкие и армянские владения.

Первой заботой Иоанна было предохранить культурные имперские области против хищнических наездов сельджуков, утвердившихся в Иконийском султанате. В этом смысле нужно рассматривать его поход весной 1119 г., имевший целью город Лаодикею и спустя несколько времени затем Созополь, уже находившийся вне границ империи. После удачного занятия этой важной крепости Иоанн обратился на юг и с успехом произвел несколько военных операций в области Агталии, имея целью обезопасить сношения с Памфилией. К большому счастью для царя Иоанна, политическое значение Иконийского султаната сильно изменилось. Прежде султан Икония распространял свою власть на многих местных владетелей и эмиров, которые признавали свою от него зависимость. Движение крестоносцев и следовавшие затем перемены в Сирии поколебали указанный порядок отношений. Прежде всего этому способствовало образование отдельного княжения с центром в Малатии (Мелитена) под главенством рода Данишмендов. По смерти султана иконийского Кылыч-Арслана в 1107 г. значение этого султаната пало вследствие раздоров между его сыновьями. В то время как старшие сыновья Шахин-шах, Араби и Масуд спорили из-за обладания султанатом, младший Тогрул-Арслан вместе с матерью основал господство в Мелитене. Шахин-шах захватил в плен своего брата Масуда, который, однако, успел освободиться из заключения и получил содействие в борьбе с братом от Данишменда Гази III. Вследствие последовавшего затем переворота Шахин-шах был убит. Хотя Масуд и Гази III заключили между собой узы родства, но все же не решались выступить открыто против империи. Антивизантийское движение обнаружилось в Армении и исходило от Тогрул-Арслана, владетеля Малатии. Об нем известно лишь в самых общих чертах, что оно отразилось на черноморских владениях империи, побудило дуку Трапезунта Константина Гавру начать поход, окончившийся полным его поражением и пленом. Это происходило почти в то же время, как царь Иоанн предпринимал меры по очищению от турок фемы Фракисийской и Памфилии (1118—1119). Для дальнейших видов императора к освобождению Малой Азии от сельджуков иконийского султана было весьма важно то обстоятельство, что между сыновьями Кылыч-Арслана и Данишмендом Гази III возникли раздоры, которые позволили императору выступить с более решительными мерами в его

азиатской политике. Особенно было благоприятно то, что Данишменды обратились на восток и начали расширять свои владения походами в Армению и Северную Сирию. Первым шагом, обеспечивавшим дальнейшие успехи, было занятие Малатии, которая была во владении младшего из сыновей Кылыч-Арслана, Тогрула. Когда осажденная Малатия изнемогла от голода, Тогрул-Арслан обратился за помощью к латинянам (1124), но голод заставил жителей открыть ворота Гази III, который с тех пор стал твердой ногой в верхнем течении Евфрата. Между тем вследствие поднявшейся смуты в Иконии был лишен власти Масуд и искал поддержки в Константинополе. Ему был оказан любезный прием, дана просимая помощь, и таким образом начавшаяся в султанате смута нашла поддержку в империи. Правда, непосредственные выгоды извлечены были из этого положения дел только Данишмендами, но, когда Гази III простер свои завоевания на юг и стал приближаться к Киликийским горным ущельям, где нанес сильное поражение антиохийскому князю Боемунду II, царь Иоанн нашел момент благоприятным, чтобы выступить против чрезмерных притязаний турецкого эмира. Хотя византийские историки Киннам и Никита Акоминат очень скупо освещают восточную политику царя Иоанна, но благодаря недавно изданной хронике Михаила Сирийца¹³⁶ мы имеем возможность понять, как занят был император на протяжении 1130—1135 гг. восточными делами. Так, в 1130 г., после трагической смерти князя Боемунда, царь отправился в поход против турок. В связи с этим походом упоминается о заговоре против царя, во главе которого стоял любимый его брат севастократор Исаак, которому он всего более был обязан при вступлении на престол. После раскрытия заговора Исаак убежал к султану иконийскому и подстрекал его к войне с империей. Это вообще весьма любопытная в истории Византии фигура, оставившая разнообразные следы как необузданных увлечений, так и просвещенного ума. После бегства из Константинополя он долгое время проживал в Азии, в Сирии и Палестине, при дворах мусульманских и христианских государей, везде подстрекая к войне против Иоанна и ища себе союзников, с помощью которых замышлял завладеть императорским престолом.

Зиму 1130/31 г. севастократор Исаак вместе с трапезунтским дукой Гаврой и иконийским султаном проводили у эмира Гази III Данишменда, откуда он переправился к князю Армении Льву, где старший сын его Иоанн вступил в брак с дочерью князя, наконец, после ссоры со Львом снова прибыл в Иконии. Везде Исаак пытался готовить враждебное настроение против своего брата и ставил ему затруднения даже в Константинополе, где имел сильную партию. В 1132 г. предпринят был поход против Данишменда Гази, ближайшей целью был Кастамон в Пафлагонии, откуда турки тревожили византийские владения. На этот раз действия царя увенчались полным успехом, он распространил свою власть до реки Галис и заключил отдельные соглашения с эмирами Амассии и Гангр. По возвращении в столицу он имел триумфальную встречу. Скромность не позволила Иоанну сесть на приготовленную для него серебряную колесницу, он шел пешком, а на колеснице была помещена икона Богородицы. Дошедший до Константинополя слух, что Кастамон снова взят турками, заставил Иоанна снова начать поход. Во время отсутствия царя (1134) умерла супруга его венгерка Ирина, и это заставило его прекратить движение вперед и вернуться в столицу. Прерванная на время война продолжена была с большим успехом, чему способствовала и смерть Гази, который перед кончиной был возведен калифом в звание мелика, или царя. Преемник Гази, сын его Мухаммед, должен был усмирить восстание братьев и заняться утверждением своей власти. Кроме того, Иоанну удалось расторгнуть союз иконийского султана с Данишмендами, и на этот раз в византийском войске был вспомогательный турецкий отряд, прибыв к городу Гангры. Позднее время года и измена союзников, которые по приказанию Мухаммеда ушли из византийского лагеря, побудили царя на этот раз не приступать к осаде, но так как зимняя стоянка в этой холодной местности тоже внушала опасение, то после некоторых колебаний вновь Гангры

были окружены греческим войском. Мусульмане вступили в переговоры насчет сдачи города, а император не настаивал на суровости условий. Желающим было предоставлено свободно выйти из города, и, как говорит Киннам, большинство вступило в византийскую службу. Гангры составляли важную крепость в эмирате Данишмендов. После перехода этой крепости в руки императора положение дел на северо-восточной границе значительно изменилось в пользу греков. Совершенно понятно отсюда намерение царя перенести наступательные действия в другую сторону.

Изучая восточную политику Иоанна Комнина, мы должны отметить в ней особенную последовательность и целесообразность и исключительную способность использовать на благо империи историческую обстановку. Каждый шаг был им хорошо обдуман и соразмерен с общим планом. Это впечатление выносится именно из рассмотрения его походов в Киликию, из сношений с армянскими княжествами, отделявшими империю от владений крестоносцев в Сирии и Палестине, и, наконец, из его успехов в Сирии. Историк эпохи Комнинов Никита Акоминат, прекрасно осведомленный насчет политических планов Иоанна, неоднократно высказывался, что заветной мечтой царя было возвращение Антиохии и Иерусалима и Месопотамии и что с этой целью он сообразовал все свои действия на Востоке. Эта мысль особенно рельефно выражена историком в предсмертной речи царя, сказанной в лагере во время последнего похода его в 1143 г. ¹³⁷

«Мои планы не ограничивались занятием Сирии, я замышлял более важное дело. Мне хотелось спокойно омыться в водах Евфрата и обильно зачерпнуть из его вод, а также повидать и реку Тигр и рассеять неприятелей, как утвердившихся в Киликии, так и в занятых мусульманами странах. А затем мечтал бы перелететь, как орел, и в самую Палестину, где Христос своею смертью восстановил нашу падшую природу, распростерши руки на кресте... чтобы сокрушить врагов, которые овладели Гробом Господним. Но моим надеждам судьбами Промысла не суждено было осуществиться».

Подобно царям лучших византийских периодов, Иоанн провел в походах почти все свое царствование, мало оставаясь во дворце и предпочитал жить в военном лагере. Наступательному движению его против арабов и крестоносцев содействовало передвижение этнографических элементов, вызванное частью первым крестовым походом. Еще в XI в. в политических соображениях византийские цари наделяли некоторых владетелей собственной Армении провинциями и городами в империи, заставляя их в то же время отказываться от владетельных прав в Армении. Таковы были князья Васпурахана из рода Ардзуни, Иоанн Сеннакерим и Дереник, основавшие в области с городами Севастия, Ларисса, Абара, т. е. в горной стране при верховьях Галиса и Евфрата. Почтенные титулом магистра, бывшие владетели Васпурахана привели с собой большую колонию соотечественников и основали здесь густое армянское ядро. Спустя некоторое время владетель Ани из фамилии Багратидов, Какиг II, принужденный поступить в пользу Константина Мономаха своими наследственными землями, получил в удел несколько имперских городов в феме Каппадокия и Харсианы. С течением времени продолжалась волна передвижений из Армении, за владетельными лицами пошли их бояре и землевладельцы. Так, некто Абелхариб получил в удел Тарс и Мопсуестию, а магистр Григорий наделен землями в феме Месопотамия. Переселение армян с конца XI в. продолжало еще более усиливаться вследствие напора турок-сельджуков. Для армян открыта была возможность селиться в Киликии, куда в конце столетия они переселились в большом числе. Весьма любопытно отметить, что армяне легко уживались и в областях, занятых турками, и что в период первого крестового похода они были распространены в Сирии, Киликии и Каппадокии — под собственными князьями, стоявшими в номинальной зависимости от империи ¹³⁸. Движение крестоносцев произвело значительную перемену в положении

армянских полузависимых князей. Часть их была или подчинена франками, или лишена их владений, часть могла удержать независимость лишь при помощи византийского царя, у которого искали покровительства армянские владетели. В особенности следует обратить внимание на армянских князей в Киликии и Северной Сирии.

Когда крестоносцы подходили к Эдессе, там правил армянин Торос, назначенный на это место дукой Антиохии. Он искусно пользовался обстоятельствами и удержался в Эдессе продолжительное время, он был там в 1094 г., когда город был взят эмиром алеппским Тутушем. Христиане утвердились в этом городе не ранее 1098 г., и притом посредством обмана и клятвопреступления Балдуина, брата Готфрида Бульонского. Но нас ближайше может занимать судьба той линии армянских владетелей, которая утвердилась в Киликии и происходила из Багратидов-Рупенов, владевших Тавром и большой дорогой из Кесарии в Аназарб. Во время движения крестоносцев здесь был владетелем Константин, который оказал им разные услуги и был награжден званием барона. Преемником его был Торос, который разорвал сношения с империей, желая иметь опору в латинских княжествах. Его брат и преемник Лев был современником Иоанна Комнина. Он расширил свои владения присоединением городов Тарса, Аданы и Мопсуестии и значительно усилил свое княжество на счет турок и латинян. С 1135 г. Киликия сделалась театром ожесточенной войны. Лев должен был защищаться против антиохийского князя Раймонда Пуатье, которого поддерживал иерусалимский король, и в то же время обороняться против турок. При таких обстоятельствах вступает на сцену царь Иоанн Комнин.

Предпринятый им в конце 1136 г. поход в Киликию был серьезным и хорошо обдуманым предприятием, которое потребовало больших издержек. Любопытно отметить, что в этом походе упоминается участие флота, о котором так редко стала говорить летопись. Поход был подготовлен и с дипломатической стороны, так как приняты были в соображение противоположные интересы турецких, армянских и христианских владетелей, оспаривавших господство в Киликии и Сирии. Ближайше имелось в виду занять важные города: Аназарб, Таре, Адану и Мопсуестию, находившиеся в то время во владении князя Малой Армении Льва, который был в союзе с графом Эдессы. Рядом удачных военных дел византийцы одержали верх над армянским князем, следствием чего было полное подчинение страны и сдача Льва и его сыновей Рупена и Тороса на всю волю царя. Пленники были отправлены в Константинополь, где и окончили жизнь, за исключением Тороса, спасшегося бегством. Результатом этого похода, который весьма недостаточно освещен летописью, было то, что владения империи стали теперь соприкасаться с границами Антиохийского княжества и перед царем Иоанном ясно определилась задача по отношению к латинским завоеваниям, сделанным во время крестового похода.

С точки зрения царя Алексея, равно как и его преемника, Антиохия составляла неотъемлемую часть империи, согласно договору, заключенному с сыном Роберта Гвискара Боемундом.

Достигнутый в Малой Армении успех открывал царю Иоанну полную возможность непосредственно затем поставить вопрос об Антиохийском княжестве. Особенные обстоятельства благоприятствовали планам царя. В 1130 г. князь Боемунд II трагически погиб в войне с турками. После него остались малолетняя дочь Констанца и княгиня — вдова Алиса, дочь иерусалимского короля. Желая овладеть властью в княжестве, Алиса вступила в переговоры с эмиром Мосула Зенги, которому скоро затем предстояло играть важную роль на Востоке; но решительные меры иерусалимского короля Балдуина II, вступившего в Антиохию, положили предел интригам честолюбивой вдовы, которая принуждена была удовольствоваться небольшим уделом с городом Лаодикеей. Преемник Балдуина, король Фулько, нашел способ

предохранить наследницу Антиохийского княжества от притязаний матери ее тем, что нашел ей жениха в лице французского владетельного графа Раймонда Пуатье. Но в то же самое время вдова антиохийского князя нашла способ сообщить царю Иоанну Комнину о своем плане брачного союза между наследницей Антиохийского княжества и одним из царевичей — сыновей Иоанна. Нет сомнения, что в Константинополе весьма охотно принято было это предложение, и, может быть, в связи с ним следует рассматривать поход, о котором мы говорили выше. Раймонд Пуатье своим немедленным согласием отправиться на Восток и принять сделанное ему предложение расстроил надежды царя Иоанна на соединение Антиохии с империей и, кроме того, нанес оскорбление его сюзеренным правам. Здесь не может идти речь об известной присяге, какую давали Алексею Комнину почти все вожди по отношению к завоеваниям старых владений империи, временно отошедших к туркам: феодальные отношения Антиохии к империи основывались на договоре с Боемундом 1108 г., когда этот последний дал Алексею присягу на верность и получил в качестве лена Антиохию и некоторые области Эдесского графства. Нужно думать, что Иоанн придавал широкое значение своим правам и что, с его точки зрения, даже Иерусалим должен был, как прежняя область империи, считаться его леном.

Таким образом, продолжение похода в Северную Сирию не только соответствовало исконным притязаниям империи, но и могло оправдываться исключительными обстоятельствами, в каких находились латинские владения. На границах христианских княжеств возникла в это время грозная сила в лице эмира Мосула, Имад ад-дина Зенги, зависевшего первоначально от иконийского султана, а потом достигшего широкого распространения своей власти и независимости. Пользуясь слабостью христианских княжеств, он овладел многими соседними городами на Евфрате, между прочим Алеппо и Гамой, и нанес неоднократные поражения графу триполийскому и королю иерусалимскому. В то время как Зенги имел явный перевес над латинскими княжествами с юго-восточной стороны, с севера подходила победоносная армия византийского царя. Греки подошли к Антиохии в августе. В это время князь Раймонд по просьбе иерусалимского короля находился в походе против турок и с большим трудом мог попасть в Антиохию, уже окруженную греками (29 авг.). Нельзя сказать, что Иоанн нашел здесь большое сопротивление; напротив, все заставляет думать, что в Антиохии была значительная партия, искавшая сближения с императором. Эта партия побудила правительство начать переговоры с Иоанном. Раймонд соглашался сдать город и признать императора своим сюзереном, но ставил условием, чтобы за ним было сохранено право на управление княжеством. Но как император требовал безусловной сдачи, то переговоры несколько затянулись. В конце концов Раймонд должен был явиться в лагерь, дать императору присягу на верность и вместе с тем обязаться немедленно предоставить царю доступ в Антиохию, когда бы того ни потребовали обстоятельства. С своей стороны император обязывался не присоединять к империи Алеппо и другие окрестные города, если они будут взяты от турок, а присоединить их к Антиохийскому княжеству. Это происходило в 1137 г.; император удовлетворился достигнутым соглашением, по которому Антиохию и принадлежавшая к ней область поступила в зависимость империи. Удаляясь в Таре на зимовку, царь выразил желание на следующий год приступить к походу против турок совместно с антиохийскими войсками и попытаться овладеть теми городами, которые, согласно договору, должны быть присоединены к Антиохии.

Весной 1138 г. князь Антиохии и граф Эдессы вместе с тамплиерами соединились с Иоанном для общего похода. Цель движения был Алеппо. Приняты были все меры предосторожности, чтобы обмануть бдительность Зенги, который осаждал Эдессу в то время, как христиане подошли к Алеппо. Но город оказался достаточно защищенным, так что Иоанн не

решился начать правильную осаду и отступил. Союзники успели взять несколько других турецких городов и крепостей в Северной Сирии¹³⁹, но к концу мая неожиданно была снята осада с важной крепости Шейзара, или Сезера, — обстоятельство, тем более не поддающееся объяснению, что поход союзников возбудил полное смущение среди мусульманских владетелей Сирии. Известно, что Зенги не решался с малыми силами выступить против христиан и просил помощи у калифа, который с своей стороны далеко не был расположен помогать своему сильному вассалу. По свидетельству арабского историка¹⁴⁰, Зенги успел тем временем поселить вражду между христианами. Трудно было бы проверить это известие, но нет сомнения, что мусульманский мир не мог оставаться безучастным зрителем нового поворота дел в Сирии. С одной стороны, султан иконийский Масуд начал угрожать Киликии нападением на Адану, с другой — получен был слух о движении вспомогательных отрядов из Багдада, наконец, эмир Кара-Арслан шел на помощь Зенги из Месопотамии. Все эти обстоятельства должны объяснять решение царя заключить соглашение с эмиром Сезера, по которому последний уплатил значительную сумму денег и, кроме того, шелковые ткани, драгоценный, украшенный рубинами крест и стол — предметы, захваченные после битвы при Манцикерте в лагере Романа Диогена. Но здесь обнаружилось полное охлаждение между царем и его вассалами, в особенности заслуживает порицания поведение графа Иосцеллина, желавшего поссорить царя с Раймондом Пуатье. В июне 1138 г. Иоанн подошел к Антиохии. На этот раз он воспользовался своим правом сюзерена и торжественно вступил в город, где имел пребывание в роскошном дворце, окруженный военной свитой. Недовольный князем Раймондом и желая теперь осуществить феодальное право фактического господства над Антиохией, он на собрании чинов княжества в присутствии Раймонда и Иосцеллина указал на свои заслуги в пользу Антиохии, изложил результаты военных предприятий весной текущего года и потребовал передачи ему городского кремля, дабы он мог свободно располагать доступом в город и устроить в нем склад припасов для предполагаемых военных мер против Алеппо и других турецких городов. Хотя Иоанн действовал и говорил с сознанием своего права, но при исполнении заявленного им требования встретились затруднения. Прежде всего Раймонд попросил дать ему срок для переговоров с королем иерусалимским; затем граф эдесский, питая глубокое нерасположение к планам Иоанна Комнина, возбудил движение в городе против греков. Так как царь не мог этого предвидеть и оказался не подготовленным к потушению начавшегося в городе бунта, то он нашел благоразумным не настаивать на своем требовании и приказал объявить, что оставляет город. Нет сомнения, что царь хорошо понимал, откуда происходила главная причина движения в городе, но на этот раз, не находя целесообразным полный разрыв со своими союзниками, он принял Раймонда и Иосцеллина в своем лагере и простился с ними, не выразив им своих чувств и нерасположения. Император уже в это время пришел к заключению, что невозможно достигнуть на Востоке успеха против турок, прежде чем Антиохия и Эдесса не перейдут в фактическое обладание империи.

Хотя поход в Сирию не имел видимых результатов, но он произвел большое впечатление на мусульман, так как это в первый раз после значительного промежутка времени византийское войско снова осмелилось пройти Киликийские ворота и побывать под Алеппо и Антиохией. Исаак, севастократор, искавший себе союзников между турецкими эмирами и христианскими князьями и интриговавший против Иоанна, должен был признать безуспешность своих попыток, так как последний поход сильно поднял на Востоке авторитет Византии, вследствие чего Исаака покинули его приверженцы и он должен был расстаться со своими честолюбивыми планами и просить у Иоанна прощения¹⁴¹.

В 1139 г. Иоанн предпринял новый поход на Восток. На этот раз империю тревожили враждебные действия Данишменда Мохамеда, сына Гази III. Громадная территория, занятая

этим сельджуцким владетелем, с главным городом Сивасом и Неокесарией, позволявшая туркам наносить вред самым населенным областям на реках Риндак и Сангарий, побудила царя идти войной на север по черноморскому побережью. Это был чрезвычайно трудный поход, в особенности по зимнему времени и по гористому положению местности. Когда греки подошли к Неокесарии, появление их произвело ужас в мусульманах, тем не менее для осады города и взятия его не было осадного материала. Кроме того, присутствовавший здесь младший сын царя Мануил позволил себе увлечься преследованием неприятеля, что послужило причиной испытанного греками поражения; здесь же изменил царю племянник его, сын севастократора Исаака Иоанн, перешедший к мусульманам и принявший их веру. Это подействовало на царя в нравственном отношении и заставило опасаться, что изменивший племянник ознакомит врагов с состоянием византийского войска. Подобные соображения заставили его снять осаду с Неокесарии. В начале 1141 г. после трудного похода Иоанн возвратился в столицу. Но через год предпринята была новая экспедиция, цель которой скрывалась от народа. Объявив сбор войска в Милете и начав движение по течению Меандра, царь неожиданно приказал принять направление на юг и достиг города Агталии. Здесь умер старший сын царя Алексей, который считался наследником престола; скоро смерть постигла второго сына, Андроника, сопровождавшего на судне тело умершего брата. Несмотря на эти потери, глубоко потрясшие царя, он не отменил похода, имевшего целью Антиохию. Там происходили события, имевшие большое значение в истории христианских владений. В апреле 1142 г. эмир Алеппо нанес поражение христианским князьям, а Иерусалимское королевство находилось в опасности от соседнего аскалонского эмира. Угрожаемые турками, антиохийский князь и граф Эдессы усиленно просили царя подать им помощь. Но Иоанн, которого предыдущий опыт достаточно научил, как мало можно полагаться на обещания латинян, прежде всего требовал сдачи Антиохии. Весьма вероятно, что в то же время Иоанн был занят мыслью восстановить власть империи на Евфрате и для этой цели рассчитывал опереться на сирийский и армянский элемент, господствовавший в этих местах. Это действительно было бы громадной важности предприятие, при осуществлении которого мусульманский мир в Малой Азии был бы окончательно отрезан от надвигавшегося с Востока мусульманства. Из Агталии имперское войско направилось к Антиохии. Не доходя до этого города, император потребовал заложников от графа Эдессы, и этот послал к Иоанну свою дочь Изабеллу. К Раймонду Антиохийскому послано требование предоставить в распоряжение царя Антиохию, в которой он предполагал организовать базу для действий против турок. Это требование в Антиохии возбудило крайнее беспокойство. В особенности латинское духовенство видело в требовании царя угрозу католицизму и, отказываясь исполнить его требование, угрожало бунтом в княжестве и изгнанием Раймонда. Когда Иоанну принесен был отрицательный ответ на его предложение, он решился употребить силу и заставить антиохийцев посредством обложения их города согласиться на его требования. Но ввиду позднего времени года Иоанн отошел на зимовку в Киликию с намерением возвратиться под Антиохию весной следующего года.

Осень и зиму 1142/43 г. царь занимался подготовкой к решению антиохийского вопроса. Между прочим, он уведомил иерусалимского короля о своем желании посетить Св. Места, чтобы обдумать меры к освобождению их из рук неверных. Таким образом, Иоанн Комнин был весьма близко к осуществлению заветной мечты Комнинов — вернуть империи занятые латинянами области и изгнать турок из Палестины. Но вследствие полученной на охоте раны Иоанн умер весной 1143 г., успев назначить преемником себе Мануила.

Глава 11. Начальные годы царствования Мануила Комнина.

Второй крестовый поход

За смертью царя Иоанна (8 апреля 1143 г.) провозглашение младшего его сына Мануила преемником было делом царской воли и определенно выраженного на этот счет указания, которое в точности было выполнено войском и бывшими в лагере приближенными умершего царя. Но так как столица не могла остаться безучастной к перемене царствования, то настояла надобность принять меры к тому, чтобы в Константинополе новое царствование не встретило затруднений. Великий domestik Иоанн Аксух весьма осторожно выполнил возложенное на него поручение немедленно отправиться в столицу и задержать двух наиболее возбуждавших опасения родственников Мануила: дядю, севастократора Исаака, и старшего брата царя, носившего также имя Исаака.

«Самодержец опасался, чтобы Исаак, услышав о смерти отца и узнав, что скипетр передан младшему его брату, не стал противиться и домогаться верховной власти, так как он имел право на престол по своему рождению, находился тогда в столице и проживал в том дворце, в котором хранилась казна и царские регалии».

Иоанн Аксух прибыл в Константинополь еще прежде, чем дошел туда слух о смерти Иоанна, так что он предупредил всякие попытки со стороны названных лиц к враждебным против Мануила замыслам и подверг их заключению под стражу. В то же время Аксух входит в переговоры с представителями константинопольского, в особенности софийского, клира и обещает ему именем царя увеличить выдаваемое ему жалованье ежегодно на 200 мин. Так как патриарший престол за смертью Льва Стиппиота (1134—1143) был вакантным, это значительно упрощало дело соглашения правительства с церковными партиями. Таким образом, Мануил был принят в столице весьма благорасположенно и спокойно вступил в управление делами. Первой его заботой было избрание патриарха. Когда большинство стало склоняться в пользу инока Михаила, жившего в монастыре на острове Оксия, царь изъявил на то свое согласие, а новый патриарх прежде всего должен был приступить к помазанию на царство Мануила. Церковный акт происходил или в конце августа, или в сентябре 1143 г. Брат царя Исаак получил свободу по случаю торжества, точно так же и дядя его севастократор Исаак, живший до того в почетном заключении в Ираклии Понтийской. Императору было не более 20 лет от роду, но имя его было уже популярно в войске, так как он участвовал в походах со своим отцом, приобретя себе известность беззаветной храбростью и мужеством, которое один раз, в деле под Неокесарией, едва не подвергло крайней опасности византийское войско.

«Юношеское лицо его, — говорит современник, — отличалось приятностью, и улыбающийся взор заключал много привлекательного. Ростом был высок, хотя несколько сутуловат, цвет лица смугловатый. Прибавим, что в его жилах текла венгерская кровь».

В сношениях с людьми Мануил отличался обворожительными качествами и умел привлекать к себе со всех сторон симпатии. Самой выразительной чертой царя был его рыцарский обычай, физическая сила и веселый нрав. Он был прекрасный кавалерист и любил похвалиться умением метко бросать стрелу и владеть тяжелым щитом. Как и все Комнины, он не был чужд литературного образования, считал себя большим знатоком в богословии и в Священном Писании и любил принимать участие в богословских спорах. В политике это был западник чистой воды и доводил свое увлечение западными обычаями, в особенности рыцарскими турнирами, до крайней степени. Наплыв западных охотников на службу империи был громадный, и царь открыл им свободный доступ в армию, в приказы и в придворное ведомство. Внешний блеск и показной лоск отличал придворную жизнь при Мануиле. Для

германского короля, латинских владетелей и принцев в Св. Земле, равно подолгу живших в Константинополе турецких эмиров, в Константинополе давались продолжительные праздники, зрелища и пиры. Словом, царствование Мануила составляет блестящую страницу истории Византии, но, к сожалению, это и последняя ее оригинальная страничка. Пять или шесть лет спустя после его смерти знаменитый церковный оратор Евстафий Солунский говорил об его времени:

«Кажется, в божественном совете было определено, чтобы со смертью Мануила рушился строй ромэйского царства и чтобы с закатом этого солнца покрыла нас непроглядная тьма!»

Это не есть обычная для византийца риторическая фраза, сказанная лишь для красоты; в самом деле, блеск был чисто внешний и призрачный, по существу же в империи времени Мануила было далеко не все благополучно. Чтобы до известной степени объяснить положение дел, мы бы сравнили империю Мануйлова времени с прекрасным на вид имением, в котором хозяйство ведется блестящим образом и на широкую ногу, но весь этот блеск покупается на занятые деньги, вследствие чего со смертью хозяина сейчас же наступает полное банкротство, в котором наследники не знают, как разобратся. Роковое значение проблемы заключается здесь в мысли на первый взгляд антикультурной: западническое направление политики Мануила было гибельным для Византии. Величайшим несчастьем этого блестящего царя было то, что вначале он был ослеплен внешним успехом, даже неудачу второго крестового похода он склонен был приписывать искусству своей дипломатии. Этот призрачный успех окрылил его, и он стал мечтать о широких, можно сказать, фантастических планах — восстановления империи в ее древних пределах. Мысль о соединении под своей властью Запада и Востока составляет отличительную черту внешней политики Мануила. Но, затратив невероятные средства на утверждение своей власти в Италии и пожертвовав громадными интересами империи и византизма в попытках сближения с папством, Мануил проглядел то, что было для него всего важнее и дороже: усиление Иконийского султаната, вследствие чего византизм должен был испытать крайнее унижение в поражении при Мириокефале. Как мы неоднократно замечали уже, константинопольская империя всегда проигрывала, если мало обращала внимания на восточные провинции, откуда получала главнейшие материальные средства для своей жизни. Комнины поставили в этом отношении последнюю ставку и проиграли ее. Первые действия юного царя не могли быть выражением заранее выработанного плана и представляют некоторую неопределенность. Как и следует думать, не могли быть забыты неприятные впечатления, вынесенные из похода под Антиохию, где антиохийский князь и граф эдесский обнаружили столько злой воли и так обманули доверие его отца. Раймонд простер свои враждебные отношения к империи до того, что погнался вслед за отступающим Мануилом и завладел некоторыми византийскими укреплениями в Киликии. Для Мануила было весьма важно восстановить сделанные в Киликии завоевания и дать урок антиохийскому князю. Эта задача без труда была выполнена испытанными в военном деле вождями: Димитрием Враной, отправившимся к Сирии с флотом, и Просухом, назначенным во главе сухопутных сил и имевшим под своей командой братьев Контостефанов, Иоанна и Андроника. Обе части с успехом выполнили задачу: флотом опустошены приморские владения Раймонда, сухопутное же войско прошло из Киликии, изгнав антиохийские гарнизоны из занятых ими мест, и достигло до самой Антиохии. Впрочем, положение Антиохийского княжества и без того становилось весьма критическим, когда осенью 1144 г. эмир Мосула Зенги завладел Эдессой и тем поставил Раймонда в необходимость искать помощи у Мануила. В следующем же году он отправился лично в Константинополь и не прежде был принят царем для исполнения ленной присяги, как принес раскаяние на могиле Иоанна Комнина¹⁴². Положение дел в Малой Азии угрожало большими осложнениями не только вследствие неожиданного и грозного выступления

эмира Мосула, но также по причине внутренних раздоров, наступавших среди самих мусульманских властителей Неокесарии, Сиваса и Мелитены. Здесь господствовали Данишменды; по смерти Мохамеда (1141) среди них началась борьба с назначенным преемником Дулнуном, или Дадуном греческих писателей. В этой смуте приняли участие иконийские турки, оказавшие поддержку одному из претендентов на власть и присоединившие к султанату города Гангры и Анкиру, принадлежавшие Данишмендам. Нет сомнения, что этот переворот в соседних областях должен был озаботить Мануила, который охотно вступил в переговоры с Якуб-Арсланом насчет союза против иконийского султана Масуда. Нужно думать, что одним из первых военных предприятий Мануила после венчания на царство были именно походы в Малую Азию с целью обеспечить имперские владения от набегов иконийских турок. Чтобы судить о том, как мало были обеспечены ближайшие области к Мраморному морю, видно из того, что предстояло защищаться поблизости от Nikeи. Турецким опустошениям подвергалась первая станция по дороге на Дорилей, известная Малагина; после Малагины предстояло защищать течение реки Риндака, где в укрепленном Лопадии Мануил устроил в 1146 г. военную базу для дальнейших действий против султана Масуда. Так как усилие турок в этом направлении представляло постоянную опасность для сношений с Киликией, которая имела такое важное значение в планах всех Комнинов, то необходимо было во что бы то ни стало нанести удар иконийскому султану. В этих видах предпринят был поход в Иконий, столицу султаната, для чего Мануил наперед оповестил своего противника, этот же не менее по-рыцарски заявил, что будет ожидать царя в Филомилии. После большой станции Акроин, ныне Афион Кара-Хиссар, на половине дороги между Дорилеем и Иконием, султан Масуд устроил засаду для византийского войска, но не имел успеха и отступил. Слабая сравнительно численность турецких сил была причиной, что турки оставили свободной всю дорогу до самого Икония. Хотя взятие столицы было, по-видимому, целью этой удачной экспедиции, но Мануил не принял мер к осаде города и, опустошив окрестности, начал отступление. О поводах, которые бы объясняли этот шаг, мы не можем судить, если не принять в соображение того обстоятельства, что султан Масуд, не считая нужным лично защищать столицу, отделил значительный отряд в тыл византийской армии и был готов отрезать ей отступление. С трудом удалось Мануилу сохранить свое войско во время обратного пути. Мануил по возвращении из этого похода будто бы объявил о своем намерении вновь идти против султана на весну 1147 г. Но на Восток уже стали доходить слухи о сборах на Западе в крестовый поход. Эти слухи встревожили одинаково и царя, и иконийского султана и побудили их прекратить войну, заключив оборонительный союз против крестоносцев.

Политика христиан на Востоке привела к тому, что мусульмане, ослабленные и отодвинутые внутрь Азии вследствие первого крестового похода, снова усилились и начали из Месопотамии угрожать христианским владениям. Один из наиболее сильных мусульманских эмиров, эмир Мосула Имад ад-дин Зенги, в 1144 г. сделал сильный натиск, который окончился взятием Эдессы и падением Эдесского княжества. Это наносило весьма чувствительный удар всему восточному христианству: Эдесское княжество составляло форпост, о который разбивались волны мусульманских приливов, в Эдесском княжестве был оплот, защищавший весь христианский мир. В то время, когда Эдесса пала под ударами мусульман, другие христианские княжества находились или в стесненном положении, или были заняты вопросами чисто эгоистического характера и поэтому как не могли подать помощи Эдесскому княжеству, так не в состоянии были заменить для христиан его значения. В Иерусалиме незадолго перед тем умер король Фулько, тот самый, который соединил интересы Иерусалимского княжества с интересами своих французских владений. После его смерти во главе королевства стала вдова, королева Мелизинда, опекунша Балдуина III; непокорность вассальных князей отняла у нее

всякую возможность и средства даже для защиты собственных владений — Иерусалим находился в опасности и не мог подать помощи Эдессе. Что касается Антиохии, то князь Раймонд завязал несчастную войну с Византией, кончившуюся для него полной неудачей, — и таким образом также не мог подать помощи Эдессе.

Слух о падении Эдессы произвел сильное впечатление на Западе, и в особенности во Франции. Франция во весь период крестовых походов отличалась своею отзывчивостью к интересам христиан на Востоке; из Франции всего больше шло на Восток рыцарей; Франция более других европейских государств чувствовала связи с Востоком, ибо в Эдессе, Иерусалиме, Триполи сидели князья французского происхождения.

И тем не менее для поднятия нового крестового похода в Западной Европе не представлялось благоприятных условий. Прежде всего во главе Римской Церкви было лицо, которое далеко не могло равняться с современником первого похода. К 1145 г. на Римском престоле сидел Евгений III, человек, не отличавшийся ни большой силой воли, ни энергией, ни умом, не имевший широких политических взглядов. Евгению III предстояло бы, пользуясь властным положением Церкви, принять под свою руку дело защиты восточноазиатских княжеств, но к этому времени положение папы, даже в самой Италии, было далеко не властное, Римский престол был жертвою партии. Евгений III недавно успел победить антипапу, нуждался в помощи германского короля и с настоятельными просьбами призывал его в Италию. Кроме того, ему угрожало в Риме новое направление, вконец ниспровергавшее авторитет его. В Риме действовал проповедник, представитель философско-политического направления Арнольд Брешианский, ученик Бернарда, аббата Клерво. Как Арнольд, так и его знаменитый учитель происходили из известной монашеской конгрегации монастыря Ключи и были выразителями идей, распространяемых этим монастырем. Арнольд столько же был политик-философ, сколько и проповедник. Его политические взгляды были основаны на демократическом принципе. Он боролся всеми силами своего красноречия и влияния против светской власти папы и против злоупотреблений, вкравшихся в церковный строй того времени. За Арнольдом следовал целый ряд проповедников-монахов, распространявших те же идеи. Проповедь Арнольда подняла целую бурю против папы. К тому же времени движение в городах с его демократическим характером особенно энергично охватило Италию. Германский король Конрад III поставлен был также в затруднительные обстоятельства борьбою с гвельфами; он в свою очередь выжидал поддержки из Рима, надеясь, что папа даст ему корону и тем укрепит его шаткое положение на троне. Таким образом, нельзя было надеяться, что папа или король примет на себя инициативу второго крестового похода. Этой инициативы нужно было искать в другом месте.

После разгрома Эдессы значительная часть светских и духовных лиц явилась с Востока в Италию и Францию; здесь они обрисовывали положение дел и возбудили своими рассказами народные массы. Король Людовик VII, рыцарь в душе, чувствовал себя связанным с Востоком и был склонен предпринять крестовый поход. На короля, как и на всех его современников, оказывало сильное влияние то литературное движение, которое глубоко проникло всю Францию и распространилось даже по Германии. Подразумеваемое здесь литературное движение составляет обширный цикл поэтических сказаний, заключающихся в песнях рыцарей и дворянства. Эта устная литература, обширная и разнообразная, воспевавшая подвиги борцов христианства, облакая их фантастическими образами, повествовала о бедствиях христиан на Востоке, держала в возбужденном состоянии народ и разжигала его страсти. Не чужды были ее влияния и высшие слои — духовные и светские князья. Людовик VII, прежде чем решиться на такой важный шаг, как поход в Св. Землю, спросил мнения у аббата Сугерия, своего воспитателя и советника, который, не отговаривая короля от доброго намерения, посоветовал принять все меры, чтобы обеспечить должный успех предприятию. Людовик пожелал узнать настроение

народа и духовенства. Духовная политика XII в. находилась в руках св. Бернарда. Величественная фигура этого проповедника, изможденное лицо, пылкая, огненная речь — все это доставляло ему непобедимую силу и громадное влияние, пред которым никто не мог устоять. Бернард был уже хорошо известен во всей Европе, он не раз являлся в Рим решителем дела того или другого папы. Ему не раз уже предлагали епископские и архиепископские места, но он всегда отказывался от повышений и этим еще более выигрывал в глазах современников; он был самый резкий противник Абельяра, неблагоприятно относился к проповедям и действиям своего ученика Арнольда Брешианского. К этому авторитету как к нравственной силе обратился французский король, прося Бернарда принять участие в деле поднятия Европы к крестовому походу; Бернард не принял на свою ответственность такого важного дела; он дал совет обратиться к папе. Евгений III одобрил план короля и поручил св. Бернарду проповедь о крестовом походе, снабдив его воззванием к французскому народу. В 1146 г. св. Бернард присутствовал на государственном собрании в Бургундии (Везеле), он сел рядом с королем Людовиком, надел на него крест и произнес речь, в которой приглашал вооружиться на защиту Гроба Господня против неверных. Таким образом, с 1146 г. вопрос о крестовом походе был решен с точки зрения французов. Южная и Средняя Франция двинула многочисленную армию, которая была вполне достаточна для того, чтобы дать отпор мусульманам.

Роковым шагом и большой ошибкой со стороны св. Бернарда было то, что он, упоенный успехом, который имел во Франции, решился повести дело далее, возбудить идею крестового похода за пределами Франции — в Германии. Движение и само по себе дошло до Рейна, где выразилось в крайне резком, именно в антисемитическом движении. Слухи об этом дошли до св. Бернарда и были весьма неприятны для него и требовали, по его мнению, его личного присутствия в этой стране. Явившись за Рейн, он сурово порицал духовных лиц, не сдерживавших своим авторитетом страстей народных, но не ограничился этим и пошел дальше. Он задумал привлечь к крестовому походу Германию, которая могла внести в это движение новые элементы, не гармонизировавшие с теми, которые были во Франции. Конрад III до прибытия св. Бернарда не обнаруживал склонности подняться на защиту Св. Мест. Аббат Клерво знал настроение Конрада и задался целью обратить его.

Обращение Конрада произошло при картинной обстановке. Накануне 1147 г. Бернард был приглашен отпраздновать вместе с Конрадом первый день Нового года. После торжественной мессы Бернард произнес речь, которая обладала такую силою и влиянием на умы, что для слушателей она казалась словом, исходившим из уст Самого Спасителя. Очертив в высшей степени яркими красками бедственное положение христиан на Востоке, он от лица Самого Спасителя обратился со следующей речью к Конраду:

«О человек! Я дал тебе все, что мог дать: могущество, власть, всю полноту духовных и физических сил; какое же употребление ты сделал из всех этих даров для службы Мне? Ты не защищаешь даже того места, где Я умер, где Я дал спасение душе твоей; скоро язычники распространятся по всему миру, говоря, где их Бог». — «Довольно! — воскликнул король, проливая слезы. — Я буду служить Тому, Кто искупил меня».

Бернард одержал окончательную победу над неподатливостью немцев, над нерешительностью Конрада.

Решение Конрада III участвовать во втором крестовом походе отозвалось весьма живо во всей германской нации. С 1147 г. и в Германии началось такое же одушевленное общее движение, как во Франции. Само собою разумеется, что это дело лично для славы Бернарда в высшей степени было заманчиво; по всей Германии ходили рассказы о силе и влиянии слова его, о его решительной победе над королем, увеличивая славу его подвигов, поднимая его авторитет в глазах современников. Но привлечение немцев к участию во втором крестовом

походе было в высшей степени вредно для исхода второго крестового похода. Участие германцев изменило дальнейший ход всего дела и привело к тем печальным результатам, которыми окончился второй крестовый поход.

Французская нация во главе со своим королем выставила значительные силы. Как сам король, так и феодальные французские князья выказали много сочувствия делу второго крестового похода; собрался отряд численностью до 70 тысяч. Цель, которую предстояло достигнуть второму крестовому походу, была ясно намечена и строго определена. Задача его состояла в том, чтобы ослабить мосульского эмира Зенги и отнять у него Эдессу. Эту задачу успешно выполнило бы и одно французское войско, состоявшее из хорошо вооруженной армии, которая по пути увеличилась вдвойне приставшими добровольцами. Если бы крестоносное ополчение 1147 г. состояло из одних французов, оно направилось бы другим путем, более кратким и более безопасным, чем тот, который оно избрало под влиянием короля Конрада. Французы в политической системе той эпохи представляли нацию совершенно обособленную, которая своими ближайшими интересами склонялась к Италии. Сицилийский король Рожер II и французский король находились в близких отношениях. Вследствие этого для французского короля всего естественнее было избрать путь через Италию, откуда он мог, воспользовавшись норманнским флотом и также флотом торговых городов, которые, как мы видели раньше, явились такими энергичными помощниками в первом крестовом походе, удобно и скоро прибыть в Сирию. Этот путь представлялся более кратким и удобным уже потому, что он приводил крестоносцев не во враждебные владения мусульман, а в те земли Сирии и Палестины, которые принадлежали уже христианам; этот путь, следовательно, не только не требовал бы от крестоносного ополчения никаких жертв, а, напротив, обещал ему вполне благоприятные результаты. Кроме того, путь через Южную Италию имел за собой еще то преимущество, что к ополчению мог присоединиться и сицилийский король. Людовик VII, снесшись с Рожером II, готов был двинуться через Италию.

Германский король был носителем совершенно противоположных политических идей. Постоянное стремление германской нации завладеть Южной Италией ставило каждого германского короля в необходимость считать до тех пор свою задачу неоконченной, пока он не побывал в Италии и в Риме не получил от папы императорской короны, а от итальянского населения — присяги на верность. С этой стороны стремления германских королей угрожали прямо интересам норманнского элемента в Южной Италии и в данную минуту интересам сицилийского короля Рожера II. Сила сицилийского короля была обусловлена слабым влиянием в Италии германского императора. Естественно, что Рожер II был далеко не в благоприятных отношениях с императором; между двумя народностями, германской и норманнской, не могло быть союза. Но в рассматриваемую эпоху дело было гораздо хуже. Конрад менее всего задавался целью заключать союзы с западноевропейскими державами; напротив, незадолго перед тем он заключил союз с Византией. В союзе германского короля с византийским императором таилось осуществление той задачи, которую старался выполнить еще Алексей Комнин во время первого крестового похода: германскому королю и византийскому царю представлялась полная возможность взять в свои руки крестоносное движение и повести его к осуществлению своих задач. Участие французского короля во втором крестовом походе усложняло и затрудняло разрешение этой задачи; но тем не менее у Конрада III и Мануила Комнина оставалась полная возможность сообща направить движение к общехристианской цели и играть в этом движении главную заправляющую роль.

Когда поднялся вопрос о пути и средствах движения, германский король предложил избрать тот путь, которым шли и первые германские крестоносцы, — на Венгрию, Болгарию, Сербию, Фракию и Македонию. Германцы настаивали на том, чтобы и французский король

двинулся этим путем, мотивируя свое предложение тем, что лучше избегать разделения сил, что движение через владения союзного и даже родственного с германским королем государя вполне обеспечено от всякого рода случайностей и неожиданностей и что с византийским царем начаты по этому вопросу переговоры, в благоприятном результате которых Конрад не сомневался. Летом 1147 г. началось движение через Венгрию; Конрад шел впереди, месяцем позже шел за ним Людовик.

Рожер Сицилийский, который ранее не заявлял намерения участвовать во втором крестовом походе, но который, однако, не мог оставаться равнодушным к исходу его, потребовал от Людовика исполнения заключенного между ними договора — направить путь через Италию. Людовик долго колебался, но уступил союзу с германским королем. Рожер понял, что если бы он теперь и принял участие в походе, то положение его было бы вполне изолированным. Он снарядил корабли, вооружился, но не для того, чтобы оказать помощь общему движению; он начал действовать на собственный страх сообразно норманнской политике относительно Востока: сицилийский флот стал грабить острова и приморские земли, принадлежащие Византии, берега Иллирии, Далмации и Южной Греции. Опустошая византийские владения, сицилийский король завладел островом Корфу и в то же время, чтобы с успехом продолжать свои морские операции против Византии и чтобы обеспечить себя со стороны африканских мусульман, заключил с последними союз.

Таким образом, крестоносное движение в самом начале было поставлено в самое неблагоприятное положение. С одной стороны, западный король делает нападения на византийские владения в то самое время, когда крестоносцы подходили к Константинополю; с другой стороны, составился союз христианского короля с мусульманами, союз, прямо враждебный успеху крестовых походов. Политика норманнского короля тотчас отозвалась на отдаленном востоке. В крестовом ополчении участвовала масса людей, которые не желали подчиняться германскому и французскому королям, не признавали над собой никакого авторитета. Как бы ни желали короли благополучно довести свое войско до Константинополя, не возбуждая ропота грабежами и насилиями, им было трудно удержать порядок и дисциплину в своем войске: добровольцы, приставшие к ополчению, отделялись от войска, грабили, наносили оскорбления и насилия жителям. Это не могло не поселить недоразумений между византийским царем и германским королем, начались взаимные неудовольствия и упреки в неисполнении договоров и конвенций. Во Фракии дошло даже до открытых столкновений. Крестоносцы жаловались на то, что им несвоевременно доставлялись съестные припасы и фураж; византийцы обвиняли крестоносцев в грабеже. Хотя византийский царь был уверен в расположении к себе Конрада, но для него не было тайной отсутствие дисциплины в войске крестоносцев и слабый авторитет короля. Царь Мануил боялся, что Конраду не удастся обуздать буйную и непокорную толпу, что эта толпа, жадная к наживе, может начать в виду Константинополя грабежи и насилия и вызовет серьезные смуты и в столице. Поэтому Мануил старался отстранить крестоносное ополчение от Константинополя и советовал Конраду переправиться на азиатский берег в Галлиполи. Это было бы действительно лучше, ибо предупредило бы много различных недоразумений и стычек. Но крестоносцы силой пробившись к Константинополю, сопровождая свой путь грабежами и насилиями. В сентябре 1147 г. опасность для Византии со стороны крестоносцев была серьезна: у стен Константинополя стояли раздраженные германцы, предававшие все грабежу; через две-три недели нужно было ожидать прибытия французских крестоносцев; соединенные силы тех и других могли угрожать Константинополю серьезными неприятностями. В то же время до византийского царя доходили известия о взятии Корфу, о нападениях норманнского короля на приморские византийские владения, о союзе Рожера II с египетскими мусульманами.

Под влиянием грозившей со всех сторон опасности Мануил сделал шаг, который в самом корне подрывал предположенные вторым крестовым походом задачи и цели: он заключил союз с турками-сельджуками; правда, это не был союз наступательный, он имел целью обезопасить империю и пригрозить латинянам на случай, если бы последние надумали угрожать Константинополю. Но тем не менее этот союз имел весьма важное значение в том отношении, что он давал понять сельджукам, что им придется считаться только с одним западным ополчением. Заключая этот союз с иконийским султаном, Мануил давал понять, что он не смотрит на сельджуков как на врагов. Оберегая свои личные интересы, он умывал руки, предоставляя крестоносцам действовать на собственный риск собственными силами и средствами. Таким образом, против крестоносного ополчения составилось два христианско-мусульманских союза: один — прямо враждебный ополчению — это союз Рожера II с египетским султаном, другой — союз византийского царя с иконийским султаном — был не в интересах крестового похода. Все это было причиной тех неудач, которыми закончился второй крестовый поход.

Мануил поспешил удовлетворить Конрада и перевез немцев на противоположный берег Босфора. Едва ли в это время византийский царь и мог обеспечить дальнейший ход дел на азиатской территории. Крестоносцы дали себе первый отдых в Никее, где произошли уже серьезные недоразумения. 15-тысячный отряд отделился от немецкого ополчения и на собственный страх направился приморским путем к Палестине. Конрад с остальным войском избрал тот путь, которого держалось первое крестоносное ополчение, — через Дорилей, Иконий, Ираклию. В первой сшибке (26 октября 1147 г.), происшедшей близ Дорилея, немецкое войско, застигнутое врасплох, было разбито наголову, большая часть ополчения погибла или была взята в плен, весьма немногие воротились с королем в Никею, где Конрад стал поджидать французов. Почти в то самое время, когда Конрад потерпел страшное поражение, Людовик VII приближался к Константинополю. Происходили обычные столкновения между французским войском и византийским правительством. Зная симпатии между Людовиком VII и Рожером II, Мануил не считал безопасным продолжительное пребывание в Константинополе французов. Чтобы поскорее отделаться от них и понудить рыцарей к ленной присяге, царь Мануил употребил хитрость. Между французами был пущен слух, что немцы, переправившиеся в Азию, быстро подвигаются вперед, шаг за шагом одерживают блистательные победы, так что французам нечего будет делать в Азии. Соревнование французов было возбуждено; они требовали переправить их поскорее через Босфор. Здесь уже, на азиатском берегу, французы узнали о несчастной участи немецкого войска; в Никее свиделись оба короля — Людовик и Конрад — и решили продолжать путь вместе, в верном союзе.

Так как путь от Никеи до Дорилея был покрыт трупами и облит христианскою кровью, оба короля желали избавить войско от тяжелого зрелища и потому направились обходным путем, на Адрамиттий, Пергам и Смирну. Путь этот был чрезвычайно трудный, замедлявший движение войска; выбирая этот путь, короли надеялись встретить здесь менее опасностей со стороны мусульман. Надежды их, однако, не оправдались: турецкие наездники держали в постоянном напряжении крестоносную армию, замедляли путь, грабили, отбивая людей и обоз. Кроме того, недостаток съестных припасов и фуража заставил Людовика бросать массу вьючных животных и багажа. Французский король, не предвидя всех этих затруднений, взял с собою многочисленную свиту; поезд его, в котором участвовала и его супруга Элеонора, был в высшей степени блистательный, пышный, не соответствовавший важности предприятия, соединенного с такими затруднениями и опасностями. Крестоносное ополчение двигалось очень медленно, теряя на своем пути массу людей, вьючного скота и багажа.

В начале 1148 г. оба короля прибыли в Ефес с жалкими остатками войска, тогда как при

переправе ополчения через Босфор византийцы — конечно, преувеличенно — насчитывали его до 90 тысяч. В Ефесе короли получили от византийского императора письмо, в котором последний приглашал их в Константинополь отдохнуть. Конрад отправился морским путем и высадился в Солуни, где встретился с Мануилом, а Людовик, с большим трудом добравшись до приморского города Агталии, выпросил у византийского правительства корабли и с остатками войска в марте 1148 г. прибыл в Антиохию. Рассказанными событиями, можно сказать, исчерпывается весь результат второго крестового похода; громадные армии королей растаяли под ударами мусульман; а короли — французский и немецкий, — соединившиеся для одной цели, скоро разошлись и стали преследовать противоположные задачи.

Раймонд Антиохийский принял французов очень радушно: последовал ряд празднеств и торжеств, в которых французская королева Элеонора играла первенствующую роль. Не замедлила проявиться интрига, которая не осталась без влияния на общий ход дел: Элеонора вступила в связь с Раймондом. Само собою разумеется, Людовик чувствовал себя оскорбленным, униженным, он потерял энергию, воодушевление и охоту вести начатое дело. Но были обстоятельства, которые еще хуже отозвались на деле второго крестового похода. Весною 1148 г. Конрад отправился из Константинополя в Малую Азию, но только не в Антиохию для соединения с французским королем, а прямо в Иерусалим. Как для Раймонда, так и для Людовика было в высшей степени неприятно известие, что Конрад оставил задачи крестового похода и предался интересам Иерусалимского королевства. Балдуин III, король Иерусалима, побудил Конрада стать во главе войска, которого Иерусалимское королевство могло выставить до 50 тысяч, и предпринять поход против Дамаска. Это предприятие следует считать в высшей степени неверным и ошибочным, да оно и не входило в виды второго крестового похода. Движение против Дамаска в интересах Иерусалимского королевства окончилось весьма печальными результатами. В Дамаске, правда, находилась довольно грозная сила; но весь центр тяжести мусульманского Востока, вся сила и опасность для христиан сосредоточивались в это время не в Дамаске, а в Мосуле. Эмир мосульский Зенги, а не другой кто завоевал Эдессу и угрожал остальным христианским владениям. После смерти Зенги в Мосуле сидел сын его Нур ад-дин, который приобрел весьма крупную, хотя и печальную известность в восточных христианских летописях как самый непримиримый и грозный враг Антиохии и Триполи. Само собою разумеется, что, если его не ослабили в 1148 г., он впоследствии мог сделаться грозною, роковою силою для всего восточного христианства. В Иерусалиме этого не поняли. Немецкий король стал во главе 50-тысячной армии и направился против Дамаска. Это вызвало антихристианскую коалицию: эмир Дамаска заключил союз с Нур ад-дином. Между тем Конрад и Балдуин III шли с закрытыми глазами и не озаботились ознакомиться с местными условиями. Дамаск оказался укрепленным сильными стенами и защищенным значительным гарнизоном; осада Дамаска требовала продолжительного времени и значительных усилий. Христианское войско направило свои силы против той части города, которая казалась более слабой. Между тем в лагере распространились слухи, что с севера на выручку Дамаска идет Нур ад-дин. Конрад с горстью немцев не терял надежды на сдачу Дамаска. Но в лагере христиан составилась измена, которая, впрочем, еще недостаточно выяснена, хотя о ней упоминается у многих летописцев. Будто бы иерусалимский король, патриарх и рыцари, подкупленные золотом мусульман, распространили слухи, что Дамаск непобедим с той стороны, с которой подошли к нему крестоносцы. Вследствие этого осаждающие перешли на другую сторону города, которая была действительно неприступна. Проведя довольно продолжительное время в бесполезной осаде, угрожаемые с севера Нур ад-дином христиане должны были отступить от Дамаска, не достигнув ничего. Эта неудача тяжело отозвалась на рыцарском короле Конраде и на всем войске. Не было охотников продолжать дело второго крестового похода, т. е. идти

дальше на север и в союзе с Антиохией вести войну против главного врага — эмира мусульского. Энергия и рыцарский энтузиазм Конрада ослабели, и он решил вернуться на родину. Осенью 1148 г. на византийских кораблях он прибыл в Константинополь, а оттуда в начале 1149 г. возвратился в Германию, не сделав, в сущности, ничего для дела христиан на Востоке.

Людовик VII, как человек молодой, с большим рыцарским энтузиазмом, не решился, подобно Конраду, бросить так скоро начатого им дела. В его свите нашлись лица, которые не считали оконченной задачей крестового похода и, находя возвращение назад делом унижительным для рыцарской чести, советовали ему оставаться в Антиохии и ждать подкрепления, т. е. прибытия новых сил с Запада для выручки Эдессы. Но были и такие, которые, указывая на пример Конрада, уговаривали короля возвратиться на родину; Людовик VII поддался влиянию последних и решил возвратиться. В начале 1149 г. он на норманнских кораблях переправился в Южную Италию, где имел свидание с норманнским королем Рожером, и осенью 1149 г. прибыл во Францию.

Таким образом, второй крестовый поход, который казался таким блистательным, так много обещавшим в начале, окончился вполне ничтожными результатами. Мусульмане не только не были ослаблены, а, напротив, нанося христианам одно поражение за другим, уничтожая целые крестоносные армии, получили большую уверенность в собственных силах, энергия их увеличилась, у них зародились надежды на уничтожение христианского элемента в Малой Азии. На Востоке происходили резкие столкновения между немецким и романским элементом. Немецкое войско в глазах других наций было принижено своими роковыми неудачами. Уже после поражения Конрада III немцы служили предметом насмешек для французов; следовательно, второй поход показал, что совместные действия французов и немцев на будущее время невозможны. Этот поход обнаружил также рознь между палестинскими и европейскими христианами. Для восточных христиан 50-летнее пребывание среди мусульманского элемента не прошло бесследно в культурном отношении. Таким образом, между поселившимися в Азии европейцами и прибывавшими сюда из Европы новыми крестоносцами обнаружилась принципиальная рознь; они взаимно стали не понимать друг друга. Меркантильный характер, подкуп, распущенность, разврат сделались отличительной чертой нравов палестинских христиан.

Неудача второго крестового похода сильно отозвалась на французской нации, в памяти которой долго сохраняется отзвук этой неудачи. Она должна была лечь пятном на чести Церкви, в особенности она подорвала авторитет св. Бернарда, а также и папы: Бернард поднял массы народа, он называл крестовый поход делом, угодным Богу, предсказывал хороший исход. После позорных неудач поднялся сильный ропот против Бернарда: Бернард не пророк, говорили, а лжепророк; а папа, давший свое благословение, не представитель Церкви, а антихрист. Папа сваливал всю ответственность на Бернарда, последний говорил, что он действовал по приказанию папы.

В высшей степени интересна тенденция, возникающая к этому времени среди романских народов: стали взвешивать, особенно французы, обстоятельства первого и второго походов, стали доискиваться, какие были недостатки их организации и причины неуспеха. Вывод был простой: нельзя достигнуть цели походов потому, что на дороге стояло схизматическое Византийское царство, сначала нужно уничтожить это препятствие. Эта тенденция, возникающая в половине XII в., приобретает затем все более и более сторонников на Западе.

Результатом второго похода был огорчен в особенности молодой Людовик VII. Возвратившись на родину, Людовик пришел к сознанию необходимости поправить свою ошибку, смыть пятно со своего имени. Составлен был Собор, на котором снова подвергся

обсуждению вопрос о новом походе, и, что очень удивительно, нашлась опять масса людей, которые, объятые религиозным энтузиазмом, вновь готовы были идти в Св. Землю. Случилось нечто еще более удивительное: на Собор явился и св. Бернард и стал говорить, что предстоящий поход будет уже удачен. На Соборе стали раздаваться голоса, что недавний поход был неудачен потому, что не поставили во главе его св. Бернарда. Явилось предложение поручить ему ведение нового похода. Папа принял весть об этом несочувственно. Он назвал самого Бернарда безумцем, а в официальном документе характеризовал подобное отношение к делу как глупость. После этого и Людовик несколько охладел к задуманному походу.

Из детальных черт нужно указать еще два момента, относящиеся ко второму крестовому походу, которые показывают, что в 1149 г. религиозная идея похода совершенно отступает на задний план. Если во время первого крестового похода в некоторых князьях еще было видно религиозное воодушевление, то теперь оно совершенно падает. К эпохе второго крестового похода относятся два похода, стоящие совершенно отдельно от главного движения. Это, во-первых, поход Генриха Льва и Альбрехта Медведя против славян, окончившийся утверждением немцев среди вендских славян (Бранденбург); во-вторых, поход в Испанию и завоевание Лиссабона у мусульман.

Глава 12. Западная политика Мануила

Западным делам Мануил посвящал больше внимания, чем это было необходимо. И между тем та же западная политика сопровождалась до такой степени отрицательными для Византийской империи результатами, что довела государство до полного истощения и вызвала по смерти Мануила реакцию и общее разложение. Столько же ввиду бесспорной важности этого периода собственно в истории Византии XII в., как и по обнаружению живых и реальных сил, которые вступили между собой в это время в борьбу из-за господства в Южной Италии, на Далматинском побережье и, наконец, в Сирии и Палестине, нам предстоит войти в некоторые подробности, могущие до известной степени осветить проблемы рассматриваемого нами времени. Само собой разумеется, с этой целью необходимо будет комбинировать разнообразные факты, происходившие в течение целого десятилетия вслед за окончанием второго крестового похода. Для историка весьма важно наметить принципиальный мотив, которому подчиняются действия людей и политика государств. На пространстве многих веков можно заметить смену факторов, полную перетасовку этнографических названий при неизменной наличности основных мотивов, руководящих настроениями исторических деятелей и внешней политикой государств. В занимающее нас время византийский император, Римский Папа, германский император и представители итальянских торговых или политических интересов (норманны, венецианцы) вступают в борьбу или в союз, но в общем все подчиняются высшему закону эволюции.

«Папство очень много было обязано норманнам и вовсе не имело интереса уничтожить их власти на Юге Италии. Кого бы иначе оно могло противопоставить немецким императорам?.. Но всякий раз как норманны уклоняются от своего призвания, вступают во вражду с папским престолом, римская курия противопоставляет им притязания той или другой империи или обеих вместе. Восточная и Западная империи одинаково имели притязания на господство в Италии, но для одной важней было господство на юге полуострова, для другой — на севере его. Между ними возможно было, следовательно, временное соглашение, пока ни та, ни другая сторона не достигла своей ближайшей цели; но при одном только признаке ее достижения начиналось взаимное соперничество, и опасность для норманнов проходила благополучно. ...Будущая владычица морей и европейской торговли, умная Венецианская республика была естественной союзницей Византии, пока дело шло о том, чтобы не допускать господства норманнов на Адриатическом море, не позволять им утвердиться в Албании или на островах... Но венецианцам вовсе не было желательно, чтобы Византия утверждалась в самой Италии; это было бы для них то же самое, как если бы норманны утвердились на другом берегу Адриатики: оба берега — в руках одной державы»¹⁴³.

Союз Восточной и Западной империи теперь, как и прежде, направлен был против сицилийского короля Рожера II, наиболее талантливой и энергичной из всех тогдашних европейских государей. В начале 1146 г. этот союз скреплен был наконец давно уже предположенным браком Мануила с Бертой Зульцбах, свояченицей Конрада III. Мы видели выше, как Рожер домогался, чтобы крестовый поход направился через Италию, при таком обороте дел он имел все основания непосредственно влиять на главных деятелей и дать христианским отрядам такое назначение, какое ему казалось бы наиболее полезным. Не было бы ничего удивительного, если бы крестоносцы начали, как это и было через 50 с небольшим лет, с нападения на христианскую империю. Не достигнув цели, Рожер нашел настоящий момент весьма удобным для сведения старых счетов с Византией. Будучи обеспечен со стороны Германии и не боясь немецкого вторжения в Италию, Рожер тем легче мог решиться напасть на

имперские владения, что они были по большей части лишены обычных военных отрядов, направленных на Восток по случаю крестоносного движения. Не довольствуясь нападением на о-в Корфу, на берега Греции и на многочисленные города, норманны решились послать отряды внутрь страны. Особенно пострадали Фивы, где был тогда центр шелковой промышленности и откуда Рожер вывел значительное число пленных, знакомых с искусством разведения шелковичного червя и с выделкой шелковой материи. Благодаря вывезенным из Греции пленникам в Палермо привилась эта важная промышленная статья¹⁴⁴, давшая впоследствии большие выгоды. Не менее Фив пострадал Коринф, один из важных торговых пунктов Греции, откуда взята была огромная добыча.

«Сложив на корабли, — говорит историк Никита Акоминат, — награбленное имущество, король обратил в рабство знаменитейших по происхождению коринфян, взял в плен молодых и красивых женщин, захватил икону чудотворца Феодора Стратилата и со всем этим имуществом пустился в обратный путь. Если бы кто посмотрел тогда на сицилийские триеры, весьма бы основательно заключил, что это не пиратские суда, а громадные грузовики, переполненные множеством дорогих вещей до такой степени, что сидели в воде по верхний ярус»¹⁴⁵.

Когда до Константинополя дошли известия о норманнских опустошениях, положение дела было здесь таково, что нельзя было и думать о немедленном походе против Рожера. Царь Мануил пытался договориться с Конрадом и Людовиком VII насчет немедленных мер против Рожера, но не имел успеха. Тогда оказалось необходимым прибегнуть к помощи венецианского флота. Дождь Петр Полани, изъявляя готовность выступить против норманнов, потребовал за то расширения торговых привилегий для венецианских торговых людей, о чем свидетельствуют две грамоты от октября 1147 г. и марта 1148 г., которыми Венеции открывалась свобода торговли на Кипре и Родосе и вместе с тем расширялся уступленный ей ранее квартал в Константинополе. Весной 1148 г. Мануил приготовился в поход. Сознывая всю серьезность предприятия против «западного дракона», царь рассчитывал действовать в одно время и на суше и на море. Сухопутное войско было вверено великому доместику Аксуху, флотом командовал зять царя по сестре Контостефан. Но на первых порах успешному ходу дел помешали неожиданные события на дунайской границе. Через Дунай перебралась орда половцев, или куман, которая прошла по Северо-Восточной Болгарии и появилась на юг от Балканских гор. Необходимо было остановить эту хищную орду и защитить от нее византийские владения. Хотя попытка отрезать половцев на севере занятием Дуная флотом не удалась, но император погнался за ними дальше и на север от Дуная нанес им поражение. Это необходимо замедлило осуществление первоначального плана похода, так что только к осени 1148 г. можно было собраться у Корфу сухопутному войску и флоту, хотя осенние непогоды побудили императора расположиться на зимние квартиры в Болгарии (Эски-Загра). Осень и зима этого года не прошли, однако, без важных событий. Германский король Конрад, возвращаясь из Палестины, высадился в Солуни, где был встречен Мануилом и сопровождался до Константинополя. Здесь царь принимал у себя как гостя своего давнего союзника и друга, и здесь же скреплены были новыми статьями прежние соглашения. Прежде всего состоялись проекты родственных брачных договоров между Генрихом Баварским и маркграфом австрийским и племянницей Мануила Феодорой. Предполагался и другой союз — короля Генриха, сына Конрада, с одной из византийских принцесс¹⁴⁶.

Но самым существенным политическим актом, в связи с которым имели значение упомянутые брачные соглашения, был наступательный союз против Рожера II. Именно, предполагалось общее нападение весной 1149 г. на сицилийского короля, причем обе стороны обязывались одновременно начать военные действия, только тяжкая болезнь или опасение потерять корону могли служить извинением для того, чтобы отложить исполнение договора до

более благоприятного времени. Хотя в источниках не указаны точно условия, с какими предпринималась война, но замечание историка Киннама может быть истолковано в том смысле, что Мануил заявлял притязание на Южную Италию¹⁴⁷. Праздники и зрелища на ипподроме, которые были обычны в Константинополе, и турниры и рыцарские военные потехи, усвоенные от западных союзников, доставляли большое развлечение жителям столицы и иностранным гостям. Не во всех частях мог быть выполнен этот договор. Византийская эскадра в соединении с венецианскими вспомогательными судами явилась под Корфу осенью 1148 г. Ее действия не только затруднялись неприступным положением крепости и высотой стен, но и взаимной враждой между союзниками. Несмотря на предупредительные меры начальников, между греками и венецианцами происходили ссоры, которые закончились побоищем и наконец отступлением венецианцев из-под Корфу. Дело этим не ограничилось, а перешло чуть не в войну: венецианский флот напал на торговые греческие суда, и матросы позволили себе очень грубые издевательства по отношению к царю. Хотя Мануил, ввиду серьезных обстоятельств, не придавал значения происшедшему, но это не могло не повлиять на ход осадных работ. Вместо движения к Италии весной 1149 г. предстояло еще заняться освобождением Корфу от норманнского гарнизона и, кроме того, отделить часть флота против норманнов, появившихся в византийских водах. Правда, византийская эскадра под начальством Хуруга нанесла поражение норманнам близ Пелопонниса, при мысе Малее, и таким образом Мануилу предоставлена была полная свобода оставаться под Корфу, но это потребовало продолжительного времени, так как город взят был голодом в конце лета. Осенью Мануил мог приступить к исполнению той части программы соглашения с Конрадом, которая выпадала на его долю. Византийско-венецианский флот получил приказание высадиться в Анконе, чтобы здесь войти в сношение с германским войском, которое должно было прибыть с севера. Но великий domestik Аксук не выполнил возложенной на него задачи и поздней осенью привел эскадру назад в Константинополь; что же касается короля Конрада, то он едва ли в состоянии был осуществить, если бы и хотел того, принятые на себя обязательства, так как против него образовалось сильное движение в самой¹⁴⁸, потребовавшее от него личного присутствия на месте.

Мы уже ранее видели, что Рожер должен быть почитаем одним из лучших дипломатов того времени. Не могло быть сомнения, что он употребил все свое искусство, чтобы помешать вредным для него последствиям союза двух империй. С присущей ему энергией и дальновидностью он приготовил Конраду неожиданные затруднения в Европе. Так, обворожив любезностью и подкупив подарками и обещаниями Генриха Вельфа, герцога Швабии, который побывал в Палермо на возвратном пути из Палестины, он побудил его начать в Германии восстание против Гогенштауфенов, восстание Генриха было усмирено лишь к началу 1150 г. В то же самое время, с целью занять внутренними делами и царя Мануила, при помощи связей в Германии сицилийский король поднял смуту на северо-западной границе империи, вооружив Венгрию и Сербию. Не желая нарушать связи излагаемых здесь фактов, мы отнесем к другой главе угорско-сербские события, теперь же ограничимся ближайше отношениями к германороманскому Западу. Следует особенно подчеркнуть, что как раз к тому времени на Западе старались как-нибудь благоприятней для национальных самолюбий объяснить неудачу второго крестового похода. Король Рожер, Людовик VII и папа Евгений III, которому также казался опасным союз Западной империи с схизматиками, легко склонны были видеть главного виновника неудачи в Мануиле Комнине. Из сочетания указанных причин возникал тогда проект нового похода на восток, и, что всего замечательней, даже руководитель французской политики того времени аббат Сугерий увлечен был планом нового крестового похода, который — вне всякого сомнения — имел бы прямым объектом Константинополь. Можно понять, как нарушало общее западноевропейское настроение то обстоятельство, что германский король

стоял явно на стороне Византии и что его враждебное расположение к сицилийскому королю нарушало в самой основе готовую пойти на все западную антивизантийскую лигу. Но как ни пытались с разных сторон воздействовать на Конрада, он не мог не сознавать реального значения того существенного факта, что войти в политические комбинации Рожера II было равносильно отказу от заветной мысли насчет германского господства в Италии.

Переписка между германокоролевским и византийским двором в 1150 и 1151 гг. представляет капитальный исторический интерес. Уже в феврале 1150 г. в Германию было отправлено посольство с Михаилом Вардалием во главе. Конрад отвечал на предложения Мануила ответным посланием, в котором уверял, что хорошо помнит о данных обязательствах и что исполнение их только замедлено вследствие нездоровья и смут в Германии. Вместе с тем в письме выражалась благодарность за радушный прием, оказанный в Константинополе в самую тяжелую для него минуту после потери войска и во время болезни, и за то внимание, с каким сам царь ухаживал за больным и подавал ему лекарство. Летом того же года Конрад отправил своего посла в Константинополь с письмами, рисующими политическое положение. Сицилийский тиран подкупил деньгами Вельфа — «это служило препятствием к исполнению проекта похода в Италию. Теперь же, — продолжал король, — пришла новая весть, что весь французский народ со своим королем, по наущению тирана сицилийского, вошел в заговор против нашего превосходнейшего брата и готовится поднять оружие. Мы, во всяком случае, решились поставить себя и нашу империю за нашего брата и его безопасность».

Эта настойчивость Конрада сильно смущала в особенности Римского Папу, с которым германский король не желал порывать добрых отношений и который с своей стороны всеми мерами пытался отвлечь Конрада от союза с Восточной империей. В указанной выше переписке аббата Вибальда есть несколько пикантных мест. Кардинал Гвидо, папский легат при крестоносном отряде, писал к Вибальду, что святой отец и курия приведены в большое смущение слухами о союзе короля с императором греков; это могло привести к сильному ущербу и поражению Римской Церкви. И сам Вибальд, столь близкий к Конраду человек, писал, что его государь действительно несколько изменился под влиянием знакомства с воззрениями греческого общества, с которым он ознакомился. Эту мысль он выразил в знаменитом выражении, что Конрад возвратился из Константинополя «немножко тронутым греческим непослушанием и гордостью». Вибальд успокаивал, однако, папу и его приверженцев, что долгим сожительством и убеждениями он надеется привить Конраду смирение и благое послушание. С другой стороны, он уведомлял царя Мануила, что затеянному Рожером союзу против Восточной империи он весьма не сочувствует и, напротив, уверен в том, что такое значительное государство, как Византия, — государство, где господствует божественная религия, законы и гражданский порядок, — не может быть разрушено нечестивыми людьми.

Аббат Вибальд был большой сторонник не только германо-византийского союза, но и восстановления добрых отношений между Римом и Византией. Он очень ясно понимал, что политика Рожера II шла наперекор заветным целям Конрада, и потому всеми средствами боролся против нее. Под влиянием его сообщений римская курия вступила на путь мирных и благожелательных сношений с царем Мануилом. С лета 1150 г. в Риме находим греческих послов, прямым последствием того было охлаждение между папой и Рожером. Последний на Пасху 1151 г. приказал короновать своего сына Вильгельма без согласия папы. Вместе с тем Евгений III входит в сношения с Конрадом и подготавливает обсуждение вопроса о германском походе в Италию. Это было окончательным ударом для коалиции, имевшей в виду новый крестовый поход и движение на Византию, и, наоборот, счастливым событием для германо-византийского союза. Политическая ставка Рожера, по-видимому, была проиграна. Обе империи и Римский Папа приходили к соглашению по сицилийским делам. Но смерть Конрада в самом

начале 1152 г. совершенно изменила положение дел.

Очень хорошо характеризуется взгляд современников на изложенные события слухами, проникшими в летопись, что Конраду поднесен был яд лечившими его итальянскими докторами, подосланными Рожером¹⁴⁹. Хотя преемник Конрада, племянник его Фридрих Барбарусса, был вполне ознакомлен со взглядами своего дяди и до некоторой степени участвовал в соглашениях с Мануилом, гостеприимством которого пользовался в зиму 1148—49 г., тем не менее смерть германского короля Конрада нанесла существенный ущерб планам царя относительно Южной Италии. Фридрих прежде всего желал заручиться расположением папы, его взгляды выясняются из договора, заключенного им с папой Евгением III в марте 1153 г., в котором определенно указывалось, что греческому королю в Италии нельзя уступать никаких владений и что если бы он решился сделать поход в Италию, то папа и король обязываются всеми силами тому воспротивиться.

Хотя в том же году происходили сношения между Фридрихом и царем Мануилом, но, по-видимому, в них было мало искренности. С одной стороны, для Фридриха, предпринимавшего на 1154 г. экспедицию в Италию, было безразлично участие византийского императора в этом же предприятии, направленном против сицилийского короля, с другой же — он не желал отступить от положений, нашедших себе выражение в договоре с папой. Зимой 1154 г. германские послы Ансельм Гавельбергский и Александр Гранина имели назначение отправиться в Константинополь, когда произошло громадной важности событие. В феврале умер король Рожер II, и вступивший на престол его сын Вильгельм, боясь затруднений для своего королевства из германо-византийских переговоров, немедленно послал в Константинополь послов, предлагая Мануилу мир и вознаграждение за все убытки, причиненные недавним опустошением Фив и Коринфа. Но в Византии не придали серьезного значения этому предложению; напротив, в это же время царский флот имел дело с норманнами на юге от Пелопоннуса, причем стратиг Константин Ангел потерпел поражение и попал в плен. Таким образом, Мануил оставался в прежних расположениях относительно германского союза и воспользовался сделанными ему сообщениями Александра Гранины, прибывшего от Фридриха, для самостоятельного шага в Италию. Именно он послал вместе с Граниной двух своих уполномоченных, севастов Михаила Палеолога и Иоанна Дуку, с большими денежными суммами. Послам было наказано отправиться в Анкону и войти в сношение с Фридрихом, который летом 1155 г. совершил свой поход в Рим, где принял императорское венчание и освободил папу от предводителя враждебной ему республиканской партии Арнольда из Брешии. Как известно, Фридрих, от которого ожидали дальнейших мероприятий в Италии, обманул все надежды и не желал на этот раз связывать себя никакими политическими и военными задачами. Когда византийские послы представились германскому императору, его войско начало уже тогда отступление на север. Само собой разумеется, их представления насчет содействия, какое мог оказать Мануил в предполагавшемся ранее походе против сицилийского короля, оказались или запоздавшими, или истолкованными в неблагоприятном смысле приближенными к нему лицами. Во всяком случае, Фридрих удалился из Италии, не успев осуществить никаких политических планов. Но Мануил, пользуясь значительным возбуждением умов, вызванным походом германского императора, поручил своим послам попытаться произвести на свой страх движение в пользу византийской партии. Для этого и были назначены те суммы, которыми располагал Палеолог. Он действовал очень осторожно, вполне выждав самого благоприятного момента. Когда один из наиболее влиятельных партизанов германского вмешательства, Роберт граф Лорителло, убедился, что от Фридриха ничего нельзя более ожидать, он счел за нужное повидаться с Палеологом, и в городе Вести было заключено соглашение между представителем Мануила и норманнскими князьями, враждовавшими с сицилийским королем. После этого

свидания Михаил Палеолог начал организовывать византийскую партию, щедро раздавал деньги, нанимая охотников и занимая некоторые города. Как можно понять, центром распространения византийских планов была Анкона, откуда эмиссары царя пытались овладеть некоторыми приморскими местами. Вслед за городами Вести и Фано признали власть царя и другие места, и Палеологу было донесено, что в Южной Италии только дожидаются прибытия греков, чтобы стать на их сторону против сицилийского короля. Князь Капуи Роберт и другой князь, Андрей Рупеканина, изгнанные из своих владений Рожером II, подняли восстание в Южной Италии. Важное сопротивление оказал город Трани, жители которого оставались верны королю Вильгельму; но был довольно основательный расчет, что на дальнейший ход дела окажет влияние главный город Апулии Бари, в котором Палеолог имел уже достаточно приверженцев. Когда Бари сдался, несмотря на значительный норманнский гарнизон, это действительно произвело большое впечатление во всей стране и открыло для Византии легкую возможность овладеть другими местами: Трани, Жиовенаццо.

Успех для Византии был замечательный, он объясняется как продолжительным бездействием со стороны Вильгельма, бывшим вследствие его болезни, так и хорошо подготовленными мерами и подкупом. Уже прибывали подкрепления из кавказской конницы, посаженной на суда; уже папа Адриан решил открыто пристать к византийской партии и послать на юг свои подкрепления. При таких условиях посланное Вильгельмом войско под предводительством Асклеттина действовало весьма робко и уклонялось от открытого боя с противниками. Наконец оно было принуждено принять сражение и потерпело полную неудачу в деле с Иоанном Дукой. Уполномоченный царя Палеолог предупредил опасность со стороны Венеции соглашением с республикой Генуей, которая за пожалованные ей торговые привилегии обязалась не быть на стороне врагов империи. Кроме того, приняты были меры к привлечению на сторону Византии папы Адриана IV, которому были обещаны денежные субсидии, — немаловажный успех, имевший последствием весьма оживленные сношения и поднятие вопроса о соединении Церквей. Прямым последствием переговоров с римской курией было то, что в сентябре 1155 г. папа принял личное участие в военных действиях. Находясь в Беневенте, он был в центре движения, среди восставших против норманнов князей. Это было весьма благоприятным обстоятельством для византийской партии, которая стремилась теперь к занятию Бриндизи. Но в начале следующего года заметна перемена в положении партий, которая имеет себе объяснение в нескольких случаях явного пренебрежения греческих вождей Палеолога и Дуки к своим союзникам, местным князьям и баронам. Это обнаружилось тогда, когда из Сицилии прибыли подкрепления и когда на просьбу графа Роберта Лорителло подать помощь византийские вожди не обратили должного внимания и, обнадеженные успехом, высказывали мысль, что им нет нужды до норманнских интересов. Большим подспорьем для греков было и то, что они могли теперь, с помощью прибывшего флота, осаждать приморские города с суши и с моря. С полной надеждой на успех в апреле 1156 г. приступлено было к осаде важнейшей на юге крепости Бриндизи, и действительно, город скоро был сдан, хотя в кремле заперся норманнский гарнизон. Но здесь наступил крутой поворот в положении воюющих сторон.

Вильгельм I собрал большие силы и решил принять личное участие в войне. Прямой целью было подать помощь осажденному в Бриндизи гарнизону. Византийский вождь Иоанн Дука, ввиду надвигавшихся врагов, просил у Мануила подкреплений, но, прежде чем они были получены, ход событий стал складываться неблагоприятно для греков. Прежде всего союзники утратили к ним доверие и стали отделяться от них, так граф Лорителло ушел из лагеря, так изменили наемные отряды из Анконы; равно ушел наемный норманнский отряд. Ввиду этих обстоятельств, которые показали недостаточность принятых к обеспечению достигнутых

успехов мер и в которых нельзя не видеть весьма обычных черт высокомерия и презрения греков ко всем не говорящим на их языке, быстро утрачены были так легко доставшиеся успехи. Вильгельм нанес грекам у Бриндизи жестокое поражение и взял в плен обоих вождей, и Дуку и Алексея Вриенния-Комнина, прибывшего с целью подкрепить первого. Это был непоправимый удар, о котором так рассуждает современный событиям историк¹⁵⁰:

«До такого конца довела прежнюю славу нерешительность Комнина и Дуки. Так-то нынешние военные люди, одни, совсем не понимая военного искусства, портят дела, другие, хотя, может быть, и знают его немного, но ошибаются в общем. Военное искусство есть в известном смысле техника, и тому, кто им занимается, нужно быть многосторонним и способным к приспособляемости, чтобы в нужное время применяться к ее разнообразным видам. Можно иногда и бежать без всякого стыда, если позволяют условия времени, но в другом случае нещадно преследовать, все по ходу дела. Где же успех зависит больше от умного плана, чем от физической силы, там не нужно всем подвергаться опасности. Ибо если многими и различными путями можно приходиться к победе как заключительной цели, то безразлично, какой путь кто изберет к этой цели»¹⁵¹.

Это философское воззрение Киннама на исход всего предприятия мало выясняет существо дела. Другой историк говорит¹⁵², что на подкупы и на наем охотников была израсходована громадная сумма в 300 кентинариев золота, или больше 10 миллионов рублей. Несомненно, все предприятие было построено на песке и не было подготовлено ни прочной военной системой укреплений, ни симпатиями в населении.

Вильгельм беспощадно преследовал изменивших ему. Город Бари он срыл до земли и одним ударом лишил греков всякой опоры в Южной Италии. Так как в Беневенте находился один из союзников Мануила, папа Адриан, окруженный своими приверженцами, то король поспешил к Беневенту, заставив бежать в горы графа Лорителло и взяв в плен князя Капуи. Папа принужден был согласиться на все предъявленные ему требования и подписал мир с королем. Нельзя думать, что Мануил питался еще надеждами отстоять свое положение в Италии, хотя и продолжал посылать деньги для найма охотников и для поддержания в городах византийской партии. Все заставляет предполагать, что для царя было весьма важно поддержать в Италии враждебное против Вильгельма движение на тот конец, чтобы не дать ему свободы воспользоваться громадными военными приготовлениями для войны с Византией, какие были намечены на весну 1157 г. В то время как сицилийский флот нанес поражение византийским судам при Негропонте и сделал смелое движение через Дарданеллы к Константинополю, византийские наемные отряды, собранные в Италии, доставляли царю дешевые победы, которым в столице старались придавать, однако, большое значение.

«Теперь, — говорит Киннам¹⁵³, — римляне снова стали смелей действовать, они взяли С. Жермано и покорили до 300 других городов: кто желает знать их название, может прочесть их имена во дворце... Там этих имен написано было слишком много, но это произошло от безмерной лести и рабского чувства причастных к этому делу людей. Слышал я, что и сам царь не был этим доволен».

В действительности царь Мануил вполне правильно оценивал положение дел: если союз с Западной империей не принес ему никакой пользы, то ясно, что следовало искать другого выхода из весьма затруднительного положения. Еще в 1156 г. он посылал в Германию послов, которым сопутствовал аббат Вибальд, исполнявший миссию Фридриха I в Константинополе. Но в Германии, как оказалось, совсем изменили взгляд на отношения к Восточной империи. Быстро достигнутые, хотя и непрочные, успехи греков напугали императора Фридриха, и дали ему понять, что вовсе не в интересах Западной империи содействовать ослаблению норманнов в Южной Италии. При таких расположениях Фридрих, приготовлявшийся к походу в Италию с

целью изгнания из нее греков, весьма холодно отнесся к послам Мануила и не прежде принял их, как убедившись в нанесенном грекам поражении Вильгельмом под Бриндизи. Но главный предмет посольства не был затронут, во всяком случае Фридрих отнесся отрицательно как к проекту брака между ним и византийской принцессой, так и к вопросу о военном союзе. Хотя продолжалась и после того пересылка посольствами, но вопрос о военном союзе считался уже окончательно похороненным. Ввиду этих обстоятельств Мануил стал думать о мирных переговорах с Вильгельмом. Нужно думать, что посредником в переговорах, приготовившим путь к соглашению, был Римский Папа и что Мануил не поставил с своей стороны больших затруднений, чтобы ликвидировать итальянские отношения. По поручению царя отправился в Анкону Алексей Аксук, имея двойную цель: с одной стороны, продолжать набирать наемников как бы для продолжения войны, с другой — войти в сношение с норманнами и приготовить их к более скромным требованиям при заключении мира. И снова на стороне Византии появились союзники частью из недовольных Вильгельмом вассалов, частью из наемных дружин. Но в 1158 г. в Италию прибыл Барбарусса, и агенты царя Мануила должны были покинуть Анкону, откуда доселе направлялись нити византийской политики. Тогда был заключен 30-летний мир с норманнами и вместе с тем подготовлен союз папы и восточного императора против Фридриха Барбаруссы.

Нанесенный грекам под Бриндизи удар обозначил, в сущности, бесповоротное крушение западной политики Мануила. С тех пор не завоевание Южной Италии составляет предмет домогательств византийского царя, так как эта цель оказалась недостижимой вследствие успехов сицилийских норманнов, а еще более фиктивная и имевшая мало оснований в реальных отношениях жизни, и скорей археологическая, чем историческая, задача. Соглашение с Римским Папой на условиях значительного пожертвования в пользу Римской Церкви и уступок по исконным вопросам, вызвавшим самое разделение Церквей, казалось для Мануила возможным средством поставить на очередь старый вопрос об единстве империи и развенчании германских императоров. Хотя положительных успехов и на этом новом пути не могло быть достигнуто, тем не менее и здесь можем извлечь несколько любопытных наблюдений относительно мотивов подобной политики и настроений современников занимающего нас времени.

По воззрению Киннама¹⁵⁴, «с падением Западной империи никто из итальянских властителей не имел права на царский титул; если же кто и принимал его, то по злоупотреблению. ...С тех пор в Риме нет ни архиерея, ни тем более властителя. Ибо тот, кто восхищает себе величие царского достоинства, унижается до того, что идет пешком подле едущего на коне архиерея и исправляет обязанность его конюшего; архиерей же, именуя его императором, ставит его на одну доску с царем. Но скажи, любезный, как и на каком основании позволил ты себе пользоваться как конюшими ромэйскими царями? А если такого основания нет, то и ты самозванный епископ, и он не настоящий царь. Если ты не можешь не согласиться, что царственный трон Византии есть римский трон, то как ты унаследовал папское достоинство? Это установление принадлежит одному Константину, первому христианскому царю. Как же ты одну часть его установления, т. е. епископский престол и его преимущества, охотно принимаешь, а другую отметаешь? Но ты заявляешь притязание на право наделения царским достоинством — уступаю в том, что касается возложения рук и помазания, — чисто духовной стороны, но возражаю против действительного наделения царским достоинством, так как это уже новшество. Если в твоей власти перемещать царство, почему не ты переместил из Рима империю, а когда другой сделал это, то тогдашний Римский епископ против воли одобрил сделанные распоряжения».

Хотя указанные воззрения на папскую власть и на Римскую империю составляют

существенную особенность византизма, тем не менее император Мануил нашел возможным, когда идея союза с западным императором оказалась неосуществимой, искать сближения с Римским престолом, воспользовавшись для того охлаждением между Фридрихом Барбаруссой и Адрианом IV. Первые сношения с папой начались еще на почве переговоров о союзе против сицилийского короля в 1155—1156 гг., причем наряду с темами политическими обсуждались и религиозные, именно возбуждался вопрос о возможности восстановления единства Церкви. При преемнике Адриана, папе Александре III, который порвал сношения с германским императором, направление церковной политики Мануила определилось ясней. Папа Александр III, вступивший в борьбу с Фридрихом из-за политических прав над Италией, шел навстречу императору Мануилу и, может быть, поощрял его в его церковной политике. Это был тот папа, который позволил себе сказать Фридриху: кому как не папе обязан он своим венцом. Дабы побудить Мануила принять сторону папы против императора, Александр обратился за содействием к королю Людовику VII, который со своей стороны просил царя оказать помощь Римскому престолу и предлагал за это союз. Ответ Мануила в конце 1161 г. вполне отвечал желаниям короля, и с тех пор переписка и сношения с французским двором без перерыва продолжались значительное время. Внимательно следя за событиями на Западе, Мануил питал уверенность, что под влиянием обстоятельств папа неминуемо придет к мысли искать поддержки в Константинополе, если только не решится пожертвовать своими притязаниями на светскую власть. Наконец в 1168 г. Мануил решился определенной объяснить с папой и высказать ему свой взгляд как на вопрос о соединении Церквей, так и на условия снятия схизмы. С этим поручением был отправлен в Рим севаст Иордан, сын князя Роберта Капуанского. В анналах Барония¹⁵⁵ говорится об этом, что императорский посол, принеся папе драгоценные дары, изложил все, что было ему поручено. А главный вопрос заключался в том, что император выражал желание соединить свою Церковь с матерью всех Церквей, дабы обе Церкви были под одним главой, и вместе с тем требовал, чтобы апостольский престол возвратил ему корону империи. Для исполнения этого он предоставлял в распоряжение папы столько денежных средств и такие военные средства, что с ними можно подчинить Церкви не только Рим, но и всю Италию. Это важное предложение было обсуждаемо в папском совете, где и было решено отправить в Константинополь Убальда, епископа-кардинала Остии, и Иоанна, кардинала ордена св. Павла и Иоанна, которым предстояло доложить в Константинополе римские воззрения на этот вопрос. Можно весьма пожалеть, что не сохранилось византийских известий об этом посольстве. Следует, впрочем, заметить, что и вообще обращение на Запад с заискивающими взорами всегда обозначало крайний упадок и ослабление, и патриотам-писателям можно извинить, что они не останавливались на подробностях подобных периодов. Впрочем, у Никиты Акомината встречаем несколько раз выступления против Мануила за его мечтательные планы, под влиянием которых он простирает взоры на край земли и не обращал внимания на ближайшие задачи¹⁵⁶.

Сношения с Римом, питаемые идеей соединения Церквей, несмотря на то что в Константинополе во влиятельных церковных кругах не могли не относиться подозрительно к самым основаниям этой идеи, тем не менее поддерживались царем. Может быть, в связи с этими переговорами стоял и проект брака между царевичем Алексеем, сыном Мануила, и дочерью Людовика VII, причем папа принимал в переговорах деятельное участие (1171). Почти до последних лет жизни Мануила не оставляла мысль достигнуть при помощи папы того, что казалось ему таким важным и ради чего он не прочь был поступиться даже самостоятельностью Восточной Церкви. Но в конце концов реальная жизнь должна была показать ему невозможность осуществления союза с Римским престолом.

Насколько искренни были отношения папы к выраженным Мануилом намерениям и

желаниям, в этом отношении возможны серьезные сомнения. Во всяком случае, и на Западе было мало приверженцев соединения Восточной Церкви с Западной, если с этим соединением неразрывно связывалось усиление влияния Византии в Южной Италии. Но внешним выражением планов византийского царя были не только новые его попытки утвердиться в Южной Италии, но вместе с тем и посылка эмиссаров с денежными суммами в Северную Италию и деятельная роль в поддержании союза ломбардских городов против германского императора. Известно, что Ломбардская лига доставила Фридриху невероятные затруднения, которые стоили ему шести военных походов в Италию. Менее, однако, известно то, что Мануил не щадил средств, чтобы иметь себе приверженцев и в Северной Италии, поддерживал денежными субсидиями восставшие против Фридриха города, наконец, помог миланцам снова отстроить разрушенный их город. Кремона, Павия, Анкона, не говоря уже о торговых итальянских республиках, о которых будет речь, были поддерживаемы императором Мануилом с целью иметь в них опору для своих политических планов. Поэтому далеко не преувеличением, а верным пониманием тогдашних событий представляются нам слова Никиты о Мануиле¹⁵⁷:

«Ему казалось возможным, что все западные народы составят союз против ромэев — и войдут в одно общее против них соглашение, а потому он всячески старался заблаговременно обезопасить себя. Он говаривал, что восточных варваров он может деньгами склонить к миру, но что касается многочисленных народов западных, то чрезвычайно их боится. Это люди высокомерные, решительные, для которых война составляет всегдашнюю потребность, богаты, и являются в поход закованные в железо, но кроме всего этого питают непримиримую и неукротимую против ромэев вражду, подозрительно к ним относятся и постоянно вооружаются».

Итальянские торговые республики Пиза, Генуя и Венеция занимали относительно империи исключительное положение. Все эти города имели во время Мануила большие торговые привилегии в Константинополе и во всех областях империи, обладали большими материальными средствами и в случае нужды могли быть деятельными проводниками политики царя. Мануил умел воспользоваться соревнованием этих городов, возбуждая между ними взаимное недоверие и опасения, чтобы один из них не усилился в ущерб другому, держал их в подчинении. Когда пизанцы в 1162 г. заключили тайный союз с Фридрихом, Мануил лишил их предоставленного им квартала, нарушил часть их привилегий и указал им для житья участок за стенами города; через 10 лет, однако, вследствие разрыва с Венецией царь нашел возможным вернуть Пизе ее прежние права. С Генуей заключен около 1155 г. договор, обеспечивавший за ней как денежную субсидию в 500 перперов и ежегодную уплату архиепископу 60 перперов, так определенный квартал в столице и торговые привилегии в империи. Республика обязывалась не вступать в соглашение ни в какое предприятие, которым бы наносился вред царю и его империи. Но когда Генуя в 1162 г. примкнула к союзу с Фридрихом, то в Константинополе это отразилось народным движением, в результате которого было расхищение товаров в генуэзском квартале. В 1164 г. начинаются вновь сношения с царем, и генуэзцы достигают восстановления старых прав. Хотя в 1169 г. мир был восстановлен и генуэзцы дали обязательство ничего не предпринимать против царя и империи, но скоро затем они вновь подверглись нападению константинопольской черни и грабежу. Впоследствии они предъявили правительству иск в 84 260 перперов.

Совершенно в особенных отношениях к империи стояла Венеция. При царе Мануиле она неоднократно испытывала перемены в своем положении. Царь не доверял венецианцам и не мог им простить измены при Корфу и издевательства над его особой.

Став раз твердою ногою в Византии и получив привилегии беспошлинной торговли, Венеция не совсем исправно исполняла свои обязанности по отношению к империи и вызывала

поэтому со стороны последней ряд мер к ослаблению ее прав. Так как рядом с Венецией к получению привилегий от Византии стремились Генуя и Пиза, то Византии легко было давать уроки Венеции, предоставляя время от времени торговые преимущества то Генуе, то Пизе. Чтобы не останавливаться на общих местах в характеристике отношений между Византией и Венецией, укажем два-три случая, когда неблагоприятные отношения достигали серьезного поворота. Выше мы видели, какими средствами располагала империя для того, чтобы заставить Пизу и Геную исполнять свои обязательства. То же самое применено было к Венеции в 1171 г. В то время как венецианцы получили в Византии целый квартал, обстроили его и заселили итальянскими негодяями, император Мануил, видя, что в борьбе с Фридрихом Гогенштауфеном Венеция не очень ревностно поддерживает его, склонился на предложение генуэзцев и дал им в 1170 г. торговые привилегии. Вследствие этого и Генуя стала устраиваться в Константинополе так же, как и Венеция. Между двумя партиями, перенесшими в Константинополь родные симпатии, — разумею политические партии гвельфов и гибеллинов, — в Константинополе начинается ряд столкновений: между генуэзцами и пизанцами, между генуэзцами и венецианцами. Оправдывать византийское правительство здесь трудно. Оно, пользуясь враждою иноземных партий, соблюдало свои интересы, и ему легко было поддерживать одну и ослаблять другую партию. Так, случилось, что венецианцы ограбили часть города, где жили генуэзцы. Последние требовали вознаграждения со стороны венецианцев и просили, чтобы Мануил употребил весь свой авторитет для их защиты. Мануил издал указ, по которому венецианцы должны были выстроить разрушенный ими квартал и вознаградить убытки генуэзцев. Когда венецианцы отказались исполнить это, тогда издано было приказание конфисковать имущество всех венецианцев, живших в Константинополе и империи, и таким образом до 20 000 итальянцев, пользовавшихся покровительством Венеции и имевших здесь свое имущество, были захвачены и имущества их конфискованы. Внешнее право такой меры заключалось в том, что Мануил наказывал венецианцев за нарушение прав гостеприимства, за то, что они слишком зазнались. Венецианское правительство было слишком раздражено подобным самовольным поступком Византии, решило прервать с ней сношения и стало готовить громадный флот. Сборы продолжались целый год, потом венецианцы раздумали и приняли другую политику. Свои материальные потери они надеялись вознаградить другим способом, и так как врагом Византии в то время был сицилийский король Вильгельм II, то в 1175 г. венецианцы и заключили с ним союз против Византии. Следует припомнить, что для Византии этот союз был в высшей степени опасен и, чтобы расстроить его, Византия могла пожертвовать старой политикой, так что Мануил после переговоров с венецианцами согласился возобновить старые торговые договоры с ними и вознаградить их убытки, причиненные при изгнании венецианцев в 1171 г. Нужно сказать, что подобная уступка со стороны Мануила была актом в высшей степени непопулярным, делом оскорбительным для всех коренных греков. Иностранцы, живя в Константинополе и пользуясь покровительством Мануила, возбуждали неудовольствие в коренных греках. Правление Мануила в этом отношении может быть названо вполне не национальным: и во внешней, и во внутренней политике он опирался исключительно на иноземный элемент, благодаря чему и при дворе, и в крупных должностях были по преимуществу иностранцы, что было оскорбительно для чести греков. При этом торговые привилегии, даваемые иностранцам, переводя все экономические средства в руки последних, ослабляли местную производительность и истощали как казну, так и частных лиц. Таким образом, хотя Мануил успел, по-видимому, загладить ошибку 1171 г., но он должен был вступить в слишком тяжелые обязательства по отношению к венецианцам. Уплата убытков, причиненных в 1171 г., оказалась трудновыполнимой, с одной стороны, потому, что разоренный квартал оказался в руках частных лиц (частью греков, частью иностранцев), так что нужно было

теперь выкупить эту собственность, а с другой — потому, что трудно было определить, сколько каждое лицо потеряло. Таким образом, в течение 30 лет вопрос о вознаграждении убытков оставался неразрешенным и поднимался всякий раз, когда были натянутые отношения. По приблизительному вычислению решили, что Византия должна будет выплатить до 15 талантов золота, что составляет громадную сумму, которую было очень трудно уплатить. Через 10 лет, в 1182 г., случились обстоятельства, гораздо более ясно показавшие, как непрочно положение венецианцев в империи. Эти обстоятельства заключаются в следующем. По смерти Мануила наследником престола остался десятилетний сын его Алексей II, за малолетством которого империей управляла его мать. Самым выдающимся лицом в царской семье был его дядя Андроник Комнин. По энергии и даровитости он был ничем не ниже Мануила и в царствование последнего был устранен от дел. Мануил давал ему поручения в провинциях (то на Балканском полуострове, то в Малой Азии). Таким образом, Андроник при Мануиле жил в удалении от дел и власти, что, однако, не лишало его энергии. В 1180 г. он был в изгнании в одном из понтийских городов. Когда он получил известие о смерти брата и регентстве его жены, то предпринял ряд мер, чтобы возбудить население Византии и влиять на дела. Одной из самых популярных мер, влиявших на византийское население, была следующая: Андроник указал, что если продолжится тот строй, какой установлен Мануилом, то исконным грекам не останется никакой надежды на благоприятное положение, что итальянцы и другие иноземцы решительно возьмут перевес над греками и сделают из Византии западное государство. Само собой разумеется, что подобная теория восстановления национальности была весьма популярною. Действуя чрез своих сыновей и национальную партию, Андроник скоро достиг того, что в Константинополе начали высказываться, что для счастья и спокойствия страны нужно обратиться к талантливому Андронику. Когда Андроник узнал о таком положении дел, он двинулся к Константинополю и после того, как предводитель выставленного против него отряда сдался, взял его и объявил себя регентом. Умертвив вскоре после того царя Алексея II, он сделался единовластным распорядителем судеб империи (правил с 1183 по 1185 г.). Андронику необходимо было выдержать политику восстановления греческой национальной партии. Число иностранцев в Константинополе доходило до 60 000, и греки, ненавидя их, рады были первому случаю подняться против них. Видя, что движение против иноземцев было достаточно подготовлено, Андроник, будучи еще регентом, дал свое согласие на расправу с ними; в 1182 г. началось небывалое истребление всех иностранцев. Чернь сожгла латинский квартал, разграбила его, врывалась в храмы и убивали беспомощных стариков и детей. Картина истребления итальянцев в высшей степени жестока; она превосходит все, что можно вообразить, и лучше всего рисует неприязненные отношения греков к иноземцам. До 4000 иностранцев было взято в плен и продано туркам; многие были убиты, незначительная часть успела спастись на кораблях. Это обстоятельство может служить для нас исходным пунктом истории отношений между Византией и Венецией. Оно касалось не только Венеции, но и всей Италии. Часть итальянцев, спасшихся на кораблях, ушла в Италию и здесь рисовала в мрачных красках греческое правительство и указывала на необходимость мер для наказания его.

Союз Комнинов с Гогенштауфенами, если бы осуществились планы той и другой стороны, сопровождался бы последствиями не меньшей важности, чем союз пап с Каролингами. В этом заключается существенный его интерес: для XII в. это был романтический, мечтательный план, как и смотрели на него представители национальной партии в Константинополе. Крайним логическим выводом из него было возвращение папства к тому состоянию, в котором оно находилось до половины VIII в., т. е. до союза с Каролингами, и восстановление нарушенной по отношению к византийскому царю правды. Несколько извлечений из сохранившихся того времени документов ознакомит нас с духом революционных воззрений, приходивших с Востока

на Запад.

«Нет племени, царства или народа, — писал Конрад III к византийскому царю, — который не знал бы, что ваш Новый Рим считается дочерью нашей Римской республики. Наши выгоды общие, одни у нас друзья и одни враги и на суше и на море: норманн ли, сицилиец ли или какой другой враг... Все царства увидят и услышат, как легко поражаем мы неприятелей, которые поднялись против самодержавия империй наших».

Личная дружба Конрада III с Мануилом внушала сильные опасения римской курии, которая не без основания приписывала греческому влиянию гордость и непослушание Конрада и не обманывалась насчет последствий союза Гогенштауфенов с Комнинами. В 1149 г. папский канцлер писал к Вибальду, советнику Конрада:

«Я хочу поговорить с тобою, как с человеком благоразумным и осторожным. Стало известно папе и нам, и везде носят о том слухи, что король Конрад заключил союз с византийским царем, дабы нанести, если можно, тяжелый удар и поражение святой Римской Церкви. Увещеваем любовь твою, прими всевозможные меры, чтобы миновала святую Римскую Церковь такая опасность».

С особенною наглядностью формулирована цель византийско-германского союза в двух письмах Гогенштауфена Фридриха II. Выделив из них указания на особенные отношения половины XIII в., получаем следующую картину неправд Римского престола, против которых должны ратовать византийский и германский императоры.

«Мы ищем не нашей только правды, но и правды друзей наших и любезных соседей, по преимуществу же правды греков, родственников и друзей наших, которых папа, за нашу взаимную приязнь и любовь, воздвигая на нас свой ненаказанный язык, называет нечестивейшими и еретиками, хотя они — христианнейший род, самый крепкий в вере Христовой и самый правоверный...» «Я не могу понять, — говорится в другом письме, — как он, называющий себя великим архиереем, публично подверг отлучению тебя и всех подвластных тебе ромэев и бесстыдно называет еретиками правовернейших людей, от которых вера христианская разошлась по всем концам земли; ...как он, виновник схизмы, коварно притворствует, чтобы взвести обвинение на невинных; как, прикрываясь святостью, через слуг и вестников его воли не перестает никогда внушать латинянам называть отступниками от веры и вносящими соблазн тех, которые от начала обогащали благочестие и проповедовали мир всем странам; как издавна дьявольским внушением навеянную злобу к ромэям, которую не могли искоренить в течение продолжительного периода времени многие великие архиереи и слуги Христовы словом и делом и усердной молитвой, он, многообразно усилив ее, думает уничтожить в короткое время хитрыми словами и коварными внушениями? Откуда же это переняли наши архиереи поднимать оружие на христиан и вместо священной мантии облекаться в латы, вместо духовного жезла носить копья, вместо трости — лук со смертоносными стрелами, всуе держа в руках спасительное оружие креста? Какой вселенский или поместный Собор, какой сонм мужей-богоносцев передал это, объявил или заповедал? Если бы кто стал сомневаться, советую ему самому взглянуть на Собор святых кардиналов и архиереев, облеченных в военное всеоружие. Один имеет титул герцога, другой маркиза, иной графа; каждый владеет епархией, которою и командует. Один устраивает фаланги, другой повелевает отрядами, третий начинает сражение, некоторые исполняют обязанности начальников стана и знаменосцев. Вот каковы духовные и священные символы мира. Ужели так установили ученики Христовы? Увы, есть, однако, много неразумных, которые решаются приписывать им святость, каждодневно увеличивая число святых!.. Таковы ныне пастыри во Израиле: это не архиереи Церкви Христовой, но волки жадные, звери дикие, поедающие народ Христов. Сколько человек в Германии, Италии и окрестных странах по их вине убито, пленено

и обращено в бегство?»

Воззрения Фридриха II на неправды Римской Церкви, усвоенные им из сношений с Востоком, позволяют нам понять причины смятения в римской курии по поводу слухов о союзе и дружбе Конрада III с Мануилом. Аббат Вибальд, которому поручалось от имени папы принять всевозможные меры к исправлению развращенного ума Конрада, писал к кардиналу Гвидо:

«Я исполнил, о чем вы меня просили, долгим сожительством и постоянными убеждениями я внедрил в этого человека благое послушание и смирение».

Преемник Конрада (1152) Фридрих I Барбарусса также поддерживал хорошие отношения с Византией и, казалось, был готов содействовать планам Мануила в Южной Италии. Но скоро обнаружилось, что интересы Западной империи по отношению к Италии не совсем совпадали с притязаниями Восточной. В одно и то же время Фридрих и принимал меры к скреплению союза с Мануилом «для приращения владений и той и другой империй», и обязывался пред папой противодействовать попыткам греков утвердиться в Италии. Несостоятельность византийско-германского союза всякий раз обнаруживалась тогда, когда Западная или Восточная империя делала решительный шаг к осуществлению своих задач в Италии. Таким образом, питать широкие планы и лелеять надежду на восстановление нарушенной правды Византия могла до тех только пор, пока дело ограничивалось проектами и предположениями. Против осуществления притязаний Византии была и сама Западная империя, и папы, и норманны, и венецианцы. Действительный ход вещей и отношений на Западе в конце XII в. подготовлял почву не для торжества византийских идей, а для коалиции Запада против Восточной империи.

«Папство очень много было обязано норманнам и вовсе не имело интереса уничтожать их власти на Юге Италии. Кого иначе оно могло бы противопоставить немецким императорам. Но необходимо, чтобы норманны были покорными слугами и вассалами Римского престола. Всякий раз, как норманны уклоняются от своего призвания, римская курия противопоставляет им притязания той или другой империи или обеих вместе. Восточная и Западная империи одинаково имели притязания на господство в Италии, но для одной важнее было господство на юге полуострова, для другой — на севере его. Между ними возможно было, следовательно, временное соглашение, пока ни та, ни другая сторона не достигла своей ближайшей цели; но при одном только признаке ее достижения начиналось взаимное соперничество, и опасность для норманнов проходила благополучно. Когда гроза собиралась с той или другой стороны, норманны обращались с раскаянием к своим естественным покровителям; те в свою очередь опирались на них, чтобы не допустить Византию или Германию утвердиться прочно в Италии... Венецианская республика была естественной союзницей Византии, пока дело шло о том, чтобы не допускать господства норманнов на Адриатическом море, не позволять им утвердиться в Албании или на островах Ионических. Но венецианцам вовсе не было желательно, чтобы Византия утверждалась в самой Италии; это было бы для них то же самое, как если бы норманны утвердились на другом берегу Адриатики: оба берега в руках одной державы... Но у Венеции тоже были соперницы. Если Венеция была за норманнов, то Византии не представлялось особенной трудностью склонить на свою сторону Геную и Пизу».

Царю Мануилу представлялось одно средство выйти из заколдованного круга, в который его запер союз с германским императором, если он не желал покинуть свои мечтательные планы на господство в Италии. Предстояло искать союзников и друзей в самой Италии и действовать сообща с враждебными германскому императору элементами. Колебания в западной политике и попытки сблизиться с норманнами и папой, характеризующие вторую половину царствования Мануила, в первый раз обнаруживаются в 1158 г., когда был заключен мир между сицилийским Вильгельмом и Византией.

Король Вильгельм II, опасаясь замыслов германского императора, был склонен подать руку

царю Мануилу. В этом предположении не раз поднимался вопрос о браке сицилийского короля с Марией, дочерью Мануила. Но политика короля должна была сообразоваться с желаниями папской курии и с торговыми интересами Венецианской республики. Что касается до Рима, сближение его с Византией обуславливалось весьма энергичными мерами, принятыми императором Фридрихом I в борьбе с североитальянскими городами, и нимало не скрывааемыми намерениями его утвердиться в Южной Италии. Ввиду этой опасности интересы папы и сицилийского короля решительно склонялись в сторону союза с Византией. С 1167 г. начинаются сношения папы с царем Мануилом. Они исходили из обсуждения вопроса весьма живого и одинаково важного для Востока и Запада — об условиях объединения Восточной и Западной Церквей и о возвращении титула римского императора его законному обладателю, т. е. византийскому царю. И ранее и позже XII в. византийские императоры и папы много раз вступали в переговоры об унии; и нужно признать, что не столько догматические или церковные различия, сколько традиционные притязания на светскую власть служили главнейшими препятствиями к соглашению. Мануил, по-видимому, был искренно убежден в возможности достигнуть через союз с папой того, чего не мог приобрести в союзе с германским императором. Папа же не охлаждал доверия Мануила и поддерживал греческую партию в Италии до тех только пор, пока не примирился с Фридрихом I Барбаруссой. Между папой и западным императором скорее возможно было соглашение, чем между папой и византийским царем, что и показали итальянские события 1176—1177 гг., как видно будет далее. Прочность союза Византии с сицилийским королем зависела от тех отношений, в которых стоял к папе западный император, ибо значение норманнов в судьбах Италии падало или возвышалось сообразно с взаимным положением двух западных сил. Всячески старалась воспрепятствовать союзу с норманнами и Венеция, могущество которой на Востоке возросло именно под действием страха, насылаемого на Византию норманнскими набегами и завоеваниями. Сближение между норманнами и византийцами сделало бы венецианский флот не столь нужным для Восточной империи и могло бы повести к уменьшению торговых привилегий Венеции. Таким образом, и порвав союз с Гогенштауфенами, Мануил Комнин создавал себе много новых непреодолимых препятствий и затруднений для достижения мечтательных планов, от которых не мог отказаться до конца жизни.

Лучшим сравнительно успехом увенчалась итальянская политика Мануила в Ломбардской лиге. Византийское золото рассыпалось щедрой рукой для поддержания взаимной распри между отдельными итальянскими общинами и для подкупа доброжелателей и сторонников греческой партии. Вполне уже дознано, что в образовании союза ломбардских городов и в успешной борьбе их с германским императором принимали деятельное участие византийские комиссары и оплачиваемые ими наемники. Центром расположенной к грекам партии в Италии была Анкона. Здесь было складочное место греческого оружия и стоянка для флота, отсюда шли нити политической интриги против германского императора. Города Северной и Средней Италии вступили в союз для защиты итальянской независимости. Приверженцы Гогенштауфенов теряли уверенность и постепенно переходили на сторону лиги городов. Между значительными владениями Северной Италии оставался верным Фридриху Барбаруссе только Вильгельм Монферратский. Весьма натурально, что Мануил принимал близко к сердцу успех греческой партии в Италии и возлагал большие надежды на Ломбардскую лигу, которая стремилась, по-видимому, к той же цели, что и Византия, — к противодействию германскому императору. Именно с этой точки зрения любопытно взглянуть на тот неожиданный и в высшей степени странный поступок византийского правительства по отношению к проживавшим в Константинополе купцам, который относится к 1171 г.: имеем в виду приказание (12 марта 1171 г.) посадить в тюрьму всех венецианцев и конфисковать их имущество. В течение нескольких

последующих годов Венеция не только должна была прекратить торговлю с Востоком, но и прямо стать на сторону врагов Византии: она принимала участие в осаде Анконы в 1173 г. и пыталась заключить отдельный договор с норманнами, пока в 1175 г. Мануил не нашелся вынужденным «из страха перед коалицией западных держав» подтвердить за Венецией все прежние права с прибавкой вознаграждения пострадавшим в 1171 г.

Для благосостояния Венецианской республики было весьма важно, чтобы Византия не заручилась союзниками и друзьями на Западе и не имела владений на Адриатике. Между тем Мануил, помимо Венеции, почти достигал того и другого: отнял у угров Далматинское побережье с городами Сплетом и Зарой, а на противоположном берегу моря занял прочное положение в Анконе. Для Венеции, бывшей деятельным членом Ломбардской лиги, потерял всю важность вопрос о противодействии Гогенштауфенам и на первый план выступила необходимость борьбы с возрастающим влиянием греческой Анконы. Перемена политики должна была обнаружиться как в Италии, так и в Константинополе, где жило до 60 000 итальянцев, по преимуществу венецианцев и генуэзцев, давних соперников по торговле с Востоком. К 1170 г. Венеция и Генуя и в политике принадлежали к двум враждебным лагерям. В то время как первая, отделившись от Ломбардской лиги, пристала к сторонникам германской партии и тем прямо заявила себя противницей греческих притязаний в Италии, вторая, не принадлежавшая прежде к лиге, в 1169 г. заключила с Византией союз, направленный против Фридриха Барбаруссы, что обозначало переход ее в сторону лиги и византийской партии. Без всякого сомнения, Генуя имела уважительные причины изменить свою политику. В связи с ее переходом на сторону Византии должна рассматриваться золотая булла 1170 г., обеспечивавшая за нею торговые привилегии на Востоке и особое место для склада товаров и поселений в Константинополе. Предпочтение, оказанное генуэзским купцам, возбудило зависть и раздражение в венецианцах, которые и произвели самовольную расправу со своими соперниками, сделав нападение на уступленный им квартал. Трудно распознать, беспристрастно ли держало себя византийское правительство по отношению к этому столкновению и могло ли оно предупредить беспорядки. Более близким к истине представляется нам рассказ Киннама. Венецианцы, говорит он, вступили в открытую вражду с ломбардами (т. е. с генуэзцами) за то, что они отстали от союза с ними; в ожесточении они напали на генуэзскую колонию, предали ее пламени и разграблению и тем нанесли чувствительный вред своим соперникам. Мануил потребовал от венецианцев вновь выстроить разрушенные дома и вознаградить пострадавших генуэзцев за понесенные убытки. Венецианцы же не только не согласились на это требование, но и угрожали восстанием против греков. Тогда Мануил приказал посадить в темницу всех венецианцев и конфисковать их имущество. Легко видеть, что венецианцы подверглись слишком жестокому и несправедливому наказанию, если даже допустить полное невмешательство византийского правительства в распрю, сопровождавшуюся разграблением генуэзского квартала. Но именно эта радикальная мера против венецианских купцов, предшествуемая притом искусственным привлечением их в Византию, служит основанием обвинения Мануила в предумышленности и в подстрекательстве. Он видел, что Венеция становится ему на дороге в его итальянской политике и склоняется к союзу с Фридрихом I Барбаруссой. Торговая и политическая соперница Венеции, Генуя могла в свою очередь изменить Гогенштауфенам и пристать к Ломбардской лиге. В этих соображениях и пожалована была генуэзским купцам золотая булла, восстанавливавшая одну республику против другой.

Таким образом, указанные выше константинопольские происшествия в 1170—1171 гг. были отголоском тех сложных отношений, в которые впутался царь Мануил в Италии, преследуя мечтательные планы восстановления нарушенной исторической правды. Мы не будем

останавливаться на подробностях итальянской политики Мануила, подвергавшейся колебаниям и переменам сообразно с положением главных сторон, оспаривавших одна у другой победу, — лиги городов и германского императора. Существенный интерес дела заключается в том, что византийские притязания на господство в Южной Италии были далеко от осуществления и во вторую половину царствования Мануила, когда был порван союз с Гогенштауфенами. Перевес мог оказаться на стороне той или другой партии, но этим нисколько не обеспечивался выигрыш для Византии.

Поражение, нанесенное Ломбардской лигой Фридриху I при Леньяно (29 мая 1176 г.), казалось бы торжеством для византийской политики в Италии. Но стоит припомнить здесь одновременные события на Востоке, отвлекшие все внимание Мануила к войне с иконийским султаном, чтобы понять, как далека была в это время Византия от возможности авторитетно поддерживать свои притязания на господство в Южной Италии. Царь Мануил упустил случай воспользоваться благоприятным исходом борьбы или, лучше сказать, не так рассчитал вероятные результаты своей политики в Италии.

«Не победу Ломбардской лиги видели в Леньяно, но триумф папы Александра и католической Церкви. В глазах большинства это было не поражение императора, долженствовавшее разрушить его политические планы, а новый, последний и решительный суд Божий, поразивший и оглушивший схизматиков, осквернителей и грабителей Церкви».

Ближайшим результатом победы итальянской народной партии над германским императором был союз Александра III с Фридрихом I. Венецианский конгресс в июле 1177 г. установил отношения и обсудил спорные вопросы между императором и папой, Сицилийским королевством и Ломбардской лигой. Византия оставалась в стороне во время этих переговоров, наносивших последний и решительный удар ее притязаниям в Италии и соединивших против нее всех ее врагов. Венеция вступила в отдельный договор с норманнами и германским императором. Венецианский конгресс был таким же ударом для Византийской империи, как и поражение, нанесенное ей иконийским султаном при Мириокефале. Сблизив в одно и то же время враждебные Византии элементы на Западе, он был предвестником коалиции, завоевавшей в 1204 г. Константинополь и образовавшей на Востоке латинские государства.

Поражение при Мириокефале и Венецианский конгресс были весьма печальным результатом продолжительного царствования Мануила. Восточные и западные дела сложились так неблагоприятно для Византийского государства, что не могло оставаться сомнения в ошибочности системы, которую проводило правительство. Национальная партия, естественно, видела в поражениях Мануила возмездие за устранение от дел и невнимание к ее требованиям. Справедливая сторона представлений этой партии заключалась в порицании Мануила за отдаленные походы и широкие предприятия, тяжело отзывавшиеся на экономическом благосостоянии населения империи. Нужно было заботиться о развитии сил греческого народа, поднять национальный дух внутренними реформами, улучшением административной и финансовой системы, особенно же мерами против сосредоточения земель в руках знати и духовенства. Если бы Мануил благовременно обратил внимание на эти представления, то спас бы Византию от сильных потрясений, случившихся при его преемниках, когда национальная партия, став во главе управления, получила возможность предпринять радикальные реформы. Но тяжелые уроки и разочарования весьма разрушительно подействовали на царя, лишив его энергии и предприимчивости.

В итальянской политике не заметно существенных изменений в последние три года жизни Мануила. Опять завязались дружественные сношения с Римом, причем снова был поднят вопрос о соединении Церквей и о возвращении римской императорской короны византийскому царю. На Латеранском Соборе 1179 г. византийский уполномоченный Нектарий строго

отстаивал требования царя, на которые в Риме не могли согласиться. Надежды на утверждение в Италии при помощи папы еще раз, таким образом, были обмануты. Не прекращая, однако, сношений с папой, царь вместе с тем искал опоры в некоторых городах и независимых владениях Италии, не удовлетворенных положением Венецианского конгресса. Важнейшим завоеванием Византии в этом направлении было приобретение союзника в лице Конрада, маркграфа монферратского. В 1178 г. он не только предался на сторону греческой партии, но и организовал сильную оппозицию против полководца германского императора, Майнцского архиепископа Христиана, которому поручено было привести в исполнение постановления Венецианского конгресса. Во время борьбы Ломбардской лиги с Фридрихом I дом Монферратский стоял на стороне германской партии и пользовался особенным уважением императора. Должны были, конечно, существовать важные побуждения, заставившие Монферратский дом соединить свою судьбу с ослабленною последними событиями греческою партией в Италии. Монография Ильгена не совсем выясняет то обстоятельство, насколько пострадали интересы маркграфа монферратского вследствие Венецианского мира, в чем кроются, без сомнения, первые причины перехода Конрада на сторону Византии; политические же преимущества и материальные выгоды, приобретенные в новом союзе, были весьма значительны. Византийский царь почтил дом маркграфов родственным союзом, сберегавшимся до того времени для императорско-германского или королевско-сицилийского дома, причем за брата Конрада, 17-летнего юношу Райнера, сосватана была дочь Мануила Мария. Вместе с рукой царской дочери этот принц получил в Византии сан кесаря и богатые поместья.

Есть основания предполагать, что пожалования простирались и на весь дом маркграфов монферратских. Тесно связав судьбу своего дома с Восточной империей, Конрад сделался проводником византийских инструкций в Италии и успел образовать союз из Пизы, Лукки, Пистойи и Флоренции для противодействия Майнцскому архиепископу. К этому союзу примкнул потом граф Уголино из Сполето и другие. В конце сентября 1179 г. Майнцкий архиепископ попался в засаду в марке Анконской и был взят в плен союзниками греческого императора. Оставив его под крепкою стражей в Аквапенденте, Конрад отправился в Константинополь, чтобы известить о том царя Мануила и получить от него новые инструкции.

Что на плен архиепископа Христиана нельзя смотреть как на дело личной мести маркграфа монферратского, что это было одно из сложных предприятий, которыми царь старался расстроить новый порядок, созданный Венецианским конгрессом, видно из тех затруднений, которые в то же самое время испытал папа. Именно против Александра III снова поднялись противники его и провозгласили нового папу в лице Иннокентия III. Лишенный защиты с пленением Христиана, папа Александр III оказался снова в затруднительном положении, которое не раз уже заставляло его обращать взоры на Восток. В марте 1180 г. Мануил писал ему между прочим:

«Царство мое удивлено, почему твое святейшество не послало нам нунциев и не известило письмом о своем здоровье. Если вашему святейшеству благоугодно что сделать ради нашего единения и большого согласия, царство наше с удовольствием выслушает ваши предложения».

Чтобы лишить германского императора и папу лучшего дипломата и генерала, Мануил предполагал перевести пленного Христиана в Византию; но смерть его случилась ранее, чем этот удар нанесен был партии германского императора. К началу 1181 г. архиепископ Христиан освобожден был из плена за огромный выкуп. В Византии наступили смуты, положившие конец вмешательству греческого правительства в итальянские отношения. Поднявшая было голову национальная партия в Италии снова должна была смириться.

Из предыдущего следует сделать то заключение, что правительство царя Мануила, создавая разнообразные комбинации для осуществления притязаний на господство в Италии, до конца

оставалось последовательным и верным раз принятой системе. С изумительною настойчивостью Мануил преследовал цель восстановления нарушенной греческой правды, попеременно вступая для того в союз с германским императором, папой, лигой итальянских городов и независимыми властителями Италии. Ради достижения этой важнейшей для него цели Мануил должен был пожертвовать византийскими интересами на Востоке и возбудить справедливые неудовольствия среди населения империи. Национальная греческая партия порицала его за предпочтение, оказываемое иностранцам, и за всевозможные привилегии, щедро раздаваемые латинянам разного происхождения. Много было справедливого в этих порицаниях, хотя нельзя не признать, что в тяготении Мануила к Западу, в желании его вмешиваться во взаимные отношения латинских государств была скорее роковая необходимость, чем каприз деспотического правителя. И величайший политический гений в этом отношении не мог сделать более того, что сделал Мануил; ввиду возможности образования могущественной коалиции необходимо было разъединять и ссорить папу и императора, норманнов и венецианцев, необходимо было также располагать друзьями и союзниками в Италии. Когда одержала перевес национальная партия и изменилась внешняя политика Византии, коалиция, которой так боялся Мануил, действительно образовалась. Сознанием важности родственных и политических союзов на Западе объясняется и то, что Мануил ввел презираемый греками латинский элемент в семью свою. Мы говорили уже о браке цесаревны Марии с маркграфом монферратским; в то же самое время (1179) за малолетнего сына Мануила, будущего царя Алексея II, была помолвлена восьмилетняя Агнесса, дочь французского короля Людовика VII.

Глава 13. Северная граница. Сербы и Угры в XII в.

Северная граница империи при Комнинах получает важное значение вследствие особенных условий группировки отношений между славянами, уграми и венецианцами. В XI и XII вв. здесь готовится новая политическая сила, которой предстояло затем продолжительное время быть объектом воздействия со стороны латинской и греко-восточной Церкви, Германской и Византийской империи. Сербо-хорватские племена, весьма рано подвергшиеся влиянию романизма и римского духовенства, после разрушения Болгарского царства Василием II (1018) стали открыты для непосредственного влияния Восточной империи. Постепенно хорваты и сербы входят в круг тогдашней общей истории и организуются в большие государственные и племенные группы. Соперничество между двумя мировыми началами — романским и византийским — оказало большое влияние на оригинальную выработку истории сербо-хорватских племен. В то время как вдавшиеся наиболее на северо-запад словинцы и хорутане окончательно подпали под политическое и церковное влияние Запада, сербо-хорваты находились под двойным влиянием, как восточным, так и западным, и в политическом отношении выигрывали от взаимной борьбы этих влияний.

В рассматриваемую эпоху происходил любопытный процесс политической и государственной организации сербского племени и утверждение на сербском престоле династии Неманичей. Так как в этом процессе заключается объяснение многих проблем многострадальной истории сербского народа, то на него обращено серьезное внимание со стороны преимущественно сербских ученых, которыми до известной степени вскрыт высокий интерес эпохи¹⁵⁸.

Может теперь считаться вполне выясненным, что история сербского племени укладывалась сначала в двух центрах: в приморской области со столицей в Диркле (Зете) и в континентальной, загорной области, называемой Раса, на р. Ибаре, где находятся известные сербские монастыри Студеница и Жича. Диоклейским князьям из рода Стефана Воислава принадлежали приморские области от Скутари до Травунии и Захлумья (ныне Герцеговина). Князь Михаил от папы Григория VII получил королевский венец. В его королевстве господствовала католическая Церковь, центром римской миссии была архиепископия в Антивари. При короле Бодине в конце XI в. приморская Сербия заявляет притязания на те части, которые лежали за горами. Бодин завоевал Боснию и Расу. С XII в. начинается рост Расы и падение приморской Сербии. Происхождение княжеского, или великожупанского, дома в загорной Сербии до сих пор еще не может быть точно установлено. По мнению Л. Ковачевича, который приводит все литературные известия по этому предмету, отцом Немани нужно считать Завида из дома Волкана, одного из жупанов Расы. Он имел трех старших братьев, Тихомира, Страшимира и Мирослава. В Сербии господствовала удельная система, причем представители отдельных жуп спорили за власть с великим жупаном. Кроме внутренних мотивов, борьба между жупанами поддерживалась еще внешними политическими влияниями, исходившими из Угрии и из Византии. Вследствие частой смены лиц, занимавших великожупанский стол, почти невозможно установить преемственность их, оттого происходят трудности в установлении родословия Неманичей. Несмотря на внутреннюю слабость, Сербия в XII в. обнаруживает большую экспансивность, в особенности в восточном направлении, к Белграду и Нишу. Антивизантийская политика сербских жупанов имела сильную поддержку и, может быть, поощрение в угорских королях и в латинском духовенстве. Стефан родился в самом начале XII в. во время больших смут в Сербии. Отец его, имя которого не названо даже в том важном акте, в котором Стефан упоминает о своих предках¹⁵⁹, должен был спастись во время смут в свой

удел, откуда он и происходил, т. е. в Диоклею. Там, в местечке Рыбница, ныне Подгорица, родился Неманя. Весьма любопытна подробность, по которой можно судить о господстве латинского обряда в этой местности. Именно Неманя был крещен латинским священником, так как в Рыбнице была только латинская Церковь, а впоследствии, по возвращении в Расу, принял крещение во второй раз от местного епископа греческой Церкви во имя апостолов Петра и Павла.

Родоначальник знаменитой сербской династии есть вместе с тем и основатель самостоятельного сербского великого княжества, благодаря умной, частью военной, частью дипломатической, деятельности которого Сербия могла собрать отдельные жупы и колена под одну власть и начать организовываться в государственном и церковном отношении. В высшей степени скудный запас литературных сведений об этом периоде и полное отсутствие памятников, которые бы могли знакомить с культурой и духовными настроениями эпохи, служат причиной, что выступление Стефана Немани около 1170 г. в качестве великого жупана Сербии и военные его действия против царя Мануила Комнина являются мало понятными и ничем не подготовленными событиями. Колыбель династии была, несомненно, в Расе, в долинах Топлицы и Среднего Ибара, стольный город находился близ нынешнего Куржумля. Но при каких обстоятельствах происходил переворот, сколько принимали участие в этом венгерские и немецкие друзья, об этом можно лишь делать догадки. Но, по-видимому, здесь мы могли бы привлечь к делу совершенно оригинальный и мало еще использованный материал, который весьма ярко характеризует фамильные настроения в семье Неманичей. Эта семья насчитывала нескольких членов: в числе братьев Стефана упоминаются Тихомир, Страшимир и Мирослав. С именем последнего, имевшего удел в приморской Сербии, м[ожет] б[ыть] в Герцеговине, соединяется замечательный литературный памятник — известное Евангелие Мирослава от конца XII в. Мирославово Евангелие, сохранившееся в Хиландарском монастыре на Афоне, в 1896 г. поднесено было королю Александру, лично посетившему Афон, и в следующем году издано было в Белграде на личные средства короля¹⁶⁰. Это есть в одно и то же время и драгоценный памятник сербского языка и письма, и единственный свидетель сербской культуры и искусства конца XII в. Поэтому, прежде чем переходить к изложению исторических данных времени Стефана Немани, находим уместным сообщить здесь несколько наблюдений по отношению к этому художественному памятнику. Он писан в два столбца кирилловскими буквами и обильно украшен миниатюрами. Хотя эти последние составляют собственно заставные буквы к тексту, а не иллюстрируют содержание евангельских чтений, но, отличаясь многообразием и полнотой, равно как применением растительного, животного и архитектурного орнамента, они дают важный и содержательный материал для выводов. Независимо от всего прочего в Евангелии сохранились портретные изображения самого заказчика, «великославного князя Мирослава», и исполнителя — художника «дьяка Григория». Весьма вероятно, что и в некоторых других изображениях можно угадывать портреты современных деятелей. Кроме того, здесь находим изображение четырех евангелистов, Спасителя и святых. Но главнейшее богатство рисовальщика — звериный и растительный орнамент, который нуждается в специальном сравнительно-историческом изучении. Но что всего важней здесь отметить — это художественное влияние и образцы, которые воспроизводит автор. Самым существенным признаком древнесербской истории нужно признать то, что она постоянно находилась под двойным культурным влиянием, исходившим из Западной Европы и из Византии. Приморские области почти вполне подпали под влияние латинской Церкви и западному влиянию, внутренние же области с центром в Расе не были под исключительным влиянием Запада, так как здесь византийские влияния боролись с латинскими. Нужно полагать, что западная, приморская часть Сербии, где преобладали латино-германские влияния, шла иным

путем развития уже в древнейшие времена. Мирославово Евангелие служит прекрасным показателем основного культурного течения, о котором мы говорим. Главнейший материал миниатюр может быть сближаем с памятниками каролингской культуры, а не византийской. Вообще в художественном отношении исполнитель рисунков находился под влиянием западноевропейских образцов; в этом легко убедиться, взяв любое изображение, в котором реальность и живое наблюдение природы выдают себя при первом взгляде. К счастью, в Мирославовом Евангелии сохранились образчики и другого стиля, таковы три евангелиста на выходном листе, представляющие византийские типы. Если с этими типами сравнить изображение евангелиста Иоанна на 40 л. рукописи, то разность типов и школ вполне выяснится даже для незнакомого с техникой живописи и с тонкостями западного стиля и византийской школы. Как самый бьющий в глаза пример, укажем изображение Иоанна Крестителя (л. 40) с подписью «Жван Батиста» и для сравнения с ним — лики трех евангелистов на выходном листе. Последние написаны по типу византийской живописи и притом едва ли даже тем же художником, дьяком Григорием, а первый лик совершенно совпадает со всеми фигурами, изображающими Спасителя и святых¹⁶¹. В частности, что касается портретных изображений в княжеской короне, кроме самого Мирослава, написанного (л. 93) сидящим на высоком престоле со скипетром в левой руке и с правой рукой, приподнятой с жестом приказания к юноше с опахалом, нужно обратить внимание на изображение с короной на голове и скипетром в правой руке, в византийском парадном облачении (л. 48), которое не принадлежит Мирославу и едва ли может быть истолковано применительно к тексту об Ироде. Весьма вероятно, что в этом изображении следует видеть кого-нибудь из братьев Мирослава, сыновей Завиды. Если бы это был сербский великий жупан Неманя, то, конечно, миниатюра рассматриваемого Евангелия этим выиграла бы еще больше. Заканчивая этим замечание по поводу единственного по значению литературного и художественного памятника древней истории Сербии, мы должны присовокупить, что в художественном отношении рисунок Мирославова Евангелия далеко ниже современных византийских миниатюр. Достаточно указать хотя бы на миниатюры Серальского Октатевха¹⁶², принадлежащего также к XII в. и иллюстрированного по заказу сына Алексея Комнина, севастократора Исаака. Струя западных влияний в сербском искусстве, даже в церковном строительстве и в росписях древних монастырей, непрерывно продолжается во весь период сербской истории до турецкого завоевания. Лучшим примером того служит романский стиль архитектуры Дечанского монастыря и живопись в храме Дечан, сделанная мастером, прибывшим из приморских областей, из Котора. До какой степени глубоко коренятся в Сербии западные культурные и латинские церковные влияния, можно видеть из признаний глубоко страдавшей души знаменитого сербского ученого и не менее крупного политического деятеля Стояна Новаковича, высказанных перед союзнической войной 1912—1913 гг.¹⁶³ Значение католицизма и влияние католической Церкви на сербский народ, говорит другой сербский ученый, было весьма сильно в течение всего средневековья, в особенности в западных областях Сербии; оно может быть засвидетельствовано и в политической, и религиозной, и культурной жизни нашего народа. Влияниями католической Церкви, настойчиво повторяет автор, пропитана жизнь всего сербского народа¹⁶⁴.

Намеченная выше проблема представляет собой характерную черту сербской истории и до известной степени может быть выяснена с точки зрения географического положения сербской территории на боевом месте, где сталкивались притязания латинского и греческого обряда. Поэтому в историческом отношении гораздо важнее осветить сербскую историю XII в. с точки зрения борьбы указанных церковных обрядов, чем заниматься изложением скудно освещенной источниками внутренней смуты и процесса образования великокняжеской власти и подчинения великому жупану Расы мелких жуп и уделов как в континентальной, так и в приморской

Сербии.

В рассуждении вопроса о церковной организации в землях, занятых сербским племенем, можно отправляться от того наблюдения, что церковная организация в средние века упорней выдерживала натиск и с большим успехом боролась против разрушительных элементов, внесенных иммиграцией славян, чем политическая организация. Часто не находим никаких следов гражданского управления и администрации в прежних имперских областях, между тем как представители епархиального управления — архиепископы и епископы — выставляют свои притязания на ту или другую область как принадлежавшую прежде к их епархии. Границы церковных епархий нередко остаются единственным мотивом к определению гражданской принадлежности известной области или населяющего ее племени, когда настояла необходимость устанавливать область взаимного влияния двух Церквей ¹⁶⁵ или двух империй. Переходя к западной части Балканского полуострова, находим, что здесь церковная организация выражалась в двух учреждениях: Сплетская архиепископия и Драчская. Нет сомнения, что епархиальные права той и другой ограничивались главнейше приморскими областями, внутренняя же область, занятая языческими племенами, лишь постепенно, с успехом христианской миссии между славянами, могла присоединиться к названным церковным организациям. Большой переворот в церковном управлении произошел здесь вследствие известного акта Льва Исавра, присоединившего церковные области Солунского викариатства и архиепископии Первой Юстинианы в 732 г. к Константинопольской патриархии. По этому акту все церковные области, занятые сербским племенем, были отторгнуты от Рима и вошли в состав Константинопольской Церкви. Таким образом, и западная часть Балканского полуострова, за исключением Сплетской архиепископии, оставшейся за Римом, подверглась непосредственному воздействию патриархата. Этим был нанесен большой ущерб Римскому престолу, следствия которого долго давали себя чувствовать во взаимных отношениях Запада и Востока. Центром как церковного, так и гражданского управления в Далмации был Драч: феода этого имени охватывала в административном отношении Новый Эпир и Превали, а в церковном к Драчской архиепископии принадлежали епископии Дукля, Скодра (Скутари), Дриваст, Пилот, Ликонида, Антивари ¹⁶⁶. В высшей степени важным обстоятельством для всего последующего развития истории Сербии было то, что она в церковном отношении подпала двум учреждениям: Сплету и Драчу.

Присоединение к обряду Греческой Церкви значительной части славян Балканского полуострова вследствие проповеднической деятельности св. Кирилла и Мефодия придало особенное напряжение борьбе римского и греческого обряда и в сербских землях. Эта борьба развивается и на политической почве, так как в IX в. сербские племена начали организоваться в государственные группы по двум центрам, в Зете и Расе. Никогда, может быть, славянство не выступало с такой энергией в истории, и никогда латинская Церковь и немцы, непосредственные соседи славян на западе, не чувствовали такой реальной опасности от славянства, скованного, как молотом, единым славянским литературным и богослужебным языком, как в IX в., миссионерской деятельностью славянских просветителей ¹⁶⁷. Этим сильным подъемом славянства византийское правительство искусно воспользовалось в политических целях и, между прочим, простерло свои притязания на те области, которые оставались еще за Римской Церковью, разумею владения Сплетской архиепископии, которая простиралась до Дуная и на юге захватывала Дубровник и Котор. Но в X в. Римская Церковь удержала за собой области, входившие в Сплетскую епархию, хотя в направлении к востоку пределы ее значительно ограничивались. Принадлежность территории Расы в церковном отношении представляет много неясного, но, по всей видимости, сначала она входила в епархию Драча, а потом, с концом X в., составляла часть Охридской архиепископии. Таким образом, в церковном

отношении сербские земли принадлежали частью Охридской кафедре, частью Драчской, частью Сплетской, последняя зависела от Рима.

Легко понять, как неблагоприятно отражалось это на попытках государственного объединения сербов. В XI в., как говорено было выше, в Диоклее, или Зете, образовался центр под главенством дома Воислава, но одни из его областей относились к Драчской, другие к Сплетской, а некоторые к Охридской архиепископии, и притом ни одна из этих архиепископии не входила собственно в его княжение. Нужно вспомнить, что в это время происходили горячие споры между Восточной и Западной Церковью и что вопрос о том, на какой стороне останется влияние между сербами, был вопросом большой политической важности. Вот почему так благоприятно было разрешено дело о королевском титуле и о венчании сына Воислава Михаила (1077)¹⁶⁸. Чтобы оценить политическую важность акта, нужно принять во внимание, что папа Григорий VII, принимая Михаила в послушание Римской Церкви, не только лишал Константинопольский патриархат некоторых епархий, но и наносил смелый удар империи за иконоборческий акт, которым Лев Исавр отчислил от Римской Церкви западные части Балканского полуострова. И не столько самый акт получения короны из Рима, сколько другие церковно-административные распоряжения, приведенные тогда в исполнение, определили политический характер сербских земель. Таково было учреждение Дуклянско-Барской архиепископии (1067), которой подчинены были области королевства Михаила и в которой сербская территория, находившаяся под его властью, получила независимую церковную организацию.

Не будем делать догадок насчет того, почему для сербских владений потребовалось основать новое церковное управление и почему в этом отношении принесены были в жертву церковные права Скутари. В новую архиепископию вошли все епископские города, рассеянные прежде по разным церковным управлениям, а это придало единство и самостоятельность территориям, зависевшим от короля Михаила, и давало ему возможность быть полным господином в своих владениях и направлять к одной цели гражданское и церковное управление; с другой же стороны, папская канцелярия административным устройством Церкви в сербских землях возвращала себе значительную часть Иллирика, получала вновь прямое влияние на Балканском полуострове и вместе с тем наносила ущерб притязаниям Константинопольского патриархата.

Но намеченный порядок продолжался только до начала XII в., когда, с одной стороны, завоевательное движение в Хорватию и Далмацию угорских королей, с другой же — укрепление политического центра восточных сербов в Расе должно было произвести полный переворот в создавшихся здесь политических и церковных отношениях.

Прежде всего политический переворот соединился с темной, большею частью в тиши епископских канцелярий подготавливавшейся фальсификацией церковных грамот и привилегий, на основании которых старались возвысить свои церковные права одна архиепископия на счет другой. Сплет, Дубровник и Бар соревновались на этом поприще и пустили в оборот множество подложных грамот и привилегий, перевес в борьбе склонился в пользу Дубровника. Последний акт в пользу архиепископии Бара относится ко времени папы Калликста (1119—1124) и дан на имя архиепископа Илии, за которым признаны прежние права и власть *per Slavoniam atque Dalmatiam*. Но после того, в связи с начавшимися в Сербии смутами и соперничеством между князьями Зеты и Расы, прерываются непосредственные сношения между Римом и сербскими церковными властями, и вместо архиепископа Бара выступают на сцену Сплетские архиепископы. Не далее как в 1139 г. папа Иннокентий II называет архиепископа Сплета «единственным для всей Далмации архиепископом» и делает распоряжение, чтобы по всем делам далматинской Церкви Соборы собирались именно в Сплете. Но около того же времени

появляются привилегии в пользу Дубровника, оправдывающие его притязания на те же епархии, которые частью входили в Сплетскую и Барскую архиепископию. Папа Анастасий IV в 1153 г. признает за архиепископом Дубровника те же права, что его предшественник в 1139 г. утвердил по отношению к Сплету. По всей вероятности, эта особенная милость к Дубровнику должна быть объясняема влиянием Венеции. Во время схизмы в Риме, начавшейся в 1160 г., эта последняя, приняв сторону папы Александра III против Фридриха I Барбаруссы, начала играть важную роль в той политической комбинации, которая образовалась в это время под главенством царя Мануила и Римского Папы. Александр III, желая удержать на службе церковных интересов Венецианскую республику, легко мог склониться на ее защиту притязаний Дубровника.

Предыдущие наблюдения бросают достаточный свет на церковную зависимость земель, входивших в состав Сербского княжества. Но эти наблюдения главнейше имеют применение к приморской, или западной, части Сербии с политическим центром в Зете. В восточной же части, в особенности с началом борьбы из-за политического преобладания между Расой и Зетой, окончившейся в пользу великого жупана Немани, церковные отношения подвергались еще более сложным влияниям, которые предстоит нам теперь рассмотреть в связи с политикой царя Мануила и его походами на северо-западную границу империи.

Княжеский род Восточной Сербии состоял из многочисленных членов, которые находились между собой в борьбе из-за преобладания и делились на партии, из коих одна находила поддержку в соседней Венгрии, другая — в Византии. Попеременно одерживала верх то венгерская, то византийская партия, и в связи с этим происходила частая смена великих жупанов. Несмотря на крайнюю скудость известий, которая препятствует бросить надлежащий свет на события, происходившие в Восточной Сербии, нельзя не отметить ярко выдвигающегося факта — враждебного движения сербов по направлению к Восточной империи, в долину Косова поля и далее на Белград и Ниш. Но по естественному ходу вещей, делая завоевания на восток, в пределах распространения сербского элемента, сербские великие жупаны постепенно входили в сферу влияния Охридской архиепископии и в церковном отношении сливались с Константинопольским патриархатом. Таким образом, мало-помалу подготовлялись в Восточной Сербии культурные и церковные отношения, делавшие из Сербии любопытный в историческом отношении пограничный сторожевой пункт, на который и по настоящее время с одинаковым напряжением идут с Востока и Запада культурные и церковные влияния.

«Славянские священники Македонии и Болгарии были к ним ближе, чем латинские и албанские епископы и клирики приморской области Адриатики; точно так же им были легко доступны славянские книги Климента Охридского, эксарха Иоанна, епископа Константина и др.»¹⁶⁹.

Епископ Расы становится с течением времени главным епископом в Восточной Сербии и основным церковным учреждением для автокефальной Сербской Церкви.

Выше было замечено, что отношения между Сербией и Византией находились в некоторой зависимости от успехов движения угорских королей к Адриатическому морю. Колебания Сербии между венгерским и византийским политическим и церковным влиянием должны были прекратиться после того, как последний из даровитой династии Комнинов¹⁷⁰, Мануил, энергичным выступлением на Балканском полуострове значительно укрепил и вместе с тем расширил сферу влияния Византийской империи. О значительном распространении византийского церковного влияния свидетельствуют постройки времени Комнинов. Такова церковь в селе Нереси, близ Скопии. Есть прекрасное место о сербах и занимаемой ими стране, принадлежащее умному и наблюдательному современнику, Вильгельму Тирскому, который в 1168 г. был в Восточной Сербии в качестве посла к царю Мануилу Комнину¹⁷¹.

«Царь находился в это время в Сербии, стране гористой, покрытой лесами и не имеющей

путей сообщения, она занимает середину между Далмацией, Венгрией и Иллириком. В то время сербы подняли восстание в надежде на недоступность горных проходов, ведущих в их дикую страну. Это народ, лишенный культуры, чуждый дисциплины, живущий в горах и лесах и незнакомый с сельским хозяйством. Главное богатство обитателей состоит в стадах домашнего скота, в молоке, сыре и масле, также в добывании меда и воска. Находятся под управлением старшин, называемых жупанами¹⁷², которые то находятся в подчинении у императора, то, выступая из своих лесов и гор, опустошают окрестные страны, будучи смелыми и храбрыми воинами. Именно вследствие невыносимых бедствий, испытываемых от них соседними областями, император предпринял против них поход с большим мужеством и сильным войском. Подчинив их и захватив в плен их главного жупана, император возвращался из похода, когда мы после многотрудного пути встретили его в провинции Пелагонии... подле древнего города Первая Юстиниана, что ныне называется Охридой».

Первые упоминания о сербах при царе Мануиле относятся ко времени осады Корфу в 1149 г. По всей вероятности, по подстрекательству угорского короля великий жупан Урош II отказал Мануилу в повиновении и тем вызвал победоносный поход в Старую Сербию, окончившийся завоеванием Расы и опустошением окрестных мест. Было бы излишним следить за походами Мануила к сербским и угорским границам, которые повторялись чуть не ежегодно, если только восточные дела не отвлекали внимания царя. Эти походы, имевшие целью то защиту придунайской границы, причем военные действия происходили у Белграда, Браничева и Ниша, то направлявшиеся в Македонию и Албанию, представляют для нас отдаленный интерес и заслуживают внимания лишь по степени участия в событиях основателя сербской династии. Именно в самом начале второй половины XII в. преобладание в Сербии получает сын или брат Уроша именем Деша, в котором не без основания признают Стефана Неманю. Попытки объяснить происхождение имени до сих пор не увенчались успехом¹⁷³ и едва ли не должны быть направлены в венгерский именослов, так как действительно взаимное влияние Венгрии на Сербию и обратно было глубокое и разнообразное. Вследствие решения, вынесенного царем Мануилом в 1155 г., Деша получил удельное княжение и был принужден на некоторое время довольствоваться второстепенным положением. С 1161 г., однако, он вновь становится великим жупаном, и с тех пор довольно определенно обозначаются политические тенденции национального объединения и государственной организации. Это видно прежде всего из его политических и брачных союзов с европейскими государствами (брачный союз с венецианским домом); это видно также из его решительных мер по отношению к князьям Зеты и попыток подчинения Расе приморской Сербии.

Нужно думать, что утверждение Стефана Немани в звании великого жупана происходило при содействии византийского императора и может быть относимо к 1159 г. В это время ему было около 46 лет, он уже мог иметь определенный взгляд на политическое положение своего отечества и оценил весь вред, проистекавший от колебавшегося положения между двумя культурными и религиозными влияниями. Не без борьбы со своими родичами достиг Неманя главенствующего положения. Но что касается участия Византии в сербском перевороте, об этом слишком трудно судить по скудости известий. В 1161 г. Мануил предпринял поход на Балканский полуостров с целью урегулировать сербские дела. По этому случаю у писателя Никиты Акомината¹⁷⁴ находим следующее известие:

«Царь остановился в Филиппополе. До него дошли известия, что повелитель сербов — а таковым был тогда Стефан Неманя — сделался не в меру дерзким и, питая несбыточные замыслы и водимый ненасытным честолюбием, замышляет на все положить свою руку и жестоко притесняет своих соплеменников и истребляет своих родственников. Не удовлетворяясь границами своего княжества, старается подчинить Хорватию и наложить власть

на удел Которский. Желая удостовериться в расположениях Немани, царь посылает к нему Феодора Падилта; но сербский жупан так возмечтал о себе, что начал войну без предварительного об ней уведомления. Когда же царь заблагорассудил наказать его, то, появившись на короткое время на месте битвы, он скрылся и снова искал убежища в горах и за камнями. Затем, когда у него поубавилось спеси, он преклонил свою голову к ногам императора, растянувшись во всю длину своего огромного роста и прося о помиловании. Он мучился опасением, как бы не лишиться власти над сербами и как бы господство не перешло к тем, за которыми больше прав и которых он низверг, захватив сам верховную власть».

Хотя приведенные слова отзываются риторическим пафосом и не могут быть принимаемы в дословном значении, но в них все же можно видеть взгляд византийского современного писателя на условия, при которых произошло усиление Немани. Последний весьма искусно пользовался историческими событиями и международными отношениями, обещая верность империи, если Мануил подступал к пределам Сербии, и становясь на сторону его врагов, когда военные силы империи были заняты в другом месте. О внешних сношениях Сербии и о значении ее политических связей с западными народами находим указание у историка Киннама¹⁷⁵, который едва ли не по поводу упомянутого сейчас похода Мануила дает следующие сведения:

«Между тем сербы, по подстрекательству к тому со стороны венецианцев, подняли восстание, в то же время и в Венгрии по смерти Стефана начались смуты. Посему Мануил пошел в Сардику (ныне София) и поставил королем над уграми Белу, который был женат на сестре августы и носил титул кесаря^{*}. Устроив угорские дела, царь обратился против угров, чтобы обуздать их дерзость. Но, чему не могу я надивиться, прежде чем собрался весь отряд, царь с немногими тысячами, прошедши через крутые и утесистые места, вступил в Сербию и поспешил напасть на великого жупана. Он же, хотя имел у себя большое союзное войско, оставил поле сражения и, томясь страхом, отправил к царю послов и просил прощения в своих проступках... Когда же ему разрешено было явиться к царю лично, подошел к царскому престолу с непокрытой головой, с голыми руками и необутый. На шее его висела веревка, в руках меч, всего себя он поручал в полное распоряжение царя. Тронутый этим, Мануил простил его и вышел из Сербии в сопровождении великого жупана».

Изложенный эпизод, так рельефно описанный у византийских историков, должен быть помечен 1172 г. К этому времени положение Стефана Немани выясняется довольно определенно. То, что представляется с точки зрения Византийской империи бунтом или восстанием, должно быть понимаемо как стремление к расширению политического влияния сербского великого жупана столько же на приморскую Сербию, как и на соседние византийские области, т. е., с одной стороны, на Зету с городом Котором, с другой — на линию Белград — Ниш.

По-видимому, последовавшие затем события должны были окончательно определить отношения Сербии к империи. В 1172—1173 гг. Стефана встречаем в Константинополе, хотя не можем с точностью сказать — пленником или почетным гостем. О пребывании Стефана в столице сохранилось современное известие Евстафия Солунского:

«Не могу пройти молчанием Стефана Неманю, о котором и прежде, пока я не знал его, доходила до меня громкая молва, а незадолго перед сим я был приведен в изумление его внешним видом. Это был человек не того роста, какой природа обыкновенно уделяет людям, но гораздо выше всех людей и имел весьма внушительную внешность. Он прежде питал враждебные замыслы против царя и сопротивлялся ему и вел войну, но скоро, усвоив добрые расположения частью из страха, а больше из-за поражений, ныне и сам содействовал триумфу... Бросает взоры на те картины, которые изображают твои подвиги, написанные руками зографов,

замечает и другое, и то, что живописует его историю: вот он возбуждает народ к восстанию, вот в другом месте учит оплита, всадника, и указывает, как братья за меч, а там ставит войско в боевой порядок, готовится засаду; и, наконец, картину победы над ним и бегства его по долине и по утесам. И все это видя изображенным, кивком головы и одобрительным взором дает понять, что все это правда. В одном лишь отношении недоволен живописцем, что не на всех сценах дает ему наименование раба и не присоединяет к имени Немани свойственное ему звание раба»¹⁷⁶.

Приведенные свидетельства могут служить достаточным указанием на то значение, которое начали приобретать сербы в царствование Мануила, вместе с тем на основании их трудно заключить, что Стефан Неманя был в Константинополе в качестве пленника.

Хотя не сохранилось никаких данных об условиях, заключенных в это время между Неманей и царем Мануилом, но нужно полагать, что с тех пор не повторялись больше те недоразумения, которые служили поводом к походам в Сербию. В значительном военном предприятии против султана Кылыч-Арслана II в 1176 г. на стороне греков были сербские и венгерские вспомогательные отряды. Насколько позволяет судить неопределенность источников, поставка вспомогательных отрядов на европейские и азиатские войны составляла одно из существенных условий зависимости сербского великого жупана от империи. Можно думать, что до смерти Мануила не нарушались мирные отношения между царем и великим жупаном.

В высшей степени затруднительно было точно установить церковный порядок в Сербии ввиду двойственности религиозного обряда, православного в восточных областях и католического в западных. При том порядке вещей, который намечается в деятельности Немани, можно было опасаться, что возникнет церковная борьба и что на этой почве встретятся затруднения, которые затормозят его административные мероприятия, клонившиеся к государственному объединению сербского народа. Тем более можно было ожидать сильной борьбы, что как для Константинопольского патриархата, так и для Римской Церкви представляло немаловажный интерес, куда в конце концов склонится сербский великий жупан, на сторону Восточной или Западной Церкви. Внутренние меры, которыми была предупреждена указанная опасность, были приняты весьма целесообразно, хотя мы можем об них судить только по результатам и лишены возможности вникнуть в настроение этого весьма крупного в сербской истории деятеля. Несколько определенной рисуется его неумолимая строгость в подавлении богомильской секты, которая угрожала пустить корни и в Сербии, как успела уже распространиться в Македонии и Болгарии. Вследствие беспощадных преследований последователи богомильского учения перешли в соседнюю Боснию, где и основались под покровительством либеральных боснийских банов.

«От начала своей политической деятельности, — говорит современный историк Сербии, — он усматривал в религии весьма важный фактор государственной и народной жизни. Согласно этому принципу и в этом направлении он положил много труда в надежде, что в этом найдет вспомогательное средство для достижения своих политических планов. Но, кроме того, и сам он был искренний христианин. Наиболее важный вопрос в церковном отношении — об отношении основанного им в Расе государства к Риму и Царьграду — Неманя решил практическим способом. Государственной верой он признал ту, к которой была склонна большая часть населения тех областей, которые составляли ядро его державы и которую он считал наиболее соответствующею духу сербского народа. Но в то же время он не думал разрывать с Западом и с римской курией, которая тогда достигла зенита своей славы и могущества. Напротив, он старался поддерживать хорошие отношения с западными державами и с представителями католической Церкви, имея в виду опереться на них в борьбе с Византией. К этому побуждало

его, независимо от всего прочего, и то, что в его державе, особенно в приморской части, было много католиков. С ними нужно было ему считаться и потому, что они составляли большинство населения, в особенности тех областей, в которых особенно преобладали сепаративные направления и которые незадолго перед тем составляли самостоятельное княжество и были центром сербского народа. Такое отношение к Византийской Церкви, папской курии и к Западу Неманя поставил государственным принципом и должен был выступать против всякого, кто не был на стороне этого принципа».

Мы возвратимся еще к Стефану в одной из следующих глав. Со смертью Мануила в 1180 г. в Византии наступил такой критический момент, какого современники не могли предугадывать. Все составные части обширной, но разноплеменной и не спаянной идеей национальности и государственности империи стали стремиться к особности и к самобытной организации¹⁷⁷. Сербский великий жупан не был застигнут врасплох наступившим кризисом и прекрасно воспользовался им в целях национальной политики.

Нам остается в настоящей главе сделать несколько замечаний по отношению к Венгрии, так как она в XII в. слишком определенно входит в русло византийской и славянской реки. Несомненно, этим объясняется и то счастливое положение венгерского вопроса в русской науке, благодаря которому мы можем без больших затруднений выяснить сущность его¹⁷⁸. Родственные связи венгерских королей с великокняжеским киевским домом, постоянный обмен посольствами, проживание венгерских принцев в России и русских в Венгрии — все эти обстоятельства содействовали большому оживлению в Венгрии славянских симпатий и в то же время пробуждали готовые заглохнуть воспоминания о греческом обряде и славянском богослужении. В связи с этим, конечно, нужно обсуждать и весьма интимные отношения угорских Арпадовичей с Комнинами, которые в смысле противовеса вызывали экстренные меры со стороны Гогенштауфенов для усиления в Венгрии германского влияния и католицизма. Таким образом, здесь находила применение та же культурная и религиозная борьба, какую мы подметили при обозрении событий на западной границе. Укажем самые главные факты.

Дружественные связи открываются браком Иоанна Комнина с дочерью св. Ладислава, следствием которого было неоднократное вмешательство со стороны империи в угорские споры из-за власти и укрепление в Венгрии византийского влияния. Сын венгерки, царь Мануил, которого западные планы завели слишком далеко в ущерб интересам империи на Востоке, считал вполне достижимой задачу обращения Венгрии в вассальную зависимость. Для этого он принимал к себе недовольных принцев королевского дома и поддерживал их в междоусобной войне. С такой целью он оказывал поддержку князю-изгою Борису Коломановичу, равно как князю Стефану, брату Гейзы и дяде Стефана III. Мануил достиг в Венгрии преобладания: его посаженик был на престоле королевства, византийские отряды поддерживали царского кандидата.

Наиболее усилилось в Венгрии византийское влияние со смертью короля Гейзы II (1161), когда престол занял несовершеннолетний сын его Стефан III, которому предстояло вынести отчаянную борьбу с внутренними врагами. Прежде всего два его дяди, Стефан и Владислав, подстрекали царя Мануила предъявить к Венгрии требования о восстановлении их прав на власть, обещая за то верность и преданность империи. Вмешательство в угорские дела подавало Мануилу надежду завладеть дунайскими укреплениями Срем и Землин и вместе с тем возвратить власть в Далмации, утраченную вследствие венгерских завоеваний. По-видимому, уже была предрешена и дальнейшая судьба Венгрии, так как королевич Стефан, женатый на племяннице бездетного Мануила, был рассматриваем как возможный наследник угорского престола, со временем имеющего соединиться с империей. Но расчеты претендента не оправдались, в Венгрии он не нашел к себе расположения. Мануил решил начать военные

действия, двинул войско к Браничеву и Белграду и достиг того, что в Венгрии произошел переворот в пользу его приверженцев и подручников королевичей Владислава и Стефана. Первый правил только полгода, и за его смертью власть переходила в начале 1162 г. к его брату Стефану. Но и положение последнего оказалось непрочным, так как он должен был скоро бежать из Венгрии и вновь искать покровительства у Мануила. Находя, что Стефана трудно утвердить на угорском престоле, Мануил должен был согласиться признать прежний порядок вещей, установленный Гейзою II, и поддержать на престоле сына его, малолетнего Стефана. Но вместе с тем он принял в качестве заложника второго сына Гейзы, Белу, которого задумал обручить со своей единственной дочерью Марией, имея план приготовить в нем наследника престола для империи и вместе для Угрии. В переговорах о брачном союзе было между прочим выговорено условие о признании за Белой удела Далмации. Когда в 1163 г. прибыл в Константинополь королевич, ему были дарованы исключительные привилегии причислением к царской семье и возведением в сан деспота; новое имя Алексея обозначало, вероятно, его присоединение к православной Церкви. Но притязания Мануила на владение Далмацией как уделом Белы встретили отпор в правительстве короля Стефана и вызвали открытую войну с Мануилом, в которой на стороне угров были чехи и князь Ярослав Владимирович Галицкий. Главные действия происходили на Дунае в области Землина и Белграда и в Далмации. Так как важная пограничная крепость на Дунае переходила не раз из одних рук в другие, то Мануил не мог считать обеспеченным свое положение здесь, пока не закрепит за империей спорную область (1165). В то время как была предпринята осада Землина, окончившаяся падением его, Мануил тогда же послал войско в Далмацию под начальством Иоанна Дуки. По-видимому, это был очень удачный поход, так как он имел последствием восстановление власти империи не только на береговой приморской полосе, но частью в Хорватии и Босне. Киннам указывает 57 городов, перешедших тогда под власть империи¹⁷⁹. Таким образом, Сремская область и сербо-хорватские владения Венгрии перешли к Византии и оставались за империей до смерти Мануила.

В ближайшее затем время в Константинополе сделаны были распоряжения о том, чтобы наследство императорской власти обеспечено было за Марией и супругом ее деспотом Алексеем-Белой; в пользу их потребована была присяга на верность, которая вызвала протест со стороны брата царя Андроника¹⁸⁰. «Нелепо, — говорил он, — считать византийца недостойным женихом для своей дочери и предпочитать иноземца и пришельца и ставить ромэев в подчинение ему». Тем не менее в планах Мануила приобщение угорского царевича к царской династии было средством к тому, чтобы закрепить влияние Византии над Угрией. Новая победа, одержанная царем над уграми в 1167 г., действительно закрепила за империей ее завоевания как на Дунае, так в особенности в Далмации.

Весной 1169 г. у Мануила родился сын от его второй супруги Марии. Это в корне изменяло его планы относительно наследства престола и нарушало сделанные ранее распоряжения в пользу угорского королевича. Но что предстояли в этом отношении немалые затруднения, видим из того, что новорожденный царевич Алексей не был сейчас же сопричислен к власти, и Алексей-Бела продолжал пользоваться титулом и правами наследника. В Венгрии также рождение царевича Алексея должно было поднять тревогу, так как и там значительная политическая партия надеялась на перемену в положении Венгрии в случае получения Белой императорского венца. Но при жизни сына Гейзы, короля Стефана, умершего в 1173 г., не последовало новых столкновений между Угрией и империей. Лишь по истечении трех лет по рождении наследника, т. е. в 1172 г., Мануил опубликовал акт, которого давно ждали: наследником был объявлен царевич Алексей, а деспот Алексей-Бела не только лишился прав на наследование, но вместе с тем и на руку царской дочери. Это, однако, не обозначало немилости,

потому что за венгерского принца была сосватана Агнесса, свояченица царя, недавно прибывшая из Антиохии, причем ему пожалован сан кесаря. Смерть бездетного короля Стефана в начале 1173 г. открывала Беле прямой путь на наследство в Венгрии. Если придавать веру современному известию Арнольда Любекского, то король умер от яда, поднесенного ему подосланными людьми от его брата (т. е. Белы). Как бы то ни было, смерть Стефана была давно желаемым для Мануила обстоятельством наложить руку на Венгрию и ограничить ее политическую свободу. Не теряя времени, Мануил снарядил Белу в путь и сам проводил его до Софии.

Византийскому ставленнику, который действительно имел весьма прямые права на престол, как брат умершего короля, могло помешать только то, что с ним вместе должна была усииться партия византийского царя. Но те, которые видели опасность в византийском влиянии, не могли не принять в расчет и того, что Бела будет способствовать возвращению под власть Угрии тех областей, которые рассматривались как его удел и были временно соединены с империей. Вот почему угорское посольство не замедлило явиться в Софию с предложением Беле престола. Между тем Мануил своевременно озаботился поставить Беле условия, которыми ограничивалась его внешняя политика и обеспечивались интересы империи. Белу сопровождала блестящая свита с протосевастом Иоанном во главе, который участвовал в торжествах возведения его на престол. Казалось, в Венгрию был открыт доступ византийскому культурному и церковному влиянию вместе с Белой III, который оставался у власти до 1196 г. Но наступивший после Мануила кризис совершенно изменил политическое положение дел. Тот самый Бела, которому приготавливалась служебная роль в интересах империи, сам явился в числе претендентов на византийский трон, когда угасла династия Комнинов.

Глава 14. Восточная политика Мануила. Турки и христианские государства в Сирии и Палестине

После второго крестового похода и частью в связи с печальными для христианских княжеств последствиями его восточная политика византийского императора определялась постепенно создававшимися в Сирии и Малой Азии следующими политическими и этнографическими группировками.

Прежде всего в ближайшем соседстве с империей выросло в пределах прежних фем Анатолика и Вукелариев государство сельджуков со столицей в Иконию. К востоку от Иконийского султаната, в фемах Армениак и Харсиана, утвердились родственные первым сельджуки под властью династии Данишмендов, центрами их владения были Сивас (Севастия), Кесария, Мелитена. В горных областях Тавра и Киликии возникли полузависимые армянские княжества, значение которых постепенно возрастало по мере распространения политического влияния Византии в Северной Сирии, куда прямая дорога вела через Киликию. Далее к востоку, в Северной Сирии и Месопотамии, образовался еще более сильный политический центр мусульманской власти в Мосуле и Алеппо, представителями коего были получившие крупную известность во время крестовых походов эмиры Зенги, Нур ад-дин и, наконец, Саладин. Христианская империя в Константинополе была в соседстве со всеми этими мусульманскими государствами и для достижения на востоке хотя бы некоторого обеспеченного положения должна была сообразовать свою политику с теми отношениями, в которых находились между собой указанные мусульманские государства. На ход усвоенной при Мануиле восточной политики влияло то, что данишмендские владения, по смерти султана Мохамеда в 1142 г., вследствие внутренних смут распались на три части: наследники умершего султана, его сын Зун-нун утвердился в Кесарии, а его дядя Якуб-Арслан и Айн ад-Дауле в Севастии и Мелитене. Это разделение было весьма выгодно для соседнего иконийского султана Масуда, который, равно как и его сын, знаменитый Кылыч-Арслан II, могли значительно увеличить свои владения на счет Данишмендов и проложить себе дорогу к долине Евфрата, заветной цели иконийских султанов. В то же время данишмендские князья, стесняемые соседом, естественно, старались найти опору в империи и побуждали царя Мануила принять деятельное участие в усобицах между двумя турецкими владениями.

Но главным руководящим мотивом в восточной политике были христианские княжества в Сирии и Палестине и одинаково всем царям из дома Комнинов присущее стремление возвратить Антиохию в непосредственную сферу влияния империи. Таким образом, несмотря на крайние затруднения, какие были на пути к сношениям с Сирией, царь Мануил с большой настойчивостью и систематичностью преследовал свои планы по отношению к Антиохии и в конце концов достиг того, чего так искренно желали его отец и дед: держал триумфальный въезд в Антиохию в качестве сюзерена антиохийского княжества и настоял на том, чтобы в этом латинском владении рядом с католическим патриархом был признаваем авторитет греческого. Приняв непосредственное и близкое участие в судьбах христианских государств в Сирии и Палестине, император Мануил должен был вступить в сношение с эмиром Алеппо и Дамаска Нур ад-дином, который во второй половине XII в. был грозой христианских владений, образовав в Сирии и Палестине новое мусульманское государство.

Таковы в общих чертах условия, в которых должна была развиваться восточная политика Мануила.

Независимо от широких задач, внушаемых старыми идеалами Римской империи, ближайшие и прямые потребности на Востоке обуславливались суровой действительностью,

которая настоятельно давала себя чувствовать. Турецкие опустошения почти каждый год истощали плодородные малоазийские долины и оттесняли земледельческое население в горы, следствием чего было то, что культурные области постепенно обращались в пустыни и степи, пригодные для пастбищ, на которых располагались туркмены. Нужно было строить города и ставить в них гарнизоны для защиты сельского населения¹⁸¹. Но этим не всегда достигалась цель. С первых же лет правления Мануила предпринимались походы против турок-сельджуков, так как султан на требования царя обуздать хищнические набеги обыкновенно отвечал, что это набеги со стороны вольных туркмен, которые не признают его власти. Уже вслед за венчанием Мануила на царство получено было известие, что турки появились вблизи Малагины, большой военной станции на дороге от Никеи к Дорилею. В следующие годы поход направлен был в Лопадий, при истоках реки Риндака, где также предстояло построить укрепления и поставить гарнизоны. Но в то время, как греки укреплялись в одном месте, турки открывали другие слабые стороны: нельзя было отступать перед решительными действиями. Поход Мануила против самой столицы Масуда представлял уже большое военное предприятие. Мануил известил неприятеля о походе, а султан отвечал, что встретит царя в Филомилии. Этот поход 1146 г., описанный подробно у историка Киннама, по преимуществу свидетельствует о личной отваге самого царя и об его военном пыле, который побуждал его быть впереди всех и отличиться на глазах своего войска. Но он не имел существенного значения и был окончен по получении тревожных слухов о движении крестоносных ополчений. Мануил оповестил своего противника, что он надеется быть более счастливым на будущий год и найти султана менее трусливым и осторожным, чем в последний раз. Но угрожавшая одинаково грекам и туркам опасность от крестоносцев заставила царя искать сближения с султаном и заключить с ним дружественный союз. На некоторое время прекращаются известия о новых походах в Малую Азию; можно думать, что внутренние смуты в соседнем владении Данишмендов занимали внимание Масуда. Но со смертью его в 1156 г., когда Иконийский султанат перешел под власть сына его Кылыч-Арслана II, сидевшего на престоле 37 лет, сельджукский вопрос приобрел для Византии первостепенное значение. Султан отличался суровым характером и не останавливался ни перед какими мерами для достижения своих честолюбивых целей. У него было два брата; одного он убил, другого заставил бежать в отдаленный удел на берега Черного моря. Во внутреннюю борьбу вмешался Якуб-Арслан, эмир Севастии, принявший сторону обиженного Кылыч-Арсланом брата, Шахин-шаха. Пользуясь ослаблением султаната, стал теснить его эмир Мосула и Алеппо Нур ад-дин, против которого Кылыч-Арслан заключил союз с христианскими владениями и с армянским князем Торосом, или Феодором, о котором скажем ниже. Такое положение дел на турецком Востоке позволяло Мануилу не только держать в равновесии отношения империи к султанату, но и предпринимать наступательные действия. Так, он успел сблизиться с Шахин-шахом и с Данишмендами Якуб-Арсланом, Зу-н-нуном и эмиром Мохамедом (Мелитена). К 1159 г. относятся решительные меры Мануила против иконийского султана. На этот раз точкой отправления был Абидос, куда стянуты были европейские фемы и откуда поход направлялся долиной реки Риндака к турецким границам. Об этом походе имеется свидетельство очевидца, но до какой степени фраза и риторика преобладает в известии нашего источника¹⁸², можно видеть из следующего отрывка:

«В это время царь многократно простирает на варваров и собственные руки и, нападая на них неожиданно, казался им чуть не молнией. Тогда, нисколько не стыдясь, отступали перед ним тысячи, а если угодно бывало судьбе, то и десятки тысяч вооруженных и закованных в железо. Доходя до моего слуха, эти подвиги казались мне менее вероятными, чем дела Фоки и Цимисхия. Как поверить, что один человек побеждает целые тысячи и одно копье одолевает мириады вооружений!.. Я думал, что эти дела прикрашены сановниками и придворными, пока

не усмотрел их собственными глазами, когда, случайно замешавшись между врагами, сам увидел вблизи, как этот самодержец противостоял целым фалангам... Царь устремился на неприятелей со всей быстротой, не надев панциря, а только оградив тело щитом. Ворвавшись в середину врагов, он совершил удивительные боевые подвиги, поражая мечом всякого встречного... долго бежали турки без оглядки: им и в голову не приходило, что за столь многолюдным войском гонится один человек...»

За походом 1159 г., который не был продолжителен и едва ли сопровождался решительными битвами, следовал новый в следующем году. На этот раз Мануил потребовал вспомогательные отряды от своих союзников — короля иерусалимского, князя Антиохии и армянских владетелей, — сам же имел сборный пункт в Филадельфии и отсюда пытался нанести туркам главный удар. Но исход экспедиции решен был византийским вождем Иоанном Контостефаном, который напал на Кылыч-Арслана со стороны Сирии и заставил его просить мира. Султан обещал выдать всех христианских пленников и посылать вспомогательный отряд всякий раз, когда того потребует царь, кроме того, обязывался возвратить империи города и селения, занятые турками в последние годы. По всей вероятности, заключение мира нужно полагать в 1161 г. Вследствие положительного перевеса, оказавшегося на стороне империи, турецкий султан пожелал точнее выяснить свои будущие отношения к Мануилу и попросил разрешения посетить его столицу. Пребывание Кылыч-Арслана в Константинополе с огромной свитой и с 1000 всадников составило событие громадной важности, которое заняло современников. И правительство воспользовалось таким редким случаем, чтобы подействовать на воображение грубого варвара роскошью двора и богатствами и расположить его в свою пользу подарками. Султан был принят с торжественной церемонией, в великолепно убранном зале и, изумленный, предстал перед царем, сидящим на золотом троне в парадном облачении. Он был столько же не способен оценить утонченный этикет, сколько понять роль, приготовленную для него в триумфальном шествии. Мы имеем очень выразительную черту для понимания характера Кылыч-Арслана. Однажды (в 1171 г.), находясь в затруднительном положении, он вел переговоры с представителями Нур ад-дина, принявшего сторону обиженных им родичей. На требование дать свободу семи племянникам, сыновьям Шахин-шаха, он приказал послать к отцу одного из его сыновей в качестве хорошо изготовленного жаркого и объявить, что, если он будет очень настаивать, то такая же участь угрожает и другим племянникам.

Почти месяц продолжалось пребывание султана в Константинополе. По всему видно, что современников удивляло оказываемое сельджукскому султану внимание; он был непривлекательной наружности, плохо владел руками и хромал на обе ноги, так что в Константинополе немало острили над царским гостем, а патриарх отказал в разрешении воспользоваться церковными предметами в триумфальном шествии, устроенном по случаю празднеств в честь Кылыч-Арслана. Случившееся в тот же день землетрясение было истолковано в смысле божественного гнева против устроителей торжества¹⁸³. Желая вполне обворожить своего гостя, царь давал в его честь турниры и зрелища, наконец устроил для него особенное зрелище, приказав в одном из покоев дворца разложить все, что предположено было дать ему в подарок, т. е. драгоценные ткани, платье, вышитое золотом и серебром, кубки и чаши с золотом и серебром; царь вошел туда вместе с султаном и предложил ему указать те предметы, которые ему особенно нравятся. Когда же султан в смущении и нерешительности сказал, что он видит перед собой такие сокровища, на которые бы он мог покорить всех своих врагов, то царь сказал: «Отдаю тебе все, чтобы ты понял, какими богатствами владеет тот, кто в состоянии сделать такой подарок одному лицу». О роскоши приема и драгоценных дарах находим свидетельства как у византийских, так и у восточных писателей¹⁸⁴.

Судя по результатам, мы должны признать, что пребыванием в столице Кылыч-Арслана византийское правительство не умело воспользоваться в такой степени, чтобы поставить границы притязаниям иконийского султана и обуздать его воинственный пыл.

Относительно турок-сельджуков, власть которых простиралась и на христианское население греческого происхождения, политика царя Мануила была в особенности неосмотрительна. Султан иконийский был ближайший и опаснейший враг империи. Усиление Иконийского султаната прямо соединялось с ослаблением власти и авторитета империи на Востоке. Кылыч-Арслан не оставался глух к внимательности, тем более что это значительно возвышало его перед соперниками. Он соглашался признать себя в зависимости от императора, если этот последний поможет ему утвердиться в Иконии и усмирить Данишмендов.

Почти все остальное время жизни Мануила отношения империи к султанату основывались на договоре, который имел место в 1162 г. Султан обязался иметь одних и тех же врагов с царем Мануилом, уступить некоторые города, захваченные турками-сельджуками, не заключать договоров без согласия византийского правительства, доставлять вспомогательный отряд на войны в Европе и в Азии и, наконец, сдерживать хищнические набеги на имперские области туркмен, на которых простиралась власть его. В Византии особенно дорожили сдачей города Севастии, и Мануил отправил вместе с султаном Константина Гавру принять этот город под руку императора. Как можно догадываться, Кылыч-Арслан нашел в договоре лишь средство усилить собственный авторитет в Малой Азии, от сдачи же городов отказался под разными предложениями. Возвратившись в Иконии, он мало-помалу подчинил себе области своих соперников и скоро сделался полновластным господином в Передней Азии. Кылыч-Арслан не хотел войны с империей и не отказывался исполнять некоторые статьи договора. Но и союзник это был весьма ненадежный: он высылал туркменскую конницу на византийские поселки, постепенно оттеснял греческое население к берегу Черного моря и Босфора. Когда ему делали по этому поводу представления, то он извинялся невозможностью сдерживать набеги и ночные грабежи туркмен и посылал лстивые письма, называя себя сыном, а царя величая отцом своим. В этой политике вероломства и обмана перевес оказался на стороне султана. Постепенно надвигаясь, туркмены изменяли культурные земли в пастбища и луга, оттесняя земледельческое греческое население к востоку и северу и приготавливая совершенное ослабление византийского влияния на Востоке. Между тем для империи был столько собственный интерес держать в своих руках полосу, по которой направлялись крестоносные войска в Палестину, сколько и вопрос чести перед Европой. На войну греческого царя с султаном иконийским в Европе смотрели как на дело всего христианского мира: победа над турками-сельджуками делала для христиан менее опасным путь ко Гробу Господню. Плоды страшного потворства византийского правительства Кылыч-Арслану и невнимательности к страданиям греческого населения по соседству с султанатом раскрылись наконец с такою силою, что потребовались экстренные меры и безотлагательная экспедиция на Восток.

В 1167 г. Мануил сознал наконец ошибки своей политики на Востоке: в противоречие интересам и обыкновенной практике византийского правительства больше пятнадцати лет он соблюдал выгоды и поощрял домогательства иконийского султана, допустив соперников последнего, каппадокийских и армянских Данишмендов, до совершенного ослабления. Тот авторитет, которым, по традиции и по праву, должна была пользоваться Византия, перешел на Сирию и Месопотамию, во внутренних делах иконийского султаната стал принимать участие Нур ад-дин. Византия, по-видимому, отказывалась от своей излюбленной теории управления одним варварским народом посредством другого, ибо мелкие владетели Мелитены, Севастии и Кесарии, обиженные Кылыч-Арсланом, искали помощи и защиты не у византийского царя, а у Нур ад-дина. Едва ли не тот же Нур ад-дин открыл глаза царю Мануилу на его ближайшие

задачи по отношению к Востоку, когда в 1172 г. он подстрекал иконийского султана внести войну в византийские селения. Так или иначе, несчастная для Византии война с турками-сельджуками, начавшаяся в 1176 г. и похоронившая смелые планы и надежды Мануила, должна быть рассматриваема как исходный пункт реакции по отношению к восточным делам. В то же самое время и неудачи западной политики, обнаружившиеся на Венецианском конгрессе, должны были дать господство теориям национальной греческой партии.

Война с турками-сельджуками вызвана была вмешательством Мануила в отношении иконийского султана к Данишменду Зу-н-нуну, искавшему защиты в Византии. Кылыч-Арслан сначала не прочь был войти в мирное соглашение с греками, но скоро изменил намерение, увидев, что византийский полководец, севаст Михаил Гавра, не располагает такими силами, которые могли бы устроить его. Так прошла весна, время особенно удобное для военных действий, говорит современный писатель. Летний поход в М. Азию под предводительством самого царя Мануила имел следствием возобновление и укрепление двух городов, опустошенных туркменами и находившихся под властью султана. Историк Киннам сообщает любопытные подробности о состоянии города Дорилея, в каком нашли его византийцы.

«Это был некогда величайший и знаменитейший из городов Азии. Он лежал в долине, распространяющейся на большое пространство и представляющей прекрасный вид. На плодородных полях ее росла сочная трава и поднимались богатые нивы. Вид украшала протекающая по долине река, дающая вкусную воду; в реке водилось множество рыбы, вполне достаточной для продовольствия жителей. У кесаря Мелиссина здесь было прекрасное поместье и весьма населенные деревни с самородными горячими ключами, портиками и купальнями. Эта местность доставляла в обилии все, что служит для удовольствия человеку. Но турки разрушили город до основания и сделали его необитаемой пустыней, так что кругом не заметно и следа прежней культуры. Теперь раскинул здесь свои палатки туркменский улус в 2000 человек».

Мануил прогнал кочевую орду и занялся возобновлением Дорилея, имея в виду основать здесь оплот против распространения номадов, угрожавших обратить в пастбища и покрыть кибитками культурные византийские области. В течение сорока дней греки выкопали ров, вывели стену и заложили здания для поселения гарнизона и колонистов. «Турки же, испугавшись, что их вытеснят с равнины, жирные пастбища которой были так привольны для их стад», всеми мерами старались препятствовать работам. Окончив укрепление города и снабдив его нужными средствами, Мануил роздал участки земли желавшим поселиться здесь колонистам греческого и латинского происхождения. В тот же поход при истоках Меандра найдено было еще весьма удобное место для крепости на остатках бывшего греческого города Сувлея. Но и здесь были уже пастбища и кибитки, которые понадобилось отодвинуть, чтобы приготовить место для земледельческих поселений.

Начатый Мануилом в 1176 г. поход против иконийского султана имел большое значение и заслуживает внимательного рассмотрения. Была укреплена Малагина и из Дорилея сделан укрепленный лагерь, в котором могли бы находить защиту и запасы для продовольствия военные люди и мирное население. Точно так же были приняты меры к возведению укреплений в долине Меандра, чтобы быть в состоянии владеть средствами сообщения с центральной областью Малой Азии. Ввиду серьезных приготовлений на восточной границе Кылыч-Арслан пытался зимой 1175/76 г. вновь вступить с Мануилом в переговоры, но на этот раз в Константинополе не поддались на лживые предложения. Ранней весной начался подвоз в Малую Азию, в лагерь на реке Риндаке, военных запасов и продовольствия и сбор европейских фем и вспомогательных отрядов, между которыми были сербы, угры и печенеги. Из переписки царя с папой Александром III можно видеть, что задумано было обширное дело, имевшее целью очищение дороги в Иерусалим, и что ожидалась помощь от западных народов для этого

предприятия, столько же полезного для всего христианства, как, в частности, для империи. О широте замысла свидетельствует и то, что отправлен был флот в Египет и что иерусалимский король имел начать одновременное движение против мусульман со стороны Сирии. Андроник Ватаци с отрядом в 30 тысяч должен был отвлечь силы Кылыч-Арслана в направлении Неокесарии и приступил к осаде этого города. Между тем Мануил, имея в виду нападение на Иконий, взял обходный путь на Лаодикею на Меандре и двинулся через горные дороги к укреплению Мириокефал и к Иконию.

Поход 1177 г. открылся не при благоприятных обстоятельствах. Уже много вредило предприятию, что пропустили весеннюю пору и дождались летних жаров. Историк Киннам слагает в этом ответственность на союзные отряды сербов и угров, которые только к началу лета соединились с главными византийскими силами, собравшимися на Риндаке. Осадные орудия и обоз затрудняли свободу движения, неожиданные гастрические болезни ослабили войско еще до встречи с врагом. Путь к гнезду турок, Иконию, представлял весьма значительные затруднения для большой армии с тяжелым обозом. В узких горных проходах войско должно было растягиваться на несколько верст и во многих местах подвергалось опасности быть разрезанным легкою турецкою конницей. На пути к Иконию через Келен, Аполлонию и Антиохию (Фригийскую) Мануил в сентябре месяце сделал роздых при Мириокефале, приобретшем известность почти полным истреблением греческих войск.

Кылыч-Арслан прислал сюда посольство, предлагая царю мир на условиях предыдущих договоров. Старые генералы, понимавшие трудности похода, советовали воспользоваться этим благоприятным случаем и заключить мир с султаном. Но партия молодых любимцев, желавших отличиться на глазах царя, склонила его дать решительный ответ, что только под стенами Икония он согласится вступить в переговоры с султаном. От Мириокефала следовало идти через горный проход (клизура) Циврицу, роковое место для византийских войск и для военной чести империи. Этот проход был не что иное, как широкое ущелье с висящими над ним высокими горами, северная сторона которых, постепенно понижаясь, образовала холмы и овраги; с обеих сторон клизура заперта была скалами и загромождена камнями. Историк Никита Акоминат справедливо порицает Мануила за то, что он не принял надлежащих мер предосторожности, решаясь следовать этим проходом. Со стороны византийцев не был даже послан разведочный отряд, чтобы очистить проход от засевших в нем турок; не был оставлен тяжелый обоз, который в критическую минуту, при тесноте пространства, послужил более нападавшим, чем защищавшимся. В авангарде шли со своими отрядами два сына Константина Ангела — Иоанн и Андроник, за ними — Константин Макродука и Андроник Лапарда. В середине правое крыло вел шурин царя Балдуин, левое — Феодор Маврозом. За тяжелым обозом с припасами и военными снарядами следовал сам царь, окруженный блестящею свитою. В арьергарде был Андроник Контостефан.

Передовые части прошли благополучно, ибо пехотинцы, завидев турецких стрелков, взбирались сами на возвышенные места и прогоняли их вдаль. Как оказалось потом, в этом состояла своего рода хитрость тактики турецкой. Ибо, дав пройти клизуру передовым отрядам, турки отрезали им сообщение с следовавшими позади войсками и сделали ожесточенный натиск на правое крыло, предводимое князем Балдуином. Град стрел сыпался на несчастный отряд, люди погибали, не имея возможности защищаться. Повозки и тяжелый снаряд затормозили движение, впереди турецкие стрелки производили страшный урон в рядах византийских. Здесь погиб Балдуин и весь его отряд в беспомощной борьбе. Ободренные успехом, турки сделали фланговое движение и напали на центр армии, где находился император. Узкая дорога, заваленная повозками, убитыми и ранеными животными, прекращала всякую возможность движения. Защита казалась так же бесполезна, как невозможно бегство.

Рвы наполнялись падавшими, кровь текла ручьями. Император перестал отдавать приказания и защищался сколько мог, как простой воин. Греков заперли и рубили, как стадо баранов в хлеве, по выражению историка, которому мы обязаны замечательными подробностями этого дела. Император потерял всю энергию, когда перед его глазами турки вонзили на копье голову Андроника Ватаци, только что убитого ими: «Потеряв дух, без слов и без слез, он переваривал тяжкую скорбь, выжидая событий и не зная, на что решиться». Наконец с некоторыми приближенными он ринулся в середину врагов, желая проложить себе путь, и, получив много ран, успел соединиться с передовым отрядом, еще ранее миновавшим проход. Греческая кавалерия, поражаемая со всех сторон, кинулась на близлежащий холм; передние всадники за столбом поднявшейся пыли не могли рассмотреть глубокого рва, разделявшего их от холма. Всадники и лошади, один ряд за другим, стремглав летели в пропасть. Кровавые сцены убийства и грабежа и неоднократно угрожавшая опасность за собственную жизнь сильно потрясли Мануила. Он, казалось, перестал слышать, что говорилось вокруг него, и не отдавал себе отчета в виденном¹⁸⁵.

Поздно вечером собрались около Мануила Андроник Контостефан и другие вожди, уцелевшие в этот страшный день. Поспешно укрепившись рвом, они ожидали наступления дня и нового нападения турок.

«Все сидели печально, понутив головы, воображая себе предстоящее бедствие. Варвары подступали к самому рву и приглашали своих соплеменников, бывших на службе у греков, сию же ночь оставить лагерь, похваляясь на заре погубить всех, кто там находится».

Мануил сообщил одному из своих приближенных намерение бежать ночью из лагеря, предоставив остальным свободу действовать, как кому вздумается. Скоро это стало известно по всему лагерю и возбудило общее неудовольствие. Андроник Контостефан представил императору вероятные последствия такого малодушного решения и убедил выжидать событий на месте.

Действительно, положение греков не было так безнадежно, как оно представлялось смущенной душе царя Мануила. Так, можно еще было надеяться на помощь от передового отряда, почти не участвовавшего в деле. Ночью собрали остатки армии и составили отряд, который наутро выслан был против турок, пускавших стрелы в лагерь. Оказалось возможным начать переговоры с Кылыч-Арсланом, который не предъявил неудобноисполнимых требований. И для него, конечно, победа не обошлась без потерь. Притом не входившие в состав его войска туркменские отряды с жадностью набросились на богатую добычу, захваченную у греков, и менее всего думали о продолжении войны. На другой день после дела при клисуре Кылыч-Арслан послал к Мануилу своего уполномоченного, именем Гавра, вести переговоры о мире, причем предложил в дар царю арабского коня и меч. Мануил здесь же в лагере подписал договор, которым обязывался, между прочим, срыть недавно возведенные укрепления Дорилей и Сувлей. Позволительно дополнить недосказанное у летописца: несчастное дело при Мириокефале положило конец притязаниям Зу-н-нуна, ибо оно надолго обеспечивало безраздельное господство иконийского султана в М. Азии. Через два дня греки начали отступление.

«Зрелище, представшее глазам, было достойно слез, или, лучше сказать, зло было так велико, что его невозможно оплакать: рвы, доверху наполненные трупами, в оврагах целые холмы убитых, в кустах горы мертвецов; все трупы были скальпированы, у многих вырезаны детородные части. Говорили, что это сделано с тем, чтобы нельзя было отличить христианина от турка, чтобы все трупы казались греческими: ибо многие пали и со стороны турок. Никто не проходил без слез и стонов, рыдали все, причитая погибших — друзей и сродников».

Проходя мимо Сувлея, греки разрушили город; что же касается Дорилея, то император не

решился исполнить эту статью договора, вследствие чего враждебные действия между турками и греками продолжались и в следующие затем годы.

Поражение византийских войск при Мириокефале по своим последствиям выходит из ряда обыкновенных неудач империи. В глазах Западной Европы война Мануила с иконийским султаном была делом общехристианским и общеевропейским. Этим поражением не только обнаруживалась слабость Византийского государства в устройстве его собственных дел на Востоке, но и подрывалось доверие к восточному императору в глазах западноевропейских союзников и друзей Мануила. Предпринимая войну с иконийским султаном, царь Мануил был столько же выразителем стремлений национальной греческой партии, сколько благородным рыцарем и господином данного слова перед папой, французским и английским королями. Он дал слово очистить христианам путь ко Гробу Господню и тем исполнить священный долг римского императора, оказывавшийся не по силам для представителей империи на Западе. Неудача на Востоке влекла за собою весьма чувствительные для честолюбивых притязаний Мануила потери на Западе: она возвышала авторитет германского императора, ослабляла греческую партию в Италии и снова соединяла против Византии папу и Фридриха.

Дух царя Мануила был глубоко потрясен несчастными событиями войны с иконийским султаном, так что до конца жизни он не мог освободиться от постигшего его тяжкого удара. В 1177 г. он извещал французского короля о деле при Мириокефале, не скрывая горькой правды и не умалчивая о подробностях, далеко не лестных для славы византийского имени на Западе. И трудно было скрывать истину, потому что в походе принимали участие западные рыцари — о чем неоднократно замечается в том же письме, — рыцари, которые по возвращении на родину могли рассказать все подробности дела. Письмо оканчивается следующими словами:

«Хотя мы слишком огорчены потерей погибших наших родственников, однако сочли за нужное обо всем известить тебя как любезного друга нашего, тесно соединенного с царством нашим родством наших детей».

Лучшее свидетельство о душевном состоянии Мануила, расстроенном неудачной войной с иконийским султаном, представляет Вильгельм Тирский, которому случилось провести несколько времени в Константинополе в 1179 г.

«С того дня, — говорит он, — такими неизгладимыми чертами запечатлелись в памяти императора обстоятельства этого несчастного случая, что он никогда уже, несмотря на старания приближенных, не обнаруживал той ясности духа и веселости, какую особенно отличался, и до самой смерти не мог восстановить свои телесные силы, которыми был наделен в избытке. Постоянное живое представление события так мучило его, что не оставляло места ни душевному покою, ни обычной умственной ясности».

Поражение при Мириокефале, которое сам Мануил сравнивал с несчастным делом при Манцикерте, нанесло непоправимый ущерб военной чести империи и надолго подорвало военные силы государства. Мануил не предпринимал более решительных военных мер против турок, которые продолжали с прежней настойчивостью наступать на пограничные города и обращать в пастбища культурные малоазийские области.

Особенного внимания также требовали христианские княжества в Сирии и Палестине. Нужно припомнить, что Мануил принес на престол самые тяжелые впечатления, вынесенные из похода в Сирию в последний год жизни отца его, когда антиохийский князь Раймонд, в нарушение верности и присяги, нанес глубокое оскорбление царю. Отомстить нанесенную обиду и возобновить политическое влияние на христианские княжества составляло излюбленную идею Мануила, воспринятую от отца и деда. В 1144 г. для этого снаряжена была большая экспедиция, причем сухопутное войско под начальством Иоанна и Андроника Контостефанов и Просуха было поддержано флотом под командой Димитрия Враны.

Сухопутный отряд восстановил власть империи в Киликии и дошел до самой Антиохии, где после нескольких — нерешительных, впрочем, — сражений Раймонд должен был признать себя побежденным и просить императора о прощении. Но положение дел в Киликии и Северной Сирии в первые годы Мануила получило никем неожиданный поворот, который, впрочем, зависел не от греков и не от латинян, но от новой политической силы, тогда народившейся. Это был целый ряд армянских княжеств, организовавшихся в Малой Армении, т. е. в феме Киликии, начиная от гор Тавра и на северо-восток почти до Кесарии и Северной Сирии. Основателем независимой Армении был Торос, или Феодор, сын Льва, который в царствование Иоанна Комнина находился в плену в Константинополе. Освободившись из плена, он нашел поддержку у латинских баронов, вассалов Эдессы или Антиохии, и при помощи патриарха сирийских якобитов Афанасия, имевшего кафедру в Аназарбе, составил себе военную дружину, с которой начал борьбу с греками и турками. Возвышению его помогли и брак его с дочерью владетеля Рабана, по имени Симона, и счастливые нападения на турецких хищников, грабивших страну. Первые завоевания были им сделаны, однако, в Киликии, в области византийской. В 1152 г. он завладел городом Мопсуестией и взял в плен дуку Фому, генерал-губернатора области. Падение графства Эдессы и последовавшие затем события, выдвинувшие Нур ад-дина на первый план в Сирии и Месопотамии, были благоприятствующими условиями для возвышения власти Тороса. Раймонд Антиохийский в 1149 г. пал в битве с Нур ад-дином, и его княжеством завладел тесть его Иосцеллин, граф Эдессы, во владениях которого находились области, простиравшиеся на север до Самосата на Евфрате и на восток до старой персидской границы Дара и Нисибии. Но иконийский султан и эмир Мосула завоевали значительную часть городов Иосцеллина и поставили регентшу Антиохии, вдову Раймонда Констанцу, в необходимость просить защиты и покровительства у царя Мануила. Таким образом, с 1150 г. начинается ряд деятельных попыток со стороны Византии вмешаться в дела Антиохийского княжества и вообще воспользоваться отчаянным положением христиан в интересах империи. Но в верховьях Евфрата видам империи препятствовал Нур ад-дин, а в Киликии возникло самостоятельное государство под властью Тороса, который почти уничтожил господство империи в этой важной области, связывающей имперские владения с Сирией. Оценивая все значение Киликии в политическом и военном отношении, Мануил решает поручить управление ею своему племяннику Андронику, дав ему большие военные и гражданские полномочия и назначив дукой Киликии.

Андронику Комнину принадлежит значительное место в истории Византии, и мы надеемся выяснить его роль впоследствии; теперь же следует заметить, что он далеко не оправдал возлагавшиеся на него надежды. Слишком преданный личным интересам, честолюбивый и самостоятельный, хотя, бесспорно, даровитейший в семье Комнинов, Андроник мало оценил значение Тороса и потерпел от него страшное поражение под стенами Мопсуестии. И в другом отношении планы Мануила потерпели неудачу, так как в Антиохии не согласились на предложенный царем брак Констанцы с кесарем Иоанном, его зятем по умершей дочери Марии. Военными и дипломатическими поражениями Византии воспользовался Торос, который после того становится во главе всей Киликии, и в его власти оказались важные города: Таре, Адана, Аназарб, Сие и Мопсуестия. Ко благу империи, которая занята была по преимуществу на западной границе, дальнейшие успехи армянского владетеля были остановлены иконийским султаном, распространившим свои притязания на владения Данишмендов в Каппадокии. Тем не менее царь Мануил не мог забыть нанесенных ему обид и поражений. Антиохийская регентша Констанца, отказавшая в руке своей кесарю Иоанну, в 1153 г. вышла замуж за французского рыцаря Рейнальда Шатильонского (Renaud de Chatillon) и тем допустила новую вольность по отношению к Мануилу — своему сюзерену. Несмотря, однако, на это, царь охотно пошел навстречу дружественным со стороны антиохийского князя предложениям и дал ему поручение

привести армянского князя Тороса к подчинению царю, обещая со своей стороны принять на себя все сопряженные с войной расходы. Рейнальд прежде всего потребовал от Тороса очистить крепость Гастэн, защищающую горный проход Портелла, ведущий из Киликии в Сирию и, следовательно, в Антиохию. Но скоро затем противники пришли к соглашению и составили очень остроумный план совместных действий против империи. Именно к этому времени сделано было смелое нападение на остров Кипр, во главе которого стоял тогда племянник Мануила Иоанн Комнин. Рейнальд сделал удачную высадку, победил византийский отряд, предводимый Михаилом Враной, и захватил в плен как его самого, так и дуку острова, из фамилии Комнинов. Остров подвергся грабежу и опустошению, громадная добыча обогатила антиохийского князя. Но так как политическое положение христианских владений на Востоке было весьма критическим вследствие победы Нур ад-дина, захватившего Аскалон и Дамаск, то успехи антиохийского князя не встречали сочувствия и в особенности внушали опасение королю иерусалимскому Балдуину, который лучше других понимал надвигающуюся со стороны Египта опасность. Видя, что непосредственной помощи ждать неоткуда и что поход антиохийского князя против о-ва Кипра вконец подрывает все надежды на соглашение с царем, король Балдуин снарядил посольство в Константинополь и, умоляя оказать помощь христианским княжествам, в то же время поручил просить у Мануила руки одной из принцесс. Чтобы заранее расположить царя к благожелательности, Балдуин приказал передать ему клятвенную присягу со стороны чинов Антиохийского княжества в готовности их подчиниться всей воле царя.

В Константинополе созрел план похода на Восток. Нельзя было оставить без внимания и без наказания ничем не оправдываемый поступок Рейналда Антиохийского, нужно было также восстановить утраченное господство в Киликии и обуздать князя Тороса. Вот почему предложения иерусалимского короля были приняты благосклонно и в Иерусалим отправлена Феодора, дочь севастократора Исаака Комнина, с богатым приданным и со свитой, в качестве невесты короля Балдуина. Этим обеспечивалось участие иерусалимского короля в военных действиях, которые были предположены в 1158 г. Распустив предварительно слух, что поход предпринимается против иконийского султана, Мануил неожиданно сделал распоряжение о вторжении в Киликию и поставил Тороса в такое положение, что он должен был спасаться в горы Тавра и предоставить занятую им страну во власть императора. Завоевание Киликии было делом весьма легким, города сдавались почти без сопротивления, и уже в ноябре 1158 г. Мануил был полным господином этой важной провинции, которая открывала ему свободный доступ к Антиохии и отдавала в его руки судьбу княжества. Рейнальд действительно приготовил себе отчаянное положение и не мог в настоящее время нигде искать поддержки. Особенно он вооружил против себя — правда, недостойными поступками — Антиохийского патриарха, который бежал от него в Иерусалим и стал там во главе враждебной ему партии, вступившей в сношения с царем Мануилом и предлагавшей выдать грекам ненавистного князя. Но Рейнальд поспешил и сам сделать царю такие предложения, которыми прежде мог вполне удовлетвориться царь Иоанн, т. е. сдать крепость Антиохии, но которые не удовлетворили Мануила. Тогда Рейнальд решился предпринять покаянное путешествие в Мопсуестию, где стоял лагерем Мануил. Он явился туда с непокрытой головой, босой, с обнаженными руками и с веревкой на шее, держа в руках меч острием к себе и выражая тем всецело свою преданность на волю царю. Под стенами города Мануил принял его в царской палатке, где был поставлен трон и собраны были придворные чины и военная свита. Перед царским тронном пали ниц князь и его свита и оставались в этом положении до тех пор, пока не дано было к тому знака. Это был триумф для Мануила, свидетелями которого были послы почти всех восточных властителей: калифа, Нур ад-дина, Якуб-Арслана и князей кавказских. Антиохийский князь, получив

прощение, дал ленную присягу на верность, и кроме обычного обязательства предоставлять сюзерену замок Антиохии всякий раз, как того он потребует, Рейнальд обязался еще принять в Антиохию греческого патриарха, кроме латинского, и доставлять императору военный вспомогательный отряд, когда того потребуют обстоятельства. Политическое значение происшедших событий, без сомнения, должно было поднять авторитет Византии как в глазах латинских христиан, так в особенности во мнении мусульманского Востока. Ему придало особенный блеск еще то обстоятельство, что сюда явился король Балдуин, пожелавший принять на себя участие в разрешении антиохийского вопроса и принятый Мануилом со всеми подобающими почестями. В течение десяти дней Балдуин был гостем царя, в это время должны были выясниться взаимные отношения между империей и Иерусалимским королевством, равно как окончательно установлены отношения Антиохийского княжества. После Пасхи 1159 г. предположен был торжественный въезд в Антиохию, который был увенчанием достигнутых Мануилом политических успехов на Востоке. Потребовав от антиохийских вельмож и вассалов заложников в верности и обязав рыцарей и князей участвовать в процессии невооруженными, Мануил достиг наконец удовлетворения всех притязаний, какие заявлялись к Антиохии его отцом и дедом. Весь византийский придворный церемониал применен был к этому торжественному случаю, может быть наиболее эффектно в царствование Мануила. Он был на коне, в царском парадном облачении, со скипетром в руках и со стеммой на голове. Узду его коня и его стремя держали князь Рейнальд и латинские князья и рыцари. У ворот города процессия была встречена патриархом и духовенством, откуда направилась по разукрашенным улицам к соборному храму. В течение восьми дней в Антиохии один за другим следовали блестящие празднества, происходили турниры и давались увеселения для народа. Царь не щадил денег на подарки вельможам и на раздачу народу и принимал личное участие в праздниках¹⁸⁶.

«Заметив, что латинское войско очень гордится своим копьем и хвастает искусством обращаться с ним, царь назначает день для потешного сражения на копьях и, когда настал определенный день... выезжает и сам с веселым видом и с всегдашнею своею улыбкой на обширную равнину, где удобно могли располагаться конные фаланги, разделившись на две половины. Держа поднятое вверх копье и одетый в великолепную хламиду, он ехал на прекрасном и златосбруйном боевом коне, который сгибал шею и подпрыгивал, словно просился на бег и будто спорил с блеском седока»¹⁸⁷.

Раз на охоте король Балдуин упал с коня и сломал себе руку. Произвело большое впечатление, когда Мануил немедленно соскочил с коня и первым подал помощь королю.

В мае началось отступление от Антиохии. По-видимому, предстояло начать военные действия против Нур ад-дина, который слишком теснил христианские владения, но здесь все ограничилось переговорами, следствием которых была выдача пленных, большею частью европейцев, содержащихся в плену со времени второго крестового похода. На возвратном пути с Востока Мануил держал путь через владения иконийского султана и близ Котиэя, в долине Тембрис, имел горячее дело с турками, стоившее ему больших потерь. Вследствие того уже весной 1160 г. Мануил предпринял новый поход, на этот раз в Малую Азию, против Кылыч-Арслана. Этот поход сопровождался настолько благоприятным результатом, что побудил султана просить мира и дать согласие на поставку вспомогательных отрядов по требованию императора. Важным также последствием этого похода было посещение Константинополя Кылыч-Арсланом, о котором была речь выше. Нужно признать, принимая во внимание вышеизложенное, что к 1160 г. Мануил достиг самых блестящих успехов в Малой Азии, в Сирии и Палестине. Но ясное дело, данные ему обязательства христианскими и мусульманскими властителями были вызваны его военными успехами и присутствием многочисленного войска. Как скоро другие заботы отвлекли от Востока военные силы империи,

положение изменилось к худшему. Далеко не ко благу империи привело и то обстоятельство, что интересы латинских княжеств стали руководящим мотивом политики Мануила на Востоке.

Непосредственно за возвращением из похода Мануил отправил в Палестину торжественное посольство с деликатным поручением к Балдуину III просить для императора руки латинской принцессы. При этом имелась в виду или сестра графа триполийского Мелизинда¹⁸⁸, или дочь антиохийского князя Раймонда Мария. Хотя как в Иерусалиме, так и в Триполи предложение царя было принято с совершенно понятным, впрочем, чувством удовольствия, которое выразилось и в поспешных сборах невесты к путешествию в Константинополь и в изготовлении ее приданого, тем не менее странным и неожиданным образом Мануил не давал своего ответа на посланное ему донесение. Целый год томились ожиданием положительных известий и наконец решились спросить царя через специального посла, как относиться к вопросу, о котором трактовали его послы. К чрезвычайному удивлению короля иерусалимского и графа Раймонда, получен был ответ, что царь не согласен на предположенный брак. Граф триполийский был крайне раздражен всем этим делом и выразил свое неудовольствие тем, что приказал напасть на остров Кипр и грабить прибрежные области Византии. Чтобы объяснить причины странного отношения Мануила к делу о браке, нужно вспомнить, что его послам предстояло сделать выбор между двумя невестами. Оказывается¹⁸⁹, что в это же самое время велись царем переговоры с антиохийской княгиней Констанцей о браке с ее дочерью Марией и что именно этот союз по политическим соображениям признавался тогда более полезным, чем брак с сестрой графа Раймонда. Независимо от всего прочего принцесса Мария была красавица, каких тогда не было.

«В сравнении с нею, — говорит очевидец, — решительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и белокурая и волоокая Юнона, и знаменитая Елена, которых древние за красоту обоготворили, да и вообще все женщины, которых книги и повести выдают за красавиц»¹⁹⁰.

Переговоры велись так секретно, что в Иерусалиме узнали о них только тогда, когда все уже было окончено и когда за принцессой Марией прибыло в Антиохию специальное посольство летом 1161 г. Нечего и говорить о том, как раздражило это иерусалимского короля, который понял теперь, что брачный союз антиохийской княжны с византийским царем окончательно связывал интересы княжества с империей и наносил непоправимый удар его собственным планам на соединение княжества с королевством. Только опасность от Нур ад-дина сдерживала Балдуина III и побуждала его ограничиться умоляющими письмами к Людовику VII, рисующими отчаянное положение христианских княжеств.

Между тем начиная с 1163 г. замечается усиленный напор со стороны Нур ад-дина на владения христиан в Сирии и Палестине. И нужно отдать императору Мануилу справедливость в том отношении, что византийский дука Киликии участвовал во всех важных военных делах с мусульманами, сражаясь вместе с латинянами. Так было в 1163 г., в особенности в 1164 г., в несчастном деле при Гариме, где попали в плен к мусульманам Боемунд III и Раймонд Триполийский и вместе с ними дука Киликии Коломан.

Ввиду указанного положения дел на Востоке отношения Антиохийского княжества к империи по необходимости становились все теснее. Когда в 1165 г. князь Боемунд, брат императрицы Марии, был выкуплен из плена, он поспешил в Константинополь, где ему был оказан ласковый прием и откуда он возвратился в сопровождении патриарха греческого обряда для Антиохии. Скоро затем он женился в Константинополе на принцессе из императорского дома и тем вновь подкрепил связи с империей своего княжества. Но к 1170 г. отношения быстро переменились. Нужно признать, что, несмотря на довольно значительные успехи между христианскими князьями, Мануил не успел дать твердого и самостоятельного направления

восточной политике и часто руководился совершенно случайными и мало согласованными с пользами империи мотивами. Таково, между прочим, его громадное морское предприятие, экспедиция в Египет, предпринятое по внушениям короля Амальрика и имевшее в виду не совсем хорошо понятые интересы Иерусалимского королевства. Идея похода на Египет родилась из того соображения, что Египетский калифат находился тогда в полном ослаблении и что спорившие из-за власти визири приглашали уже к вмешательству в египетские дела то Нур ад-дина, то короля Амальрика. Начиная с 1165 г. иерусалимский король, отчаявшись в надежде получить помощь с Запада, возложил все расчеты на союз с Византией и пытался заинтересовать Мануила в египетских делах. В 1167 г. король Амальрик женился на племяннице Мануила, дочери протосеваста Иоанна Комнина Марии, и еще более сблизил интересы своего королевства с византийскими. В течение двух лет обсуждался план общего движения на Египет и достиглось соглашение насчет дележа добычи, и только через два года до некоторой степени устранены были затруднения. Король Амальрик боялся, чтобы союзник не воспользовался всеми плодами победы, и старался всеми мерами обеспечить себе больше успеха. Мы видели выше, что Вильгельм Тирский раз отправлял деликатную миссию своего короля к Мануилу и свиделся с царем в Битоли, во время его похода против сербов, где и был заключен договор насчет совместного похода и дележа добычи. Но еще прежде чем организована была экспедиция, в Египте произошел переворот, которого так боялись палестинские христиане: верховными делами и военными силами Египта, за слабостью калифа, завладели посланные Нур ад-дином вожди, получившие сан визиря, — сначала Ширкух, а потом его племянник Саладин.

Летом 1169 г. в гаванях империи снаряжался громадный флот, состоявший из 200 с лишком кораблей и из достаточного числа судов для перевозки военных снарядов и машин. Эта экспедиция, которой далеко не сочувствовали государственно мыслящие люди Византии, вызвала такие чувства у писателя Никиты Акомината¹⁹¹:

«Услышав о необыкновенном плодородии Египта, царь решил положить на море руку свою и на реках десницу свою, чтобы увидеть собственными глазами и осязать руками те блага египетские, в которые влюбился по слуху. И это замыслил он, не обращая внимания на то, что все по соседству было еще в волнении. А побудило его к тому неуместное славолубие и желание сравняться со знаменитыми царями, которых владения некогда простирались от пределов восточных до столпов западных. Сообщив о своем намерении иерусалимскому королю и получив от него обещание, что он будет помогать ему в этом предприятии, царь снаряжает огромный флот».

Египетский поход, предпринятый под начальством великого дуки Алексея Контостефана, хорошо подготовленный и обильно снаряженный продовольствием и запасами, напоминает по своим результатам поход против вандалов.

Алексею Контостефану приказано было действовать совместно с иерусалимским королем, который очень замедлил своим прибытием к сборному месту к острову Кипру и вообще далеко не обнаружил готовности к облегчению задачи Контостефана. Главной целью была Дамиетта, к которой подступили в самом конце октября. Прежде чем началась правильная осада, Саладин успел снабдить город припасами и послать в него сильный гарнизон, — это было уже дурным предзнаменованием для всего предприятия. Затем обнаружились раздоры в лагере осаждающих: греки не могли доверчиво относиться к латинянам, и наоборот. Дело затягивалось, а между тем у греков подходили к концу запасы, которых взято было на три месяца. Хотя латиняне имели хорошие заготовки, но продавали их по весьма высокой цене. Кроме того, не было согласия между главными начальниками насчет плана действий. Все это привело к крайне печальным последствиям и побудило Контостефана начать самостоятельные действия, не соображаясь с

желаниями короля. Он отдал приказ начать приступ, а король объявил, что им ведутся переговоры о сдаче Дамьетты. Таким образом, король заключил мир с турками совершенно самостоятельно, нисколько не заботясь о своих союзниках. В греческом лагере стали говорить об измене, и историк ничем не может опровергнуть этих слухов. В переговорах о мире со стороны египетских мусульман главную роль играл знаменитый впоследствии Саладин. Отступление византийского войска от Дамьетты и возвращение флота представляло трагическое зрелище. Все были крайне раздражены против начальников, побросали оружие и сожгли осадной материал. При возвращении же на море ожидали бури и всевозможные лишения, так что немногим удалось после разных приключений пристать к византийским гаваням. Полное крушение египетской экспедиции не только подняло политическое и военное значение мусульман, но и доказало совершенную безнадежность в будущем всяких совместных действий между латинянами и греками. Хотя король Амальрик ввиду крайней опасности со стороны Нур ад-дина посетил Константинополь в 1171 г. и хотя столичное население по случаю даваемых в честь его пышных празднеств вновь могло наслаждаться приятным сознанием величия «Ромэйской империи», но фактически новый проект похода в Египет не осуществился и бесповоротно пропущено было время к нанесению удара египетским мусульманам.

Глава 15. Последние Комнины. Начало реакции

Царь Мануил умер в сентябре 1180 г. на пятьдесят восьмом году жизни. Империя переходила к сыну его, едва достигшему одиннадцатилетнего возраста, Алексею II, за которым стоял ряд царских родственников и высших сановников, «с завистью посматривавших на царскую порфиру и выжидавших лишь случая примерить ее». Во главе правительства стояла вдова умершего царя императрица Мария, дочь антиохийского князя Раймонда. К несчастью, правительница не пользовалась между греками популярностью, прежде всего как иностранка, а затем как весьма легкомысленная женщина, за которой признавалось одно положительное качество — желание и умение нравиться. Ее красота была в ее руках сильным орудием: она могла водить за нос всех ¹⁹². Еще при жизни мужа она была в связи с племянником Мануила, протосевастом Алексеем, теперь же и другие лица пытались заслужить ее внимание. Протосевасту Алексею, занимавшему в царской семье первое место вслед за детьми Мануила, выпадала завидная доля: быть фаворитом царицы и занимать влиятельное положение в правительстве. Но его не любили ни греки, ни иностранцы за непрямоту характера, за услужливость перед высшими и за невыносимый деспотизм перед теми, кто ниже его. О нем делает такой отзыв Вильгельм Тирский (XXII, с. II): он пользовался советом и помощью латинян, но был не любим ими. Как все греки, был изнежен сверх меры и для удовлетворения своих прихотей придумывал неслыханные фантазии. Большим несчастьем для вдовы Мануила было то, что она была под влиянием столь ничтожного человека.

Дочь царя Мануила, выданная в тридцатилетнем возрасте за маркграфа монферратского Райнера, который по этому случаю был возведен в сан кесаря и, следовательно, приближен к престолу, была устранена от влияния на дела и, таким образом, вместе с другими членами фамилии Комнинов заняла враждебное к правительству положение. Ко временному правительству принадлежал и патриарх Константинопольский Феодосий. Царица Мария и протосеваст, не пользовавшиеся популярностью среди местного служилого дворянства, естественно искали опоры в слоях служилого и торгового сословия из иностранцев и тем бессознательно подготовляли образование национальной политической партии в Константинополе. Независимо от того стали распространяться слухи, что непопулярный протосеваст задумывает произвести переворот, устранив от власти наследника престола. Уже в начале 1181 г. составил заговор с целью лишить жизни протосеваста ¹⁹³. Хотя на этот раз протосеваст торжествовал победу, так как заговор был открыт, но вскоре дело враждебной ему партии перешло в искусные руки и поведено было с большим успехом.

В борьбе партий, открывшейся по смерти Мануила, принял деятельное участие тогдашний князь-изгой Андроник Комнин, который не находил себе поприща деятельности в Византии и большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по различным землям Европы и Азии. Существенное обстоятельство, обуславливавшее положение Андроника в царском семействе, заключалось в том, что он происходил от старшей линии, устраненной от престола не во имя государственного закона о престолонаследии, даже не в силу обычая, а единственно личною волей царей из младшей линии. Именно царь Мануил родился от младшего сына Алексея I Комнина, Иоанна, между тем как Андроник — от старшего, севастократора Исаака. Уже отец Андроника делал попытку отнять власть у царя Иоанна, но потерпел неудачу, бежал на Восток и поднимал против Византии иконийского султана. Что в потомстве севастократора Исаака властолюбие в соединении с энергией и даровитостью было наследственной чертой, видно уже из того, что в третьем поколении эта линия действительно достигла царской власти, образовав Трапезунтскую империю. При оценке деятельности Андроника, конечно, нельзя

упускать из виду этой наследственной черты.

Юношеские годы Андроник провел в столице и воспитывался вместе со своим двоюродным братом, будущим царем Мануилом. Как и все Комнины, Андроник получил хорошее школьное образование, любил беседовать с учеными знаменитостями и сам делал попытки в литературных трудах. Но, несмотря на дружбу и школьное товарищество, между Мануилом и Андроником не могли укрепиться искренние и доверчивые отношения, чему препятствовал частью их личный характер, частью новый порядок престолонаследия, установленный Комнинами. Со стороны Мануила было много подозрительности и доверия к доносам и наговорам, со стороны же Андроника — мало осторожности в отзывах о своем брате-царе. Как бы то ни было, Андроник никогда не был желанным и приятным в столице; здесь или приставляли к нему шпионов, или прямо заключали под стражу. Натянутые отношения между Мануилом и Андроником обнаружили весьма рано.

Человек честолюбивый и богато наделенный дарами природы, Андроник не уступал самому Мануилу в храбрости, много превосходя его остроумием, веселым нравом и доступностью. Ему не стоило большого труда сделаться популярным и любимым в столице. По своему положению, в особенности по фамильным притязаниям на власть, перешедшую к другой линии, Андроник не мог удовлетворяться второстепенными ролями и желал высших званий и отличий. Но при дворе остерегались давать ему полномочия и думали удовлетворить его неважными поручениями, которые Андроник неохотно принимал и невнимательно исполнял. Частная жизнь его была далеко не безукоризненна. В особенности открытая связь с родною племянницей Евдокией, дочерью севастократора Андроника, возбудила при дворе серьезное неудовольствие и желание воспользоваться первым предлогом к удалению Андроника из столицы. Два раза поручали Андронику воеводство в Киликии, раз посылали для управления пограничную с уграми область. Там и здесь он заслужил порицание в небрежности и навлек на себя подозрение в политической неблагонадежности. Трудно сказать, справедливы ли были обвинения в политической измене, за которую Андроник поплатился продолжительным тюремным заключением. Бежав из темницы, он искал убежища сначала на Руси у галицкого князя Ярослава Владимировича (около 1164 г.), а потом, с 1166 г., начал жизнь скитальческую, переходя из одной страны в другую. Был в Антиохии, в Палестине, в Дамаске, в Багдаде, наконец, в Грузии. Можно полагать, что он провел около 15 лет при дворах различных государей Востока. Этот период, в который, однако, не забывали Андроника в Константинополе, должен считаться самым любопытным в истории его жизни. Незадолго до смерти царь Мануил пригласил его в Константинополь, взял с него слово не искать власти при малолетнем Алексее II и назначил ему жить в одном из черноморских городов. Здесь и жил Андроник в 1181 г., когда до него дошла весть о смерти Мануила.

Со смертью Мануила открывалось широкое поприще для честолюбивых притязаний Андроника. Он брался за дело чрезвычайно осмотрительно. Жизненным опытом изощренный в тайной интриге, он не желал рисковать ничем, ведя дело издалека и прикрываясь самыми благонамеренными целями. Сначала он действовал тайно, через письма и посланцев, приготавливая почву для выполнения обдуманного плана. Что Андроник непосредственно руководил событиями, о которых предстоит нам говорить, усматривается из многих обстоятельств. Во главе заговора против протосеваста, открытого в феврале 1181 г., стояли двое сыновей Андроника — Мануил и Иоанн, о чем прямо свидетельствуют источники, написанные вскоре после событий. Из Пафлагонии, где указано было ему жить, Андроник внимательно следил за событиями в столице. Никто не мог оспаривать у него права на ближайшее участие в правительственных делах, ему всего приличнее было стоять во главе регентства. Он начал сеять раздор между руководящими лицами и, приняв на себя защиту национальных интересов,

выступил открыто уже тогда, когда недальновидный протосеваст успел показать, что от него нельзя ожидать решительных мер против наплыва иностранцев.

Мануил и Иоанн, сыновья Андроника, были исполнителями инструкций, получаемых от отца. Они впервые организовали партию против протосеваста и составили заговор на его жизнь. Среда, в которой они преимущественно вращались, состояла из царских родственников и высших сановников, недовольных новыми порядками. Между ними отметим: дочь умершего царя цесаревну Марию, бывшую в супружестве с маркграфом Райнером Монферратским, переименованным у греков в Иоанна; протостратора Алексея Комнина, незаконнорожденного сына Мануила; Андроника Лапарду, Иоанна Дуку, Иоанна Каматира и др. Допуская, что в этом первоначальном движении основным мотивом были личные счеты придворных, обиженных надменностью протосеваста, мы думаем, что только усердие Феодора Пантехни могло раздуть это дело в заговор на жизнь царя Алексея. Устранение царя теперь еще не было желательным для того, кого можно было считать душой заговора; для Андроника было нужно лишь произвести брожение в столице и тем напомнить о себе, относительно же дальнейших действий у него были особые планы. Хитроумный Андроник выступал именно в качестве защитника попираемых прав законного наследника престола. С предостережениями в этом смысле он обращался из своего изгнания к патриарху Феодосию и к другим лицам, у которых еще жива была благодарная память к умершему императору.

Словом, Андронику было желательно связать свое имя с освобождением византийской аристократии от протосеваста.

17 февраля 1181 г. заговорщики предположили захватить протосеваста Алексея во время его поездки в Вафи-Риак на Босфоре¹⁹⁴, причем нанятые убийцы должны были умертвить его в церкви в честь Феодора Тирона, во время вечерней службы. Тайна заговора не была, однако, соблюдена, и протосеваст узнал об угрожавшей ему опасности. Он назначил следствие по этому делу, которое согласно с его желаниями произведено было Пантехни, прокурором по секретным делам. Никита Акоминат упрекает судебное следствие в поспешности и пристрастности и самый суд, возглавляемый матерью-регентшей и царем, в несоблюдении установленных форм и в лишении обвиняемых права защиты. Упрек весьма знаменательный, если вспомнить ходячие мнения о византийском деспотизме и если принять в соображение, что имеется в виду политическое преступление. Патриарх Феодосий употреблял все усилия, чтобы восстановить на суде правду, т. е. чтобы признать обвинение лишь в покушении на жизнь протосеваста и не касаться вопроса об оскорблении величества, на чем, очевидно, было построено обвинение. Но Пантехни с настойчивостью провел обвинение во всей силе. Два сына Андроника, Мануил и Иоанн, также протостратор Алексей и епарх города Каматир были присуждены к тюремному заключению. Менее родовитые лица подверглись разным родам смертной казни; часть замешанных в заговоре выпущена на свободу, а часть спаслась бегством за границу. Во время судопроизводства должно было выясниться участие в заговоре и цесаревны Марии и ее мужа, хотя, по всей вероятности, вслух не было произнесено их имя. Пантехни еще готовил для цесаревны удар, когда патриарх, стоявший на стороне заговорщиков, предупредил ее об опасности и предложил ей убежище в церкви св. Софии. Это происходило в Великом посту.

На 5 апреля приходилась в 1181 г. Пасха, величайший христианский праздник, привлекавший в Царьград множество богомольцев из Европы и Азии. К обычной церковной торжественности присоединялась особенность отношений между светскою властью и духовною. Для случайных посетителей Царьграда, равно как для городской черни и всякого сброда праздного люда, представлялся случай редкого зрелища. По обычаю, от Софийской церкви должна была отправиться во дворец депутация с патриархом во главе, чтобы поздравить царя с праздником. Совершенно исключительные условия, вытекавшие из открытого

заступничества за цесаревну, внушили патриарху естественное опасение явиться во дворец, почему торжественная процессия была по его приказанию отложена. Это было отступление от обычая, и оно не могло не быть замечено народом.

Высокий авторитет, которым пользовался патриарх Феодосий, бывший также опекуном малолетнего императора, предостерегал протосеваста против крутых мер. Нельзя было не заметить к тому же, что городское население и уличная толпа не останутся безучастными к делу, за которое стоял патриарх. Между тем цесаревна Мария и супруг ее не выходили из церковной ограды. К ним присоединилось немалое число их приверженцев, равно как и таких лиц, которые боялись оговора и ареста. Нашлись желающие оберегать священное убежище с оружием в руках. Правительство, чтоб избежать смуты, оказалось вынужденным вступить с цесаревной в переговоры, обещая ей амнистию. Но она ставила свои условия, требуя, чтобы назначено было новое следствие о заговоре и чтобы выпущены были на свободу несправедливо обвиненные. А главное — она настаивала, чтобы протосеваст, позорящий память ее предков, лишен был власти и удален от двора. Но протосеваст не считал свое дело проигранным, влияние же его на царицу-мать было безгранично. Цесаревне отвечали приказанием покинуть церковную ограду, а в противном случае угрожали насилием. Тогда цесаревна оградила св. Софию цепью наемных людей из итальянцев, из армянских купцов и частью из греков. Как можно догадываться, последние меры не входили уже в планы патриарха и не могли заслужить его одобрения. По словам Никиты, он порицал цесаревну за то, что она зашла слишком далеко, хотя до конца оставался верным партии, враждебной протосевасту.

В последних числах апреля взаимное раздражение партий дошло до такого напряжения, что приверженцы цесаревны вступили в открытую борьбу с правительством. Борьба на многолюдных улицах города и на площадях продолжалась семь дней. С этим вместе начинается роковая эпоха движения, перешедшего в народ и изменившего свой первоначальный характер. Личные счеты цесаревны и регента Алексея-протосеваста должны были отступить на задний план перед народным недовольством иностранцами, на которых издавна опиралось правительство. Столичные беспорядки конца апреля и начала мая, потушенные наемными отрядами, были предвестником страшной смуты, роковой по своим последствиям для империи.

Евстафий Солунский, сообщающий мало внешних подробностей о восстании против правительственной партии, дает, однако, понять мотив и напряжение смуты.

«Это была священная война, — говорит он, — не потому, что церковные люди принимали в ней участие или что она началась в ограде и притворах церкви св. Софии, но по мысли, которая воодушевляла константинопольскую чернь».

Народные страсти возбуждены были систематическим пренебрежением правительства к интересам населения и частью основательным опасением, что ромэям неминуемо угрожает порабощение со стороны латинян, если не будет дано решительного отпора. Эта сторона дела со всею правдивостью отмечена Вильгельмом Тирским, посетившим Константинополь за год до смерти Мануила:

«Время регентства Алексея-протосеваста казалось удобным для знати и народа к осуществлению враждебных против нас планов. Ибо в царствование Мануила латиняне пользовались таким предпочтением, что император, муж великодушный и несравненной энергии, пренебрегая своими изнеженными и женственными греками, одним латинянам поручал важные дела, полагаясь на их испытанную верность и силы. И поелику латиняне пользовались его отличным расположением и расточительною щедростью, то наперерыв спешили к нему со всего мира и знатные, и незнатные. Нуждаясь в их услугах, он питал к ним все увеличивавшееся расположение и всех возводил в лучшее состояние. Оттого греческая знать и в особенности царские родственники и весь народ возымели непримиримую ненависть к

нашим; к напряженному недовольству и кипящей ненависти присоединялась и разность вероучения. Надменные выше меры и по гордости отделившиеся от Римской Церкви греки считают еретиками всех тех, кто не следует их произвольным традициям. Уже издавна питая враждебные чувства, они выжидали удобного случая, чтобы хоть по смерти императора истребить ненавистных латинян, живших в городе и в областях империи».

Задача Андроника клонилась к тому, чтобы овладеть этим народным движением против латинян и воспользоваться им для достижения своих целей. Так именно и понималась сначала миссия Андроника; ею объясняется весь успех его в борьбе с правительством Алексея II.

Главнейшие лица враждебной протосеасту партии находились в переписке с Андроником и сообщали ему о ходе движения в Константинополе, которое и было направляемо согласно с его инструкциями. Семидневная свалка на улицах столицы приготовлена была, как можно догадываться, не цесаревной и не сыновьями Андроника, а рукой более опытной и поддерживалась во имя более популярное. Что имя Андроника было знакомо народу и пользовалось уважением, в этом нельзя сомневаться: в народе пелись песни про богатую приключениями жизнь Андроника, про его переменную судьбу и рыцарские похождения. Стоило только объявить ему о национальном деле, чтобы поднять народ против существующего порядка и слабого правительства.

Судьба цесаревны Марии, нашедшей не совсем полную безопасность под защитой церкви, неуступчивость протосеаста, бесцеремонно пользовавшегося случайными правами, заключение под стражу высших сановников — все это служило поводом к сборищам и давало ораторам случай разжигать народные страсти.

«И во всяком другом городе чернь безрассудна и непреодолима в своем стремлении; цареградская же уличная толпа особенно склонна к волнениям и отличается необузданностью и непрямотою. Иногда пустой слух приводит ее в бунт, восстание разливается, как пожар, толпа смело идет на мечи, не останавливается перед утесом и глухим валом».

Как и во всяком большом городе, низший класс цареградского населения представлял собою постоянный протест против достаточных классов. Предпочтение, оказываемое иностранцам и новым правительством, оскорбляло народное самолюбие и давало приверженцам Андроника прекрасный случай, указывая на роскошные дома пришельцев и на экономическое положение народа, сулить в близком будущем освобождение от ненавистной тирании. Однажды во время церковной процессии, собравшей огромные массы народа на площади Августеон, толпа произвела буйную демонстрацию против протосеаста и регентши. Некоторые клирики, став во главе толпы с крестом и иконами в руках, разошлись по населеннейшим частям города, волнуя народ и поднимая его на священную войну. Приверженцы правительства подверглись ожесточенной мести толпы, которая несколько дней сряду буйствовала по улицам города, разрушая дома богачей и расхищая имущества. Роскошные дворцы епарха города и прокурора верховного суда Пантехни наряду с другими отмечены были в числе жертв народной мести. При этом погибли или были истреблены акты, утверждавшие права привилегированных классов. Протосеаст желал сначала овладеть местом, откуда выходили волновавшие народ воззвания. Но храм св. Софии и прилегавшие к нему здания обращены были в укрепленный лагерь, на который нужно было действовать не одною только силой, но также и искусством. Утром 2 мая предводитель царского отряда армянин Саввагий занял смежный с Августеоном храм Иоанна Богослова и с крыш этого здания завязал перестрелку с цесарианцами, владевшими башней Милион и храмом Алексея. Другой царский отряд в то же время отрезал тесные улицы и переулки, по которым могли прибывать к цесарианцам новые подкрепления. Здесь на улицах, идущих от Августеона, началась борьба, продолжавшаяся весь этот день. К вечеру толпы народа были разогнаны царскими войсками, защитники башни Милион и церкви Алексея также

покинули свои места, и тогда началось поспешное бегство к притворам св. Софии. Патриарх Феодосий, чтобы предупредить побоище в самом храме, так как царский отряд стоял уже почти при входе, вышел в облачении в притвор и увещал не нарушать святости места. Правительство усмирило, казалось, бунтовщиков; но победа досталась ему дорогой ценой, ибо народ разошелся по домам с затаенной злобой, «питая в душе измену». В ночь патриарх послал просить царицу-мать за цесаревну Марию, к его просьбе присоединили свои ходатайства великий дука Андроник Контостефан и великий этериарх Иоанн Дука. Им удалось в ночь на 3 мая выхлопотать полную амнистию цесарианцам, после чего цесарь и цесаревна Мария оставили ограду св. Софии.

В это время передавали в Константинополе слухи об Андронике, говорили, что он не потерпит поругания престола и отомстит протосевасту за все его несправедливости. Ораторы, восхваляя Андроника, приводили одно древнее предсказание, по которому ему обещана царская власть; доказывали, что он один в состоянии принять под защиту народное дело как человек умудренный опытом и летами и не зараженный латинским влиянием. В самый разгар борьбы вооруженных партий, когда народ был оттеснен от храма св. Софии и принужден спасаться бегством, не раз по толпе пробегала молва, которой доверяли разгоряченные головы: «Вон идет Комнин, остановился близко, около статуи коровы, против пролива». Другие же и сами верили и уверяли других, что Андроник уже с ними, что он сражается в их рядах. Действительно, можно удивляться, почему в самом деле Андроник не явился в Константинополь к маю 1181 г. Если его имя было так популярно в Азии, как в столице, то его дело могло считаться выигранным уже в это время.

По мере приближения к столице Андроник посылал воззвания к жителям городов, предлагая им сдаться. Иоанн Дука, правитель Никеи, едва ли не родной брат протосеваста, сохранил этот важный город в верности регенту. Точно так же отверг предложения его Иоанн Комнин, правитель Фракисийской фемы. Но эта неудача мало беспокоила смелого искателя приключений. Более мог повредить ему решительный удар со стороны императорского войска, которое поручено было набрать Андронику Ангелу. Но этот царедворец давал иное употребление денежным средствам, полученным на наем военных людей, и выставил против отряда пафлагонцев, подкрепленного горстью земледельцев, весьма слабые силы. К стыду империи, пафлагонцы разбили Андроника Ангела при местечке Карак, и сам вождь, не желая подвергаться ответственности и давать отчет в растрате сумм, передался Андронику Комнину с шестью своими сыновьями.

Измена Андроника Ангела поставила Алексея протосеваста в весьма затруднительное положение, показав ему, чем силен его противник и как мало вокруг него людей, на которых он мог бы положиться. Между тем Андроник Комнин направился прямо к столице и расположился со своими приверженцами в Халкидоне, на противоположном берегу пролива. Так как с ним был все же незначительный отряд, то, чтобы произвести впечатление на жителей столицы и отнять у них охоту поддерживать протосеваста, Андроник распорядился раскинуть палатки на возвышенных местах берега и, посадив часть своих людей в рыбацьи лодки, приказал им разъезжать по проливу на виду у жителей столицы. Установились сношения одной стороны с другою. Андроник со всеми был ласков и приветлив и всех уверял в близком вступлении в город. Протосеваст потерял голову и позволил Андронику много времени стоять в виду Константинополя, не принимая против него решительных мер. Он мог еще питать надежду выставить против Андроника иностранный флот, единственную силу, на которую в описываемое время могла опереться правительственная власть в Константинополе: поразительная слабость, постыдное банкротство! Иностранная колония привилегированных купцов и разного рода предпринимателей, будучи опорой правительства, служила в то же время

главнейшим мотивом движения против того же самого правительства, которое росло с приближением Андроника. Лучше, чем сами греки, понял это иностранец Вильгельм Тирский.

«Не только те, которые явно переходили к Андронику, ослабляли нашу партию, но и все другие знатные и народ уже не тайно, но явно высказывали свое расположение к Андронику. Вследствие того наши, страшно пораженные, боялись неожиданного нападения на них греков, будучи о том предуведомлены некоторыми участниками в заговоре».

Итальянцы, по преимуществу венецианцы, готовы были пожертвовать всеми наличными силами, чтобы предотвратить собирающуюся на них грозу. Для правительства же оставалось неизбежною и роковою необходимостью воспользоваться услугами иностранцев против народного движения. В Константинополе поспешили собрать годные к употреблению латинские и греческие суда. Протосеваст желал было дать начальство над флотом кому-нибудь из близких лиц, но и здесь должен был уступить обычаю, чем и погубил в конце свое дело. Тогдашний великий дука флота Андроник Контостефан настоял на том, чтобы флот поручен был непременно ему. Несколько дней провел он в бесполезном движении около берегов, желая, по-видимому, положить конец перебегам из столицы в лагерь Андроника и наоборот; наконец вошел в тайные сношения с халкидонским лагерем и предался со всем флотом на сторону Андроника Комнина. Последний выразил свое удовольствие по этому случаю, устранявшему последние препятствия на пути в столицу, в следующих словах, обращенных к Андронику Ангелу: «Вот я посылаю ангела Моего пред лицом твоим, который приготовит путь твой пред тобою». Для полноты характеристики положения следует упомянуть еще об одном лице, которому пришлось играть при Андронике важную роль: это будущий патриарх Георгий Ксифилин. Протосеваст возложил на него поручение переговорить с Андроником об условиях, на которых тот согласился бы оставить свои угрожающие намерения и распустить войско. Говорят, что Ксифилин вполне уверил Андроника в успехе его дела и внушил ему отнюдь не соглашаться на предложение протосеваста. Он принес в Константинополь решительный ответ, что требования Андроника заключаются в строгом суде над регентом и в устранении от дел матери-регентши.

Андроник Комнин обязан был своими успехами главнейше доброхотству партии греческих аристократов, которая в свою очередь приготовила политический переворот, разжигая вражду между пришлым привилегированным классом столицы и греками. Целый квартал в Константинополе предоставлен был итальянцам, которые считали себя опорой империи и не скрывали пренебрежения к презренным ромэям. Но Алексей-протосеваст был виновником усиления иноземного влияния. Он желал пользоваться услугами венецианского флота в той же мере и в тех же обстоятельствах, как не раз это случалось при царе Мануиле. Но теперь, ввиду подстрекательств со стороны приверженцев Андроника, а также ввиду надежд на перемену правительства, народное чувство сказывалось в весьма резкой форме. На площадях городских собирались сходки, на которых открыто говорилось, что регентша и протосеваст, потеряв любовь ромэев, ищут спасения в латинянах, что протосеваст поступился честью и независимостью империи, «обещая отдать латинянам город и обратить греков в рабство».

Эти слухи, распускаемые слишком усердными слугами Андроника и его приверженцами, произвели сильное возбуждение умов и вызвали наружу самые темные элементы населения и необузданные инстинкты. Возбужденной массе нужна была жертва — точно так же, как она нужна была родовитой греческой знати, явно и тайно поощрявшей Андроника. Еще призрачная власть находилась в руках протосеваста, когда более сильная невидимая рука начала уже заправлять делами. Из государственной темницы выпущены были сыновья Андроника и много других лиц, обвиненных в заговоре на жизнь протосеваста. Вскоре сам протосеваст был арестован во дворце и несколько дней содержался под крепкою стражей варягов. Затем,

сопровождаемый шутовской процессией, он был отправлен в лагерь Андроника и присужден к ослеплению. Ослеплением протосеваста удовлетворена была часть сподвижников Андроника, родовая аристократия. Нужно было принести другую жертву в удовлетворение массы народа.

По требованию исторической правды мы должны заметить, что страшное избиение латинян в Константинополе случилось еще прежде, чем Андроник успел переправиться из Халкидона в столицу.

Легкий успех, с которым Андроник достиг популярности в Константинополе и получил в свои руки высшую власть, обуславливался двумя обязательствами, принятыми им на себя и имевшими составить программу его царствования. Он обязывался, во-первых, установить национальное правительство и освободить Византию от латинян, во-вторых, ослабить служилую аристократию и поместное дворянство, причем предполагался ряд мер, имевших целью обеспечить благосостояние земледельческого сословия. Эти обязательства обуславливали деятельность Андроника и привели его к роковым коллизиям. Его сила и обаяние заключались в ожидаемых от него реформах. Связанный событиями, он едва ли мог предупредить кровавую расправу с венецианцами. Он был еще на другой стороне пролива, когда отряд пафлагонцев сел на суда и переправился на другой берег. Городская чернь, встретив этот отряд, повела его к Золотому Рогу, где была колония латинских купцов, живших в довольстве и роскоши, числом до 60 тысяч. Многие из них успели спастись поспешным бегством, пользуясь близостью моря, многих постигла, однако, страшная участь и зверское истребление. Многочисленная толпа с остервенением набросилась на латинские жилища и не давала никому пощады, без разбора пола и возраста. На море гонялись с греческим огнем за отплывавшими кораблями, на суше встречали мечом бегущих. То не был только грабеж и расхищение богатых домов, то было беспощадное истребление целого племени. Кто не выходил из домов из боязни или за слабостью сил, тех запирали и сожигали. Богатый иностранный квартал обращен был в дымящиеся развалины. «Там, — говорит Евстафий Солунский, — сеяли семя, из которого выросли колосья. Мы и другие вместе с нами пожали их потом на ниве Персефоны». В опьянении толпа шла от частных домов к церквям и благотворительным учреждениям, причем были разрушены многие церкви, перебиты духовные лица, а между последними и папский посол Иоанн, преданный позорному поруганию и обезглавленный. В странноприимном доме иоаннитов перебиты были лежавшие на постелях больные. Говорят, что до 4000 венецианцев, генуэзцев и сицилийцев были проданы в плен туркам и другим восточным народам.

«Так неистовствовали безбожные греки против своих гостей, за которых выдавали замуж дочерей, племянниц и сестер и с которыми вследствие долговременного сожительства были в тесном общении».

Греки дорого, однако, заплатились за минутное торжество. В то же время, как происходила в Константинополе описанная расправа с иностранцами, часть их, успевшая заблаговременно сесть на суда и спастись, с таким же ожесточением, как и греки, напала на селения и города по Босфору и на Принцевых островах. Монастыри, многочисленные в окрестностях Константинополя, подверглись грабежу и пламени, монастырская братия была перебита. Латиняне вознаградили свои убытки награбленными здесь веками копившимися церковными и частными имуществами. Вышедши в море, итальянцы не переставали опустошать прибрежные области и нанесли империи бесчисленные бедствия. Все эти беглецы, ушедшие частью на запад, частью на восток в Сирию, глашатаи о греческом варварстве, свидетельствовали об огромных потерях, понесенных латинским Западом на Востоке, и старались распространять мысль о неумолимом возмездии. Событиями 1181 г. действительно если не посеяно, то полито зерно фанатической вражды Запада к Востоку. С этими событиями нужно соединять и сицилийский поход в 1185 г., и завоевание латинянами Царьграда в 1204 г.

События складывались весьма благоприятно для Андроника. Влияние при дворе и в высшей администрации, по устранении протосеаста Алексея, получили сыновья Андроника. Приверженцы его свободно приходили к нему в лагерь и принимали от него инструкции. Городское население давно уже приготовлено было к встрече Андроника. Но он не спешил в столицу и откладывал торжественный въезд до апреля 1182 г. В это время появилась комета, которая истолкована была как небесное знамение, указующее судьбы империи. Многие охотно верили, что она прямо связана с судьбой Андроника. Если партия Андроника была уже многочисленна в Константинополе, то нет ничего удивительного, что появление кометы объяснено было в благоприятном смысле и послужило новым основанием к возвышению популярности Андроника. Провидение, казалось, отличает для греков своего избранника, давая им в смутное время давно желанного, лучшего царя.

Период реакции по смерти Мануила, в которой Андронику суждено было играть главную роль, в высшей степени привлекателен для историка во многих отношениях, хотя и достаточно обследован с точки зрения радикальных реформ, которые — искренно или нет — предположены были Андроником в удовлетворение национальной партии, способствовавшей его возвышению¹⁹⁵. С одной стороны, обаятельный образ Андроника и его рыцарские романические похождения, составляющие благодарный предмет для романа¹⁹⁶, с другой — жестокие и бесчеловечные поступки с царицей-вдовой, с племянником своим, царем Алексеем, и с византийской аристократией, возбуждающие отвращение в душе читателя, и, наконец, громадного значения для тогдашней Византии программа, которая не может не подкупить в пользу этого истинного злодея на царском троне, — таковы крайние противоречия, которые и до сих пор возбуждают недоумение в исследователях истории Андроника. Есть прекрасное место, которым характеризуется программа и настроение Андроника. Желая приготовить себе усыпальницу в храме 40 Мучеников, он озаботился возобновлением его и украшением. Между прочим, на одной картине, вероятно мозаичной, приказал представить себя не в царском, однако, облачении и не в золотом одеянии, но в виде скромного работника в одежде синего цвета, спускающейся до колен, а ноги от колен вниз обернуты в белые портянки. В руке у него большая кривая коса, которую он, склонившись, ловит образ юноши, изображенный только по плечи¹⁹⁷.

Первым делом по вступлении в Константинополь в апреле 1182 г. было торжественное изъявление покорности и почтения к царю Алексею, который с матерью находился в Манганском дворце. Спустя некоторое время была посещена усыпальница Мануила в церкви Пантократора. Присутствовавшие были поражены выражением глубокой скорби, которую обнаружил Андроник; но многие иначе поняли эту сцену и слезы Андроника называли актерством. Скоро, однако, истинные чувства и намерения Андроника стали для всех ясны. Прежде всего он постарался принять на себя правительственные задачи и для этого постепенно устранил от дел своего племянника, которому предоставил развлечения и игры, и его мать с ее приверженцами. В то же время он с особенной настойчивостью стал преследовать представителей родовитого дворянства, отнимая у них должности и по доносам и подозрениям лишая свободы и подвергая изгнаниям и казням. Из сопровождавшего его и прибывшего с ним в столицу отряда пафлагонцев он устроил как бы своего рода опричнину, из членов которой выбирались заместители высших должностей и которая составляла верную стражу Андроника. Первой жертвой был Иоанн Кантакузин, который был лишен зрения и заключен в темницу по подозрению в том, что сноится с двором царя Алексея II и поддерживает связи с своим шурином Константином Ангелом, в котором Андроник стал подозревать опасного для себя врага. Смелый удар был затем нанесен царской семье: цесаревна Мария, бывшая в замужестве за маркграфом Райнером, была отравлена, а вскоре за ней погиб и ее муж. Никто не сомневался,

что отравы была дана по приказанию Андроника. Слишком встревожила высшее дворянство политика Андроника, начались попытки вооруженной борьбы. Первый опыт обнаружился в восстании Иоанна Комнина-Ватаци, великого доместика, который из Филадельфии начал движение против Андроника. Неожиданная смерть Ватаци на время прекратила смуту, но скоро был обнаружен заговор, в котором приняли участие высшие чины: Андроник Ангел, начальник флота Контостефан, логофет дрома Каматир. Но заговор был открыт, и виновников постигли страшные наказания и конфискация имущества. Чувствуя под собой твердую почву, Андроник принял затем меры к удалению правительницы Марии. Сначала против нее возбуждено было народное раздражение как против иностранки, под влиянием которого патриарх должен был дать согласие на удаление ее из дворца. Не довольствуясь этим, Андроник, чтобы окончательно погубить ее, пустил в народ слух, что она состоит в сношениях с угорским королем и подстрекает его на войну с империей. Над царицей было наряжено следствие, и напуганные самовластными действиями Андроника судьи присудили ее к смерти по обвинению в государственной измене. Верхом жестокого издевательства, на которое едва ли был способен царь Иоанн Грозный и подобие которого можно указать разве в отношении афинянки Ирины к своему злосчастному сыну, было то, что судебный приговор о казни царицы поднесен был для подписи сыну ее.

«Бумага, — говорит историк Никита, — написанная брызгами материнской крови, осуждавшая ее на смерть, вручена была для исполнения самому близкому Андронику человеку, сыну его Мануилу; но у него оказалось еще столько чувства справедливости и сознания ужаса совершенных злодейств, что он решительно отказался пачкать руки в этом грязном деле. Андроник, пораженный этими словами, стал крепко крутить волосы своей бороды, глаза его горели, и он, то склоняя голову, то поднимая ее, горько оплакивал свою несчастную судьбу...»

Несчастливая царица после этого была задушена в монастыре св. Диомида приспешниками Андроника, которые отравили и порфирородную Марию, — то были Константин Трипсих и евнух Птеригионит. Для достижения предположенной цели единственным препятствием был теперь патриарх, но и он скоро удалился от дел, когда Андроник стал убеждать его благословить незаконный брак своей дочери с побочным сыном Мануила, рожденным принцессой Феодорой, с которой Мануил имел связь. Когда на место несговорчивого Феодосия был назначен в патриархи Василий Каматир, главнейшие препятствия к решительному шагу казались устраненными. В сентябре 1183 г. Андроник без всякого протеста провозгласил себя соимператором, а на другой день льстецы стали ему внушать, напоминая стих Гомера: нехорошо многовластие, лучше быть одному царю. Не прошло и месяца после венчания на царство, при котором он торжественно клялся, что принимает эту тяжелую обузу только из желания помочь племяннику, как во дворце произошло многими ожидаемое, но вместе с тем редкое по своей исключительности событие: царь Алексей II был удушен, и престол оказался свободным для Андроника. Когда Стефан Агиохристофорит, Константин Трипсих и Феодор Дадиврин принесли к Андронику тело царя, «он толкнул его ногой и обругал его родителей, назвав отца клятвopепреступником и насильником, а мать публичной женщиной. Потом иглой проколол ему ухо, продел нитку, наложил воск и приложил печать, что была на перстне Андроника. Затем было приказано отрубить ему голову»¹⁹⁸. Так погиб 15 лет от роду Алексей II Комнин. Обрученная за него дочь Людовика VII, которая имела не больше 11 лет, сделалась жертвой старческой похотливости жестокого тирана. Это не было, однако, последним из возмутительных действий Андроника. Сделавшись единодержавным, он не имел уже тех побуждений к преступным убийствам и отвратительным действиям, которые могли служить некоторым объяснением его бесчеловечных поступков с царской семьей и с византийской аристократией. Тем не менее основной характер его отношений к людям остается тот же. Есть

одно обстоятельство, которое до некоторой степени может бросить иной свет на внутреннюю политику этого царя. Характер Андроника не может быть оцениваем исключительно с точки зрения полуофициальной отрицательной литературы, которою мы располагаем. Этот последний представитель династии Комнинов имеет в истории провиденциальное значение: он был — или по крайней мере казался — царем народным, царем крестьян. О нем пелись в народе песни и слагались поэтические повествования, след которых хранится в летописи и в приписках на неизданных рукописях истории Никиты Акомината¹⁹⁹.

Конечно, для Андроника было весьма важно воспользоваться народным настроением и пустить в оборот слух, что он действительно является носителем либеральной программы, которая исцелит все злобы, народившиеся в последнее время. Независимо от сказаний о добром царе, который должен явиться в тяжкий период испытаний и спасти империю от бедствий, услужливо истолкованных в пользу Андроника его приверженцами, мы имеем указание на реальный повод для подобных народных взглядов на миссию Андроника в современных событиях литературных памятниках. Таковы, между прочим, речи и письма афинского митрополита Михаила Акомината, которые представляют превосходный материал для внутренней истории Византии, и в частности для города Афин в XII в., и из которых бьет живая струя оригинальных наблюдений по занимающей нас эпохе. Михаил жил в Константинополе до смерти царя Мануила, был очевидцем и непосредственным деятелем в событиях, последовавших за смертью его, и посвящен в епископы при Алексее II, а в Афины прибыл ранее того времени, когда в октябре 1183 г. Андроник погубил племянника и захватил царскую власть. Можно отсюда понять, какую важность следует придавать его сообщениям, касающимся политических событий того времени. На период регентства Андроника от мая 1182 г. до сентября 1183 г. падает речь митрополита Афинского²⁰⁰ к претору Просуху, посланному в Грецию правительством с обширными полномочиями. Если рассматривать это как первый акт административной деятельности Андроника, то мы должны поставить его в связь с теми ожиданиями национальной византийской партии, какие соединялись с именем Андроника. Выступая с приветствием к византийскому вельможе, оратор должен был коснуться современных событий, касающихся столицы, и вместе с тем затронуть местные нужды. Выразив благодарность регенту Андроннику и царю Алексею за заботы об империи, митрополит говорил следующее:

«Мы пользуемся отменным счастьем в выборе и назначении сюда во всех отношениях прекрасного мужа. Ибо эта мысль не иному кому принадлежит, как общему ходатаю и заступнику мудрому Комнину, высокое же и гуманное осуществление ее есть дело божественного нашего императора. Она возвратила прежний блеск преторской власти, недавно искаженной нерадением тех, которые неправильно ею пользовались. Ты послан сюда от Бога и царя, благодетель бедных, пресекатель неправды, устроитель справедливости, носитель правого суда, мститель за обиды. Таковым желают тебя встретить страждущие города Эллады и Пелопонниса. Мы издавна убедились, что ты кроток с бедными, страшен же любостыжателям, что ты защитник угнетенных и враг насильников, не склоняешь ни направо ни налево весы Фемиды, имеешь чистые от взяток руки. Мы знаем, как ты любишь дома Божии, как почитаешь священников служителей... Те страшные бедствия, в которые впала Эллада и от которых она чуть не умерла, исчезнут при содействии такого искусного врача; он не пощадит зараженных членов, чтобы не распространилась гангрена и не поразила все тело городов; он ослабит вымогательства сборщика податей и не доведет города до конечного разорения. Я надеюсь, что дарованными тобой благами насладится вся Эллада и Аргос, в особенности же моя Аттика и золотой некогда город Афины. Этот город, превосходивший все другие и блиставший, как луна среди окружающих ее звезд, ныне же померкший, одетый в печальное платье и лишенный золотых

волос, поручил мне передать тебе следующее: как благовременно ты явился ко мне, мой освободитель. Взгляни на пресловутый город, как сокрушило его время и как его посетили затем разнообразные бедствия: осталась почти необитаемая деревня, которая узнается лишь по имени и почтенным останкам. И вот я, некогда рассадник всякой мудрости и вождь доблестный, в пешех и морских боях часто одерживавший блистательные победы, ныне страдаю от набегов пиратов и грабежей в приморских селениях и борюсь с голодом и жаждой и бедностью».

Не дальше как через год после того митрополиту Афинскому случилось приветствовать нового претора Димитрия Дрими. В этой речи мы снова встречаемся с описанием бедственного положения современных Афин и вместе с тем имеем указания на административные реформы Андроника Комнина, о которых в летописи почти не сохранилось следов²⁰¹.

«Почти их, — говорил оратор, — Афины, облобызай землю красноречия, мудрый муж, только удержишься от слез и не омрачай настоящего торжества. Ибо я вижу, что у тебя навертываются слезы при взгляде на город Афины, который так утратил не говорю прежний блеск — давно уже нет его, но и самый вид и порядок, соединяемый с мыслью о городе. Взгляни на стены, частью полуразвалившиеся, частью совсем разрушенные, на эти здания, сровненные с землей и покрытые дикой травой, на этот как бы бешеный пир грабителей. Не трудись напрасно искать следов Илиэи, Портика или Ликей: увидишь разве каменистый холм Ареопага, ничего священного, кроме обнаженного куска скалы да разве еще небольшой остаток изящной Стои... Музы и Хариты, философия и софистика покинули Агтику, ее унаследовала крестьянская и варварская речь».

Узнав далее, что претор послан царем Андроником с целью восстановить в Элладе правый суд, оратор переходит к характеристике Андроника.

«Трудно было бы даже кратко сказать о делах царя и воздать им приличную хвалу. Но если и невозможно передать всего, что мы слышали и что повествовали нам те, которые возвещали хвалы царю, то не отказываемся бросить беглый взгляд на то, что мы сами знаем и что видели собственными глазами. И прежде всего вспомню, как в смутную и тяжкую годину Ромэйская империя возвала к своему прежнему любимцу, великому Андронику, дабы он низверг уже напившую латинскую тиранию и как польнь, привившуюся к юной отрасли царства. И он не громадную пешую и конную силу вел с собой, но, вооруженный справедливостью, шел налегке в любящий город... Первое, чем он воздал столице за ее чистую любовь, было освобождение от тиранической и латинской наглости и очищение царства от варварской примеси. Потом изгоняет тех, которые с детской навязчивостью домогались империи и волновали монархию, разрывая ее на многовластие. Увы, какой потоп угрожал царственному городу или, лучше сказать, стоящему над ним всему миру, пока не взялся за руль управления этот искусный кормчий. Какая же теперь тишина улыбается и готовится помазанному царю елей радости».

Хотя и трудно из хвалебного риторического произведения извлекать реальные факты, но все же Михаил Акоминат дал несколько определенных на этот счет указаний. Прежде всего говорится о судебных реформах, в особенности о привилегии в пользу Церкви. Правда, что выражение «он удостоил священное сословие соседания и участия в высочайшей чести» нуждается в дополнительных объяснениях, но весьма вероятно, что данные духовенству преимущества стояли в связи с освобождением Андроника от присяги, данной им царю Мануилу, насчет оберегания прав наследника престола. Право патриарха на кресло возле императорского трона, будучи внешним выражением данных ему преимуществ, едва ли должно быть истолковано в смысле дарования духовенству прав на участие в суде рядом со светскими судьями. Но главным средством, привлечшим к Андронику народные симпатии, были, конечно, его судебные преобразования; от мудрости царя не укрылось, чем болеют ромэйские города: то ненасытные сборщики податей, то горсть богачей, напавшая на сохранившееся после них и

поглотившая достояние Рима. В предупреждение чего на каждый округ поставлен судья, «дабы он раскаленным железом справедливости пресекал заразу любостяжания». Между самыми популярными мерами нового царя особенно выдвинута оратором мера по обеспечению вдов и сирот реформами законов о наследовании.

Заявив себя крестьянским царем и приняв на себя задачу очистить империю от иностранцев и от родовитых людей, имевших за собой влияние на дела и большую земельную собственность, Андроник не совсем точно рассчитал состав сил, какими он располагал. Высшие круги гражданского и военного сословия сплотились между собой ввиду угрожавшей им опасности и начали против Андроника как открытую, так и тайную борьбу, которая велась с таким умением и настойчивостью, что в ней победа оказалась на стороне первых. Открытое восстание обнаружилось в малоазийских городах: Никее, Бруссе и Лопадии. Душой движения были Кантакузины и Ангелы, но дело этим не ограничивалось и перешло в общее недовольство, обнаружившееся на окраинах империи. В особенности громадное значение в судьбе Андроника имели два обстоятельства: отпадение Кипра, где провозгласил себя независимым Исаак Комнин-Дука, и завоевание Солуни норманнами.

Короткое царствование Андроника не могло представить ни для крестьянского сословия, ни для ремесленного константинопольского населения ручательства, что введенный им порядок прочен. Напротив, продолжавшиеся казни и заточения и конфискации имущества не могли служить залогом успокоения и мирного устройства дел в потрясенной последними событиями империи. Популярность среди уличной толпы, к чему, по-видимому, так стремился Андроник, была весьма ненадежной порукой за будущее.

«И во всяком другом городе народная толпа безрассудна и непреодолима, цареградская же уличная толпа особенно склонна к волнениям, отличается необузданностью и кривым нравом, потому что состоит из разноплеменных народов. По справедливости порицается она за непостоянство характера, слабость и изменчивость. Неуважение к властям как будто природное их качество: кого сегодня законно выбирают во властители, того скоро затем будут порицать как злодея»²⁰².

Разыгравшаяся в столице трагедия, жертвой которой был последний представитель Комнинов, имела место в сентябре 1185 г., т. е. через два года после венчания Андроника на царство. В то время как он продолжал защищать себя против действительных и мнимых врагов жестокими казнями и заточениями, его приверженцы посоветовали ему попытаться открыть тайных врагов посредством магии, при помощи лиц, искусных в отгадывании будущего. Злой гений царя Стефан Агиохристофорит донес Андронику, что от 11 до 14 сентября самым опасным оказывается имя, начинающееся с букв «Ис». Сам Андроник посмеялся над оракулом, так как отнес его к Исааку, объявившему восстание на Кипре; никак невозможно было допустить, чтобы в три дня Исаак мог прибыть из Кипра и низложить его. Но Агиохристофорит имел в виду другого Исаака, из фамилии Ангелов, который жил тогда в столице. Вечером 11 сентября он решил захватить этого Исаака и заключить под стражу. Но, по-видимому, жертва была подготовлена к сопротивлению, ибо Исаак нанес сильный удар Агиохристофориту и поразил его насмерть, сам же поспешно направился к храму св. Софии и искал защиты у алтаря. К счастью для него, в городе не было царя и к св. Софии успели собраться родственники Исаака и большая масса народу, которая более сочувствовала его положению, чем палачам Андроника. К утру следующего дня стали высказываться пожелания, чтобы Исаак возложил на себя корону.

Между тем лишь только Андроник утром прибыл в город, здесь настроение вполне изменилось. Событиями начала управлять уличная толпа, открыты были темницы и выпущены из них заключенные. С оружием толпа окружила св. Софию и требовала провозглашения Исаака царем. Патриарх Василий Каматир был принужден совершить акт коронования и сопровождать

нового царя по улицам города в торжественной процессии. Андроник сделал попытку вступить в переговоры с толпой, но, видя, что на его стороне мало приверженцев, поспешил спастись из города бегством, переодевшись в простое платье. Спасшись на другую сторону Босфора, он имел намерение взять корабль и отправиться в Россию, но сильная буря помешала ему своевременно пуститься в море. Его задержали посланные Исааком люди, привезли в Константинополь и заперли в башню Анемы. Затем, обремененного цепями, привели к Исааку, который имел жестокость отдать его на поругание толпы. Последовала ужасная сцена издевательства над беспомощным стариком, закованным в цепи. С вырванными глазами и с отрубленной рукой он брошен был в темницу, где оставался без пищи и без всякого попечения. Через несколько дней его выводят на ипподром и здесь подвергают новым издевательствам и бесчеловечным мучениям, среди которых Андроник испустил дух²⁰³.

Глава 1. Норманнский поход. Начальный период движения в Болгарии

С насильственной смертью последнего из царей Комнинов начинается период внешних потерь и внутренних потрясений, период упадка и разрушения империи. В сущности, только 20 лет прошло от вступления на престол Исаака Ангела до латинского завоевания и знаменитого акта распределения частей Византийской империи между завоевателями, и нельзя, конечно, думать, что на царях из династии Ангелов лежит вся ответственность за беспримерный в истории провал всей хитрой системы, осуществлением которой служила византийская политическая и административная система. Тем не менее упомянутый кратковременный период представляет такое обилие фактов, свидетельствующих, с одной стороны, о распущенности и дегенерации высших классов византийского общества, с другой — об утрате центростремительной силы в идее самой империи и о преобладании таких стремлений, которыми окраины были отторгаемы от центра, что историку предстоит здесь особенно важная задача: дать посильное объяснение всемирно-исторических проблем о падении царств и народов. Еще более, чем в предшествующих частях, мы находим здесь необходимым пожертвовать биографическими данными царей и административных чинов и остановиться главнейше на фактах, так или иначе подготовлявших почти неизбежную катастрофу.

Выше мы говорили, что более просвещенные умы отдавали себе отчет о современном ходе вещей. Так, в истории Никиты Акомината находим трезвый и не ослепленный пристрастием взгляд на современную правительственную систему. Вся история после Мануила есть постепенное и неудержимое падение могущества империи. Начало разложения кроется в том, что византийские вельможи стремились к независимости в провинциях и опирались на союзы с врагами-соседями, возбуждая их против отечества. Падение патриотизма и измельчание характеров объясняется тем, что цари были подозрительны ко всем выдающимся душевными и телесными преимуществами людям и старались устранить их со своей дороги. Истребляя лучших людей, они создавали себе такую среду, в которой могли беспутствовать без помехи. Получив власть, они теряют здравый смысл и забывают, чем они были за несколько времени²⁰⁴. Любя праздность и роскошь, они тратили государственную казну на частные нужды, а провинции поручали родственникам, которые также заботились лишь о своей наживе. В особенности Исаак и Алексей Ангелы своими поступками окончательно испортили дела империи. Алексей обманул ожидания греков, так же как и брат его Исаак. Объяснив, что государственные должности не будут более предметом купли и продажи, он не сдержал обещания, так как царские родственники, привыкшие к хищению казенной собственности, не допускали к царю никого, прежде чем не получат взятки, вследствие чего продажность должностей сделалась общим явлением.

«Не только пролетарии, торговцы, меновщики и продавцы платья удаивались за деньги почетных отличий, но скифы и сирийцы за взятки приобретали ранги».

Вот картинка из частной жизни Исаака. Он любил роскошь и богатый стол, одевался в пышные одежды, каждый день принимал ванны и натирался благовонным маслом. Окружал себя шутами, мимами и странниками и охотно слушал их сказки и песни; предавался вину и женщинам.

Однажды он сказал во время обеда: подайте мне соли. Тогда его любимый шут на основании созвучия слов $\alpha\lambda\alpha\varsigma$ - соль и $\alpha\lambda\lambda\alpha$ - другие построил грубый каламбур, предложив государю попробовать сначала присутствующих за обедом, а потом требовать других. Он кощунствовал и оскорблял святыню, употреблял за своим столом священные сосуды, снимал

оклады с крестов и книг и делал из них цепи и украшения для своей одежды. Когда ему замечали, что этого не годится делать императору, он сердился, называл таких глупцами и утверждал, что у Бога с царем все нераздельно. Наделал фальшивой монеты и выпустил ее как настоящую, увеличил подати и расточительно трагил казну; продавал должности, как овощи на рынке. Несколько примеров беспорядочной правительственной системы рисуют время Алексея Ангела. Некто И. Лагос, получив начальство над государственной темницей, так извлекал доходы по своей должности. Не находя достаточным присваивать себе идущие в пользу заключенных подаяния, он стал освобождать самых ловких воров с той целью, чтобы они награбленное передавали ему, довольствуясь сами небольшой частью, какую заблагорассудит уступить им Лагос. Начались смелые грабежи и воровство. Хотя в городе было известно, кто виновник и где он находится, но было трудно достать до начальника темницы. Жалобы царю не достигали цели. Наконец собралась толпа и подступила к темнице с намерением захватить Лагоса. Сам Лагос убежал, из темницы были выпущены заключенные, и началось сильное движение против императора. Только тогда был прекращен мятеж вооруженной силой. Цари Ангелы как и в других отношениях были плохие правители, так еще в особенности были жадны и корыстолюбивы. Им всегда не хватало средств, которые они расточали на роскошь и украшение, в особенности же на женщин. Часто нарушая мирные договоры, они наносили вред союзникам-венецианцам. В то время как латинские крестоносцы подходили к Константинополю, здесь распродался корабельный лес частным лицам, а адмирал флота Стрифна спускал в продажу паруса и канаты, гвозди и якоря и промотал остававшиеся еще во флоте длинные суда. Все примеры, приводимые современным писателем, свидетельствуют о том, что в высшем обществе угас дух патриотизма и выдохлось понятие о чести и достоинстве. Полное безразличие к общественному благу и погоня за личным счастьем, понимаемым в узком смысле личного удовольствия, отличает деятелей изучаемого периода.

Мы, конечно, не можем здесь претендовать на разрешение проблемы, которая не перестанет никогда занимать мыслителей и которая раз была поставлена по отношению к Византии историком Гиббоном. Историк должен давать фактам надлежащее историческое освещение и группировать их по их внутреннему смыслу и взаимоотношению. В этом отношении небольшой период, который нас теперь занимает, представляет значительные удобства для освещения поставленной проблемы.

С точки зрения внешних событий, которые в большей или меньшей степени подготовляли катастрофу латинского завоевания, центральное место в хронологическом, а равно и в политическом отношении занимают факты, происшедшие на Балканском полуострове. Сюда относится, во-первых, поход норманнов, сопровождавшийся разграблением и временным занятием Солуни; во-вторых, освободительное движение в Болгарии, изменившее взаимное положение политических сил на Балканском полуострове. По отношению к тому и другому необходимо принять в соображение ряд обстоятельств или некоторых логических посылок, которыми они могут объясняться, как необходимый вывод.

Вследствие чрезмерных и жестоких преследований Андроника против туземной аристократии и в особенности после изгнания итальянских торговых людей из Константинополя в 1182 г., нанесшего громадные потери иностранной колонии, между сицилийскими и южноитальянскими норманнами поднялось большое движение против византийского правительства, которому король Вильгельм II охотно позволил выразиться в военном предприятии против империи. Немалое значение имело и то обстоятельство, что в Сицилию бежал один из важных вельмож, спасаясь от преследований Андроника: это был Алексей Комнин, внук Мануила, который мог сообщить сицилийскому королю о направлении дел в империи и о расположении умов против Андроника. Следует вспомнить о вековой вражде

норманнов к империи, чтобы понять готовность, с которой Вильгельм поспешил воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Нашелся притом же реальный повод к вмешательству в дела империи в лице самозванца псевдо-Алексея, который появился в сицилийском военном лагере и который намеревался сопутствовать норманнам в походе. Была составлена большая военная экспедиция из морских и сухопутных сил. Флот под начальством племянника короля, Танкреда, и адмирала Маргаритона отправлен прямо в Солунь, а сухопутному отряду поручено было высадиться в Драче и двинуться обычным путем в Македонию. Июня 24-го 1185 г. город Драч сдался без сопротивления, а в начале августа графы Ричард и Балдуин, командовавшие сухопутным войском, подступили к Солуни, куда 15 августа подошли и морские суда. Припомним, что в Константинополе в это время происходила ожесточенная борьба между Андроником и представителями служилой аристократии, которые готовили решительный и последний удар крестьянскому царю. Этим обстоятельством следует объяснять, что ни в Фессалии, ни в Македонии норманнам не было оказано сопротивления. Как первый город империи, имевший громадное торговое и военное значение, Солунь, конечно, не могла быть легкой добычей неприятеля. Но действительно, момент был весьма благоприятный для нападения, так как оказалась вполне атрофированная сила сопротивления в империи. Хотя Андроник поручил защиту Македонии своему сыну Иоанну, но он все время оставался в Филиппополе и не доставил в Солунь необходимых подкреплений. Прекрасная история завоевания Солуни, составленная современником и очевидцем Евстафием²⁰⁵, обстоятельно знакомит с психологическим настроением и стратегия Давида Комнина, и городского населения. Первый, находясь под страхом гнева и недоверия Андроника, относился к нападению норманнов как к желательному событию, которое могло быть ему лично даже полезным. Он ни разу не принял личного участия в защите города, «подавляя отвагу граждан подобно тому, как негодный охотник мешает лучшему порыву собак». Не предприняв сам никаких решений, он посылал в Константинополь ложные известия, что все обстоит благополучно, и допустил такие распоряжения, которые подрывали веру в него среди населения города. Так, он позволил заблаговременно выбраться из города наиболее состоятельным жителям, с которыми вышла масса людей, годных к несению военной службы. В упрек ему следует поставить еще и то, что он не озаботился заготовкой воды в большой цистерне акрополя и не сделал запасов продовольствия. Все это имело решительное влияние на недостаточную силу сопротивления Солуни осадившим ее норманнам. Гарнизон был очень слаб для службы на стенах, большая часть его состояла из иностранцев, между которыми отличался болгарский отряд. Но все благородные усилия нескольких патриотов мало принесли пользы вследствие бездеятельности и неспособности Давида Комнина. Между тем как неприятель днем и ночью бил стены приставленными машинами и утомлял защитников постоянными попытками завладеть тою или другою частью укреплений, в городе начал чувствоваться недостаток в продовольствии и в воде. Осада продолжалась девять дней; норманны подкопали стену с восточной стороны и ворвались в город 24 августа 1185 г.

Последовало страшное убийство беззащитного населения и грабеж богатого торгового города. Норманны заняли городские дома и хозяйничали в них как у себя, оставшиеся в живых жители обречены были на голод и проводили ночи под открытым небом. Среди общественного бедствия на высоте своего положения был знаменитый афинский архипастырь. Он сначала оставался в акрополе²⁰⁶, но недостаток воды и отсутствие припасов побудили его сойти в город и поселиться в митрополичьем доме. Здесь, однако, он оказался беззащитным против норманнов. Его схватили и как пленника поместили на корабль пирата Сифанта, который, как, впрочем, и все норманнские суда, наполнен был пленными и награбленными вещами. После продолжительных переговоров о цене выкупа, который с четырех тысяч перперов постепенно

понижен был на пятьдесят, Евстафий получил наконец свободу и возвращен к своей кафедре. Очень любопытны сношения митрополита с норманнскими властями.

«Когда мы совершали священные песнопения в храме великого Димитрия Мироточивого около его раки, в боковом корабле храма, наши враги пели свои гимны, подавая ответ на наши голоса и желая пересилить наше благолепное пение своими гнусливыми и негармоничными голосами, а также выкрикиванием текстов из Евангелия, доводили дело до ссор и таким образом нарушали порядок и священную благопристойность. Я доложил об этом графу Балдуину и просил не вносить беспорядка и не позволять своим священникам издеваться над нашим богослужением. Но мне не удалось ничего достичь, хотя в других отношениях он казался расположенным поддержать греческое население. Не знаю, из притворства или по искреннему расположению, но он наблюдал справедливость, не оставлял без наказания виновных, доставлял гробу святого великомученика в достаточном количестве золото и серебро и снабдил церковь книгами, хотя и не такими, какие были похищены, а более дешевыми. Он же пожертвовал серебряные подсвечники и несколько книг и священных одежд».

Евстафий отдает должное графу Балдуину еще и в том отношении, что он обуздал злобные чувства норманнов против греков, которые в опьянении победы могли допустить себе и гораздо большие жестокости.

«Латиняне относились к нам с враждебными чувствами, и часто в среде их произносились проклятия тем, которые в день занятия Солуни не истребили всех граждан; зачем, говорили, на этих телах остались головы, греческая кровь не терпит смешения с нашей, попросим у короля разрешения погубить их поголовно, тогда Солунь населена будет одними латинянами, и все пойдет хорошо. Следствием этого были постоянные нам угрозы и подстрекательства против нас графа Балдуина. И нам приходилось ходатайствовать и защищать и убеждать графа не становиться на сторону наших ненавистников. С большим трудом, употребляя все средства убеждения и ласкательства, мы достигли наконец того, что Балдуин дал слово не допустить ни убийства, ни насилия против жителей завоеванного города»²⁰⁷.

Норманны недолго оставались господами положения в Солуни. Приходившие вести из Константинополя о жестокостях Андроника и внутренней смуте подавали норманнам надежду, что им легко удастся дойти до самого Константинополя, если только воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Поэтому во второй половине сентября они начали движение от Солуни, оставив в городе незначительный гарнизон. К объяснению последовавшего скоро затем полного поражения норманнов греками следует принять во внимание, что норманнское войско разделилось в Македонии на части и что оно было значительно ослаблено болезнями и излишествами в пище и питье, допущенными по взятии Солуни. Весьма любопытно отметить, что нанесенные норманнам поражения падают на первые месяцы нового царствования и никак не могут быть приписываемы распоряжениям Исаака Ангела. Царь Андроник, несмотря на неблагоприятные внутренние условия, назначил для действия против норманнов нескольких вождей, снабдив их отдельными отрядами: таковы были Алексей Врана, Феодор Хумн, Палеолог и, наконец, сын Андроника царевич Иоанн. Осенью 1185 г., после катастрофы в Константинополе, некоторые из упомянутых вождей обнаружили признаки деятельности. Так, в октябре и ноябре в двух делах при Мосинополе и при Амфиоподе (Димитрица) норманны испытали значительные неудачи. В особенности поражение при Димитрице (7 ноября), где попали в плен графы Балдуин и Ричард, означало окончательную потерю норманнами занятого ими положения на Балканах. Оставшиеся после поражения части спаслись бегством в Солунь и стали выжидать здесь известий о действиях флота. Норманнские корабли прошли в Мраморное море и, не встречая сопротивления, сделали высадку в Никомидийском заливе. Но затем в Константинополе оказался небольшой флот, который готов был выступить против норманнов,

что же касается высадки на азиатском берегу, то и она не могла сопровождаться важными последствиями, так как за высадившимися наблюдал достаточный византийский отряд. Проведя в Мраморном море около 17 дней, норманнский флот должен был возвратиться назад. Таким образом, этот поход, весьма дорого обошедшийся сицилийскому королю, не принес норманнам никакой пользы. Военные действия, бывшие следствием норманнского вторжения на Балканский полуостров, стоят в связи с теми событиями, которыми предстоит нам теперь заняться и которые обнаружались также в 1185 г. Здесь было бы излишне возвращаться к критическому разбору известий о первых годах возмущения Петра и Асеня, следствием которого было освобождение Болгарии от византийского господства и образование второго Болгарского царства²⁰⁸, — в этом отношении громадная услуга истории сделана светским и церковным красноречием: именно на основании современных событиям ораторских слов оказалась возможность раскрыть последовательный ход событий болгарского движения. Непосредственные обстоятельства, вызвавшие и давшие пищу болгарскому движению, кроются в общем строе империи того времени и в перемене династии. Период чужеземного господства, со времени покорения Болгарии царем Василием II (1018) и до 1185 г., остается мало изученным временем. На основании переписки архиепископа Феофилакта есть возможность до некоторой степени осветить сухие заметки летописцев о периодически повторявшихся восстаниях в поработанной стране, которые, впрочем, легко были подавляемы византийскими войсками, пока наконец реакция, наступившая после Мануила Комнина, не придала болгарскому восстанию общий народный и последовательный характер. Политический организм империи удерживал еще вид цельности только потому, что на окраинах образовались свои малые центры, дававшие свою жизнь разным частям. Потеряв связь со столицей и утратив доверие к центральной власти, эти малые центры таили в себе зародыш политической самобытности. Самая административная система с широким развитием поместных прав служилого и дворянского сословия помогала развитию вредных для единства империи местных интересов. Знатные дворянские роды подготавливали из самодержавной монархии феодальное государство в провинциях, где они владели обширными поместьями и где были органами соединенной иногда гражданской и военной власти.

Нашествие норманнов не могло не сопровождаться разнообразными потрясениями установленного порядка не только в тех областях, которые подверглись временному занятию, но и в сопредельных с ними. Население сел и деревень разбежалось в леса и горы, куда не могли проникнуть неприятели. Бежавшие из Южной Македонии славяне были первыми глашатаями молвы, которая облетела Болгарию и которою воспользовались предводители болгарского движения, что великомученик Димитрий покинул Солунь и переселился к болгарам, дабы быть им помощником в борьбе с греками, покинутыми Божеством. Еще большее значение для болгарских дел имело восстание Алексея Враны, последовавшее за очищением полуострова от норманнов и отвлекшее в другую сторону заботы и попечения правительства. Враны не принадлежали к значительным дворянским фамилиям; родовое гнездо их находилось в Адрианополе, а поместья были расположены во Фракии, не исключена возможность видеть в них славянскую семью. Устойчивость фамилии Вран во Фракии со второй половины XII и по XIV в. может свидетельствовать о важном значении поместного дворянства в истории Византии. Алексей Врана, стоявший во главе войск, действовавших против норманнов, получил приказание вслед за очищением от врагов Македонии направить находившиеся в его распоряжении силы против болгар, начавших восстание осенью того же 1185 г.

Между тревожными симптомами разложения империи следует указать и отпадение острова Кипра. Это было делом Исаака, по матери происходившего от Комнинов, а по отцу от Дук. При Мануиле он был дукой Киликии, обвинен в измене, в войне с иконийским султаном

имел несчастье попасть к сарацинам в плен и представлял собой тип князя-изгоя, подобно Андронику и его сыновьям. Хотя царь Андроник простил ему прежние проступки, но Исаак в 1184 г. с набранной им дружиной охотников отправился в Кипр и там, ссылаясь на поддельные царские грамоты, объявил себя императором. Он заявил себя такими же жестокими мерами на Кипре, как Андроник в Константинополе, и, несмотря на это, в течение нескольких лет оставался бесконтрольным распорядителем судьбами острова.

Итак, Алексей Врана, стоявший во главе военных сил, действовавших против норманнов, еще прежде, чем войска были распущены, задумал отложиться и объявить себя императором. Мы знаем, что очищение полуострова от иноземного нашествия могло считаться оконченным в ноябре 1185 г.; но в это время уже заметны были признаки волнений между болгарами, почему тому же Вране поручено было направить оружие против беспокойных подданных. Искусно прикрывая свои замыслы, Врана не предпринимал наступательных действий против болгар и ограничивался донесениями, что без новых и значительных подкреплений он не может надеяться на успех. Так он успел соединить под своею властью почти все военные силы, которыми располагала империя на западе, и дал время распространить враждебное к Византии настроение среди болгар. В таком свете представляет ход дела панегирик М. Акомината, сказанный летом 1186 г. Вообще обстоятельства, относящиеся к началу болгарского движения, изложены в летописи весьма слабо и вызывают в читателе различные недоумения. По всему видно, что заговор Враны, рассчитанный на перемену династии, опирался на симпатии к этому роду в Македонии и во Фракии, на поддержку в столице и на обширные военные средства, так что органы центральной администрации должны представляться совершенно бессильными во Фракии и Македонии за все время, пока Врана не потерял жизнь под стенами Константинополя. В числе войск, приведенных им в начале зимы 1186 г. под столицу, были норманны и другие иноземцы, но что для нас важнее — были славяне и союзники их против Византии, куманы. Хотя от этого далеко еще до тожества или прямой связи между делом Враны и болгарским движением, но одновременность того и другого факта и участие однородных элементов в войске Алексея Враны и болгарских вождей не может быть более оставляемо без внимания. Заговор Враны был благоприятным для Асений обстоятельством, которое дало им возможность лучше организовать восстание и подкрепить свои силы частью приверженцев павшего генерала. Прежде чем Исаак Ангел предпринял против них весенний поход (1186), болгары имели удачное дело с отрядом, предводимым И. Кантакузином. Они напали на ромэйский лагерь, расположенный в долине, перебили людей и овладели обозом. Весьма вероятно, что дорогие украшения и одежды, присвоенные сану цесарей византийских, которые оказались в числе добычи, унесенной при этом болгарами, были первыми внешними отличиями, возложенными на себя Асениями.

Наряду с рассмотренными фактами мы не можем дать места брачному союзу Исаака Ангела с угорским королевским домом. Этот союз следовал за обнаружением волнений в Болгарии, а не предшествовал и, следовательно, не стоит в причинной связи с ним. Византийско-угорский союз вызван был не болгарскими делами, а состоявшимся в это время союзом между германским императором и норманнами. Исаак Ангел, счастливо устранив опасности, угрожающую Византии со стороны сицилийцев, должен был понимать, однако, что своими успехами он обязан больше случайным обстоятельствам, чем действительному превосходству военных сил империи и целесообразности принятых против иноземного нашествия мер. В руках сицилийских норманнов были Солунь и Драч, важнейшие приморские города империи, выше и значительнее которых был один разве Константинополь. Не удавшаяся на этот раз попытка сицилийцев могла повториться снова, при менее счастливом сочетании благоприятных условий для Византии. Между тем император Фридрих I достиг в то время

осуществления своих давних замыслов: сосватав за своего сына наследницу сицилийской и неаполитанской короны, он не только соединял на будущее время Южную Италию и Германию, но и возлагал на императора германского новые политические задачи по отношению к Византии. Исаак Ангел начал тогда же переговоры с угорским королем Белою о родственном и политическом союзе против общих врагов, ибо германо-норманнский союз одинаково угрожал и притязаниям угорских королей на Далмацию, вследствие чего заключен был брак между дочерью короля Белы III и императором Византии. Правда, угорская принцесса не достигла брачного возраста, но политические соображения были так важны, что император согласился дожидаться совершеннолетия невесты; договор, основанный на этом союзе, должен был обеспечить империю против опасного для нее германо-норманнского союза. Брачный союз состоялся едва ли не в конце 1185 г., но уже никак не позже первых месяцев следующего года. Придворный оратор, возлагая на союз Византии с Угрией радостные упования, позволяет себе в речи, посвященной этому событию, насмешливые намеки на западный союз.

С точки зрения византийских государственных людей, Исаак Ангел сделал большую ошибку, не обратив надлежащего внимания на болгарские дела в первое же время и не воспользовавшись плодами своей победы над ними. Весной 1186 г. Исаак сам стал во главе войска и пошел против болгар, которые начали делать нападения на византийские города и поселки. Но в виду византийского войска Асени предпочли отступление случайностям неравной битвы и расположились станом за Балканскими горами, преградив всякий доступ неприятелю через проходы искусственными сооружениями. Исаак, пользуясь темным и сумрачным временем, сделал переход через горы в другом месте и неожиданно явился перед станом болгар. Отряд Асений был разогнан, сами вожди убежали за Дунай, к половцам, чтобы просить у них помощи. Собственно, здесь начинаются ошибки византийских военных людей, которые, не усмотрев в предприятии Асений народного движения и положившись на притворное раскаяние части болгар, не позаботились занять города и укрепленные места гарнизонами и поспешили возвратиться в Византию, чтобы праздновать счастливое военное дело.

Осенью того же года предпринят был новый поход против болгар. Петр и Асень вошли в сношение с задунайскими половцами, которым уже не была незнакома дорога к Константинополю, и убедили их принять военное братство против Византии.

«Соглашение состоялось на том, чтобы половцы заняли одну крепость около Балканских гор, за что была им обещана условленная плата и дано позволение переправиться через горный проход, или Железные Ворота, сделать набег на византийские города и селения, забирать и уводить в полон все, что могут; болгаре же обещали бесплатно снабдить их проводниками».

Куманы охотно приняли предложение и, подобно весенним пчелам, рассеялись по долинам, спускающимся от Балкан. Известно, что ужасная сила этих хищников заключалась в быстроте. Они вели с собой по нескольку лошадей и могли делать неимоверно быстрые переезды. Не встречая сопротивления, половцы показывались уже вблизи Адрианополя и угрожали самой столице. Император, выступив в поход, надеялся через четыре дня встретиться с врагами. Сборным местом назначен был Адрианополь, куда потянулся тяжелый обоз, между тем сам император с приближенными шел усиленными переходами. Отделив часть войска Андронику Кантакузину и Мануилу Камизе с тем, чтобы они следили за другими партиями, сам Исаак двинулся по дороге к Веррии, где, как доносили ему, медленно направлялся к горам обремененный добычей отряд.

«Прошедши около 50 стадий, я встретил варварское войско, расположившееся на одном месте и окруженное добычей. Одних пленников было до 12 тысяч, животных же было такое множество, как звезд на небе. Когда мы сошлись лицом к лицу, часть куман погнала вперед добычу, другая вступила с нами в сражение. Они на бегу делают нападение, таков их обычай

сражаться. Но скоро, обращенные в бегство, они были преследуемы и избиваемы в пространстве 60 стадиев. Когда наши рассеялись в преследовании, варварам неожиданно явились помощь человек в 1000 или более. Войско царства моего, испуганное криком врагов, обратилось в бегство: варвары понеслись за нами и убивали отстававших. Дело могло бы кончиться величайшим несчастьем, если бы я не приказал крикнуть немногим, следовавшим за мной, и не напугал варваров звоном щитов. Заметив царское знамя и узнав о моем присутствии, они не выдержали нашего нападения, обратились в беспорядочное бегство, рассеялись в разные стороны и сделались легкой добычей наших наездников».

Общий результат осеннего похода, в котором дело при Лардеи, очевидно, было самое счастливое, должен быть назван по меньшей мере неудачным. В весенний поход византийцы нашли еще некоторые проходы или совсем не занятыми болгарами, или слабо защищенными. Теперь же император не отваживался идти в Болгарию, ограничившись обороною больших городов, как Филиппополь, Адрианополь, Веррия и Агафополь. Поздней уже осенью или зимой, когда куманы, вообще не зимовавшие в чужих областях, ушли на север, в военном совете решено было начать наступление, т. е. двинуться за Балканские горы и разорить гнездо Асеней. Что болгарское движение распространялось от северо-востока к юго-западу и что в это время Асеням принадлежал только восточный угол Забалканской Болгарии, об этом свидетельствует, между прочим, и относящееся сюда место Никиты:

«Итак, царь решил снова отправиться в Загорье и во что бы то ни стало смирить болгар. Поэтому из Филиппополя он двинулся к Софии, ибо получил известие, что там проход через горы не очень затруднителен, а по местам и совершенно открыт, есть и источники с достаточным количеством воды, и подножный корм для скота, если только вовремя воспользоваться всем этим (т. е. предполагается, что ближайшие восточные проходы были заняты болгарами). Но так как солнце сделало уже поворот на зиму, и реки покрылись льдом по суровости тамошнего холодного климата, и снег, выпав в огромном количестве, наложил покрывало на лицо земли и завалил не только долины, но и двери домов, то царь отложил предприятие до следующей весны, расположив войско на зиму в этой области, сам же поспешил в столицу».

Весной 1187 г. Исаак действительно продолжал поход. По всей вероятности, византийцы и на этот раз шли через Балканские горы на Софию (Этрополь). Так как ближайшая цель их должна была заключаться в завладении Тырновом и Преславой, то дорога на Софию и Ловеч во всяком случае не может быть названа прямой для этой цели. Безуспешной осадой, с одной стороны, и защитой, с другой, города Ловча ограничились, по-видимому, результаты этого похода. С этого времени, однако, византийское правительство должно было покинуть надежды на замирение Болгарии; в его отношениях к Асеням уже замечаются следы договора. Младший брат Асеней, Иоанн, был выдан императору в качестве заложника, причем между враждующими сторонами установлен был некоторый *modus vivendi*. Скоро затем дела на Балканском полуострове усложнились вмешательством Сербии и Угрии.

В системе полузависимых и только частью обнаруживавших зачатки политической жизни славянских народностей Балканского полуострова угры во многих отношениях издавна занимали первостепенное положение. Угорский король как владелец страны, лежавшей на пути в Св. Землю, во время крестовых походов был весьма значительным членом в ряду европейских государей, голосом которого они не могли пренебрегать. Не меньшее значение имел угорский король и на Балканском полуострове. Сербь, болгаре и хорваты представлялись весьма незначительными и слабыми подле угорского короля, который был весьма беспокойным соседом и для византийского императора. Императору Мануилу Комнину удалось, после продолжительных, однако, усилий, обеспечить себя со стороны угров тем, что он помог Беле III

удержать за собою власть, оспариваемую родичами. Заключив потом брачный союз с угорским королевским домом, Мануил ни разу не имел случая жаловаться на неблагодарность Белы.

Когда Андроник Комнин, признанный соправителем Алексея II, выказал явное намерение устранить от власти вдову Мануила, императрицу Марию, она искала заступничества у угорского короля. Было даже дознано на следствии, наряженном Андроником, что Мария вызвала Белу на военные меры против Византии. По крайней мере, она судима была по статье за государственную измену. Бела III действительно отвоевал у Византии в 1182 г. важные крепости на Дунае: Белград и Браничево, равно как в союзе с сербами город Ниш на границе Сербии и Болгарии. Известнейшие генералы того времени, Андроник Лапарда и Алексей Врана, посланные против Белы, не имели да и не желали, вероятно, иметь военных успехов, так как их больше занимали константинопольские события и крутые внутренние реформы Андроника Комнина. Эти завоевания Угрии на счет Византии были возвращены последней при восшествии на престол Исаака Ангела, вследствие родственного и политического союза, который заключен был между византийским правительством и королем Белой. Когда Асени завоевали независимость Болгарии и права Византии на означенные города тем самым были уже устранены, начались счеты между уграми и болгарами из-за тех же городов и областей. Претензии той и другой стороны ясно высказаны в дипломатических сношениях того времени, к которым мы будем иметь случай возвратиться ниже.

Угры XII в., так же как и нынешние, всеми мерами препятствовали образованию независимого славянского государства на юге от Дуная. С другой стороны, нужно принять во внимание притязания Сербии, которая в это время обнаруживает стремление распространить свои границы частью на счет Византии, частью же Болгарии. Современником Асений болгарских в Сербии был основатель династии Неманичей, Стефан Неманя. Он соединил Сербию, раздробленную на мелкие уделы, под одну власть и с 1159 г. сделался великим жупаном. При царе Мануиле Сербия находилась в некоторой зависимости от Византии. Со смертью Мануила великий жупан сербский вступает сначала в союз с уграми, с которыми и участвует в войне против Андроника Комнина. Город Ниш, по всей вероятности, был наградой сербов за этот союз. Когда же сделался императором Исаак Ангел, великий жупан Сербии, натурально, должен был искать себе друзей между врагами императора и короля. Союз сербов с болгарами должен был состояться еще в первые годы борьбы Болгарии за независимость, хотя распространение сербской власти на пограничные с Византией города, несомненно, последовало уже после 1187 г. Известный нам поход Исаака в этом году направлен был именно через Софию (и Этрополь), чего нельзя было бы сделать, если бы сербы состояли тогда в открытой войне с империей. Стефан Неманя довольствовался пока завоеванным у Византии городом Нишем; наступательное движение его в восточном и южном от Сербии направлении начинается позже 1187 г. До этого же времени он занят был не менее важными делами на западной границе Сербии, в Далмации, где преобладание византийского или норманнского влияния одинаково подвергало Сербию опасности. Сохранившийся до настоящего времени договор с Дубровником от 1186 г. хорошо поясняет планы Стефана Немани. В 1189 г., в переговорах с императором Фридрихом I, сербский жупан домогался соединения Далмации с Сербией, для чего предлагал сосватать за его сына наследницу далматинской короны. На эти последние переговоры мы должны смотреть как на неудавшуюся попытку Немани вступить в германо-норманнский союз в качестве равноправного члена.

Таким образом, дело освобождения Болгарии Петром и Асенем в 1189 г. перешло в общее движение славян Балканского полуострова. С одной стороны были сербы и болгары, с другой — византийский император и угорский король. Последний должен был озаботиться положить конец движению славян не только потому, что он был союзником и другом империи, но и в

интересе целостности и спокойствия своего королевства. Фридриху I предстояло разрешить весьма важную задачу: стать ли на стороне славян или угодить уграм. Отношения угорского короля к возрождению болгарской народности составляют любопытнейший эпизод в истории событий, которыми мы занимаемся.

Глава 2. Третий крестовый поход. Фридрих I и славяне

Каждая новая волна, выбрасывавшая на сирийские и палестинские берега массы западных христиан, производила не то действие, какого от нее следовало ожидать. Крестоносцев постигали всевозможные неудачи, мусульмане постепенно усиливались и закрепляли за собой занятые позиции: горькое чувство тяжелой обиды распространялось на Западе против Восточной империи, коварной и антихристианской политике которой приписывались все потери. После второго крестового похода обе королевы-правительницы, Мелизинда в Иерусалиме и Констанца в Антиохии, окруженные временщиками и ничтожными искателями приключений, не были в состоянии ни понять, ни тем менее предотвратить угрожающую со стороны магометан опасность. Все события здесь группируются около величественных фигур Нур ад-дина и Саладина. Саладин обладал всеми качествами, которые нужны были для того, чтобы осуществить идеальные задачи мусульманского мира и восстановить преобладание ислама. Характер его выясняется из истории третьего крестового похода, из его отношений к английскому королю Ричарду Львиное Сердце. Саладин напоминает черты рыцарского характера, а по своей политической сообразительности он стоял далеко выше своих врагов-европейцев. Не в первый раз во время третьего крестового похода Саладин является врагом христиан.

Он начал свою деятельность еще во время второго крестового похода; он участвовал в войнах Зенги и Нур ад-дина против христиан. После окончания второго крестового похода он отправился в Египет, где приобрел большое значение и влияние на дела и скоро захватил в свои руки высшее управление в калифате, поддерживая в то же время связи и сношения с калифатом Багдадским. После смерти Нур ад-дина его сыновья затеяли междоусобную борьбу. Саладин воспользовался этими раздорами, явился в Сирию с войсками и предъявил свои притязания на Алеппо и Мосул. Враг христиан, прославивший себя как завоеватель, Саладин соединил вместе с обширными владениями и грозными военными силами энергию, ум и глубокое понимание политических задач своего времени. Взоры всего мусульманского мира обратились на него; на нем покоились надежды мусульман, как на человеке, который мог восстановить политическое преобладание мусульманского мира над христианами. Земли, завоеванные христианами, были одинаково священны как для египетских, так и для азиатских мусульман. Религиозная идея была столько же глубока и реальна на Востоке, сколько и на Западе. С другой стороны, и Саладин понимал, что возвращение этих земель мусульманам и восстановление сил мусульманства Малой Азии возвысит его авторитет в глазах всего мусульманского мира и даст прочное основание его династии в Египте. Таким образом, когда Саладин захватил в свои руки Алеппо и Мосул в 1183 г., для христиан настал весьма важный момент, в который им приходилось разрешить весьма серьезные задачи. Но христианские князья были далеко ниже своей роли и выпадавших им задач. В то время, когда со всех сторон они были окружены враждебным элементом, они находились в самых неблагоприятных условиях для того, чтобы оказать сопротивление своим врагам: между отдельными княжествами не только не было солидарности, но они находились в крайней деморализации; нигде не было такого простора для интриг, честолюбия, убийств, как в восточных княжествах. Примером безнравственности может служить Иерусалимский патриарх Ираклий, который не только напоминает собою самых дурных Римских пап, но во многом превосходил их: он открыто жил со своими любовницами и расточал на них все свои средства и доходы; но он был не хуже других; не лучше были князья, бароны, рыцари и духовные лица. Припомним знатного тамплиера Роберта С. Албанского, который, приняв мусульманство, перешел на службу к Саладину и занял высокое положение в

его войске. Полная распущенность нравов господствовала среди тех людей, на которых лежали весьма серьезные обязанности ввиду наступавшего грозного неприятеля.

Если среди рыцарей и баронов можно было ожидать измены и коварства, то и главные вожди — князья и короли — были не лучше их. В Иерусалиме стал королем Балдуин IV, человек, лишенный всякого политического смысла и энергии, который хотел отказаться от своего княжения и вместо себя намерен был короновать своего малолетнего сына Балдуина V; при этом возник спор из-за опеки: спорили Гвидо Лузиньян, зять Балдуина IV, и Раймонд, граф Триполи. Представителем полного произвола является Рейнальд Шатильонский, который совершает разбойничьи набеги на торговые мусульманские караваны, шедшие из Египта; мало того что своими набегами Рейнальд возбуждал против христиан мусульманский элемент, но он наносил существенный вред самим христианским княжествам, которые жили этими караванами, и подрывал в самом корне торговлю Тира, Сидона, Аскалона, Антиохии и других приморских христианских городов. Во время одной из подобных экскурсий, которые Рейнальд совершал из своего замка, он ограбил караван, в котором находилась и мать Саладина. Это обстоятельство и можно считать ближайшим мотивом, вызвавшим столкновение между мусульманским повелителем и христианскими князьями. Саладин и раньше указывал иерусалимскому королю на недостойные поступки Рейнальда, но у короля не было средств обуздать барона. Теперь, когда Саладину было нанесено оскорбление чести и родственного чувства, он, невзирая на перемирие, которое было заключено между ним и христианскими князьями, объявил христианам войну не на живот, а на смерть. События, которыми сопровождалась эта война, относятся к 1187 г. Саладин решил наказать иерусалимского короля как за поступки Рейнальда Шатильонского, так и вообще за то, что он поддерживает еще тень независимого владетеля. Войска его подвигались из Алеппо и Мосула и были сравнительно с силами христиан весьма значительны. В Иерусалиме можно было набрать всего до 2 тысяч рыцарей и до 15 тысяч пехоты, но и эти незначительные силы не были местными, а составлялись из элемента, пришедшего из Европы.

В деле 5 июля 1187 г., когда решилась участь всего христианства, не обошлось в христианском войске без отвратительной измены. Близ города Тивериады, когда два враждебные войска стояли одно против другого, готовые вступить в битву, многие из князей, увидя, что мусульманское войско превосходит их численностью, и считая сомнительным и даже невозможным для себя успех битвы, перебежали на сторону Саладина, в том числе и Раймонд. Само собой разумеется, что при таком положении дела христиане не могли выиграть битвы; все войско христианское было уничтожено; король иерусалимский и князь антиохийский попали в плен. Все пленные были обречены Саладином на смертную казнь; одному королю иерусалимскому была дарована жизнь. Ничтожная горсть христиан, которая спаслась от жалкой участи бегством, часть горожан и простых рыцарей, не могла принять на себя защиту христианских земель. Саладину в короткое время удалось овладеть всеми береговыми замками и крепостями, которыми владели христиане по берегу Средиземного моря. Отнимая приморские города, Саладин уничтожал везде христианские гарнизоны и заменял их мусульманскими. В руках христиан оставались еще кроме Иерусалима Антиохия, Триполи и Тир.

В сентябре 1187 г. Саладин подступил к Иерусалиму. Горожане думали сопротивляться, поэтому отвечали уклончиво на предложение его сдать город под условием дарования осажденным свободы. Но когда началась тесная осада города, христиане, лишенные организующих сил, увидели всю невозможность сопротивления и обратились к Саладину с мирными переговорами. Саладин соглашался за выкуп даровать им свободу и жизнь, причем мужчины платили по 10 золотых монет, женщины по 5, дети по 2. Иерусалим был взят Саладином 2 октября. После взятия Иерусалима он не мог больше встретить препятствий к

завоеванию остальных христианских земель. Тир удержался благодаря лишь тому, что его защищал прибывший из Константинополя граф Конрад из дома монферратских герцогов, отличавшийся умом и энергией.

Весть о том, что совершилось на Востоке, получена была в Европе не сразу, и движение началось на Западе не раньше 1188 г. Первые известия о событиях в Св. Земле пришли в Италию. Для Римского Папы в то время не оставалось возможности колебаться. Вся церковная политика в XII ст. оказалась ложною, все средства, употребленные христианами для удержания Св. Земли, были напрасны. Необходимо было поддержать и честь Церкви, и дух всего западного христианства. Невзирая ни на какие затруднения и препятствия, папа принял под свое покровительство идею поднятия третьего крестового похода.

Известно, что третий поход осуществился при обстоятельствах более благоприятных, чем первые два. В нем принимают участие: император германский Фридрих I Барбарусса, французский король Филипп II Август и английский — Ричард Львиное Сердце. Не было в походе только общей руководящей идеи. Движение крестоносцев в Св. Землю направлялось разными путями, да и самые цели вождей, участвовавших в походе, были далеко не одинаковы. Вследствие этого история третьего похода распадается на отдельные эпизоды: движение англо-французское, движение германское и осада Акры. Существенный вопрос, долго препятствовавший французскому и английскому королям прийти к соглашению насчет похода, зависел от взаимных отношений Франции и Англии в XII ст. Дело в том, что на английском престоле сидели Плантагенеты, графы Анжу и Мена, получившие английский престол вследствие женитьбы одного из них на наследнице Вильгельма Завоевателя. Всякий английский король, оставаясь в то же время графом Анжу и Мена, герцогом Аквитании и присоединенной сюда еще Гиени, должен был давать французскому королю ленную присягу на эти земли. Ко времени третьего похода английским королем был Генрих II Плантагенет, а французским — Филипп II Август. Оба короля находили возможность вредить один другому благодаря тому обстоятельству, что земли их во Франции были смежны. У английского короля правителями его французских областей были два его сына, Иоанн и Ричард. Филипп II заключает союз с ними, вооружает их против отца и не раз ставит Генриха английского в весьма затруднительное положение. За Ричарда была сосватана сестра французского короля Алиса, которая жила тогда в Англии. Разнесся слух, что Генрих II вступил в связь с невестой своего сына; понятно, что подобного рода слух должен был оказывать влияние на расположение Ричарда к Генриху II. Французский король воспользовался этим обстоятельством и начал раздувать вражду между сыном и отцом. Он подстрекал Ричарда, и последний изменил своему отцу, дав ленную присягу французскому королю; этот факт способствовал только большему развитию вражды между французским и английским королем. Было еще одно обстоятельство, препятствовавшее обоим королям подать возможно скорую помощь восточным христианам. Французский король, желая запастись значительными денежными средствами для предстоящего похода, объявил в своем государстве особый налог под именем «Саладиновой десятины». Этот налог распространялся на владения самого короля, светских князей и даже на духовенство; никто ввиду важности предприятия не освобождался от платы «Саладиновой десятины». Наложение десятины на Церковь, которая никогда не платила никаких налогов, а сама еще пользовалась сбором десятины, возбудило недовольство среди духовенства, которое и начало ставить преграду этой мере и затруднять королевских чиновников в сборе «Саладиновой десятины». Но тем не менее эта мера была довольно успешно проведена как во Франции, так и в Англии и дала много средств для третьего похода. Между тем среди сборов в поход умер английский король Генрих II (1189), и наследство английской короны перешло в руки Ричарда, друга французского короля. Теперь оба короля могли смело и дружно приступить к осуществлению идей третьего

крестового похода. На успех третьего крестового похода оказало большое влияние участие английского короля. Ричард, человек в высшей степени энергичный, живой, раздражительный, действовавший под влиянием страсти, был далек от идеи общего плана, искал прежде всего рыцарских подвигов и славы. В самых сборах его к походу слишком рельефно отразились черты его характера. Ричард окружил себя блестящей свитой и рыцарями, на свое войско, по свидетельству современников, он издерживал в один день столько, сколько другие короли издерживали в месяц. Собираясь в поход, он все переводил на деньги; свои владения он или отдавал в аренду, или закладывал и продавал и таким образом действительно собрал громадные средства; его войско отличалось хорошим вооружением. Часть английского войска отправилась из Англии на кораблях, сам же Ричард переправился через Ламанш, чтобы соединиться с французским королем и направить свой путь через Италию. Движение это началось летом 1190 г. Оба короля предполагали идти вместе, но многочисленность войска и возникшие при доставке пропитания и фуража затруднения заставили их разделиться. Французский король шел впереди и в сентябре 1190 г. прибыл в Сицилию и остановился в Мессине, поджидая своего союзника. Когда прибыл сюда и английский король, движение союзного войска было задержано теми соображениями, что начинать поход осенью по морю неудобно; таким образом, оба войска провели осень и зиму в Сицилии до весны 1191 г.

В Мессине Ричард начал ряд торжеств и праздников и своими поступками поставил себя в ложное положение по отношению к норманнам. Он хотел распоряжаться как полновластный повелитель страны, причем английские рыцари позволяли себе насилия и произвол. В городе не замедлило вспыхнуть движение, которое угрожало обоим королям; Филипп едва успел потушить восстание, явившись примиряющим элементом между двух враждебных сторон. Было еще одно обстоятельство, которое поставило Ричарда в ложное положение как по отношению к французскому, так и германскому королю, — это притязания его на норманнскую корону. Фактически он обосновывал свое право тем, что за умершим Вильгельмом II была замужем Иоанна, дочь английского короля Генриха II и сестра самого Ричарда. Временный узурпатор норманнской короны, Танкред, держал в почетном заключении вдову Вильгельма. Ричард потребовал выдать ему сестру и заставил Танкреда дать ему выкуп за то, что английский король оставит за ним фактическое обладание норманнской короной. Этот факт, возбуждивший вражду между английским королем и германским императором, тоже имевшим право на Сицилию по браку Генриха VI на Констанции, дочери Рожера II, имел большое значение для всей последующей судьбы Ричарда.

Все это ясно показало французскому королю, что ему не удастся действовать по одному плану с королем английским, и потому в марте 1191 г. он сел на корабль и переправился в Сирию. Главная цель, к которой он стремился, был город Птолемаида (французская и немецкая форма — Ассон, русская — Акра). Этот город в течение времени от 1187 до 1191 г. был главным пунктом, на котором сосредоточивались виды и надежды всех христиан. С одной стороны к этому городу направлялись все силы христиан, с другой — сюда стягивались мусульманские силы. Весь третий поход сосредоточивается на осаде этого города; когда весной 1191 г. прибыл сюда французский король, казалось, что главное направление делам дадут французы.

Флот Ричарда, отплывшего из Сицилии в апреле 1191 г., был захвачен бурей, и корабль, на котором ехала невеста Ричарда, принцесса Беренгария Наваррская, был выброшен на остров Кипр. Кипр находился во власти вельможи Исаака Комнина, который отложился от византийского императора и объявил себя независимым. Он не различал друзей и врагов императора, а преследуя свои личные, эгоистические интересы, объявляет пленницей невесту английского короля. Таким образом, Ричард вместо движения в Палестину должен был начать войну с Кипром, которая потребовала от него много времени и сил. Овладев островом, Ричард

заковал в серебряные цепи Исаака Комнина и торжественно отпраздновал первое территориальное приобретение англичан на Средиземном море. Между тем в Кипр прибыл титулярный король Иерусалима Гвидо Лузиньян, которому и был уступлен остров Кипр.

Ричард оставил наконец Кипр и прибыл к Акре, где два года вместе с другими христианскими князьями принимал участие в бесполезной осаде города. Самая идея осады Акры была в высшей степени непрактична и прямо бесполезна. В руках христиан были еще приморские города — Антиохия, Триполи и Тир, которые и могли обеспечивать им сообщение с Западом. Эта идея бесполезного предприятия была внушена эгоистическим чувством таких интриганов, как Гвидо Лузиньян. В нем возбуждало зависть, что в Антиохии был свой князь, в Триполи владел другой, в Тире сидел Конрад из дома герцогов монферратских, а у него, иерусалимского короля, не было ничего, кроме одного имени. Этой чисто эгоистической целью и объясняется его приезд к английскому королю на остров Кипр, где он щедро расточал перед Ричардом заявления чувства преданности и старался расположить в свою пользу английского короля. Осада Акры составляет роковую ошибку со стороны деятелей третьего крестового похода; они бились, тратили время и силы из-за небольшого клочка земли, в сущности никому не нужного, вполне бесполезного, которым хотели наградить Гвидо Лузиньяна.

Большим несчастьем для всего крестового похода было то, что в нем вместе с английским и французским королем не мог принять участия старый тактик и умный политик император Фридрих Барбарусса. Он готовился к крестовому походу и участвовал в нем совсем иначе, чем французы и англичане. Он отправил посольства к византийскому императору, к иконийскому султану и к самому Саладину. Отовсюду были получены благоприятные ответы, ручавшиеся за успех предприятия. Если бы под Акрой участвовал Фридрих Барбарусса, ошибка со стороны христиан была бы устранена им. Дело в том, что Саладин обладал отличным флотом, который доставлял ему из Египта все припасы, а войска шли к нему из середины Азии — из Месопотамии; само собою разумеется, что при таких условиях Саладин мог успешно выдержать самую продолжительную осаду приморского города. Вот почему все сооружения западных инженеров, башни и тараны, все напряжение сил, тактики и ума западных королей — все пошло прахом, оказалось несостоятельным при осаде Акры. Фридрих Барбарусса внес бы в дело крестового похода идею практики и, по всему вероятно, направил бы свои силы туда, куда следовало: войну нужно было вести в Сирию и Месопотамию, ослаблять силы Саладина внутри страны, где находился самый источник пополнения его войск.

Крестовый поход Фридриха Барбаруссы предпринят был с соблюдением всех мер предосторожности, обеспечивавших возможно меньшую потерю сил на пути через византийские владения. Фридрих заключил предварительно с византийским императором договор (в Нюрнберге), вследствие которого ему предоставлялся свободный проход через имперские земли и обеспечивалась доставка съестных припасов по установленным заранее ценам. Новое движение латинского Запада на Восток немало тревожило византийское правительство; ввиду беспокойного состояния Балканского полуострова Исаак Ангел заинтересован был в точном соблюдении договора. Еще крестоносцы не двинулись в поход, как в Византии получено было секретное донесение из Генуи о приготовлениях. «Я уже известился об этом, — писал в ответ Исаак, — и принял свои меры». Поблагодарив Балдуина Гверцо за эти известия, император продолжает: «И на будущее время имей радение доводить до нашего сведения, что узнаешь и что нам важно знать». Само собой разумеется, несмотря на внешние дружественные отношения, Исаак не доверял искренности германцев, и в этом нельзя винить его.

24 мая 1189 г. император Фридрих I Барбарусса вступил в пределы Венгрии. Хотя король Бела III лично не решился участвовать в крестовом походе, но оказывал Фридриху знаки

искреннего расположения. Не говоря уже о ценных подарках, предложенных императору, он снарядил отряд в 2000 человек, который принес немалую пользу крестоносцам знанием местных условий и выбором путей. Через пять недель крестоносцы были уже на границе владений византийского императора. Прибыв в Браничево 2 июля, они в первый раз вступили с чиновниками императора в прямые сношения, которые сначала казались, впрочем, удовлетворительными. Из Браничева лучшая дорога к Константинополю шла по долине Моравы к Нишу, потом на Софию и Филиппополь. Греки будто бы не хотели вести латинян этим путем и умышленно испортили его; но люди из угорского отряда, хорошо знавшие пути сообщения, убедили крестоносцев настоять на выборе именно этой дороги, которую они взялись исправить и сделать проезжей, вопреки желанию греков. Заметим здесь прежде всего, что крестоносцы держали путь по землям, едва ли тогда вполне принадлежавшим Византии. Течение Моравы, всего вероятней, было уже спорным между греками и сербами, иначе говоря, здесь не было тогда ни византийской, ни другой администрации. Шайки разбойников на собственный страх нападали на мелкие отряды крестоносцев и без подстрекательства византийского правительства. Нужно, с другой стороны, иметь в виду, что крестоносцы и сами не церемонились с теми, кто попадал в их руки: на страх другим захваченных с оружием в руках они подвергали страшным истязаниям.

Около 25-го числа июля к Фридриху явились послы Стефана Немани, а по прибытии в Ниш, 27-го числа, император принимал и самого великого жупана Сербии. Здесь же, в Нише, велись переговоры с болгарами. Ясно, что в Нише не оставалось уже византийских властей, иначе они не допустили бы Стефана Неманю до личных объяснений с германским императором, которые, во всяком случае, не клонились в пользу Византии. И если крестоносцы на пути от Браничева до Ниша и потом до Софии подверглись неожиданным нападениям и терпели урон в людях и обозе, то, по справедливости говоря, византийское правительство едва ли должно нести за это ответственность. Нужно только удивляться, почему оно ни разу не сделало соответствующего заявления Фридриху I и не обратило его внимания на положение дел на полуострове²⁰⁹. Сербь и болгаре предлагали крестоносцам, в сущности, одно и то же — союз против византийского императора, но в награду за то требовали признания нового порядка вещей на Балканском полуострове. Мало того, славяне готовы были признать над собою протекторат западного императора, если он согласится обеспечить за сербами сделанные ими на счет Византии завоевания и присоединить Далмацию и если Асеням предоставлена будет Болгария в бесспорное владение. В частности, великий жупан Сербии просил согласия императора на брак своего сына с дочерью герцога Бертольда, владетеля Далмации. Хотя не было тайной, что с этим брачным проектом соединялись виды на перенесение владительных прав над Далмацией на дом Немани, тем не менее согласие Фридриха было получено. Это обстоятельство в соединении с новыми переговорами, имевшими место между германским императором и славянскими вождями, позволяет выставить некоторые сомнения против показания Ансберта, будто ответ Фридриха в Нише был определенно отрицательного свойства. Имея действительной целью крестовый поход, Фридрих, может быть, из осторожности и по нежеланию впутываться в новые сложные отношения уклонялся от прямого и решительного ответа на предложения славян. Но мы увидим далее, что славянский вопрос не раз еще заставлял его задумываться и колебаться. Будь на месте Фридриха Роберт Гвискар, Боемунд или Рожер, события приняли бы совершенно иной оборот и предложения славянских князей, вероятно, были бы оценены.

Нет причины не доверять словам Никиты Акомината, который обвиняет в недалекновидности и обычной небрежности тогдашнего логофета дрома (Иоанн Дука) и Андроника Кантакузина, на ответственности которых лежало провести крестовое

ополчение. Взаимное недоверие и подозрения питались не только тем, что крестоносцы не получали иногда подвоза припасов, но и слухами, что опаснейшая клисура (Sancii Bacil, или Траяновы Ворота), ведущая через Балканские горы на Софию к Филиппополю, занята вооруженным отрядом. Конечно, нельзя не видеть нарушения Нюрнбергского договора в тех мерах, какие принимало византийское правительство, чтобы задержать движение крестоносцев, порча дорог, запор клисур и снаряжение наблюдательного отряда; но оно старалось объяснить свои предосторожности и выражало открытое неудовольствие сношениями Фридриха с возмущившимися сербами и болгарами. Так, когда еще крестоносцы были около Ниша, к ним явился Алексей Гид, который высказал строгое порицание губернатору Браничева и обещал все устроить по желанию Фридриха, если только сам он запретит войскам грабить окрестные селения, прибавляя, что германцы не должны иметь никаких подозрений относительно вооруженного отряда, стерегущего клисуры, ибо это — мера предосторожности против жупана Сербии. Когда крестоносцы подвигались к главнейшей клисуре, ведущей в филиппопольскую равнину, трудности путешествия увеличивались для них более и более. Мелкие отряды беспокоили их неожиданными нападениями в опаснейших местах, вследствие чего крестоносное ополчение шло медленно и в боевом порядке. Германское посольство, отправленное в Константинополь, по слухам, принято было недостойнейшим образом. Чем ближе крестоносцы подходили к Македонии, тем сильнее росло неудовольствие их против греков. Полтора месяца шли они от Браничева до Софии (Средец); как натянуты были отношения между греками и германцами, можно судить из того, что когда последние 13 августа достигли Софии, то нашли город оставленным жителями; само собой разумеется, здесь не было ни византийских чиновников, ни обещанных припасов.

20 августа крестоносцы держали путь через последнюю клисуру, которая была занята греческим отрядом; последний, однако, отступил, когда крестоносцы обнаружили покушение проложить дорогу с оружием в руках. К Филиппополю подошли крестоносцы уже в качестве врагов империи, и с тех пор до конца октября отдельные вожди делали нападения на города и села и вели себя в греческой земле совершенно как неприятели. Если нельзя оправдывать правительство Исаака Ангела за недоверие к крестоносцам, то и поступки последних не могут быть названы благовидными. Не доверяя грекам, Фридрих пользовался услугами угорских проводников и сербского отряда. Как бы крестоносцы ни желали доказать свою правоту, нельзя упускать из виду и показаний лиц, для которых не было повода скрывать настоящее положение дел. Фридрих не прерывал сношений со славянами, которые служили ему во все время перехода через Болгарию, хотя он не мог не знать, что это питало подозрительность Исаака Ангела.

Осенью 1189 г., со времени занятия крестоносцами Филиппополя, еще более должно было усилиться взаимное раздражение, так как византийский наблюдательный отряд имел неоднократно столкновения с крестоносцами, а последние занимали вооруженною рукой города и селения. Тем не менее и к концу осени положение не разъяснилось, между тем Фридриху опасно было пускаться в дальнейший путь через Малую Азию, не заручившись точными и верными обещаниями со стороны греческого императора. Для разъяснения отношений отправлено было в Константинополь новое посольство, которому поручено было сказать приблизительно следующее:

«Напрасно греческий император не позволяет нам идти вперед; никогда, ни теперь, ни прежде, мы не замыслили зла против империи. Сербскому князю, врагу греческого императора, который являлся к нам в Ниш, мы никогда не давали в бенефицию ни Болгарию, ни другой земли, подвластной грекам, и ни с одним королем или князем не замыслили ничего против греческой империи».

Этому второму посольству удалось выручить, не без больших, однако, хлопот, первое,

ранее того отправленное в Константинополь. Все послы возвратились в Филиппополь 28 октября. На следующий день в торжественном собрании вождей послы делали донесение о том, что они испытали в Константинополе, и рассказывали обо всем, что они видели и слышали.

«Император не только весьма дурно обращался с нами, но без всякого стеснения принимал посла от Саладина и заключил с ним союз. А патриарх в своих проповедях, говоренных по праздничным дням, называл псами Христовых воинов и внушал своим слушателям, что самый злой преступник, обвиненный даже в десяти убийствах, получит разрешение от всех грехов, если убьет сотню крестоносцев».

Собрание выслушало такое донесение перед тем, как введены были послы византийского императора. Нет ничего удивительного, что переговоры не могли быть дружелюбны, на высокомерные требования крестоносцев греческие послы отказались отвечать. До чего могли доходить греки и крестоносцы в чувстве взаимного раздражения и подозрительности, показывает, между прочим, следующий случай. Значительный отряд крестоносцев, сделав нападение на Градец, поражен был странными изображениями, найденными в церквах и в частных домах: на картинах были изображены латиняне с сидящими у них на спинах греками. Это так ожесточило крестоносцев, что они предали огню и церкви и дома, перебили население и без сожаления опустошили всю эту область. По всему вероятно, латиняне расвирепели при взгляде на картины Страшного суда, в которых местные живописцы, для известных целей, могли пользоваться и западными типами. Обычай, во всяком случае, извинительный, если бы ненависть и нетерпимость латинян к грекам и без того не достигла крайних пределов. Византийское правительство имело полное основание предполагать, что сербский князь действует в союзе с Фридрихом, и было бы весьма трудно доказать, что Фридрих не обнадеживал Стефана Неманю в его честолюбивых замыслах. В то время, когда крестоносцы угрожали уже самой столице греческой империи (Адрианополь и Димотика были в руках крестоносцев), тыл их, защищенный сербскими войсками, был в полной безопасности, так что они нашли возможным перевести филиппопольский гарнизон в Адрианополь.

Летописцы много раз упоминают о послах сербского великого жупана и о сношениях крестоносцев со славянами. Известно, что труднее всего было удовлетворить притязания Стефана Немани на Далмацию — обстоятельство, которое могло вовлечь Фридриха в неприятные столкновения с норманнами и уграми. Не лишено значения, что каждый раз выдвигается в переговорах с сербами герцог Бертольд, тот самый, которого дочь была обещана за сына Стефана Немани. В трудные минуты, когда терялась всякая надежда на соглашение с византийским императором, помощь славян была для крестоносцев истинным благом, которым они не могли пренебрегать на случай окончательного разрыва с греками. Но так как все же оставались некоторые признаки, что греческий император также опасается разрыва, то славянские посольства выслушивались, по обычаю, милостиво, принимаемы были на службу небольшие отряды из сербов, к решительным же мерам Фридрих опасался прибегнуть во все время своего пребывания на Балканском полуострове. На тогдашнее положение дел проливает свет донесение клирика Эберггарда, посла императора Фридриха к венгерскому королю, возвратившегося, между прочим, с письмом от последнего для Исаака. Письмо, правда, не заключало в себе ничего важного: в нем Бела выставлял на вид Исааку, какие опасности может навлечь на империю его строптивость с крестоносцами. Но посол мог личными наблюдениями иллюстрировать содержание письма и дать ему совершенно новое объяснение.

«Король, — говорил он, — весьма смущен и поражен победоносными успехами крестоносцев и внесенным ими в греческую землю опустошением. Когда получена была весть об опустошении крестоносцами округа Димотики, король совсем переменялся в обращении с послом. С тех пор он уже не был так добр и милостив, как прежде, посол не получал более ни

кормовых, ни карманных из королевской камеры».

Между другими новостями тот же клирик Эбергард сообщил, что, проходя Болгарией, он нашел разрытыми все могилы крестоносцев, умерших на пути, и что трупы вытащены из гробов и валяются по земле.

К началу 1190 г. крестоносцы продолжали еще пересылаться посольствами с греческим императором, но никакого соглашения не могли достигнуть. Фридрих, кажется, серьезно думал воспользоваться услугами Петра, вождя болгар, который предлагал выставить к весне 40 тысяч болгар и куман, с каковым подкреплением можно было бы сделать попытку проложить путь в Малую Азию и помимо согласия греков. Но германский император должен был за это не только признать свободу Болгарии, но и обеспечить за Петром императорский титул.

Есть возможность объяснить до некоторой степени мотивы, по которым Фридрих и в январе 1190 г. колебался еще принять на себя задачу разрешения славянского вопроса, на которую наталкивали его обстоятельства. Для него оставалась еще надежда, устранив помощь славян, которая сопряжена была с неприятными и тяжелыми обстоятельствами, получить к весне вспоможение из Европы. В этих соображениях он писал к своему сыну Генриху:

«Поелику я не надеюсь совершить переправу через Босфор, разве только получу от императора Исаака избраннейших и родовитых заложников или подчиню своей власти всю Романию, то я прошу твое королевское величество послать нарочитых послов в Геную, Венецию, Антиохию и Пизу и в другие места и отправить на кораблях вспомогательные отряды, чтобы они, подоспев к Царьграду в марте месяце, начали осаду города с моря, когда мы окружим его с суши».

К половине февраля отношения, однако, уладились: 14 февраля в Адрианополе подписаны были Фридрихом условия, на которых византийский император соглашался позволить крестоносцам переправу в Малую Азию.

Пребывание Фридриха I в Болгарии, во всяком случае, было не бесполезно для болгар и сербов. Первые, поощряемые германским императором, нарушили мир, заключенный прежде с греками, и, хотя обманулись в надежде теснить греков заодно с немцами, тем не менее не без выгоды для себя воспользовались замешательствами в Константинополе и в последующей борьбе с Византией приняли решительно наступательные действия. Сербы, значительно распространив в то же время свои владения к северо-востоку до Моравы и к юго-западу до Софии, пришли к сознанию важности одновременных действий с болгарскими: они заключили союз с Петром и Асенем и вели с тех пор одно и то же с ними дело. Как бы уклончивы ни были обещания Фридриха I, все же он не прерывал переговоров со славянами и питал в них враждебное к Византии настроение. Пусть он не заключал ни с болгарскими, ни с сербскими договора, который бы обязывал тех и других выставить к весне 60 тысяч войска (со стороны болгар 40 и от сербов 20 тысяч); но войска были собраны и без участия крестоносцев начали отвоевывать у Византии города и области. Проществие крестоносцев сопровождалось всеми последствиями неприятельского вторжения, вызвав в Болгарии новые элементы недовольства византийским правительством: беглые, голодные, лишенные домов и достатков поселяне должны были пристать к болгарским или сербским вождям.

Переправа крестоносцев через Босфор происходила в конце марта 1190 г.

Путь Фридриха шел по западным областям Малой Азии, частью разоренным вследствие войн с сельджуками, частью занятым этими последними. Туркменские отряды беспокоили крестоносцев и заставляли их постоянно быть настороже. В особенности христиане страдали от недостатка продовольствия и корма для вьючных животных. В мае они подошли к Иконию, одержали значительную победу над сельджуками и вынудили их дать провиант и заложников. Но в Киликии немецкое войско постигло несчастье, погубившее все их предприятие. 9 июня

при переходе через горную реку Салеф Фридрих увлечен был потоком и вытасчен из воды бездыханным. Часть немецкого отряда отказалась от продолжения похода и возвратилась морским путем в Европу, часть под предводительством герцога Фридриха Швабского вступила в Антиохийское княжество, и затем осенью 1190 г. жалкие остатки немцев соединились с христианским войском под Акрой, где им не пришлось играть важной роли.

С 1188 по 1191 г. христианские князья приходили под стены Акры один по одному; не было ни одного момента, когда бы все наличные силы христиан, приходившие с Запада, сосредоточились здесь в одно время. Часть христиан, прибывших под Акру, погибала под ударами мусульман, от болезней и голода; ее заменял другой отряд и в свою очередь подвергался той же участи. Кроме этого для христиан представлялась масса других затруднений, которые тяжело отзывались на ходе всего дела. Христиане осаждали город с моря — единственная часть города, на которую они могли направить свои осадные орудия. Внутренняя земля была занята войсками Саладина, который удобно и легко сносился с Месопотамией, служившей для него источником подновления его военных сил. Таким образом, христиане никогда не соединяют своих сил, между тем как Саладин постоянно обновлял свои войска свежими приливами мусульман из Месопотамии. Кроме того, для осады города нужен был строительный лес; вблизи христиане нигде не могли достать его, а должны были доставлять строительный материал из Италии.

В войне попеременно принимали участие то итальянцы, в особенности приморские города — Венеция, Генуя и Пиза, то французы, то немцы, то англичане, смотря по тому, какой народ в данный момент был в более значительном количестве. К этому неудобному положению присоединилось еще соперничество восточных вождей. Гвидо Лузиньян был во вражде с Конрадом Монферратским. Их соперничество разделило и крестоносный лагерь на две враждебные партии: итальянские народы сосредоточились около тирского князя; англичане приняли сторону Гвидо.

Летом 1191 г. под Акру пришли французский и английский короли, на которых много возлагали надежд восточные христиане. Кроме этих двух королей пришло еще одно коронованное лицо — герцог австрийский Леопольд. Теперь можно было ожидать, что дело пойдет надлежащим путем, по определенному плану. Но к сожалению, такого плана не было выработано представителями христианских наций. Личные отношения французского и английского королей, наиболее важных лиц по своим военным силам, выяснились еще в Мессине: они расстались если не врагами, то и не друзьями. Когда же Ричард овладел Кипром, французский король предъявил претензии на часть завоеванного острова в силу договора, заключенного между ними еще во время сборов в поход, — договора, по которому оба короля обязались разделять между собою поровну все земли, которые они завоюют на Востоке. Ричард не признавал за французским королем прав на Кипр. «Договор, — говорил он, — касался только земель, которые будут завоеваны у мусульман». Под Акрой недоразумения двух королей получили более острый характер. Мы видели, что Ричард, находясь в Кипре, высказался в пользу Гвидо Лузиньяна; Филипп Август стал на стороне Конрада Монферратского. Личные характеры королей также разъединяли их. Рыцарский характер Ричарда подходил к характеру Саладина; тотчас обнаружилось симпатии между мусульманским повелителем и английским королем, они начали пересылаться посольствами, оказывать друг другу знаки внимания. Такое поведение Ричарда отозвалось неблагоприятным образом на его авторитете среди христиан; в войске утвердилась мысль, что Ричард готов изменить. Таким образом, в Ричарде была парализована вся его сила, вся мощь и энергия; в то же время французский король не обладал личной энергией настолько, чтобы перенести на себя главное направление осады. Таким образом, все преимущества, все благоприятные условия были на стороне Саладина.

В июле Акра доведена была до истощения, и гарнизон начал договариваться о сдаче. Саладин не прочь был заключить мир, но со стороны христиан были предложены слишком суровые условия: христиане потребовали сдачи Акры, мусульманский гарнизон города получит свободу только тогда, когда христианам будут возвращены Иерусалим и другие завоеванные Саладином области, кроме того, Саладин должен был дать 2 тысячи заложников из знатных мусульман. Саладин, по-видимому, соглашался на все эти условия. Христианские князья ввиду скорой сдачи города стали зорко следить за тем, чтобы в город не были доставляемы съестные припасы. 12 июля 1191 г. Акра была сдана христианам. Исполнение предварительных условий мира скоро встретило препятствие. Между тем при занятии Акры среди христиан имели место весьма тяжелые недоразумения. Герцог австрийский, войдя в город, поспешил выставить немецкое знамя. Ричард велел сорвать его и заменить своим; это было сильным оскорблением для всего немецкого войска; с этого времени Ричард приобрел себе в лице Леопольда непримиримого врага. Кроме того, западные князья поставили себя в ложное отношение к туземному населению города.

При самом завладении Акрой оказалось, что значительная часть городского населения состояла из христиан, которые под владычеством мусульман пользовались различного рода привилегиями. По освобождении Акры от мусульман как французы, так и англичане хотели захватить побольше власти в городе и начали притеснять население; короли не заботились о том, чтобы были исполнены со стороны мусульман другие пункты договора. Французский король дошел до крайнего раздражения; неприязнь Филиппа к Ричарду раздувала слухи о том, что английский король замышляет продать все христианское войско мусульманам и даже готовится посягнуть на жизнь Филиппа. Раздраженный Филипп оставил Акру и отправился домой. Само собою разумеется, что преждевременное возвращение французского короля наносило чувствительный ущерб делу крестового похода. Заправляющая роль оставалась за Ричардом, который со своим пылким рыцарским характером, лишенный политического чутья, являлся слабым соперником Саладина, умного и хитрого политика.

Во время осады Акры бременские и любекские купцы по примеру других военно-религиозных орденов, возникших во время первого крестового похода, устроили на свои средства братство, которое имело целью оказывать помощь бедным и больным немцам. Герцог Фридрих Швабский принял это братство под свое покровительство и исходатайствовал в пользу его папскую грамоту. Это учреждение впоследствии получило военный характер и известно под именем Тевтонского ордена.

Ричард, оставаясь в Акре, ожидал исполнения со стороны Саладина остальных пунктов мирного договора. Саладин отказался возвратить Иерусалим, не освобождал пленников и не платил военных издержек. Тогда Ричард сделал один шаг, который напугал всех мусульман и который должен считаться самым характерным для той печальной славы, которую приобрел он на Востоке. Он велел заколоть до 2 тысяч знатных мусульман, которые находились в его руках в качестве заложников. Такого рода факты были необычным явлением на Востоке и вызвали со стороны Саладина только озлобление.

Ричард не предпринимает никаких решительных и правильных действий против Саладина, а ограничивается мелкими нападениями. Эти наезды с целью грабежа характеризуют, правда, рыцарское время, но в приложении к главе крестоносного ополчения, который представлял интересы всей христианской Европы, обличали только неумение взяться за дело. Раз Саладин пожертвовал Акрой, христиане не должны были допустить его укрепиться в другом месте, а должны были тотчас идти на Иерусалим. Но Гвидо Лузиньян, этот номинальный король без королевства, вражду которого к Конраду Монферратскому можно объяснить только завистью, уговаривал Ричарда очистить от мусульман прежде всего береговую полосу; Гвидо Лузиньян

поддерживали также и венецианцы, преследовавшие торговые цели: для них было удобнее, чтобы приморскими городами владели христиане, а не мусульмане. Ричард, поддавшись этому влиянию, двинулся из Акры на Аскалон — предприятие совершенно бесполезное, которое было внушено торговыми интересами итальянских городов и честолюбием Гвидо.

Сам Саладин не ожидал подобного бессмысленного шага со стороны Ричарда; он решился на экстренное средство: велел скрыть крепкие стены Аскалона и превратить в груды камней самый город. Всю осень 1191 г. и весну 1192 г. Ричард стоял во главе крестonosного ополчения. Все это время он потерял в преследовании ложных планов и ненужных задач и дал понять своему талантливому противнику, что он имеет дело с человеком весьма недалёковидным. Не раз для Ричарда представлялась совершенно ясно задача — идти прямо на Иерусалим; само войско его сознавало, что оно не исполнило еще своей задачи, и побуждало короля к тому же. Три раза он был уже на пути к Иерусалиму, три раза сумасбродные идеи заставляли его останавливать марш и двигаться назад.

К началу 1192 г. в Азию пришли известия из Франции, которые сильно встревожили Ричарда. В то же самое время Конрад Монферратский, понимая, что при бестактности Ричарда едва ли христианам удастся победить Саладина, перешел на сторону последнего, выговорив у него для себя Тир и Акру и обещая за это соединиться с ним и одним разом уничтожить Ричарда. Тогда Ричард, поставленный в затруднительное в высшей степени положение делами на Востоке и беспокоясь за свои английские владения, которым угрожал французский король, употребил все средства для того, чтобы войти в сношение с Саладином. В мечтательном самообмане он составил совсем неосуществимый план. Он предложил Саладину соединиться с ним узами родства: он предлагал выдать свою сестру Иоанну за брата Саладина Малек-Аделя. Наконец Ричард заключил 1 сентября 1192 г. договор с Саладином, по которому за христианами оставалась небольшая береговая полоса от Яффы до Тира, а Иерусалим, Св. Крест и Гроб Господень снова были предоставлены мусульманам. Этот бесславный мир поставлен в вину Ричарду. Современники упрекали его в измене и предательстве. В октябре 1192 г. он оставил Сирию, но в Европе сторожили его во всех пристанях, где он мог высадиться. Около Вены его схватили и подвергли заключению по приказанию герцога Леопольда и только через два года дали свободу под влиянием угроз папы и сильного раздражения англичан.

Глава 3 Освободительное движение на Балканском полуострове.

Сербы и Болгаре

В конце XII в. вместе с процессом расчленения империи и в зависимости от него происходило весьма любопытное движение среди населения Балканского полуострова. В первый раз сербы и болгаре, делящие господство на полуострове, выступили с определенными и хорошо обдумантыми целями, клонившимися не только к освобождению от политического господства Византии, но вместе с тем к государственной и церковной организации на национальных началах. Нужно признать, что момент был весьма благоприятный для сведения старых счетов, но вместе с тем нельзя не принять в соображение и того обстоятельства, что было много упущено дорогого времени, чтобы освободительное движение славян прошло незамеченным со стороны германцев и латинян и не встретило с их стороны сопротивления.

Не лишено также значения, что уже в этот ранний период, когда оба народа выступили, и притом почти одновременно, с определенными и хорошо сознанными историческими задачами, историк не встречает более или менее ясных указаний на то, как желали размежеваться между собой сербы и болгаре, если бы ход событий вполне благоприятствовал осуществлению их планов. Ввиду указанных соображений находим уместным войти здесь в некоторые подробности с целью выяснения сербо-болгарских отношений перед латинским завоеванием империи.

Выше мы говорили о деятельности Стефана Немани и старались выяснить первостепенное значение в истории Сербии того обстоятельства, что одна часть сербского племени рано вошла и с течением времени все более подчинялась западной культуре и латинскому церковному влиянию, а другая находилась и осталась в сфере влияния Византийской империи и Константинопольского патриархата. С одной стороны Босния, с другой — Рашка и Зета; и в собственной Сербии, или Рашке, следует отличать приморскую часть от той, которая находится за горами. Босния и приморская Сербия тянут к латинству, Рашка находится под действием византизма. Как это можно наблюдать ныне, так было и прежде: латинское церковное влияние сопровождалось образованием других настроений, чем греко-византийское. Смерть царя Мануила может считаться эпохой и в истории Стефана Немани. С тех пор он смелей ставит свои требования по отношению к соседним с Сербией областям, населенным славянами. В союзе с уграми сербы начали (1183) военные действия в двух направлениях: на север до Софии, на юго-восток до Ниша. Но в дальнейшем движении для сербов встретилось препятствие в освободительном движении, начатом Петром и Асенем в Болгарии. Великий жупан Сербии в этом отношении стал на правильную точку зрения и в восстании болгар видел благоприятное для себя обстоятельство, которому содействовал и которое облегчал всевозможными средствами.

Нельзя не отметить, что немецкое крестоносное движение, направлявшееся через Угriu и через владения Стефана, должно было подействовать весьма благоприятно для начавшегося здесь политического акта. Все ведет к предположению, что Фридрих Барбарусса обнадеживал славян в успешном ходе их борьбы и в свою очередь обеспечивал себе тыл дружественными сношениями с сербским и болгарскими вождями. Ясно также и то, что Стефан Неманя весьма практично использовал положение дел, когда начал наступательные действия против Перника, Скопья и Призрена.

Хотя балканские события имели громадное значение в судьбах империи, но официальный летописец относится к ним весьма поверхностно. Лишь только Исаак Ангел проводил германское ополчение в Малую Азию, он поспешил на Балканский полуостров. «Еще не успел

ты отдохнуть от забот, какие доставили тебе козни германцев, как повторяющиеся набег из-за Дуная заставили снова избрать лагерную жизнь», — говорил Исааку придворный оратор²¹⁰. В 1191 г. митрополит Евстафий произнес в Филиппополе речь, посвященную военным делам. Поход Исаака, имевший целью «обуздание сербской надменности», на этот раз ограничился Филиппополем и был повторен в весьма непродолжительном времени, как о том можем судить на основании похвального слова Никиты Акомината. Византийские и сербские войска сошлись на Мораве, а Стефан тогда простирает свою власть уже до Скопья. Сербам нанесено было на этот раз значительное поражение, и, кроме того, завязаны переговоры с Белой III. В похвальном слове все преувеличено до такой степени, что почти утрачено понимание реальности.

«Как жених, исходящий из чертога своего... ты светлыми лучами оживил наши северные дела, как бы оцепеневшие от варваров. Бросив свой луч на балканских отступников, ты ослепил их. Затем ты прошел на запад и, как огонь всепожирающий, явился пред жалким далматинцем. Неманя растаял, как воск, и просил на конце пальца утолить его жажду. Сложив с себя символы власти и обнаженный от господства над далматами, он пришел коснуться прекрасных ног твоих и пытался ослабить удары неумолимой секиры твоей»²¹¹.

Следует обратить внимание, что движение развивается параллельно в Сербии и Болгарии и что византийское правительство столько же озабочено было восстанием в Болгарии, как военными предприятиями великого жупана Сербии. Последний одновременно ведет дело на два фронта. В то время как на юго-востоке успех сербов был обеспечен восстанием Петра и Асеня²¹², по направлению Адриатического моря притязаниям их стояли на дороге Венгрия и Венецианская республика. С этой точки зрения представлялось бы весьма важным осветить намек на предприятия сербского великого жупана в Далмации, относящиеся к царствованию Исаака, хотя в самом слове под далматами разумеются сербы. Здесь по смерти Мануила Стефан Неманя в союзе с венгерским королем занял некоторые города в Северной Далмации вместе с Зарой.

На Адриатическом море сербские владения в Захлумье и Зете представлены были в княжении Мирослава и находились в зависимости от Сплетской архиепископии. Столько же влияние Римского престола, как и отдаленность от центра этих владений постоянно ставили великого жупана в необходимость защищать эти области против покушений со стороны соседей. После переговоров и соглашения с германским императором Неманя продолжал более активную деятельность на далматинской окраине. Так, он овладел Скутари вместе с окрестными епископскими городами²¹³ и приморскими укрепленными местами Дульциньо, Антивари и Котор. В 1189 г. жена князя Михаила Дуклянского Демслава бежала в Рагузу вследствие притеснения со стороны Немани, и весьма вероятно, что с тех пор и Дукля присоединена к Сербии. По отношению к Котору имеется акт городского совета от 1186 г., помеченный временем Стефана Немани. Поражение на Мораве, которое так сильно преувеличил в своем похвальном слове Никита Акоминат, сопровождалось следующими результатами.

«Неманя убежал из боязни, чтобы не попасться в плен и не потерпеть наказание за проступок против своего господина. Ты же напустил на его дом всепожирающий огонь, который уничтожил не только то, что подвергается горению, но и самые камни, и взял большой полон, а многих перебил»²¹⁴. Земля обратилась в пустыню, и не осталось в ней жителей. Далмация стала доступна только ветрам. Ты сам лично участвовал в битве, не подражая в этом своим предшественникам. Вследствие того еще недавно гордившиеся перед нами иноязычные племена испытали скорбь, и напал на них страх и трепет при слухе о том, какие бедствия постигли далматинцев».

Границы Сербии при Исааке простирались на востоке до области между горою Рудник и долиной Моравы и до Губочицы на юг от Ниша. На юге к Сербии отошла местность по течению Ситницы и Лабы и дальше Печ и Дечаны, наконец, небольшие области между Призреном и Скутари, не говоря о приморской области с городами Скутари, Антивари и Котор. Границы между Сербией и Византией могут быть обозначены: Белград, Равно, Ниш, Скопле, Призрен, Кроя и Алессио. До какой степени империя приписывала важность установлению мирных отношений со Стефаном Неманей, доказывается и тем, что сербский принц, сын Немани, был обручен с Евдокией, племянницей Исаака.

Что касается церковных отношений, то Стефан поставлен был в связь с папским престолом, так, в Далмации в его владениях господствовало католическое исповедание. Новыми данными освещен этот вопрос в исследовании проф. Станоевича²¹⁵. Ко времени усиления политической власти Немани приморская Сербия принадлежала к архиепископии Рагузы. При папе Клименте III решен был церковный вопрос таким образом, что Босна подчинена Сплету, а прочие сербские земли — Рагузе-Дубровнику. Именно к 1189 г. относится письмо к архиепископу Бернаруду и другое письмо к Немане и его братьям Страшмиру и Мирославу, которым рекомендуется вновь посвященный архиепископ и определяется подчинение Дубровнику приморской Сербии. Несомненно, это открывало для Бернарда виды на расширение католической Церкви и на восточные сербские области, но политический такт Немани умело оберегал границу между влиянием папы и влиянием Константинопольского патриарха. Условия благоприятствовали тому, чтобы светская власть удержала свой авторитет, несмотря на раздвоение церковного правительства. После дела на Мораве византийское влияние должно было вновь подняться в приморской Далмации. Это видно, между прочим, из того, что сенат Дубровника просил Исаака Ангела принять республику под свое покровительство и что Византия в 1192 г. снова восстановила в Дубровнике свое влияние.

Переворот, произведенный в пользу Алексея, брата Исаака Ангела (1195), имел важные последствия в политике Византии на Балканах. Трудно сказать, была ли непосредственная связь между этим переворотом и тем, который в начале следующего года произошел в Сербии. Известно, что один из сыновей Стефана, по имени Волкан, был владельцем Зеты, которая до времени Стефана занимала главенствующее положение в Сербии и владельцы князя которой носили титул королей. По праву рождения Волкан был старший из сыновей и ему принадлежало наследство в Сербском княжестве, но на самом деле, когда 25 марта 1196 г. Неманя отказался от престола с целью принять монашеский постриг, наследником его объявлен не Волкан, а младший сын Стефан, женатый на дочери только что вступившего на престол Алексея. Это распоряжение Немани, обусловленное, по всей вероятности, важными государственными соображениями, предоставляло зетскому владельцу титул великого князя с некоторыми привилегиями в его пользу за отказ от наследства на великое жупанство и вместе с тем узаконило на все последующее время отдельность Зеты от Рашки в политическом и церковном отношении. Принимая во внимание, что история Зеты развивалась в ином направлении, чем история континентальной Сербии, т. е. что в первой преобладали западные культурные влияния и латинский церковный обряд, эта область и в конце XII в. рядом новых и не предвиденных Стефаном мотивов приведена была к укреплению на пути своего предыдущего раздельного существования. Для оценки последующей деятельности Волкана имеют значение два обстоятельства: завоевательное движение Венгрии, окончившееся падением Хлума, удела Мирослава, и церковная политика папы Иннокентия III, имевшая столь крупное значение в истории папства. Оказывается, что Волкан был женат на родственнице папы Иннокентия и, следовательно, имел особенные причины вступить в ближайшие сношения с Римом и получить от папы некоторые церковные привилегии для своей страны. Таким путем Волкан приобрел для

себя титул короля и для своей Церкви — самостоятельную архиепископию с кафедрой в Бари. В дальнейшем события сербской истории стоят в тесной связи с латинским завоеванием Константинополя.

Переходим к изложению событий в северо-восточной части Балканского полуострова.

Уже в первые годы после начала болгарского восстания Исаак Ангел должен был признать за Петром и Асенем некоторые права воюющей стороны. Так, в 1187 г. имел место договор или по крайней мере соглашение, по которому в Константинополь был передан в заложники брат повстанцев Асений по имени Иоанн. Можно думать, что вместе с этим Византия молчаливо допустила самостоятельность части Болгарии от Ловча до Черного моря. Во время тревог и волнений, вызванных немецкими крестоносцами в 1189—1190 гг., хотя болгаре не стояли в открытой войне с Византией, но не были и сторонниками ее, ибо находились в союзе с Неманей и вместе с тем поддерживали опасные для империи переговоры с Фридрихом Барбаруссой, которые внушали грекам много тревог. Не иначе как во враждебном смысле следовало понимать и бегство из Константинополя болгарского заложника Иоанна Асеня. Таким образом, уже весной 1190 г. Исаак должен был предпринять поход в Болгарию, которой угрожало двойное движение — извне со стороны половцев, внутри от повстанцев, предводимых братьями Асенями. На поход возлагались великие надежды, как это выразил придворный оратор: «Пропонтида покроется военными судами, и река Дунай, рассекаемая ромэйскими веслами, понесет стоны и крики врагов»; между тем все предприятие имело весьма печальный исход. Неприятели оказались лучше подготовленными, чем это думали в Константинополе, осада городов вовсе не входила в расчеты Исаака, и в довершение всего стали доходить слухи, что куманы угрожают вторжением из-за Дуная. Поспешное отступление от Тырнова через один из Балканских проходов к Веррии, ныне Эски-Загра, было губительным для византийского войска. Оно было перебито, по выражению историка Никиты Акомината, как скот, запертый в хлев. Краткие и сухие известия летописи о византийско-болгарской войне разъясняются, как мы видели выше, похвальными и церковными речами. Главнейше имеем в виду речь Евстафия Солунского, в которой находим одну из лучших характеристик половцев, или куман ²¹⁶, и которая трактует о походе 1191 г. Нужно полагать, что результаты далеко не соответствовали ожиданиям, так как военное положение в Болгарии и Македонии не прекращалось и так как болгаре с половцами производили опустошения, доходя до Софии и Адрианополя. В 1194 г. снова был предпринят поход против болгар, которые на этот раз угрожали движением к Константинополю. Стратиг Василий Ватаци погиб в битве с ними при Аркадиополе, т. е. столь известном в последнюю войну Люле-Бургасе. Помощник Ватаци, Алексей Гид, едва спасся бегством, а лучшая часть его войска, приведенного с востока, погибла на месте сражения. Постоянные неудачи Исаака в болгарской войне вызвали против него недовольство и служили одной из причин падения его в следующем году. Против царя составил заговор, который был приведен в исполнение во время нового похода, состоявшегося весной 1195 г. На этот раз Исаак шел с твердым намерением положить конец болгарскому движению, для чего собраны были экстренные средства, и, между прочим, король Бела III послал Исааку отряд угров. Во главе заговора стоял брат царя Алексей. И хотя Исааку доносили о зреющем против него замысле, но то обстоятельство, что примешивали к этому Алексея, служило для него речательством в ложности доноса. «Если самая вода губительна, то что же нам и пить», — замечает по этому случаю летописец. В Кипселах на реке Марице Алексей был провозглашен императором, а брат его Исаак пытался спастись бегством, но был схвачен, заключен в монастырь Богородицы-Миропасительницы и там ослеплен. Любопытно здесь отметить, что ослепление происходило в монастыре, построенном севастократором Исааком, отцом Андроника.

Алексей Ангел, принявший прозвание Комнина, желал покончить с болгарями путем

переговоров, но предводители Петр и Асень предложили такие условия, которые не соответствовали достоинству империи. Действительно, освободительное движение в Болгарии развивалось и захватывало новые области. При Исааке зерно движения было в Тырнове и Преславе, на запад оно пока еще не переходило. Болгаре и союзники их половцы ведут борьбу с империей из Северо-Восточной Болгарии. Известия о враждебных нападениях «влахов и скифов» на Сер и Амфиполь и вообще об опасном движении по большой дороге от Драча к Царьграду должны быть объясняемы в том смысле, что был кроме северного и другой очаг движения, в котором руководство принадлежало не Асеням. Центром этого вторичного движения были Струмица и Просек. Ко времени царя Алексея болгарский вопрос представляет новый вид: в Юго-Западной Болгарии образуется независимое славянское княжение, которое Византия принимает под свою защиту и противопоставляет Асеням, и, кроме того, в самой Северо-Восточной Болгарии нашлись враждебные Асеням элементы, которыми умело пользуется правительство Алексея. В 1196 г. пали от руки убийц оба вождя болгар. Боярин Иоанн Асень, который был некогда заложником при константинопольском дворе, выводит Болгарию на новый путь, придав ей посредством сношений с Римской Церковью характер самостоятельного и независимого от империи государства.

Первые годы правления Иоанна не были благоприятны для болгарского освободительного движения. Прежде всего обнаружившийся в Болгарии протест боярской партии против Асений необходимо вызвал ряд строгих мер против недовольных, что повело к переходу на службу империи некоторой части боярства. Таков был боярин Иван, которого в Константинополе приняли с отменным радушием и наградили большими почестями и земельными владениями. Алексей Ангел простер к нему свое расположение до такой степени, что женил его на одной из принцесс и позволил ему носить царское имя Алексея. Ивану-Алексею поручено было главное начальство в филиппопольском, пограничном с Болгарией, округе и предоставлено ведение войны с болгарам. И современный историк Византии выражается о нем, что некоторое время он был желанной защитой греков против болгар и куман. Прошло довольно времени, прежде чем в Константинополе дали себе отчет в истинных намерениях Ивана. Так, он стал возводить укрепления по эту сторону Балкан, приглашал к себе на службу болгар и раздавал им лучшее вооружение. Когда он достаточно упрочил свое положение, то всем влиянием воспользовался лишь для того, чтобы нанести империи решительный удар. Таков же был боярин Хриз, принадлежавший к числу болгарских вельмож, которые находились в антагонизме с Асенями. Он думал основать независимое княжение в Македонии, в области Струмы. Историческая роль его начинается с тех пор, как он укрепился в Струмице и Просеке. Никита Акоминат дает весьма картинное описание этого недоступного для врагов гнезда Хриза²¹⁷, которое сохранило свое военное значение и до настоящего времени:

«Высокие утесы, почти соприкасаясь один с другим, представляют единственный доступ к местечку, притом узкий, трудный и скалистый. Кругом же сплошная и недоступная скалистая масса, окруженная глубокой рекой Аксием (Вардар). Искусство же впоследствии придало этим природным преимуществам значение почти недоступной крепости. Хриз, овладев им, создал в нем безопасное от ромэев убежище. Он собрал здесь наемников, расставил кругом метательные снаряды, сделал значительные запасы продовольствия, стада быков и овец паслись у него по вершинам гор. Крепость занимала немалое пространство в окружности и обилвала тенистыми рощами и лесистыми местами. Не было, однако, здесь ни ключа, ни колодца; за водой нужно было ходить на реку и черпать ее ведрами».

Из этого недоступного укрепления Хриз смело делал вылазки с целью опустошительных набегов на окрестные места, подчиненные империи. Для выяснения состояния, в каком находилось брожение на Балканском полуострове к началу XIII в., некоторый новый свет дают

современные ораторские произведения.

Боярин Иван-Алексей не позднее 1199 г. обратил имевшиеся под его начальством силы против империи и заставил царя Алексея предпринять против него поход. Но Иван-Алексей спасся за Балканские горы и высылал оттуда легкие отряды против царского войска, во главе которого стоял протостратор Мануил Камиза. Опасность положения усиливалась вследствие того, что бунтовщик имел помощь от Иоанна Асеня и действовал согласно его указаниям.

Византийский император обнаружил в это время крайний упадок духа и бессилие. Странная мучительная болезнь не давала ему покоя. Избегая советов с докторами, он прикладывал раскаленное железо к ранам, чтобы утолить невыносимую боль, причем запирался один в спальне и никого не принимал к себе на глаза. Болезнь продолжалась всю зиму; к весне он не мог еще стоять на ногах, но решился отправиться в Кипселы, сборное место войска, имеющего отправиться против славян. Опасность грозила не от одного Ивана-Алексея, против которого действовали зятья царские. Царь болгарский Иоанн двинул к весне летучие отряды куман и болгар во Фракию. Никогда еще эта стая не отваживалась на более смелый и опустошительный набег, почти в окрестностях столицы появились куманы, 23 января они опустошили Чорлу и напали на беззащитных поселян, собравшихся в этот день на ярмарку в местечко Куперий.

Не против Ивана и не для отражения дерзкого набега куман собраны были войска в Кипселах. Владетель Струмицы и Просека, болгарин Хриза, заняв неприступное положение, угрожал набегами в Македонии и овладел уже многими местами. Экспедиция против Хриза представляла большие затруднения в природе местности. Бывшие с императором старые и опытные военные люди советовали не предпринимать пока осады Просека, а подступить к нему тогда, когда будут заняты менее важные места, находящиеся под властью Хриза. Этим бы можно было поднять дух в византийском войске и, с другой стороны — приготовить Хриза к уступчивости и миролюбивым предложениям. Неблагоразумно, говорили, начинать дело с атаки недоступного пункта и вести войско на скалистые утесы, что во всяком случае сопряжено с кровавым потом, потребует многих усилий и будет стоить громадной траты военных сил. На военном совете одержал, однако, верх голос людей, не имевших военного опыта, но пользовавшихся личным расположением государя. Эти последние были того мнения, что нужно идти прямо на Просек, что от сдачи этого места зависит исход экспедиции. Если будет взят Просек, говорили они, мы не встретим сопротивления в стране. Решено было идти на Просек и разорить самое гнездо Хриза.

Попытка осадить Просек и принудить Хриза к сдаче действительно не соответствовала тем средствам, которыми располагал император.

«Ромэи совершали чудные и достойные удивления дела. Одни со щитами и с мечами наголо, другие с луками и стрелами взбирались на утесистые вершины укрепления и бешено бросались на гарнизон, защищавший стену и крепость. После многих усилий и резни они прогнали варваров с укрепления, недавно возведенного для защиты входа. Были и такие, которые, как дикие козы, пробирались по утесистым склонам, чтобы попасть за стены и сделать нападение на самую крепость. Когда же они почти уже совершили блистательный подвиг, обратив в бегство защитников стен и принудив их запереться в цитадель, тогда только обнаружилась тщетность их невероятных усилий. Ибо не нашлось никого, кто бы мог им доставить орудие, чтобы сделать пролом в стене. Тем не менее, не теряя присутствия духа и горя негодованием против начальника царской артиллерии, они действовали вместо кирок руками и щитами, разбивая связь между камнями. Дело шло весьма медленно, и они много страдали от врагов, занимавших высоты. Наконец прибыл заведующий осадными снарядами и принес несколько кирок в одной связке. Нужны были еще лестницы, чтобы взобраться на самую

стену, но и их не скоро могли доставить. Вследствие этого, не упорствуя далее в невозможном предприятии, с неохотой они сошли оттуда. В самом деле, валахи говорили потом, что ромэи могли бы взять крепость и захватить в ней Хриза, если бы они приготовили стенобитные машины и своевременно доставили их на место».

На следующий день болгаре отлично пользовались своими метательными машинами и убили многих греков спускаемыми с высот камнями. Они имели прекрасного механика, который заведовал метательными снарядами: сначала он служил в византийском войске, но потом ушел к Хризу, когда греки перестали исправно платить ему жалованье. Ночью болгаре сделали вылазку, испортили снаряды, расставленные византийцами на высотах, и напали на ночную стражу. Напуганные греки побежали к палатке протовестиария Иоанна, который тоже обратился в бегство. Болгаре поделили между собою добычу, найденную у протовестиария; цветные сапоги, отличие сана, доставили гарнизону Просека много поводов смеяться над византийцами. Этим, собственно, и кончаются подвиги императора под Просеком. Он вступил в переговоры с Хризом и заключил с ним мир, весьма постыдный для империи. Именно император признал Хриза независимым князем Струмицы и Просека и других окрестных городов.

Из рассмотрения отдельных фактов движения на Балканском полуострове вытекает несомненное заключение, что Иван-Алексей, Хриз и Камиза стояли в более или менее прямых сношениях с царем болгарским и в глазах самих греков были не более как исполнителями приказаний этого последнего. В рассматриваемый период византийское движение сосредоточилось в Южной Болгарии, причем Северная оставалась совершенно свободною от греков: отсюда продолжали выходить только вспомогательные отряды болгар и куман на помощь тому или другому из южноболгарских вождей. Весной 1201 г. Иоанн в первый раз переходит к открытому предприятию против Византии. Но здесь мы уже видим не набег «крылатой стаи» и не поход с целью грабежа, а обширное предприятие, исполненное по всем правилам военной науки. Успешный поход 1201 г. мы представляем себе результатом внутренней деятельности болгарского царя в первую половину его царствования. Первый удар нанес он грекам в Южной Болгарии, взяв укрепленный город Констанцию, на большой дороге между Филиппополем и Адрианополем. Весьма может быть, что движение его к Родопским горам прикрывало другое — к Варне. Только в этом приморском городе продолжали еще держаться греки к северу от Балкан, укрепив его сооружениями и снабдив сильным гарнизоном из иностранцев. Осада Варны и взятие ее приступом — это уже бесспорное дело правильно организованного войска, ибо для исполнения предприятия требовалось знание военного искусства и запасы осадных снарядов.

В первые годы борьбы болгаре имели на своей стороне сербов, но союз прекратился после отречения Стефана Немани. Споры за великожупанский титул между сыновьями Немани подали повод к вмешательству Венгрии в сербские дела. Вместе с тем здесь началась борьба между католическим и православным влиянием. Первое находило себе сильную поддержку в лице великого жупана Волкана, второе — в лице брата его Стефана, впоследствии Первовенчанного. Мы возвратимся ниже к этому наиболее важному в истории Сербии вопросу, стоящему в тесной связи с внутренними событиями, теперь же продолжим историю освободительного движения Болгарии. В 1201 г., после взятия Варны, сопровождавшегося жестоким распоряжением закопать живыми в ров всех пленных греков, заключен был мир между Иоанном и Алексеем Ангелом, причем обе стороны как равные в политическом отношении обязывались иметь одних и тех же врагов и друзей²¹⁸. В ближайшие затем годы заметны враждебные столкновения сербов с болгарями, из чего можно заключать, что Сербия явно склонялась тогда к угорско-католическому союзу. Об этом имеется несколько указаний в

письме Стефана к Саве и в переписке с папой Иннокентием III. Во время переворота в Сербии, сопровождавшегося низвержением Стефана и усилением Волкана, болгарский владетель Иоанн находился уже во вражде с Сербией, хотя папа пытался внушить ему миролюбие и рекомендовал возобновить добрые отношения с Волканом. Можно думать, что предметом споров были города по Дунаю и Мораве, как Белград, Браничево и Ниш, где сталкивались интересы двух соседних племен, куда также стремились со времени последних Комнинов угорские короли.

Гораздо трудней решить политическое положение в Македонии. Здесь, как мы видели выше, утвердился полузависимый владетель Хриз-Добромир, имевший пребывание в Струмице и Просеке (Демир-Капу) и вступивший в связи с византийским дворянством вследствие брака с дочерью Мануила Камизы. Когда этот последний поднял восстание в Западной Македонии и Фессалии, Хриз был на его стороне и вел с ним общее дело. Но затем, когда восстание было потушено Алексеем Палеологом и Иоанном Инополитом, Хриз потерял свое княжение, и власть над Просеком перешла к воеводе, посаженнику болгарского царя Иоанна [219](#).

В дальнейшей истории Хриза, с которым может быть сопоставлен Стрезь, упоминаемый в Синодике царя Бориса и в сербских сказаниях, остается несколько темных фактов, которых не удалось еще выяснить [220](#).

Распадение империи, начавшееся при последних Комнинах, продолжало свое поступательное движение при царях из дома Ангелов. Отделялись не только подчиненные инородцы, но целые области с греческим или наполовину греческим населением. Навстречу этому расчленению Византийской империи готовилось военное движение в Западной Европе; крестоносцы должны были воспользоваться наступившим критическим положением и приступить к осаде Константинополя. Прежде чем излагать эту авантюру, как называли четвертый крестовый поход современники, попытаемся выяснить роль Римского Папы в событиях, которыми здесь занимаемся. Тогдашняя европейская политика, как церковная, так и светская, находилась в руках папы Иннокентия III, одного из величайших пап, когда-либо занимавших Римский престол. С первых же дней вступления на престол св. Петра (январь 1198 г.) Иннокентий стал уделять особенное внимание событиям на Балканском полуострове. Может быть, не без значения в этом случае было и то обстоятельство, что папа по матери был в родстве с Волканом [221](#). Сношения между зетским великим князем и папой начались в том же 1198 г., как видно из буллы папы от января 1199 г., в которой, посылая в Зету легатов с большими церковными полномочиями, он обращается к Волкану как к «славному королю Далмации и Диоклеи». Между прочим в этой булле читается:

«Узнав из твоего письма к нашему апостольскому престолу о твоей горячей преданности, что ты Римскую Церковь, мать твою, после Бога любишь всего больше и внимательно соблюдаешь все наши повеления, согласно твоему желанию, мы отправили наших возлюбленных капеллана Иоанна и иподиакона Симеона» [222](#).

Весьма любопытно отметить, что тогда же папа вступил в сношение с великим жупаном Сербии Стефаном и, как следует заключать из ответного письма этого последнего, к нему были отправлены те же самые легаты, что и к Волкану. Трудно выяснить ближайшие мотивы последовавших затем фактов, но к ним нужно подходить, без сомнения, с точки зрения завязавшихся с Римом сношений. Так, без всяких причин Стефан, женатый на византийской царевне Евдокии, дочери Алексея, отсылает ее назад. Но если в этом можно усматривать влияние папских советников, то в ближайшее затем время великому жупану предстояло подвергнуться новым испытаниям. В 1202 г. началась междоусобная война между великим жупаном и Волканом, в которую вмешался угорский король Эмерих. Следствием этого было то, что Стефан Первовенчаный был лишен власти и единственным обладателем сербских земель

стал Волкан. Указанный политический переворот совершен был в интересах католической Церкви и должен был иметь своим последствием подчинение сербских земель Риму. Хотя естественным решением вопроса было бы подчинение Стефановой державы Барской архиепископии, в которую в то время входила в церковном отношении Зета, но с целью удовлетворения притязаний Угрии папа включил Рашку в епархию венгерской Коложской архиепископии²²³. Оценивая этот переворот, мы должны признать, что от него выиграла больше всего Угрия, получив в Сербии политическое влияние и — через Коложского архиепископа — церковную власть. Можно понять, как новый порядок вещей должен был взволновать православную партию в Сербии и как приверженцы Стефана могли постепенно подготовить почву для реакции. Угорский король, став верховным владыкой великожупанских земель, выразил в первый раз притязание взять в свои руки исправление политики балканских государств. Две главные задачи проведены были тогда Угрией при содействии Рима, и эти задачи в течение всех средних веков были руководящими по отношению к славянам: усиление католицизма и противопоставление сербских притязаний болгарским, и наоборот. Не допустить образования большой славянской державы — такова была цель тогдашней западной политики. Эта сторона вопроса хорошо выясняется из нижеследующих обстоятельств.

С таким же вниманием папа Иннокентий относился к Болгарии. Переписка с Калоиоанном или Иоанном Асенем представляет в высшей степени любопытные черты. Первое, что бросается здесь в глаза, — это указание на римское происхождение Асений. Для Римского престола оно служит основанием напомнить болгарскому царю, как стал называть себя Иоанн, об его римском происхождении и вызвать в нем чувства преданности католической Церкви. Асени охотно приняли это указание, хотя для них было бы гораздо выгодней доказать свое родство с прежними царями Болгарии, так как Иоанн желал приобрести от Римского престола корону и титул.

«Призрел Господь, — писал Иннокентий в 1199 г., — на твое смирение и преданность к Римской Церкви. ...мы же, узнав, что твои предки произошли от благородного римского племени и что ты заимствовал от них искреннюю и как бы наследственную преданность к Римскому престолу, еще прежде намеревались навестить тебя нашими письмами и легатами».

Далее, уже в 1202 г., переписка между папой и Иоанном Болгарским принимает в высшей степени определенный характер — больших запросов, с одной стороны, и постепенных уступок, с другой. Калоиоанн, обозначив свой титул «император болгар и валахов», выражает в почтительном тоне предмет своих домогательств:

«Получив ваше священное письмо, которое нам дороже всех сокровищ в мире, воссылаем благодарение Богу, который привел нас к памятованию крови и нашего отечества. И ныне, как добрый пастырь и глава всех верных христиан, желая собрать воедино чад католической и апостольской Церкви, присоединил и нас к своему стаду. Блаженного памяти брата мои пытались отправить послов к вашему святейшеству, но они не могли достигнуть вас по причине многих наших врагов. И мы уже трижды делали подобную попытку, но все безуспешно. Теперь же, так как ваша святость благоволила послать к нам своего легата, отправляем к вам нашего доверенного пресвитера Власия и выражаем вам как духовному отцу и первосвященнику благодарность, дружбу и подчинение. Святейший отец, вы дали понять в вашей грамоте, чтобы мы обозначили наши желания по отношению к Римской Церкви. Империя наша просит, чтобы утвердили нас в правах дочери относительно матери нашей Римской Церкви. Прежде всего просим наделения нас короной и честью, как это было при прежних наших императорах: Петре, Самуиле и других их предшественниках, согласно тому, что записано в нашей летописи».

Но в Риме хорошо понимали политические и церковные замыслы болгарского царя и желали заручиться наперед более определенными обязательствами с его стороны. Едва

вышеприведенное письмо стало известно в Риме²²⁴, как в ноябре того же 1202 г. папа Иннокентий подписал новую буллу на имя «благородного мужа Калоиоанна, обладателя болгар и влахов». В этом документе, где в первый раз делается попытка ограничения церковной самостоятельности Болгарии, папа говорит следующее:

«Мы приказали тщательно пересмотреть наши регесты и убедились, что в подчиненной тебе земле действительно носили королевскую корону многие властители. Из них же ясно, что при папе Николае болгарский король крестился со всем народом и получил архиепископа от Римского престола. Но при папе Адриане болгары отстали от латинской Церкви и перешли в греческую, будучи подкуплены и обмануты греческими дарами и обещаниями. Хотя воспоминание об этом непостоянстве побуждает нас к осторожности, тем не менее мы решили отправить любезного сына нашего, капеллана Иоанна, которому доверили нашу собственную власть относительно посвящения в епископы и в другие церковные чины. Мы приказали ему также, чтобы он тщательно расследовал о венце, который был даваем твоим предкам Римской Церковью, как по древним летописям, так и по другим документам... дабы мы по получении от него и от твоих послов обстоятельных сведений могли прийти к зрелому и обдуманному решению. Ради твоей земной славы и вечного спасения полезно, чтобы ты, будучи римлянином по происхождению, был таковым и по образу жизни и чтобы твой народ следовал институтам Римской Церкви и в самом культе давал бы обонять отеческие обычаи».

Сношения Рима с Тырновом, где была столица Болгарского царства, затруднялись тем, что за ними зорко следили греки и угры, а, с другой стороны, болгаре желали возможно больше получить и меньше дать. Весьма вероятно, что грекам удалось бы предупредить унию Болгарии с Римом, если бы весь политический и церковный строй империи не был неожиданно изменен вследствие латинского завоевания Константинополя и разделения империи в 1204 г. Наконец, в ноябре 1204 г. легат папы пресвитер Лев прибыл в Тырнов с неограниченными полномочиями организовать присоединение Болгарии к латинской Церкви и венчать Калоиоанна королевской короной.

«Посылаем тебе, — писал папа, — скипетр и королевский венец, ты же со своей стороны дашь клятвенную запись, что останешься преданным и послушным святой Римской Церкви и сохранишь в подчинении апостольскому престолу все земли и народы, подчиненные твоей империи. Разрешаем чеканить монету с твоим изображением, достопочтенному брату нашему, архиепископу Тырновскому, жалует привилегию примации над всеми землями твоей державы. Он и его преемники нашей апостольской властью будут короновать твоих преемников».

Болгарскому примасу разрешено было варить и освящать миро и дано право являться везде с преднесением креста. Обряд венчания происходил 8 ноября 1204 г. Таким образом, Иннокентию III удалось наконец достигнуть весьма важных результатов на Балканском полуострове, т. е. почти свести на нет все дело славянских просветителей и нанести громадное поражение Константинопольскому патриархату.

Нужно принять в соображение, что изложенные выше обстоятельства составляли весьма смелый и энергичный шаг со стороны папы. Иннокентий III, принимая Болгарию в лоно Римской Церкви и наделяя Калоиоанна честью и титулом, несколько отступал от усвоенной по отношению к Балканам тогдашней политики, нарушал притязание угорского короля и усиливал значение Болгарии против Сербии. Известно, что после соединения приморской и континентальной Сербии (1202) в руках великого жупана Волкана угорский король присоединил к своему титулу и звание короля Сербии. К сожалению, политический рост Сербии был приостановлен усобицей между сыновьями Стефана Немани. На весьма короткое время Волкану удалось соединить Зету и Рашку, но затем Стефан снова овладел великожупанскими землями, заставив своего брата довольствоваться небольшим уделом.

Политические отношения вообще складывались благоприятней для Болгарии, чем для Сербии. В первой уже и в то время преобладает идея государственного единства, дисциплина и взгляд на религию как на орудие для достижения политических целей. Несомненно, Болгария вступала в XIII столетие, имея перед собой гораздо более открытые перспективы, чем Сербия. Для первой и самый четвертый крестовый поход оказался более полезным, чем для второй. На Балканском полуострове тогда преобладали политические влияния, исходившие от Римского престола и от угорского короля, которые не совсем совпадали между собой. Из переписки короля Эмериха с папой Иннокентием выясняется эта сторона дела. С точки зрения угорского короля, в которой нельзя не усматривать возобновления взглядов немецких дипломатов IX в. на славянские дела, готовность папы Иннокентия идти навстречу притязаниям Калоиоанна является частью унижительной для Римского престола, частью оскорбительной для короля. Соглашаясь помазать на королевство и венчать короной Калоиоанна, папа без нужды-де изменяет традиционную политику Римской Церкви и наносит вред католической Угорской державе. Самого письма Эмериха не сохранилось, но есть ответ на него в виде буллы на имя пресвитера-кардинала Льва, где по пунктам разбираются претензии Эмериха²²⁵.

«На твой второй пункт отвечаем, что касается того, что ты разрешаешь свободный путь нашим нунциям в землю Иоанна, а равно и его посла в Рим, то за это выражаем тебе большую благодарность. По отношению к тому, что означенный Иоанн неправильно занял землю, которая была подарена сестре твоей, греческой императрице, и что он с помощью наемного отряда язычников жестоко опустошил сербские области, подчиненные твоей короне, так что многие христиане отведены в рабство к язычникам, — будь уверен, что это нас очень печалит и что мы употребим все старания к тому, чтобы вознаградить тебя за причиненный вред. На третье возражение отвечаем. Ты пишешь, что означенный Иоанн не имеет, собственно, права ни на какую землю, так как он есть узурпатор, захвативший часть твоих владений, часть принадлежащего другому царству; что поэтому тебя удивляет, как мы, не посоветовавшись с тобой, так поспешно решились короновать столь открытого твоего врага. Ты не знаешь надлежащего положения дел, а потому выслушай нас. В Болгарии издревле многие короли последовательно венчаемы были апостолическою властью, таковы Петр, Самуил и некоторые другие. Вследствие миссионерской деятельности блаженной памяти папы Николая болгарский король со всем народом принял крещение. Но впоследствии под греческим засилием болгаре потеряли королевское достоинство и принуждены были жить под тяжким константинопольским игом, пока в самое последнее время два брата, Петр и Иоанн, происходящие из прежнего королевского рода, не столько захватили, как возвратили себе отеческое достояние. Не отрицаем, что, может быть, какую-либо область они захватили силой, но утвердительно говорим, что большую часть земли они возвратили по наследственному праву, почему мы вознамерились венчать его в короли, по примеру наших предшественников, не чужой, а его собственной земли, дабы как он получил в свое владение несправедливо отнятое, так чтобы и неправое у него отнятое было ему возвращено, и об этом он просил нас, чтобы мы приняли на себя посредничество в рассуждении спорных между вами владений. Мы никак не могли думать, посылая своих послов в его землю через ваши владения и принимая его послов, приходивших тем же путем, что в нем ты имеешь такого жестокого врага, тем более что мы все старания употребляли к вашему примирению и не с другой целью решились исполнить его желание, как с той, дабы дочь возвратить матери и тело присоединить к голове. Не можешь не обратить внимания и на то, что, когда великий жупан Сербии Стефан просил нас отправить в его страну легата, чтобы возвратить его к послушанию Римской Церкви и короновать его королевским венцом, мы, признав его просьбу допустимой, возложили миссию в Сербии на брата нашего И[оанна], епископа Албанского; узнав, однако, что это слишком неприятно тебе, отменили это

решение, чтобы сделать тебе удовольствие. Ты же, завоевав Сербию и поставив Волкана наместо Стефана, уведомлял нас, что желаешь эту землю привести в послушание Риму, и в то же время, удерживая за собой светскую власть, просил дать Волкану королевский венец. И мы возложили исполнение твоего желания на архиепископа Коложского; но прошло уже два года, а дело не подвинулось ни на шаг. На твое четвертое возражение отвечаем следующее. Хотя ты, нашего легата внимательно принял и с честью проводил до границы своего королевства, но нас крайне удивляет то, что затем произошло²²⁶. Сделанные тобою не разъясняют дела. Но есть в нем одна сторона, которая может подвергаться обсуждению. Ты просишь, чтобы мы или совсем покинули намерение короновать его, или, по крайней мере, повременили с этим, пока улажен будет ваш спор решением кардинала. Чтобы не слишком взволновать тебя, отвечу кратко. Означенный кардинал, долго оставаясь в твоих владениях и пользуясь вниманием и лаской от тебя и от твоих, разве может быть беспристрастным посредником и судьей в разрешении спора, прежде чем не будет одинаково внимательно принят в его земле и прежде чем не исчезнет повод к подозрению. И кроме того, его нельзя принудить к заключению мира или к восстановлению правды, прежде чем он не подчинится игу апостольской дисциплины и не примет нашего устава. Считаем нужным присоединить, что если ты решишься воспрепятствовать нашему легату в его миссии к распространению христианской веры и увеличению чести апостольского престола, то тебя постигнет божественный гнев и наше нерасположение, в Калоиоанне будешь иметь ожесточенного врага и ничего не достигнешь, потому что мы найдем другой способ к осуществлению нашего желания. Подумай внимательно, что бы ты почувствовал, если бы мы поставили препятствие к коронованию твоего телесного сына, а равно войди в наше положение, если бы ты встал нам на пути к коронованию нашего духовного сына». В последнем пункте папа ослабляет указание короля на дело под Зарой, которое прошло якобы безнаказанным для крестоносцев, и что в течение двух лет он не достиг от папы удовлетворения по этому делу; поэтому если бы Иоанну было разрешено принять корону прежде, чем уладятся споры между Венгрией и Болгарией, то король потерял бы всякую надежду достигнуть своего права при участии Римского престола. На это папа замечает, что крестоносный флот уже подвергся отлучению от Церкви за разрушение Зары-Рагузы и что если бы после принятия королевского венца Калоиоанн не захотел подчиниться определению папского легата относительно ваших недоразумений и споров, то его постигло бы тягчайшее наказание.

В этом любопытном эпизоде обнаруживается самая интимная сторона истории Балканского полуострова. В начале XIII в. успеху славянских государств стоит на дороге Венгрия, впоследствии в том же положении становится Австро-Венгрия. И раньше и позже главный рычаг против славян один и тот же, и та же самая перспектива открывается им в усвоении католического обряда и западной культуры. Венгрия тщательно наблюдает, чтобы политическое объединение славян не шло быстро и чтобы ни Болгария, ни Сербия не выходили из пределов небольших княжеств, на которые бы вечно простиралась верховная власть Венгрии. В изучаемую эпоху спорный вопрос решался, однако, в пользу Болгарии, и возлюбленный сын — венгерский король — должен был помириться с тем, что кардинал дал Калоиоанну королевский венец и присудил в его пользу спорные области. Болгария выиграла больше, чем Сербия, в унии с латинством, но католичество и Римская Церковь выиграла на Балканском полуострове не такой важный приз, как это могло бы показаться на первый взгляд.

Глава 4. Четвертый крестовый поход

К концу XII в. ни у кого уже из политических людей не оставалось сомнения, что крестовые походы в Палестину есть праздное дело, не могущее закрепить за христианами Иерусалима. После громадных жертв, принесенных в удовлетворение религиозного чувства, после трех больших походов, в которых принимали участие императоры германские, французский и английский короли, — Иерусалим все же оставался в руках неверных. Сирия и Палестина и горные ущелья Малой Азии поглотили уже до миллиона крестоносцев. Мусульмане издевались над христианами, и последним уже приходила мысль, что Бог не благословляет дело европейского христианства. Но большинство военных и политических деятелей того времени было того мнения, что неудача крестовых походов лежит в систематическом противодействии европейцам со стороны византийского императора: он, говорили, подстрекает мусульман и устраивает засады крестоносцам, он заключает союзы с неверными и всеми мерами вредит успеху и развитию христианских княжеств на Востоке.

Душой и возбудителем четвертого похода был папа Иннокентий III, один из величайших умов, какие только руководили церковной политикой. С первых же дней вступления на престол (9 янв. 1198 г.) Иннокентий начал ряд мер, чтобы расшевелить католический мир идеей крестового похода, который, по его мысли, следовало направить не в Палестину, а в Египет, ибо оттуда мусульманство черпало силы для борьбы с христианами. Не довольствуясь обыкновенными и испытанными уже средствами — буллами и письмами к королям и духовным и светским князьям, назначением специальных проповедников по селам и деревням и т. п., — Иннокентий сам подал пример воодушевления крестоносной идеей: он снарядил на собственный счет корабль, снабдил его экипажем и припасами, пожертвовал десятую часть доходов Римского престола на крестовый поход и потребовал отчисления на тот же предмет 1/40 части всех доходов католической Церкви. Но положение тогдашних европейских государств не было благоприятно для организации дела на широких основаниях. Самая отзывчивая страна и всего больше заинтересованная в судьбе палестинских христиан — Франция — не могла на этот раз выставить много охотников, так как борьба Филиппа II Августа с английским королем Ричардом была в полном разгаре и привлекала к себе внимание военных людей. В Германии также голос папы не мог встретить большого сочувствия, так как и здесь шла внутренняя борьба между двумя королями — гвельфским и гибеллинским — и их партиями. Вот почему идея крестового похода находила себе весьма мало приверженцев. В конце 1199 г. первых поборников она нашла все же во Франции. Это были Тибо, граф Шампани, Людовик Блуа и Балдуин, граф Фландрии и Геннегау. Первые два графа как родственники королевского дома своим согласием участвовать в походе в значительной степени обеспечивали успех дальнейшего движения, и действительно к ним скоро присоединились их вассалы и подвассалы. Что касается фландрского графа, его участие объясняется еще фамильными преданиями, ибо фландрские графы со времени первого крестового похода были самыми живыми выразителями крестоносной идеи. Весной и осенью 1200 г. означенные князья неоднократно собирались для обсуждения предварительных мероприятий и для выработки плана похода. Так как прежде всего необходимо было обеспечить себе средства переправы в мусульманские земли, то князья пришли к решению законтрактовать у Венеции как первой тогдашней морской державы достаточное число судов для перевозки крестоносцев в Александрию. С этой целью выбрано было по два уполномоченных от каждого князя для переговоров с Венецианской республикой. Между уполномоченными шампанского графа был маршал Вилльгардуэн, которому мы обязаны главнейше и известиями об этом походе. Французские уполномоченные явились в Венецию в

феврале 1201 г. и предложили на усмотрение дожа и его тайного совета желание князей о предоставлении им определенного числа военных и транспортных судов для крестового похода. В марте и апреле велись переговоры, в конце апреля состоялся проект соглашения, который послан был на утверждение папе. Венеция обязывалась в годичный срок доставить такое число кораблей, которое бы в состоянии было поднять и перевезти в Египет 4500 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20 000 пехоты по цене 2 марки серебра с пассажира и 4 марки за лошадь²²⁷. Платеж суммы в 85 тыс. марок раскладывался на три срока, последний срок истекал в июне 1202 г.

Лицо, до сих пор стоявшее во главе движения, — главнокомандующий крестовым походом граф Тибо умер в мае 1201 г. Здесь мы имеем первую роковую случайность, которых увидим слишком много в изложении последующих событий. Смерть его коренным образом изменяет дело. До сих пор все сосредоточивалось во Франции, но уже летом того же года выступает довольно неожиданная кандидатура на предводительство в походе не французского, но итальянского князя, Бонифация, маркграфа монферратского, которому и принадлежит с тех пор руководящая роль в походе. Как только в августе согласился он принять крест и предводительство, некоторые немецкие духовные и светские князья, до сих пор безучастные к движению, начали готовиться в поход. Согласно заключенному с Венецией договору, из Германии и Франции стали постепенно подходить к Венеции различные отряды с конца мая 1202 г., причем подписавшие договор князья французские прибыли позже других, в июне. Но в Венеции ожидал их целый ряд сюрпризов и тяжелых испытаний. Прежде всего встретились затруднения по вопросу о размещении крестоносцев в Венеции. Дабы избежать беспорядков и столкновений, правительство нашло нужным препровождать все прибывающие отряды на остров Лидо, в получасовом расстоянии от Венеции; это было незаселенное место и представляло много удобств для лагерной стоянки, за исключением одного — обилия съестных припасов и удобства доставать их. Но так как венецианское правительство приняло на себя заботу о продовольствии и сначала исполняло ее добросовестно, то крестоносцы на первых порах чувствовали себя хорошо. Скоро, однако, в лагере оказался недостаток в необходимых предметах, и не случайный недостаток, а хронический, продолжавшийся изо дня в день и угрожавший весьма дурными последствиями; начались натянутые отношения между вождями и правительством Венеции. Внешним поводом к неудовольствиям послужил финансовый вопрос. Предстоял срок взноса условленной суммы. Крестоносцы до сих пор сделали только первую часть взноса (25 тыс. марок), оставалось за ними еще 60 тыс. (1 млн 200 тыс.). Когда им предложено было исполнить эту часть договора, они оказались не в состоянии реализовать требуемую сумму, а внесли только половину. Венецианское правительство с своей стороны приостановило подвоз припасов на Лидо и отказало в доставлении судов для перевоза в Египет. Можно понять, в какое уныние пришли крестоносцы, находясь без продовольствия под жарким солнцем летних месяцев. В лагере начался голод, появились болезни, дисциплина была расстроена, многие бежали, другие предались грабежу и разбоям. Дож Венеции не внимал просьбам и увещаниям, грозил выморить голодом весь лагерь, если не будет поддерживаться порядок и не будет произведена окончательная расплата. При таких обстоятельствах в половине августа прибыл в Венецию глава крестоносного ополчения Бонифаций Монферратский. Он прежде всего заставил крестоносцев присягнуть ему на верность и затем принял фактическое направление дальнейших дел. С этих пор французские князья теряют значение в событиях, заправляющая роль всецело принадлежит маркграфу Бонифацию и дожу Генриху Дандоло. Как сейчас увидим, Бонифаций вносит в крестовый поход новый план, чуждый задачам и целям других крестоносных вождей, и заставляет их бессознательно совершить единственную в своем роде авантюру.

Чтобы разъяснить тонкую политическую интригу, в которой крестоносцы должны были играть роль молота, а Византия — наковальни, у нас есть одно средство, стоит только проследить деятельность Бонифация после избрания его в вожди. Целый год он был в больших хлопотах и исполнял важные миссии. Осень и часть зимы он провел в Германии, при дворе короля гибеллинской партии Филиппа Швабского, в начале 1202 г. отправился в Рим к папе Иннокентию III. Он был, таким образом, посредником между папой и королем, но не по делам церковным. Не говоря о прочем, в высшей степени любопытно, что вождь крестоносного ополчения компрометирует себя в глазах истинных сынов католической Церкви, каковы были принявшие крест, сношениями с королем, отлученным от Церкви и не признанным папой. Нужно думать, что был особенный мотив в этих сношениях, который не был противен и папе. Во всяком случае, тот энергичный папа, который сначала был душой крестового похода, с этого времени совершенно выпускает из рук управление делом и сквозь пальцы смотрит на жалкое положение крестоносцев на Лидо, хотя его уполномоченный находился в Венеции и хотя одного его слова было достаточно, чтобы неуплаченная часть взноса была переведена на счет казначейства Римского престола. Да и недоимка была не так велика, чтобы князья не нашли средств уплатить ее. Нередко такую сумму вносили в качестве выкупа из плена и не очень богатые князья.

Четвертый крестовый поход потому и приобретает широкий исторический интерес, что является результатом политических отношений того времени: с одной стороны, между империями, Восточной и Западной, с другой — между Венецией и Византией.

Политика Гогенштауфенов, начиная с Конрада III и продолжая Фридрихом I и Генрихом VI, должна быть оцениваема с двух точек зрения. В качестве германских императоров и представителей гибеллинской партии они — беспощадные и неумолимые враги римского папства и с этой точки зрения естественные союзники византийского императора. В качестве наследников норманнского королевства в Южной Италии и Сицилии Гогенштауфены, будучи врагами папской власти, вместе с тем были соперниками Византии, искони считавшей Южную Италию своей провинцией. Весьма часто обсуждались между империями способы дружелюбного раздела Италии, но всякий раз, как соглашение близко было к осуществлению, папы пускали в ход крайние средства и примирались то с западным, то с восточным императором. Византийские императоры из дома Комнинов тесно сдружились с Гогенштауфенами, надеясь при их помощи стеснить папу и прочно утвердиться в Италии. Дух критики и отрицания устоев, на котором покоилось папство, Гогенштауфены заимствовали из Византии, где, как известно, Церковь не имела притязаний возвыситься над светской властью. Фридрих I и II прямо ставили папе в пример Восточную Церковь и находили в византийских теориях враждебное папству сильное оружие для борьбы с ним.

Эти добрые отношения двух империй нарушались с того времени, когда в Византии династию Комнинов сменили Ангелы в 1185 г. Сын Фридриха Генрих VI в качестве короля сицилийского не мог уже поддерживать видов Византии на Южную Италию и Далмацию, но фамильные предания Гогенштауфенов были, однако, так сильны, что современный четвертому походу король Филипп был женат на дочери царя Исаака Ангела. С одной стороны, исполняя исторические задачи сицилийских королей, Гогенштауфены стремятся захватить приморские владения Византии, нападают на Драч и Фессалонику; с другой, боясь союза Византии с папством, они все усилия направляют к тому, чтобы помешать сближению между своими соперниками. Принятое Генрихом VI угрожающее положение относительно Византии произвело между Восточной и Западной империей довольно сильное охлаждение, так что дошедшее до Востока известие о смерти Генриха встречено было с радостью и надеждами на восстановление добрых отношений. Кандидатура на императорский титул Филиппа, брата

Генриха, казалось, ручалась за то, что обе империи признают взаимные интересы, ибо восточный император и король Филипп связаны были родственными узами посредством брака.

Но в 1195 г. в Византии произошел переворот: царь Исаак Ангел был свергнут с престола своим братом Алексеем, который под именем Алексея III и занимал трон во время четвертого крестового похода; беспощадно ослепив Исаака, новый царь держал его в заключении вместе с сыном его царевичем Алексеем. Константинопольские события не могли остаться безразличными для Филиппа, в особенности для супруги его, дочери Исаака Ангела.

Мы можем проследить с некоторыми деталями сношения между Византией и Германией за это время. Слепой Исаак возлагал теперь все упования на дочь свою и имел средства вступить с ней в переписку. Жившие в Константинополе западные купцы и банкиры были посредниками в этих сношениях. Исаак, лишенный власти и содержащийся в заключении, мог все ставить на карту, он просил дочь об одном, чтоб она отомстила дяде за обиду, причиненную отцу, и явно намекал, что царская власть по праву принадлежит ей и мужу. Новое направление эти переговоры получили вследствие бегства из Константинополя царевича Алексея, сына Исаака. Пользуясь доброхотством итальянских купцов, а может быть, и средствами, предоставленными из Германии, царевич Алексей имел случай ускользнуть от бдительности византийской полиции и явился в Европу в 1201 г., когда уже там организовалось движение в пользу крестового похода. Поздней осенью 1201 г., представившись папе, царевич Алексей был в Германии, в это же время мы находим там и Бонифация, занятого переговорами с Филиппом Швабским. Итак, в связь изучаемых событий приходит новый элемент. Но ни король Филипп, ни царевич Алексей целый год не заявляют открыто и публично своих планов. Они имеют ловкого и умного агента в лице Бонифация Монферратского. Посмотрим теперь, почему выбор их остановился на этом лице в таком важном и деликатном деле. Маркграфы монферратские выросли во время борьбы гвельфов и гибеллинов. Их вывел в люди и обогатил поместьями Фридрих I, найдя в отце Бонифация Вильгельме преданного себе слугу в Северной Италии. Но еще важней роль этого дома на Востоке. Два брата Бонифация, Конрад и Райнер, были на службе Византийской империи, второй из них дослужился там до титула кесаря, оба женаты были на принцессах царского дома. Итак, выбор Бонифация в поверенные по такому важному и деликатному семейному делу как нельзя более удачен. Мог он быть несимпатичен лишь людям церковной партии — гвельфам, так как Бонифаций был завзятый гибеллин, но если папа согласился принять его посредничество, то кому же было протестовать?

Когда в августе 1202 г. Бонифаций прибыл в Венецию, направление похода в Египет уже было оставлено руководящими движением лицами, но настоящий план держался в строгом секрете, о нем едва ли кто знал, кроме Бонифация и дожа Дандоло. Венецианский дож, которому нельзя было не сообщить о плане, отнесся к нему с коммерческой точки зрения, именно со стороны интересов Венеции. Для Г. Дандоло решающими моментами в деле были следующие соображения, — 1) крестоносцы не внесли 34 тыс. марок, — нужно было обеспечить себя насчет этой суммы какой-нибудь равносильной гарантией; 2) входя в интересы Бонифация насчет направления крестоносцев против Константинополя, нужно было взвесить выгоды этого проекта для торговых интересов республики. После зрелого обсуждения дела Г. Дандоло нашел, что можно соединить интересы немецкого короля с видами республики, если Бонифаций предоставит ему на некоторое время свободу действий. 15 августа Дандоло вносит в Совет десяти предложение: не стеснять более крестоносцев вымогательством недоплаченной ими суммы, благо-де они могут расплатиться с Венецией натурой. Мы, продолжал дож, лучше направим их против Зары, города, нам враждебного, предавшегося под власть венгерскому королю и нуждающегося в хорошем уроке. Через десять дней в церкви св. Марка проект похода на Зару объявлен был венецианскому сенату и Большому совету. Дождь сам изъявил намерение

принять на себя командование флотом в этой экспедиции. На некоторое время крестоносцы становятся наемниками республики, Бонифаций стушевывается, и вся инициатива переходит в руки Г. Дандоло, который навязал крестоносцам экспедицию против Зары исключительно в интересах республики.

Но нужно было сохранить приличие, по крайней мере по внешности. Если главные князья, участвовавшие в походе, могли дать свое согласие на венецианский проект, то масса крестоносцев, вассалы князей и простой народ, и до сих пор верила, что поход готовится в Египет. Чтобы держать народ в заблуждении, дож употребил следующее средство. Посадив крестоносцев на суда к октябрю 1202 г., он не прямо пошел на Зару, а целый месяц приказал крейсировать в водах Адриатики и в конце октября объявить по флоту, что за поздним временем года и за наступившими бурями опасно пускаться в дальнее морское путешествие. Ввиду этого флот направился к далматинским берегам и 10 ноября подступил к Заре. На адмиральском корабле не было ни Дандоло, ни Бонифация, ни даже папского легата, так что в крайнем случае за последовавшее ответственность можно было возложить на подчиненных лиц. Зара была хорошо защищена венгерским гарнизоном и оказала крестоносцам значительное сопротивление. Но 24 ноября была взята приступом и подверглась страшному опустошению, причем с жителями христианского города обращались крестоносцы как с неверными: брали в плен, продавали в рабство, убивали; церкви разрушены и сокровища расхищены. Поступок с Зарой был в высшей степени компрометирующим крестовый поход эпизодом: не говоря уже о другом, крестоносцы совершили насилие над христианским городом, подчиненным королю, который сам принял крест для похода и владения которого по существующим тогда законам находились под покровительством Церкви. Заняв Зару, оказавшую, однако, сильное сопротивление, и исполнив таким образом обязательство пред Венецией, крестоносцы остановились здесь до весны 1203 г. Во время стоянки в Заре выяснились все тайные мотивы, руководившие событиями, и выразились главные основания дальнейших мероприятий в формальных актах. Прежде всего следует отметить, что духовенство, участвовавшее в деле под Зарой, скоро почувствовало угрызение совести и искало способов, как бы оправдать недостойный поступок. Мы видели уже, что легат папы не участвовал в этом деле, а отправился в [Рим](#). Следовательно, папа Иннокентий III своевременно получил донесение о движении на Зару. Вот в каких выражениях он высказался по поводу совершившегося факта в письме к крестоносцам: «Увещеваем вас и просим не разорять больше Зары. В противном случае вы подлежите отлучению от Церкви и не воспользуетесь правом индульгенции». Но и этот, в сущности, очень мягкий и уклончивый выговор папа смягчает следующим скоро за ним присланным разъяснением: «Слышал я, что вы поражены угрозой отлучения от Церкви, но я дал приказ находящимся в лагере епископам освободить вас от анафемы, если искренно покаетесь». Нечего и говорить, что папа имел авторитет и мог бы наложить интердикт на все предприятие, если бы он уже не связал себя ранее согласием смотреть сквозь пальцы на подготовившуюся авантюру.

В январе 1203 г. в Зару явились официально послы от короля германского и от византийского царевича Алексея. Здесь получили формальное утверждение два акта: 1) союз между германским королем и царевичем Алексеем; 2) договор между Венецией и крестоносцами о завоевании Константинополя. Все то, что в течение 1201 и 1202 гг. составляло секрет для рыцарей и простых воинов и что обдумано было Филиппом, Иннокентием III, Бонифацием и Генрихом, — все это всплыло теперь наружу. Филипп делал следующее предложение крестоносцам:

«Синьоры! я посылаю к вам брата моей жены и вручаю его в руки Божии и ваши. Вы идете защищать права и восстанавливать справедливость, вам предстоит возвратить

константинопольский трон тому, у кого он отнят с нарушением правды. В награду за это дело царевич заключит с вами такую конвенцию, какой никогда и ни с кем империя не заключала, и, кроме того, окажет самое могущественное содействие к завоеванию Св. Земли. Если Бог поможет вам посадить его на престол, он подчинит католической Церкви Греческую империю. Он вознаградит вас за убытки и поправит ваши оскудевшие средства, выдав вам единовременно 200 тыс. марок серебра, и обеспечит продовольствие для всей армии. Наконец, вместе с вами он пойдет на Восток или предоставит в ваше распоряжение корпус в 10 тыс. человек, который будет содержать на счет империи в течение одного года. Сверх того даст обязательство всю жизнь содержать на Востоке отряд в 500 воинов».

Это предложение подкреплено было актом согласия царевича Алексея на означенные условия.

Совершенно справедливо, что такой конвенции не заключала еще империя: предлагаемые условия были лестны для папы, ибо подчиняли Греческую Церковь католической, весьма выгодны для вождей, ибо обеспечивали им хорошую сумму, наконец, соответствовали целям крестового похода, ибо обязывали византийского императора к походу в Св. Землю с 10-т[ысячным] корпусом. В предложениях есть один невыясненный элемент — это интересы Венеции, она как будто совершенно забыта. В официальном акте, прочитанном в собрании всех крестоносцев, особое вознаграждение Венеции, пожалуй, было неуместно; об нем было сказано в секретном письме, врученном дожу. Венеции обещалась единовременная выплата в 10-тыс. марок и, кроме того, вознаграждение всех убытков, понесенных венецианскими купцами за последние 30 лет. К чести рыцарей и баронов нужно сказать, что многим из них казалось бесчестным подписаться под этой конвенцией. Но тогда Бонифаций подводит к столу, на котором была разложена конвенция, нескольких князей, согласиём которых заручился ранее, и они дают свою подпись. Говорят, что всего получилось 12 подписей. Но так как простой народ и второстепенные рыцари волновались и протестовали, то их успокоили объявлением по лагерю, что Египет составляет ближайшую цель дальнейших предприятий.

Приведенным секретным соглашением между германским королем и Венецией последней гарантировалось возмещение убытков за последние 30 лет. По этому поводу нужно сделать несколько объяснений. В XII в. Венеция играла роль первой морской державы в Средиземном море, торговые интересы связывали ее тесными узами с Византией, где она имела рынки для сбыта своих товаров. Все усилия венецианских государственных деятелей направлялись к тому, чтобы извлечь больше выгод из империи и устранить всякого рода конкуренцию в портах Средиземного и Черного морей. Но должно сказать, что и империя со своей стороны находила интерес поддерживать Венецию, ибо последняя владела таким флотом, какого у империи не было, и имела много случаев как оказывать Византии услуги, так и наносить большой вред. Сознавая свою морскую силу, Венеция выхлопотала себе от византийского правительства такие привилегии, при которых ей легко было завладеть экономическими средствами страны и стянуть в свои руки производительность и торговлю. Пользуясь правом селиться в Константинополе, заводить фабрики и конторы в портах и беспощинно торговать в империи, Венеция могла хозяйничать в Византии по своему усмотрению, свободная от полицейского и таможенного надзора и от всякой конкуренции. Если венецианцы зазнавались и становились очень строптивы, Византия грозила им отменой привилегий и открытием своих рынков исконным соперникам Венеции — генуэзцам и пизанцам. Так, за 30 лет до занимающих нас событий (в 1172 г.), желая дать урок венецианцам, царь Мануил наложил арест на имущество венецианской колонии, проживавшей в Константинополе, причем до 20 тысяч венецианцев потеряли свои товары и недвижимую собственность. Хотя правительство скоро затем и обязалось вознаградить республику за убытки, но фактически оно не в состоянии было

исполнить это обязательство. Через десять лет (1182) снова повторилось разграбление венецианской колонии, причем константинопольская чернь дошла до чрезвычайного варварства: грабила и расхищала имущество пришельцев, многие из венецианцев были убиты или проданы в рабство. С того времени Венеция имела непримиримую вражду к грекам и выжидала лишь удобного случая свести с ними счеты. В 1187 г., заключая с Византией оборонительный и наступательный союз, Венеция вставила в договор и статью о возмещении убытков, которые возросли теперь до громадных цифр. Уплата по этому старому счету с Византией и гарантирована была упомянутым секретным соглашением между королем и дожем.

В первой половине апреля крестоносцы посажены были снова на суда и направились к острову Корфу, где состоялось формальное представление вождям греческого царевича Алексея. Он легкомысленно уверял вождей, что предпринятое ими дело не встретит никаких препятствий, что в портах константинопольских его ждет флот в 600 кораблей и что население империи ожидает его с распростертыми объятиями. Царевич старался пустить пыль в глаза роскошью и щедрыми подачками. Но так как казны с собой было у него мало, то он давал расписки и подписывал денежные обязательства. Мы знаем, что к нему предъявлено было потом разных обязательств на сумму в 450 тыс. марок (до 9 млн. руб.), и можно смело сказать, что эти обязательства были сделаны в Корфу на подкуп отдельных рыцарей. К 25 мая улажены были частные затруднения, крестоносцы пошли на Константинополь.

В конце июня крестоносный флот с царевичем Алексеем был у Константинополя. Главные вожди могли уже теперь убедиться, что задача их возвратить царский трон царевичу Алексею не так легка, что царевич сильно преувеличивал и расположение к нему греков и готовность константинопольской армии и флота стать на его сторону по первому же приглашению крестоносцев. Напротив, оказалось, что греки враждебно относились к царевичу, островитяне не хотели давать ему присяги, а в Константинополе принимали в шутку его притязания. Крестоносцам предстояло начать с враждебной демонстрации, а этого им хотелось избежать ввиду сравнительной слабости их сил.

Что касается оборонительных мер, принятых царем Алексеем III, то в этом отношении вся надежда возлагалась на крепкие стены и недоступность столицы с моря. Само собой разумеется, никому в голову не приходило, чтобы какая-нибудь горсть латинян в 30 с небольшим тысяч могла серьезно угрожать защищенному крепкими стенами городу, считавшему до миллиона населения. Самая слабая сторона защиты была в отсутствии флота. Со времени оборонительного и наступательного союза с Венецией в 1187 г., возложив обязанность морской службы на венецианцев, Византия довела свой военный флот до минимума. Хотя деньги на устройство флота собирались, но они шли по карманам чинов адмиралтейства, тогдашний адмирал флота Стрифна крайне злоупотреблял своим положением, и в доках византийских оказалось всего 20 кораблей, да и то не годных к делу. Гарнизон константинопольский не был доведен до такой численности, чтобы быть в состоянии защищать все городские укрепления. Ввиду такого положения дел царь Алексей III ограничился выжидательными мерами. Крестоносцы пристали к азиатскому берегу, запаслись там продовольствием, пограбив окрестности, и решились 8 июля понудить византийцев к принятию на царство царевича Алексея. Главные усилия крестоносцев направлены были на Галатскую башню и на цепь, запирающую вход в Золотой Рог. Этот знаменитый залив, врезающийся в город и разделяющий его на две части, представлял собой самое слабое место защиты по случаю непригодности флота. Призвав на службу охотников и собрав свою гвардию и часть войск из ближайших окрестностей, Алексей располагал 70 тысячами войска. Но, как видно, этому войску недоставало организации, потому что оно не могло отстоять натиска крестоносцев, высадившихся с кораблей и действовавших уже на конях. Башня Галата была взята и в то же время прорвана цепь, заграждавшая вход в Золотой Рог.

Этим, в сущности, обеспечивалось командование городом, потому что крестоносцы могли теперь сделать высадку где угодно. И они действительно расположились лагерем у Влахернского дворца. Население Константинополя было крайне встревожено нерешительностью царя. Духовенство в своих проповедях и уличные ораторы прямо обвиняли правительство в измене и возбуждали народ постоять за веру, которой угрожали латиняне. Под влиянием общего недовольства Алексей III решился сделать вылазку на 17 июля; сначала осаждающие были отбиты со стороны Галаты и Влахернского дворца, но греки не воспользовались победой и по приказанию царя возвратились под защиту стен, не нанеся существенного вреда неприятелю. Когда вылазка окончилась неудачно, тогда Алексей III решился на постыдное бегство из Константинополя, где он оставил жену и детей.

Бегство Алексея развязывало крестоносцам руки, ибо они, по-видимому, только того и добивались, чтобы посадить на престол своего царевича Алексея. Но утром 19 июля в городе начались волнения. На место бежавшего Алексея III толпа провозглашает царем слепого Исаака и приводит его из тюрьмы во дворец. Это уже было совершенно вопреки ожиданиям крестоносцев и усложняло для них дело, ибо вследствие возведения на престол Исаака становилась излишней осада города и дальнейшие вымогательства. Греки сейчас же оповестили латинян о происшедшем и приглашали царевича Алексея разделить власть с отцом. Но выступал на очередь вопрос о денежных обязательствах: кто же будет платить? Крестоносцы задержали у себя царевича и отправили четырех депутатов к Исааку спросить его, намерен ли он вознаградить их за услугу, оказанную в пользу его сына. Исаак спросил о сумме и ответил: «Конечно, вы оказали такую большую услугу, что за нее можно бы отдать и всю империю, но я не знаю, из чего вам уплатить». С июля по конец августа шли переговоры по разъяснению трудного вопроса о денежных обязательствах. Крестоносцы принуждены были выпустить Алексея Исааковича в Константинополь, надеясь при его помощи побудить царя ратифицировать договор. Старик Исаак долго колебался, наконец дал свою подпись. 1 августа царевич Алексей объявлен был императором, и с этого времени начинаются для него ужасные затруднения по выполнению договора.

Правительство оказалось в крайнем затруднении ввиду недовольства греков своеволием и дерзостью латинян и ввиду бесцеремонных вымогательств новых и новых взносов. С большим трудом, посредством конфискации имуществ приверженцев прежнего правительства, посредством присвоения церковных ценностей и переплавки памятников искусства, удалось Исааку реализовать 100 000 марок. Эту сумму следовало разделить поровну между венецианцами и французами, последним осталось из нее очень мало, ибо они должны были выплатить Венеции 34 000 марок за провоз. Первый взнос сделан в сентябре, но он не удовлетворил крестоносцев, которые требовали следующих взносов, а Исаак положительно не знал, откуда их взять. Прямым последствием этого было соглашение между Исааком и Г. Дандоло, по которому крестоносцы обязались продлить на год пребывание свое в Константинополе, дабы, как говорилось официально, утвердить на престоле Исаака, на самом же деле, чтобы получить всю сумму по обязательствам царевича.

Положение, однако, ухудшалось со дня в день. Хотя теперь крестоносцы не были осаждающей армией, а скорее наемниками на службе империи, но квартал, где они расположились, был местом, мимо которого ни один грек не мог проходить хладнокровно. Между греками и латинянами происходили частые свалки, все иностранцы, проживающие в Константинополе, были заподозрены в вероломстве и подвергались дневным нападениям и грабежу. Сам царевич Алексей сделался предметом ненависти и отвращения; и в самом деле, появляясь в латинском платье и окруженный иностранцами, он слишком оскорблял национальные чувства и возбудил против себя общее неудовольствие.

Когда выяснилось, что Исаак не может исполнить обязательств, крестоносцы поняли, что им придется снова прибегнуть к оружию. Г. Дандоло старался всеми мерами ускорить развязку, указывая в лагере крестоносцев, что Исаак не внушает доверия и что положение его совсем не прочно. К концу 1203 г. правительство даже прекратило доставку съестных припасов латинянам, последние отправили к царям 6 уполномоченных с известием, что если не желают удовлетворять их требования, то они будут добывать свои права по своему усмотрению. В нашей земле, говорили послы, есть обычай не прежде вступать с врагом в войну, как объявив ему об этом. Вы слышали наши слова, а теперь делайте, как заблагорассудится.

В январе 1204 г. в Константинополе подготовлена была революция. Во главе движения находился царедворец Алексей Дука по прозванию Мурзуфл, принадлежавший к партии тех государственных людей, которые желали порвать всякие сношения с крестоносцами. Организуя оборону города, он в то же время возбуждал народ и войско против царя Исаака. Старый и слепой Исаак, которого ничему не научило несчастье, больше дорожил расположением латинян, чем популярностью.

В конце января монахи и рабочее население Константинополя стали собираться на площадях и поднимали вопрос об избрании нового царя. Исаак допустил при этом ошибку, предложив крестоносцам вступить в город для водворения порядка. Переговоры по этому деликатному делу поручены были Алексею Мурзуфлу, а он выдал тайну народу. Тогда начался открытый мятеж, за время анархии А. Дука был избран царем, а Исаак не мог перенести горя и умер, сын же его был посажен в тюрьму и там убит.

Рассказанные события ставили для крестоносцев совершенно новые задачи и цели. За смертью царевича Алексея они теряли прямую цель похода на Константинополь, вопрос об уплате денежных обязательств теперь получал новое значение. Согласится ли Алексей Дука выполнить обязательства царей, на место которых он избран? По всем внешним признакам — нет, потому что новый царь старался заслужить доверие населения и деятельно занимался укреплением стен, восстановлением разрушенных частей города, на предложение же уплатить деньги по контракту и ратифицировать другие статьи договора отвечал отказом. В марте 1204 г. имел место весьма любопытный договор между Бонифацием и Дандоло, имеющий предметом план раздела империи. Если предыдущие действия крестоносцев могут еще иметь для себя какое-нибудь оправдание, то с марта всякий вид легальности был уже оставлен. Акт, заключенный в это время, обращает на себя внимание именно тем, что он представляет зрело обдуманый план действий, от которого крестоносцы не отступали ни на йоту. Этим актом решено было: 1) взять Константинополь вооруженной рукой и установить в нем новое правительство из латинян; 2) город предать расхищению и всю добычу, сложив в одном месте, разделить полюбовно: три доли из добычи должны идти на погашение долга Венеции и удовлетворение обязательств царевича Алексея, четвертая доля — на удовлетворение частных претензий Бонифация и французских князей; 3) по завоевании города 12 избирателей, по 6 от Венеции и Франции, приступят к выбору императора; 4) тот, кто будет избран в императоры, получает четвертую часть всей империи, остальные делятся поровну между венецианцами и французами; 5) та сторона, из которой не будет избран император, получает в свою власть церковь св. Софии и право на избрание патриарха из духовенства своей земли; 6) договаривающиеся обязываются год прожить в Константинополе, чтобы утвердить новый порядок вещей; 7) из венецианцев и французов избрана будет комиссия из 12 лиц, на обязанности которых будет лежать распределение ленов и почетных должностей между всеми участниками в походе; 8) все вожди, имеющие получить лены, дадут императору вассальную присягу, от которой освобождается один дож Венеции. За подписанием этого договора последовал подробный план распределения частей империи. Можно заметить, что этот план

составляли хорошо знающие империю люди: на долю Венеции выпал самый лакомый кусок: приморские области, важные в торговом, промышленном и военном отношении.

Так написана была история ближайших судеб империи.

Между тем с той и другой стороны шли деятельные приготовления к окончательной развязке. В военном совете у латинян решено было сделать штурм со стороны Золотого Рога, у Влахернского дворца. Выгода византийского положения заключалась в высоких стенах и рвах. Долго крестоносцы напрягали крайние усилия, чтобы засыпать рвы и подойти к стенам с лестницами, но сверху осыпали их градом стрел и камней. К вечеру 9 апреля взята была башня, и крестоносцы ворвались в город, но не посмели воспользоваться занятым положением и на ночь оставили позицию. В городе произошел третий начиная со времени осады пожар, истребивший две трети города. Второй штурм имел место 12 апреля, и это был день взятия Константинополя. Алексей Дука, отчаявшись в благоприятном исходе, бежал; в городе началась паника, народ разбежался по отдаленным кварталам и организовал отчаянную защиту в тесных улицах, устраивая заграждения латинянам. Утром 13 апреля вступил в город Бонифаций, греки просили у него пощады, но он обещал войску трехдневный грабеж и не отменил своего слова.

Эти три дня грабежа при зареве пожара превосходят всякое описание. По истечении многих лет, когда все уже пришло в обычный порядок, греки не могли без ужаса вспоминать о пережитых сценах. Отряды крестоносцев бросились по всем направлениям собирать добычу. Магазины, частные дома, церкви и императорские дворцы тщательно обысканы и разграблены, безоружные жители подвергались избиению. Счастливыми почитали себя те, кто успел в общей суматохе пробраться к стенам и бежать из города; так спаслись патриарх И [оанн] Каматир и сенатор Н. Акоминат, который впоследствии картинно описал ужасные дни грабежа. В особенности нужно отметить варварское отношение латинян к памятникам искусства, к библиотекам и святыням византийским. Врываясь в храмы, крестоносцы бросались на церковную утварь и украшения, взламывали раки с мощами святых, похищали церковные сосуды, ломали и били драгоценные памятники, жгли рукописи. Многие частные лица составили себе богатства в это время, и потомство их в течение целых столетий гордилось похищенными в Константинополе древностями. Епископы и аббаты монастырей впоследствии подробно описали в назидание потомству, какие святыни и как приобрели они в Константинополе. Хотя они описывали историю хищений, но называли это святым хищением. Некто Мартин, аббат монастыря в Париже, вошел в эти дни в греческий храм, куда греки снесли из окрестных домов свои сокровища и святыни в надежде, что носители креста пощадят церкви Божии. Аббат, предоставив солдатам расправляться с толпой, искавшей защиты в церкви, сам стал обыскивать на хорах и в ризнице, не попадет ли чего поценней. Тут он наткнулся на старого священника и потребовал от него под угрозой смерти показать, где скрыты мощи святых и сокровища. Священник, видя, что имеет дело с духовным лицом, указал ему на окованный железом сундук, в который аббат запустил руки и выбрал то, что ему казалось более важным. Так аббату удалось похитить ковчежец с кровью Спасителя, кусочек дерева крестного, кость И[оанна] Крестителя, часть руки св. Иакова.

Таковыми святынями украшались церкви и монастыри западные.

А вот другой ряд наблюдений, о деяниях других отрядов:

«Заутра же солнцу восходящу внидоша во св. Софию и одраша двери и разсекоша эмбол, окованный серебром, и столпы серебряные 12, и 4 иконостаса, и тябло изсекоша, и 12 престолов, и преграды алтарныя, а то все было из серебра, и со св. трапезы отодраша дорогие камни и жемчуг. Захватили 40 кубков, и паникадила, и светильники серебряные, им же несть числа. С безценными сосудами похитили Евангелие и кресты, и иконы, последняя снимали с мест и отдирали с них ризы. А под трапезой нашли 40 кадей чистаго золота, а на хорах и в

ризице и не сочтешь, сколько взяли драгоценностей. Так обобрали св. Софию, Св. Богородиц Влахернскую, идеже Св. Дух схождаше во вся пятнице, и ту одраша, а о других церквах и сказать нельзя, яко без числа. Черниц и чернецов и попов облупиша, а некоторых избиша».

Свирепостью и неумолимостью отличался более всех Бонифаций и сопутствовавший ему отряд немецких крестоносцев; один из немецких графов, по фамилии Катценелленбоген, по преимуществу запятнал себя поджогами.

Когда насыщена была жадность победителей, приступили к исполнению статьи договора о разделе добычи. Нельзя, конечно, думать, что все крестоносцы честно выполнили обязательство и показали все награбленное. Тем не менее, по оценке и той части, которая была показана, добыча французов простиралась на 400 тыс. марок (8 млн). По удовлетворении обязательств царевича Алексея и по выплате перевозной платы Венеции остаток был разделен между крестоносцами: досталось каждому пехотинцу по 5 марок, кавалеристу по 10, рыцарю по 20 (в дележе участвовало всего до 15 тыс. человек). Если принять во внимание еще долю Венеции да долю главных вождей, то общая сумма добычи будет простираться до 20 млн рублей. Лучше всего о громадных богатствах, найденных в Константинополе, может свидетельствовать предложение венецианских банкиров взять на откуп всю добычу и выплатить по 100 марок каждому пехотинцу, по 200 кавалеристу и по 400 рыцарю. Но это предложение не было принято, ибо сочтено невыгодным. Что касается памятников искусства, в которых крестоносцы не понимали толку, то в этом отношении никакие цифры не могут изобразить сумму вреда и порчи. Латиняне придавали некоторое значение только металлу, который переливали в слитки, а мрамор, дерево, кость — шли нипочем. Только Дандоло оценил 4 бронзовых с позолотой коней на ипподроме, которые и доньше украшают портик св. Марка в Венеции.

Затем приступлено к осуществлению второй статьи плана — об организации власти. Всех более на титул императора имел, конечно, права главнокомандующий походом Бонифаций. Но когда наступила пора выборов, то шесть избирателей от Венеции и шесть от Франции далеко не расположены были подать голос за итальянского князя. Бонифаций хотел было повлиять на избирателей тем, что заявил желание жениться на вдове Исаака, императрице Маргарите, но и это не помогло. Так как шесть венецианских избирателей, естественно, склонялись подать голос за своего дожа, но результат голосования непременно должен был решиться французскими избирателями, составленными наполовину из духовенства Шампани и прирейнских областей Германии. Но избиратели от Франции могли дать перевес только такому лицу, которое будет поддержано и венецианцами. Г. Дандоло не желал титула императора, притом Венеция хорошо обеспечивала свои права другими статьями конвенции, вследствие этого окончательное решение в выборе переходило к венецианским избирателям. Для Венеции не было политического расчета усиливать маркграфа монферратского, т. е. северо-итальянского князя, который в будущем мог стеснять Венецию. Так выступила кандидатура князя Балдуина Фландрского, который как более отдаленный владетельный князь представлялся менее опасным Венеции. При голосовании Балдуин получил 9 голосов (6 от Венеции и 3 от духовенства прирейнского), Бонифаций только три. Провозглашение Балдуина последовало 9 мая.

Новое правительство с латинским императором во главе должно было осуществить теперь третью статью договора — о выделе ленов и о разделе империи. Когда в сентябре подошли к этому вопросу, то нашли, что осуществить проект раздела в высшей степени нелегко. Действующая армия крестоносцев простиралась лишь до 15 тыс., а между тем ей предстояло иметь дело с империей, в которой парализована была голова, но все другие члены обнаруживали еще признаки жизни. Провинции империи не признали совершившихся фактов: кроме двух императоров, Алексея III и IV, бежавших во время осады, — в ночь перед вступлением латинян в Константинополь избран был еще новый император, Федор Ласкарис, который также бежал из

города. Итак, нужно было считаться с тремя императорами, которые держались в провинциях.

Осенью 1204 г. латинское правительство предпринимает задачу подчинения империи, т. е. походы в провинции с целью завоевания их. Нужно было удовлетворить ожидания всей массы крестоносцев по отношению к ленным владениям. Желавших получить лены было много, а раздавать пока было неоткуда. Между тем воины Христовы давно уже томились надеждой устроиться в областях империи как у себя дома, получить населенные земли во владение и отдохнуть от понесенных трудов. Правительство щедро раздавало титулы и звания, рыцари тщательно изучали карту империи и выбирали себе места по вкусу. Появились герцоги никейские, филиппопольские, лакедемонские, графы менее значительных городов, герцогства и графства проигрывались и выигрывались в кости. Выше сказано, что более удачно обставлены были интересы Венеции, она заранее обеспечила себе владение промышленными и торговыми центрами. Далматинское побережье, часть островов, приморские пункты в Сирии — все это была часть Венеции. Но не меньше было желания обеспечить себя и у других князей. Бонифаций, обманувшись в расчетах на титул императора, скоро понял, что и доставшаяся ему при дележе часть далеко не выгодна. По проекту на его долю выпадали восточные области. Но теперь, когда избран был в императоры Балдуин, он нашел, что было бы лучше получить что-нибудь более верное на западе. Фамильные воспоминания тянули его к Македонии, именно к Солуни, где брат его, служивший в империи, имел земельные пожалованья. Когда он заявил Балдуину, что охотно откажется от Востока в обмен на Солунский округ, то Балдуин выразил по этому поводу неудовольствие. В самом деле, ему могли внушать серьезные опасения намерения Бонифация утвердиться в Солуни, ибо отсюда он мог доминировать в Греции, где имели лены французские рыцари, кроме же того, Бонифаций, как муж экс-императрицы Маргариты, дочери венгерского короля, мог угрожать в союзе с венграми и самому Константинополю.

Таким образом, Балдуин решительно высказался против предложения Бонифация, что породило охлаждение между вождями и угрожало усобицей. Но в то время как Балдуин, предприняв экспедицию в Македонию, старался фактически распространить здесь свою власть, заставляя население присягать себе, Бонифаций перехитрил его дипломатическими переговорами с Г. Дандоло. 12 августа 1204 г. состоялся акт запродажи Бонифацием в пользу Венеции всех его прав и притязаний на области империи и на обязательства, данные царевичем Алексеем, за что Венеция выплатила ему единовременно 1000 марок серебра и обязалась дать ему лен на западе, доходы с которого равнялись бы 30 тыс. рублей. Впоследствии оказалось, что не названный в формальном контракте лен был именно Солунский округ. Этим актом Бонифаций выиграл очень много: 1) он получил европейскую область, расположенную у моря; 2) получал ее как лен императора, которому, следовательно, не давал присяги на верность и с которым мог смело вступить даже в борьбу.

Итак, Латинская империя в Константинополе с осени 1204 г. может считаться совершившимся фактом.

Глава 5. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии

Завоеванием латинянами Константинополя и договором о разделе империи закончен был в 1204 г. весьма важный в истории акт, который не может не вызывать на размышление. Собственно, горсть западных воинов, едва ли больше 30 тысяч, подступив к Константинополю с моря, успела парализовать город с сотнями тысяч населения и с весьма значительным гарнизоном, доходившим до 70 тысяч. Несмотря на крайнее раздражение против латинян, подогретое последними событиями, ни греческое правительство со всеми его органами и административными учреждениями, ни духовенство, ни городское торговое и промышленное население не нашли достаточных средств, чтобы расстроить эту поразительно смелую авантюру.

Нельзя много настаивать на количестве сил. Давно уже доказано военными делами, в которых победа нередко оказывалась за численно слабой стороной, что материальная сила еще не обеспечивает успеха. Важнее другая сторона вопроса: почему обширная империя в данное время не имела в себе достаточно энергии и решимости, чтобы уничтожить небольшую венецианскую эскадру, которая подошла к Константинополю; почему ни сенат, ни войско, ни духовенство не проявили в этом случае всей присущей им силы.

Выяснить обстоятельства, приведшие империю к параличу, составляет весьма интересную задачу историка. И это тем более может завлекать исследователя, что внутренние причины и внешняя обстановка, приведшие империю к полному краху в 1204 г., во многих отношениях соответствовали положению дел во время турецкого завоевания в 1453 г. и что материальные условия, в которых жила Византия в эпоху крестовых походов, легче поддаются оценке, чем 250 лет после того.

Предстоявшая византийскому правительству задача преобразовать Римскую империю в эллинскую с преобладанием православного Константинопольского патриархата над другими многочисленными на Востоке вероисповеданиями, как христианскими, так и чуждыми христианства, соединить империю единством веры и императорской власти — эта задача оказалась не под силу преемникам Константина и Юстиниана. Следует не обинуясь признать, что означенная задача прежде всего была не под силу самой эллинской нации, которая в средние века далеко не обладала силой уподобить себе близких соседей и распространить эллинские идеи за пределы непосредственного господства греческого элемента. Как известно, греки не в состоянии были огречить ни славян, ни албанцев, ни малоазиатских турок; напротив, нередко были случаи утраты греками своего языка под турецким господством. Если византийское правительство под влиянием инородческих элементов, получавших иногда преобладание в администрации, давало перевес иностранцам перед греками, то этим нарушался установленный государственный порядок и часто дело доходило до внутренних смут и кровавых столкновений между туземцами и иностранцами. Господствующее племя, для интересов которого приносились большие жертвы, фактически не было в состоянии удовлетворять ни духовным, ни материальным потребностям обширного государства.

При недостаточности силы сцепления в господствовавшей национальности в империи народились с течением времени внешние и внутренние разрушительные силы, подготовлявшие неминуемый крах. Прежде всего восточные, т. е. малоазийские, фемы перестали быть составной частью государства с тех пор, как турки-сельджуки твердо основались в Сирии и Месопотамии и захватили Малую Азию до Никомидии и Никеи. Когда, таким образом, центр тяжести перенесся на Балканы и сила государства сосредоточилась во Фракии, Македонии, Эпире и

Пелопоннисе, стало ясно, что начавшееся в Болгарии с 1185 г. освободительное движение, рядом с которым шел процесс объединения сербских колен под династией Неманичей, должно было поглотить все военные силы империи и чрезвычайно ограничить владения, из которых правительство могло черпать денежные средства и откуда оно могло набирать военных людей. Но и не в этом была главная беда. Стоит здесь остановить внимание на самозванцах, появлявшихся вслед за низвержением Исаака Ангела (1195) и пытавшихся оторвать от империи разные провинции с целью основать независимые владения.

Вот султан Анкиры подает руку помощи некоему юноше, выдававшему себя за Алексея II, сына Мануила. Он появляется в Малой Азии и находит себе приверженцев. Вот во время бунта Иоанна Лага в Константинополе был провозглашен царем происходивший из фамилии Комнинов Иоанн Толстый. Но конечно, наиболее благоприятные условия для бунта и попыток к отделению от центра были на Балканском полуострове. Такова была цель движения протостратора Иоанна Камицы, который в союзе с владельцем Просека (на Вардаре) Хризом овладел частью Македонии и, подняв на ноги албанские племена, распространил восстание до Пелопонниса. Пользуясь господствовавшей повсюду анархией, некто Иоанн Спиридонаки занял независимое положение в Родопских горах и захватил фему смолян. Примем далее во внимание отделение от центра острова Кипра, основание независимого княжения в Фессалии и Пелопоннисе Льва Сгура, прекращение сношений с Трапезунтом, где готовилась независимая Трапезунтская империя, — все это были решительные признаки начавшейся децентрализации и свидетельство неспособности господствовавшего в империи эллинского племени быть цементом для скрепления разноплеменного состава византийского государства. Господствующий характер этих восстаний есть децентрализация. Туземные евпатриды следовали, говорит греческий историк Ламброс, примеру болгар и влахов, которые стремились к отделению от империи и основанию собственной власти в небольшой области империи. Это явление может быть рассматриваемо как последний и пагубнейший результат системы прений, усилившейся во время последних Комнинов. И этот процесс наблюдается не только в Македонии и Малой Азии, но распространяется на Крит и Пелопоннис. Наподобие франкских вассалов на Крите имеют феодальные владения: Хортаты, Мелиссины, Лигины, Власть: и др.; в Ахее и Мессении — Враны, Кантакузины и Мелиссины. Лаконские Хамареты приобретают значение в Пелопоннисе, в особенности Сгур, носивший титул севастоипертата и отличавшийся жестокостью и кровожадностью²²⁸.

В XII в. Византия вошла в разнообразные и оживленные сношения с Западной Европой. Имеем в виду не только трагическое столкновение Востока с Западом, византинизма с латинством вследствие почти не прекращавшейся крестоносной войны, постепенно заливавшей мусульманский Восток, но и добровольное и сознательное движение навстречу Западу со стороны императоров из династии Комнинов. Трудно понять, какими соображениями руководился Мануил Комнин, открывая широко двери для западных служилых и торговых людей, а также для усвоения иноземных обычаев и учреждений. И это тем более представляется любопытным, что, по-видимому, он хорошо понимал опасность, какая могла отсюда угрожать его империи. Царь, говорит Никита Акоминат, не решался сам идти войной против западных народов, потому что считал их страшными и непобедимыми. По его мнению, византийское войско в сравнении с западными военными людьми — то же, что горшки рядом с котлами. Он подозревал, что западные народы могут составить союз и обратиться против него всеми своими силами, и потому постоянно принимал меры предосторожности. Восточных варваров, говаривал он, можно и подкупить, и усмирить оружием, безмерная же численность западных племен его тревожит чрезвычайно. Это люди высокомерные и неукротимые, составившие из войны главное и любимое занятие; они идут на войну закованные в железо и питают к грекам непримиримую

вражду и всегдашнюю злобу. И в литературе, и в византийском искусстве тип западных людей воплощался в более известных Константинополю итальянцах, и из них всего более в венецианцах, которые давно имели в Византии обширные торговые привилегии и селились в Константинополе на продолжительное житье, держа там свои торговые заведения и занимая целый квартал. Хотя греки должны были входить с латинянами в постоянные сношения и быть с ними вежественным общением, но едва ли они питали к ним дружественные чувства.

«Посмотрите, — говорит тот же летописец, — на этот жестоковыйный народ: какой у него дерзкий и надменный вид с выбритым подбородком, какая жадная до убийства рука, раздувающиеся ноздри, широко раскрытые глаза, быстрая и отрывистая речь».

И, несмотря на все это, Комнины были западниками чистой воды; при них латинское влияние свободно распространялось в империи различными каналами. Как будто неизбежная эволюция вела Византийское государство к тому политическому строю, который выработался на Западе; как будто культурным влиянием латинского Запада не было больше препон ни в вере, ни в особенностях византийского социального быта. И между тем наблюдалась конкретная и трудноисправимая противоположность между восточными и западными народами: горшки по сравнению с котлами.

Нужно прийти к тому заключению, что консервативный византизм не по доброй воле шел на уступки, что при Комнинах все византийские устои стали сдвигаться несколько «влево». Но это движение на Запад с уступками в пользу западной культуры не отразилось благоприятными результатами на учреждениях империи. Сравнение горшков с котлами применимо не только к войску и военному делу, но идет гораздо шире и дальше. Так, нельзя не признать, что система характерата на почве раздачи монастырских и церковных имуществ в аренду светским лицам, и в особенности система наделения служилых людей населенными землями и другими приносящими доход статьями или в награду за исполненную службу, или под условием обязательства военной службы (прония), вызвала на Востоке, при слабости центральной власти и при наличии центробежных сил в разности племен и в сепаратных стремлениях областей, весьма печальные явления, против которых проявилась сильная реакция по смерти Мануила Комнина.

Прежде всего эта система угрожала разрушением феодального строя, закрепощением свободных крестьян и поглощением мелкой земельной собственности крупным землевладением. Между тем благодаря развитию системы феодального управления весь период Македонской династии может быть назван исключительно благоприятным в смысле благоустройства военного дела и материального благосостояния империи.

Никогда не возлагалось столько надежд на благоприятное решение вопроса о разделении Церквей и о схизме, как именно в занимающий нас период. Так как вопросу о схизме приписывалось большое политическое значение и так как рядом со сношениями с Римской Церковью разрабатывался план союза с папами против Гогенштауфенов, то переговоры с Римом занимали весьма важное место в церковной политике Комнинов. Достаточно сказать, что при царе Иоанне два раза посещал Константинополь архиепископ Ансельм из Гавельберга. В первый раз, в 1135 г., он вел беседы по главному вопросу, разделяющему Церкви, с греческим богословом, архиепископом Никомидийским Никитой. В 1154 г. он снова прибыл в Константинополь в качестве посла императора Фридриха Барбаруссы, вступил в личные сношения с архиепископом Солунским Василием (Охридским). Следствием имевших тогда место переговоров папа Адриан IV в своем послании на Восток выдвинул вопрос о соединении Церквей. В 1170 г. Мануил созвал церковный Собор с целью изыскать способы к постановке вопроса о соединении Церквей²²⁹. Но при несколько более глубоком обсуждении подробностей выяснилась диаметрально противоположность взглядов между восточными богословами и

притязаниями Римской Церкви. Между прочим, греческие епископы находили совершенно недопустимым применение к Восточной Церкви притчи о заблудившейся овце и еще менее — приравнение ее к «четверодневному» Лазарю, уже начавшему смердеть. Фактически не оказалось точек соприкосновения между безграничными притязаниями на абсолютное господство Церкви со стороны Рима и желанием патриарха сохранить независимость Восточной Церкви. Это положение вопроса прекрасно иллюстрирует «Диалог» между патриархом Михаилом III и царем. Ввиду готовности Мануила идти на уступку латинянам патриарх говорил:

«Пусть господствует надо мной агарянин — это действие внешнее. Но я не допущу себя согласиться с итальянцем, ибо это будет относиться к области моего ума. Первому я не сочувствую, хотя и покоряюсь; соглашаясь же со вторым в вере, я разрываю связь с Господом моим».

Подобное категорически выраженное мнение патриарха остановило царя Мануила от дальнейших попыток прийти к соглашению с Римом. Уместно здесь заметить, что таков и наиболее распространенный взгляд в Греческой Церкви всех времен, как он был выражен и в тяжкую годину завоевания Константинополя турками.

Указанными выше фактами сближения с латинским Западом, на почве ли заимствования политических учреждений или уступок по вероисповедным вопросам, достаточно выясняется принципиальный смысл занимающей нас задачи: для обеспечения себе дальнейшего политического бытия и для успешной борьбы против западного и восточного врага империя должна была искать средства не в усвоении феодализма и не в уступках латинству, а во внутренних реформах и в согласовании интересов господствующей Церкви и эллинской национальности с отринутыми учениями и с населявшими империю инородцами. На этом пути не было предпринято никаких реформ в занимающую нас эпоху. Между тем голос просвещенных людей того времени всячески привлекал внимание правительства к вопиющим государственным нуждам, которые давали себя чувствовать как в центре, так и в провинциях. Характеристика административной системы Мануила, сделанная Никитой Акоминатом, составляет лучшие страницы в его истории.

«Я не скрою, — говорит он, — он увеличил государственные подати, и высшие должности при нем отдавались на откуп. Собираемые деньги царь рассыпал щедрой рукой, обогащая монастыри, церкви и неимущих. Много денег расходилось по рукам иностранцев, в особенности латинян; значительная также сумма шла на родственников и любимцев. Племянница царя Феодора имела царскую свиту и роскошный дворец: на нее и на рожденных от нее детей текли целые реки золота. Постельничие, евнухи, слуги из иноземцев, варвары, у которых слюна брызжет изо рта прежде, чем послышится слово, легко склоняли царя на милость и испрашивали чего хотели. Некоторые из них пользовались такими богатствами и собирали такие сокровища, какими владели разве вельможи у великих народов. Полагаясь на них как на верных слуг, хотя это были лишние всякого образования люди и весьма дурно говорившие по-гречески, царь не только поручал им высшие должности, но и ставил во главе судебных учреждений, где не скоро осваиваются с делом и законоведы. В особенно важных поручениях иноземцы предпочитались своим способным и образованным людям. Царь не доверял ромэям, подозревая их, и удалял их от себя, а его подданные, понимая недоверие к себе со стороны высшей власти и оскорбленные тем, что занимают подчиненное положение сравнительно с варварами, не радели об общественном благе и мало обращали внимания на точный и верный сбор дани».

Беспорядочная правительственная система дошла до крайней распущенности. Из числа многочисленных примеров, рассказанных современником, приведем хотя один. Некто Иоанн

Лаг, начальник государственной темницы, не довольствуясь отбиранием в свою пользу подаяний на заключенных, стал выпускать на волю самых ловких воров, с тем чтобы добыча доставлялась полностью начальнику темницы. Зная, откуда происходят ночные грабежи, обыватели столицы жаловались царю Алексею Ангелу, но он со дня на день откладывал положить конец сумасбродным действиям Лага, пока не поднялся мятеж, принудивший его бежать из Константинополя. До какой степени было утрачено всякое чувство личной ответственности и как мало в правительственных лицах было сознания государственных интересов, видно из того, что в самый критический момент, когда крестоносцы в 1203 г. приближались к Константинополю, тогдашний дука флота Стрифна сквозь пальцы смотрел на то, что заповедные леса, из которых строился флот, вырубались и распродавались на частные нужды, а оставшиеся на складах гвозди и якоря, паруса и канаты вместе с старыми судами шли в продажу как ненужный хлам.

Во время осады Константинополя в 1203—1204 гг. столица обширной империи оказалась вполне отрезанной от сношений с провинциями и предоставленной собственным средствам защиты. И как оказалось, эти средства были так недостаточны, что горсть смелых авантюристов быстро завладела господствующим положением и без большого труда подчинила себе многонаселенный и окруженный стенами город. Понять психологию осажденного Константинополя позволяют до некоторой степени относящиеся к этому вопросу страницы истории Никиты Акомината. Он живыми красками рисует тогдашнее население города и дает прекрасное освещение внутреннего положения дел, где на первый план выдвигаются личные интересы высших лиц и где никто не стоял на высоте сознания государственных интересов.

Население города представляло смесь народов разного происхождения. Множество торговых людей из разных стран жило в Константинополе с целью взаимных торговых сделок. Главную массу составляли торговые люди итальянского происхождения: венецианцы, генуэзцы и пизанцы. Немало было людей восточного происхождения: армян, арабов, турок. Правительство царей Комнинов предоставило иностранцам отдельные кварталы для жительства и склады для товаров и простирало терпимость до того, что разрешало устройство инославных церквей и мечетей. Мелкие промышленники, ремесленники, продавцы разных товаров и чернорабочие на пристанях, эта «грубая, низкая и пьяная толпа», к которой так не расположен наш писатель, нередко своим участием решала многие политические затруднения и ставила византийское правительство в необходимость считаться с ее требованиями. Население столицы отличалось крайней подвижностью. Оно пользовалось малейшим поводом к волнениям и сборищам, охотно следовало за ораторами и вожаками, слепо подчиняясь им. Когда разливалась волна народного движения, улицы и площади наполнялись любопытствующими, которые скоро примыкали к общему движению. Эти ремесленники, мясники, лавочники, продавцы овощей делались страшной силой, когда становились орудием смелых и влиятельных вожаков. Но наш историк рисует население столицы очень мрачными красками; он смотрит на него сквозь призму эллинских преданий классической эпохи. Это по сравнению с афинским демосом грубая уличная толпа, для которой «непонятны внушения лучших людей и которая не знает сладости свободы. И во всяком другом городе народная толпа безрассудна и непреодолима, царьградская же уличная чернь особенно склонна к волнениям, отличается необузданностью и кривым нравом как потому, что состоит из разноплеменных народов, так и потому, что разнообразием занятий приучается к перемене убеждений. Иногда по одному слуху народ начинает волноваться и пламя бунта разливается как пожар, толпа идет слепо на мечи, не останавливаясь перед утесом и глухим валом... Итак, по справедливости заслуживает константинопольский народ порицания за непостоянство, слабость и изменчивость. Неуважение к властям — прирожденное его качество; кого сегодня законно выбирают во

властители, того скоро порицают как злодея»²³⁰.

Во время латинской осады константинопольский гарнизон должен был иметь значительную численность, но, по-видимому, в составе его было много иностранного элемента: наемные итальянцы и северные дружины варваров, вооруженных секирами (варяги). Между туземным населением, состоявшим из греческих патриотов, и иноземцами, в особенности из латинян, неминуемы были столкновения. Легко понять, что греки подозревали латинян в сношениях с крестоносцами и преследовали их убийствами и разграблением их квартала. Во многих местах произведения Никиты Акомината ясно видны указания на социальные причины, породившие полный разрыв между состоятельными классами и простым народом. В то время как состоятельные люди лишились всего имущества в пользу завоевателей, мелкие ремесленники обогащались, приобретая за ничтожную цену награбленные латинянами и поступившие в продажу сокровища. Несчастья, сопутствовавшие завоеванию города латинянами, обратились, как оказывается, ко благу одной части населения. «Слава Богу, — говорили бедняки, — мы стали богаты»²³¹.

Таким образом, и провинциальная администрация, и взаимные отношения между сословиями и классами столичного населения одинаково подготовили империю к тому краху, который последовал в 1204 г. Везде замечаем мы отсутствие патриотизма, недостаток живых и сильных характеров, которые были бы в состоянии оценить происходившие события и предотвратить надвигавшиеся бедствия. Не видно ни самопожертвования, ни творчества в руководящих кругах оскудевшего византизма.

В наиболее важные моменты исторической жизни Византийская империя находила опору в духовенстве, именно в монашеском сословии. На этот раз ни в среде высшего константинопольского духовенства, ни в кругу настоятелей монастырей не выдвинулось ни одной силы, которая могла бы примирить враждовавшие между собой элементы и дать делам благоприятное направление. Хотя слепой Исаак Ангел, вновь назначенный на престол в 1203 г., искал себе поддержки в духовенстве, но историк относится весьма неодобрительно к доверенным лицам Исаака:

«Он окружил себя недостойными людьми, длиннородыми монахами, которые, поглощая самую свежую и жирную рыбу за его столом и попивая цельное вино, сулили ему продолжительное царствование и прозрение... Монах, — говорит писатель, — заискивающий расположения светской власти, — тот же астролог и придворный льстец: тот и другой имеют в виду лишь свои выгоды и не радуют об общем благе».

О положении монашеского сословия в империи имеются прекрасные наблюдения у современников. Так, Никита Акоминат сравнивает в этом отношении время Мануила и последующее за ним:

«Зная, что заботы об имуществе отнимают много хлопот и лишают возможности устроить богоугодную жизнь тем, которые избрали по обету уединенную жизнь, Мануил не приписал к устроенному им на Понте монастырю ни земель, ни виноградников, но приказал все нужды братии удовлетворять непосредственно из казны. Это он сделал с целью пресечь весьма распространенный обычай созидать новые монастыри и дать потомству пример того, как должно устроить жизнь людей, обрешивших себя уединению и отрешившихся от плоти. Так, он был далек от того, чтобы одобрить нынешний обычай, когда посвятившие себя монашеской жизни занимаются приобретением и хлопотами о мирских делах более, чем светские люди. Он не оправдывал отца и деда и всех родственников, которые настроили много монастырей и подписали за ними целые участки плодородной земли и роскошных пастбищ. Монастыри нужно строить в местах уединенных и ненаселенных, в пещерах и на высоких горах, по возможности дальше от столицы и берегов Геллеспонта. Между тем они из тщеславия строили

обитатели на площадях и перекрестках и помещали в них не подвижников добродетели, но людей, монашеский характер которых выражался лишь в стрижке волос, в измененной одежде и в длинной бороде»²³².

В особенных обстоятельствах, которые переживала империя в занимающую нас эпоху, от духовенства ожидалось патриотические выступления и указания практических мер к предотвращению беды:

«Ни один из высокотронных архиереев, пользующихся высокими почестями, никто из длиннородых монахов, нахлобучивающих на нос шерстяную наметку, не обратил внимания на то, что Бог оставил нас и вконец презрел, никто не предложил помощи в этом трудном положении, не решился смело указать царю спасительное средство»²³³.

Митрополит Солунский и вместе просвещенный писатель Евстафий, умерший около 1194 г., оставил единственную в своем роде характеристику современного ему черного духовенства, которая тем более должна быть принята во внимание, что принадлежит лучшему представителю духовного сословия всех времен²³⁴. Стоит при этом еще заметить, что, по воззрению Евстафия, образцы истинной монашеской жизни нужно искать в окрестностях Константинополя, по берегам Мраморного моря и на островах, т. е. именно там, где Никита Акоминат находит только отрицательные примеры. Несколько мест из сочинения Солунского митрополита лучше всего покажут обнаружившееся в конце XII в. падение в монашеском чине, который, очевидно, находился в разладе с церковной властью:

«Мы имеем в нашей среде род людей, который постригом купил себе право на свободную и беспошлинную торговлю. Воздержанием от мяса они приобретают денежные выгоды, так как не тратятся на покупку, не имеют страха перед динарами; сборщики податей не повредят их торговым оборотам. Разводят виноградники, выращивают сады, размножают стада всяческих животных, предоставляя другим скотоводам делать бессловесными животными их божественное стадо, поступая во всем так, чтобы засвидетельствовать свою принадлежность к миру. Я могу подтвердить мои слова недавним событием. Блаженной памяти царь Мануил, постоянно занятый общественными делами, вздумал однажды поздней ночью совершить благородный брак. И этот брак по его приказанию совершался во Влахернском дворце, а этот дворец не очень далеко находится от монастыря Предтечи, что в Петре, дело же было в посту. Когда приставленные к делу служители недоумевали, как в такой поздний час они достанут все необходимое, и спрашивали царя, каким образом они исполнят его повеление, так как ничего для свадьбы не приготовлено, за исключением принадлежностей церковного обряда, царь сейчас же вспомнил о Петре и сказал, что там достанут все нужное. Немедленно служители поспешили в названный монастырь и начали бить в двери. Привратник, узнав причину, спешит к настоятелю, который охотно приказывает исполнить желание царя. И вот появляется белый хлеб, разных видов печенье, вино, различные овощи, сливы, сыр, сушеная рыба и икра, добываемая из реки Дона. Все было немедленно изготовлено и на мулах доставлено к месту».

Многие главы сочинения Евстафия пропитаны неподдельным юмором и пестрят примерами из повседневной жизни:

«Нынешний отец игумен старается выдавать себя за великого подвижника, не будучи таковым. Напускает на себя важность и выражением лица, и насупленными бровями, и опущенными вниз глазами, и взглядом, и склонением головы, и размеренной речью, и притворным смирением, и повторением слова «благослови», и глубоким поклоном, и внешним поведением, обнаруживаемым даже походкой, в которой видна повадка первостепенного монаха. Считает себя выше обычных монашеских работ и держит себя так, как будто у него нет рук. Сидит в праздности и поэтому размышляет о разнообразных предметах, из которых большая часть касается не ведущих к доброму желаний. Так монашествует наш отец в

праздности. Когда же он бывает в собрании братии, то стоило бы посмотреть на него, самого, в сущности, обыкновенного человека, но с достопочтенным и заросшим на подбородке лицом. В подобном собрании наш игумен, так как занятия у него нет, начинает вести беседу. И предметом его речи не будет ни проблема из Священного Писания, ни толкование трудных текстов, ни места из св. отцов, объясняющие Священное Писание, ни повествования о богоугодной жизни, ни благочестивые увещания, ни примеры добродетельной жизни, ни чтение избранных мест из Священного Писания. Не об этих вещах будет говорить наш учитель, а о разных житейских делах. Начав с виноградников и посевов, и с податных сборов, и с других не менее важных вещей, когда старцы не соглашались поддержать разговор своими замечаниями, сводит речь на маслину, фигов и другие плоды и начинает философствовать: какой виноград дает лучшее вино, какая почва приносит больший урожай, как собирать братии больше доходов... Если же случится беседовать ему с кем из сильных мира, тогда он бывает неподражаем. Сначала он помолчит довольно, как бы Пифагор какой, и, таким поведением обнаружив глубину своей добродетели и показав себя героем молчания, потом произнесет невнятный звук, как испуганная мышь, и начнет повествование о себе, но при этом остережется касаться времени до пострига, а остановится на том, что было по пострижении: у какого святого отца был в послушании, как он был высок добродетелью, имея в виду возвысить себя через воздаваемую ему похвалу, как он служил ему, приучаясь к подвигу послушания, и как старец-учитель предсказал ему возвышение, усовершенствование и честь, и как по смерти его сподобился откровений и чудесных действий. Наконец, не преминет упомянуть о преимуществах и почестях, воздаваемых ему царем, патриархом и архонтами. Когда заметит, что довольно уже овладел вниманием слушателя и подчинил его себе, сводит речь на свою бедную обитель, которую или притесняют требованием взяток, или не дают суда со мнимым обидчиком. А этот обидчик есть или архиерей, по большей части без вины виноватый, или сосед-владелец, несущий на себе реальное обвинение. Первый не расположен к нему, во все вмешивается, все хочет проверять, требовать отчета во всех делах его, не знает канонических правил — словом, не позволяет ему свободно делать что заблагорассудится. Второй — у него владение примыкает к монастырскому, и он притесняет бедную обитель, не хочет отдать его или подарить. И с братией очень груб, если начнут говорить с ним. Было бы излишне говорить, как он искусно обрабатывает слушателя. Стоит только вообразить, что неприятельский набег не так пагубен для соседнего помещика, как соседство святых отцов! Наш духовный отец употребляет в дело самые материальные орудия. В виноградники загоняет скот, который поедает самые корни, с садовых деревьев снимает плоды, пускает огонь в сухой валежник и кустарники, заграждает проезжие дороги, если они проходят по церковной земле, и заставляет прокладывать новые пути, преграждает доступ к мельницам, злоумышляет и против самой воды, если она доставляет пользу епископским людям. Пользуясь широким влиянием и властью, он допускает всяческие притеснения. Между поселянами величается своим значением, будучи значительным только в порочности, а во всем прочем полное ничтожество: попускает воровство, унизившись до воровского ремесла, присуждает к пеням и бичам и делает все, чтобы стать страшным и недоступным».

Не менее едки сообщения Евстафия и о невежественном монашестве:

«Скажи мне, теоретик-монах, вполне лишенный образования, кого ты можешь апостольски научить добру? Да, ты научишь, но не тому, что угодно Богу, ты преподашь все другое, но не искусство монашеское. Ты наставишь своего ученика часто выходить на улицу, выглядывать из-за ворот, у которых собирается толпа мирских друзей, собирать уличные сплетни, приучиться посещать бани, смаковать вкус вина. Приучишь еще и к тому, что он будет дерзко смотреть, и грубо говорить, и смело спорить с прибавкой всяческих оскорблений. Он будет и руки

воздевать, но не на молитву и палку носить, но это будет не пастырский железный посох, а дубина для разбойничанья. Таковы будут твои уроки, невежественный монах, совершенно противоположные твоим обетам. Я не мог бы приписать тебе качество способного, ибо это речение к тебе малоприложимо, ты человек деловой, торговый, и не назвал бы я тебя созерцающим, но скорее любящим зрелища и базарную площадь, так как ты не занимаешься природой лиц и вещей, и не заботишься о тонкостях богословия, и всякую книгу прячешь в укромное место, пусть-де она спокойно монашествует вместо тебя и не доставляет хлопот людям. Упражняя же свои чувства в том, что несогласно со Священным Писанием, ты держишь его на запоре, дабы как-нибудь не послышалось из него слово, обличающее твои деяния. Но что я говорю: держишь на запоре, — ты торгуешь Священным Писанием, извлекая барыш из него»²³⁵.

Трудно оторваться от этой карикатуры на тогдашние нравы монашествующего духовенства. Она вся просится на страницы истории, так как многое предвосхищает у автора «*Epistolae obscurorum virorum*». Закончим выдержки еще одним пикантным местом (с. 144):

«Небо и земля, какое слово я недавно услышал от подобного мужа. Услышал я раз о священной книге Григория Богослова, славного красноречием и горячей ревностью. Это была замечательная книга, слава о ней распространялась далеко и привлекала многих как к чудесному произведению, которое доставляло наслаждение и душе и зрению. Я употреблял все старания найти этого прекрасного Григория, но не имел успеха. С грустью я обратился к игумену, а это был муж добродетельный и грамотный, с вопросом, где может находиться эта книга. Он же, поведя вокруг указательным пальцем, не дал мне ответа. Когда же я стал настаивать и мягко допытываться, ответил, что книга уже продана, да и какая, прибавил он, нам в ней польза. Я сдерживал еще готовый прорваться гнев, а достопочтенный старец начисто объявил: «И на что нам такие книги». Тогда я не мог удержаться от громкого смеха и сказал ему с укоризной: «Что в вас смысла, достойные монахи, если вы пренебрегаете такими книгами». Ушел от меня этот человек и больше не являлся ко мне, так как был оскорблен моим книгофильством».

А вот в заключение приведем докладную записку Афинского митрополита царю Алексею Ангелу:

«Наш Афинский округ в настоящее время подвергается опасности обратиться в известную по поговорке скифскую пустыню. Причина же заключается в том, что мы обременены всяческими поборами, многочисленными и тяжелыми, какими не облагаются соседние с нами жители. Ибо мы и два, и три раза, и часто не вряд с соседними областями подвергаемся переписям и ревизиям справщиков, причем наши песчаные и художественные участки размеривались почти скачками блохи; перечислялся каждый волос на голове и всякий листок винограда и другого растения. Но и все мирские тягости, которые в прочих областях или совсем не введены, или облегчены преторами, у нас все взыскиваются, и притом с вымогательствами. Можем сослаться на только что минувший год. Когда был издан приказ о постройке судов, мы первые были обложены данью, хотя судов не было выстроено. Когда прибыл к нам Стирион, мы опять были привлечены к взносу корабельных денег. Потом, понуждаемые насильем и вымогательствами, мы уплатили Сгуру и после него претору такую сумму, какую не вносили ни Фивский, ни Еврипский округ, хотя по древнему обычаю и на основании определенного в указе расписания на нашу область падает меньшая сумма, чем на Фивы и Еврип. Оставим в стороне земельную подать и хищнические набеги морских разбойников, но не можем без слез упомянуть о насилиях и вымогательстве претора. Хотя наш округ не имеет никакого отношения к преторской администрации и суду, ибо царским хрисовулом ему воспрещен и самый въезд в Афины, но он, выставляя благочестивые цели предлогом к посещению Афин, как бы не

нарушает силы хрисовулов, а между тем является к нам с военной свитой и, как бы в неприятельской и варварской стране, хищением и грабежом добывает себе пропитание. Впереди его идет гибель — это те, которые готовят для него все нужное, они требуют на каждый день по 500 мер жита для людей и лошадей, целые стада овец, стаи птиц и рыбы всяких названий, а вина такое количество, какого не производят и все наши виноградники. Следом за ними идет сам претор и его часть. Прежде чем поклониться Богоматери, на одного накидывается за то, что не встретил его, другого наказывает заключением в темницу и присуждает к пене за другие вины. Потешившись над нами столько дней, сколько ему заблагорассудится, он наконец требует платы поклонного — не умею сказать, за наше ли ему челобитье или за свое поклонение Богоматери. И не только сам он, но и вся его свита. Наконец после наших усиленных просьб и заклинаний, что мы не иначе можем сделать требуемый взнос, как разложив его на весь мир, едва соглашается на уступку и, назначив приемщика, отдает приказ об отъезде. Редкое вьючное животное уйдет от ямской повинности, или, лучше, будучи взято под извоз, редкое не продается потом своему хозяину, да и не один раз, а часто и дважды. За что обрушилась на нас такая гибель? Для государства нет в том никакой пользы, напротив, оно терпит ущерб вследствие того, что большая часть из нас покидает свои места обитания, так что наша область обращается в пустыню и уменьшается сбор установленного акростиха. Обратив внимание только на малую часть того, что мы терпим, умоляем святое царство твое да будет и на нас милость и да будут ослаблены задушившие нас налоги. Прикажи, чтобы подати собирались в более умеренном количестве, сообразно с нашими силами и согласно с существующими в нашу пользу указами, И прежде всего благоволи освободить нас от преторского наезда и сопутствующего ему расхищения и прикажи, чтобы пожалованный нам дефендарий отнимаемое у нас возвращал, и новой грамотой запрети им касаться Афинского округа. Далее просим разрешить нам участвовать во взносе корабельной пошлины и в постановке кораблей в тех размерах, как это положено по раскладке. Поелику же мы выдержали много имущественных переписей, просим, чтобы эта тягость миновала на будущее время нашу область и чтобы был подтвержден дарованный нам на сей конец указ царства твоего. Благоволи также возобновить и другие грамоты, которыми воспрещается живущим в замках властелям всячески захватывать и владеть селами и участками крестьянскими. Это ведет к распадению и гибели общин, гибель же крестьянских общин равняется пагубе всего нашего округа²³⁶.

Примечания

Главные пособия: Delarc. Les Normands en Italic depuis les premieres invasion jusqu' a l'avenement de S. Gregoire VII. Paris, 1883; Heinemann. Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sicilien. Leipzig, 1894; Chalandon. Essai sur le regne d'Alexis I Comnene. Paris, 1900; Schlumberger. L'epopee Byzantine. Paris, 1905.

Σαθα Μεσαιωνικη βιβλιοθηκη. IV. P. 137—138.

Cedreni II. P. 516—517.

Подробности у Heinemann. S. 84. Anm.12.

Schlumberger. L'epopee. III. P. 255—256.

Μανιακ περeπρeвилcя cуdα c οcтaткaμι вoйcкa: »και πλoιoιc εμβιβaσac τac δυνaμειc περaιoυтaι εν Βoυλγaριa«. Λυбoπoυтнo тo οβoзнaчeνιe Aλбaνιa (Cedreni II. P. 548).

Обработка истории Роберта и Ричарда: Heinemann. *Gesch. der Normannen*. S. 112. Anm. 16, 17; Schlumberger. *L'Europee*. III. P. 624, 632 squ.; Gay. *L'Italie meridionale*. P. 503.

Gay. P. 481.

Gay. *L'Italie meridionale*. P. 518; Heinemann. *Geschichte der Normannen*. S. 182—185; Hefele-Leclercq. IV. 1189.

Главное пособие — ранее упоминавшаяся работа Schlumberger. L'Europe. III.

Cedreni 11 P. 494.

Барон Розен. Василий Болгаробойца. Прим. 430.

Этот прекрасный сборник военных, политических и нравственных правил издан по кодексу Московской синодальной библиотеки 285 академиком Васильевским в статье «Советы и рассказы византийского боярина XI в.» и в Записках Историко-филол. факультета Петерб. университета. Ч. 33. Под заглавием *Cesaumeni Strategicon*. Многие статьи сборника прямо просятся в историю, как и приводимый текст.

Скорее Григорий. (Ред.)

Schiitte. Der Aufstand des Leon Tornikios im Jahre 1047. Plauen, 1896; Schlumberger. L'epopee. III. P. 500.

Chalandon. Essai sur le regne d'Alexis 1er Comnene. Paris, 1900. P. 22; Скабланович. Византийское государство и Церковь. С. 80—81.

Cedreni II. P. 641.

Σαθα Μεσαιωνικη βιβλιοθηκη. IV. P. 235—236.

Безобразов. Журнал М. Н. Просв. Сентябрь 1889.

Подробно останавливаются на этом: Gfroerer. III. 5. 636 — 640; Скабланович. С. 89—90.

Ψελλος P. 254—256 Σαθα Μεσαιων. %Γ [bibl. IV).

Cedreni II. P. 651.

По многим соображениям, однако, действительность этого обязательства может быть оспариваема (см. Gfroerer. III. 5. 674—675; Скабланович. С. 96—97).

Καίσαρα δε τον αυτοῦ αδελφον Ἰωάννην προχειρισάμενος κοινωνῶν βουλευμάτων μυστηριωδῶν και σχεμμάτων επιθετου [позабовав своего брата, Иоанна, кесарем, он посвятил его в свои тайные намерения и замыслы] (Cedreni II.P.659).

Ψελλος. Ρ. 272, 273.

Ψελλος. Ρ. ΙV. Ρ. 285.

Annae Comnenae. Alexias. III. С. 7 (Р. 160—161). Русский перев.: Визант. историки. СПб., 1859. С. 153.

Chalandon. Essai sur le regne d'Alexis Comnene. P. 30—31.

Bryennii III.6.

Alexias. III. C.4.

Alexias. II (P. 98).

Труды В. Г. Васильевского. Т. I (изд. Имп. Акад. наук).

Подробно сообщает об этом Кедрин. II. 601 и след.; Attaliota. P. 34—35.

Attaliota. P. 43.

Византия и печенеги. I. С. 31.

Attaliota. P. 298, 301; Skilitz. P. 379, 341.

Schlumberger. L'epopee Byzantine. Partie III. P. 544.

Cedreni H. P. 608; Glicas. P. 598.

εχειτο εν τη. πεδιάδι κατά τους πρόποδας του βουνοῦ ἴνθα πφ ιδρυται το Καπετρου φροῦριον
[расположилось на равнине у подножия горы, там, где воздвигнуто укрепление Капетру]
(Cedreni Π. 578).

Gfrorer (III, 5.486) делает ряд остроумных сопоставлений.

Аристаг Ласдиверд.

Dulaurier. Recueil des historiens de Croisades. Histor. Orientaux.

εκ των ενόντων υποσχόμενος τα εκείσε στρατεύματα διοικείν [обещав прокормить тамошние войска без подвоза дополнительного провианта] (Cedreni II. P.653).

Мысль эта выражена у Gfroerer. III. 3. 687.

Мысль эта выражена у Gfroerer. III. 3. 687.

Берем место Иоанна Скилицы — Cedreni II. P. 668.

Gfrorer. III. 5. 737—738.

Седрені II. Р. 687 (свидетельство Иоанна Скилицы).

Gfrorer. III. 5. 782—784.

Эта сторона разработана у Gfroerer. III. 5. 788 и след.

Cedreni II. P. 701.

Cedreni II. P. 707.

Alexias. Lib. III. C. II (P. 177—178).

Cedreni II. P. 732.

Jaffe. Regesta PP. R. I. № 3584, № 3587.

Προς την κατα των εχθρων της Ρωμανιας εξελευσιν.

Alex. III. IV.

Schwarz. Die Feldziige Robert Guiscards gegen das Byz. Reich. Progr. Fulda, 1854.

По сообщению Lyrus. A. -1082 — *traditione quoqundam Veneticorum.*

την δε επιλοιπον πασαν πλιν τω εξ Αβάνων ορμωμνω Κομισκρητη ... υποθέμενος (Anna. Alexias. IV. 8. P. 221)

Heinemann. Gesch. der Normannen. I. S. 334—339, характеристика Роберта.

Эта мысль в полном освещении приведена в известных статьях акад. В.Г. Васильевского «Византия и печенеги», помещенных в Журн. Мин. Нар. Просвещения, ноябрь — декабрь 1872.

Акад. Васильевский — Журн. Мин. Нар. Просв., ноябрь 1892. С. 154, 155.

Αλεξίας. VII. 2 (P. 333 — 334).

τον χάρακα περὶ την Βιτσίαν ἐπέξαστο [укрепился в ущелье около Вицины] Для топографии:
Известия РАИ. Т. X. С. 547.

Прекрасная характеристика Чахи у писательницы Анны Комниной (VII. 8).

τοὺς προσέκουσι βασιλευσι χραταὶ παρασέμοις βασιλέα εαυτῶν ονομάζων καὶ τὴν Σμῆρνην οἴκων
καθαπερὶ βασίλεια τῆνα ... [пользовался почестями, подобающими царям, называл себя царем и
жил в Смирне так, как будто это некая царская столица] (Alexias. X.1).

Известия Р. А. И. в Константинополе. X. 564.

Αλεξίας. VIII. 5 (P. 401).

Наиболее обстоятельный разбор отношений этого времени: А. Петров. Князь Константин Бодин (Сборник статей по славяноведению в честь В. И. Ламанского); Ст. Станоевич. Историја српскога народа. 2-е изд. Београд, 1910. С. 67—71.

А. Л. Петров. Князь Бодин. С. 259 — 260.

Αλεξίας. VIII. 7.

Идет речь о родном племяннике, сыне севастократора Исаака.

προς τους λογαδας των εποικων Δυρραχίου [к выборным от жителей Диррахия] (Αλεξιας, VIII. 7. Ρ. 413).

Об этом ниже, в главе о внутренней деятельности Алексея Комнина.

Fantas. Die Verträge der Kaiser mit Venedig (Mitteilungen der Instituts für oesterr. Geschichtsforschung. Ergänz-Hand, 1885). S. 51 — 128.

Где хотят. (Ред.)

Et homines nostris per mare usque ad vos et non amplius [и наши люди по морю вплоть до вас, и не дальше].

В одной грамоте читается: *Dragas Iadrensis prior, in quinto anno tercii mei prioratus* [приор Драгаш Ядерский, в пятый год моего третьего приората].

Подробности у Lenel. Die Entstehung der Vorherrschaft Venedigs an der Adria. Strassburg, 1897.

Tafel und Thomas. Urkunden zur alteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. I — III. Vien, 1856.

Напечатаны в: Fontes rerum austriacarum. XII (Tafel und Thomas. Urkunden zur älteren Handels und Staatsgesch. der Rep. Venedig).

Die Urkunden über venezianische Verpflichtungen für die ältere Zeit nur eben fehlen, dass das auf uns gekommene Urkundenmaterial unvollständig ist [грамоты относительно обязательств венецианцев для раннего времени отсутствуют, так что дошедший до нас материал по грамотам неполон] (Neumann. Zur Gesch. Der byzant.-venezianische Beziehungen — Byzant. Zeitschr. I).

Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen-age, edition francaise. I. P. 116 sequ.

Подлинник не сохранился, но булла повторена Мануилом и потом Исааком Ангелом в 1148 и 1187 гг.

Tafel und Thomas. I. Na 50; cp. Ns 71.

Millingen. Byzantine Constantinople. P. 216 — 217.

Подробности в моих сочинениях: Очерки по истории византийской образованности. С. 150 и след.; Синодик в неделю православия (Записки Новоросс. унив. Т. 59; Делопроизводство по обвинению И. Итала в ереси (Известия Р. А. Инст. в К-поле. Т. II).

Αλεξίας. Ρ. 258.

Известие Никиты Акомината см.: Tafel. Supplementa hist eccle-siasticae graecorum.

Очерки по истории визант. образованности. С. 159.

П. Безобразов. Визант. писатель М. Пселл. С. 133.

В моей статье «Синодик в неделю православия» (Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 59) и в рецензии П.В. Безобразова (Визант. Врем. Т. III. С. 126 и след.).

Говорим о сочинении Prantl, *Geschichte der Logik*. II. Aufl 1885. S. 301 — 302. Рукописи Пселла и Итала хранятся в Мюнхене — Cod. Greens 548 и в Венеции Cod. philos.-philol. 208.

Карелин. Ранний итальянский гуманизм. М., 1892. С. 763,998.

Thurot. De la Logique de Pierre d'Espagne (Revue archeolog. Juillet a decembre. 1864; Revue critique. 1867. T. I).

...

Очерки по истории византийской образованности. С. 168 и след.

Αλεξίας. VI — русск. перев., с. 262.

Iohannis Zonarae. Ed. Dind. IV. P. 240.

Zachariae a Lingental. Jus graeco-romanum. III. P. 385. Rationarium antiquam et novum.

Текст курсивом зачеркнут, но на полях пометка: «нужно» — рукой ли автора, сказать трудно. (Ред.)

Αλεξίας. XIV. 1 (P. 244).

Ramsay. The histor. geography of Asia Minor. P. 78 — 79.

Иоанн, Андроник, Исаак, Анна, Мария, Евдокия и Феодора. Старшая дочь и есть писательница, имя которой так часто упоминается при изложении занимающих нас событий.

Ныне Эски Имарет мееджиди, вьше Айя Капу на Золотом Роге.

Nicetas Acominatus. P. II.

Van Mit Kngen. Byzantine Churches in Constantinopol. P. 147 — 148.

Труды В.Г. Васильевского. Т. I. СПб., 1908.

Варяго-русская дружина — там же. С. 263 и след.

Σαθα. Μεσαιωνικη βιβλιοθηκη. IV. C. 144.

Но в век Пселла не б[ыло] этой монеты [далее нрзб.].

Труды В.Г. Васильевского. Т. I. С. 307.

Труды Васильевского. Т. I. С. 376.

Васильевский — Журн. Мин. Нар. Просв. Декабрь 1875; Труды. Т. I. С. 109.

Труды Васильевского. Т. II. С. 37—38.

Heinemann. Geschichte der Normannen. I. S. 193; (ieispar. Roger II und die Grundung der normannisch-sicilischen monarchie — с хорошим указателем литературы.

Caspar. Roger II. S. 9.

Amari. Storia dei musulmani di Sicilia. III. P. 309.

Concedimus igitur et donamus et auctorizamus tibi et filio tuo Rogerio... et heredibus suis coronam regni Siciliae et Calabriae et Apuliae [мы уступаем и даруем и присвоаем тебе и твоему сыну Рогерию... и его наследникам корону королевства Сицилии и Калабрии и Апулии] (Caspar. Roger II. S.94).

Miklosich. Acta et diplomata graeca. Ill; Heyd. Histoire du commerce du Levant. 1. 193.

Cinnami Historian. II. 4 (P. 37).

Пользуемся здесь словами В.Г. Васильевского. Из истории Византии в XII в. (Слав. сборник).

Pacem ab imperatore — contre Rokkerium poscentes, qui partem Romani imperii et terram graecorum nimis vexaverat... de imperio Romano totam apuliam atque Calabrium subtraxit aliaque perplura contres ius fasque perpetravit [прося у императора мира против Рогерия, который подверг ужасному опустошению часть Римской империи и землю греков... похитил у Римской империи всю Апулию и Калабрию и совершил многое другое, противное человеческому и божественному закону].

Особенно Draseke b: Zeitschrift für die Kirchengesch. XXI. S. 160.

Otto Freising. Gesta Friderici I (Mon. Germ. Hist. XX. P. 363).

На него мы ссылались выше.

Cinnami II. 4. P. 36 (Bonnae, 1836).

Подробности у Caspar. Roger II. S. 357.

Monum. Germ. XX. P. 389.

χρυδιω κλαπές αλλόκοτα τῆνα ωμολῆγει , ὡν δὴ κεφαλαιὸν ἦν τὸ ἐν ἰσῶ μεγαλεῖου βασιλῆα τε
τοῦ λοιποῦ καὶ ῥογέριον ἐσεσθαι (Cinnami III. 2. P. 92).

Последующий текст, до с. 144, имеет и другую редакцию. (Ред.)

Endlicher. Monumenta Arpadiani; основное сочинение по истории Венгрии: Fessler. Geschichte von Ungarn. II Aufl. Leipzig, 1867. I. S. 80, 105; очень хорошая популярная история: Sayous. Histoire generale des Hongrois. Budapest; Paris, 1900. P. 56.

Iaksch. Zur Lebensgeschichte Sofias der Tochter König Bela II von Ungarn (Mitteil. der Instit. für oesterr. Geschichtsvorsch., 1888, Ergänz. Band II. Heft. S. 361).

Smiciklas. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dolmatiae et Slavoniae. II.

Cbabot. Michel le Syrien, Chronique. Paris, 1899 — 1904. 3 vol.

Nicetas Acominatus. P. 56.

Подробности у Сbalandon. Jean II Comnene et Manual. P. 95.

Nicetas Αcom. называет Φερεν, Καφαρδα. Σεζερ (P. 38).

Ibn el Athir. Recueil des historiens des Croisades (Historiens ori-entaux. I. P. 427).

Подробности будут изложены особо.

Cinnami. P. 35, 20.

Васильевский. Из истории Византии в XII в. (Славянский Сборник).

Nicetas. Lib. II. C I.

Nicetas. P. 101 — 102.

Лучшие и официальные сведения: *Wibaldi epistolae* — Jaffe. *Monumenta Corbeiensia*. Berlin, 1864. Здесь, между прочим, личные письма Конрада к императрице Ирине (Берта).

ο δε βασιλεὺς των πάλαι προομολογηθῶντων ανεμῆμνησκεν αυτω ἴσαν δε ταῦτα οως Ἰταλῶαν εις εδνον τη βασιλῆδι ανασωσαιτο Ειρῆνη [царь же напомнил ему о старом договоре, они сошлись тогда на том, чтобы Италию он возвратил, как свадебный выкуп за царицу Ирину] (Cinnami. Ρ. 87).

Германии

Otto Freising. Gesta Friderici (Mon. S. XX).

Кар-Херр. Die abenlandische Politik Kaiser Manuels. Strassburg, 1881; Сbalandon. Jean II Comnene et Manuel I. Paris, 1912. P. 343. Основное место о договоре с папой: Jaffe. Monum. Corbeiensia. P. 547.

Cinnami, P. 169.

Nicetas Acorn. P. 127 (II. 8).

IV. 14 (P. 171 — 172).

Lib. V.C. 7P. 218—219.

Baronius. Annal. ecclesiastici. XIX. P. 251.

Nicetas. P. 265; Визант. Временник. XIV. С. 337.

Nicetas. VII. 1.

Новакович. Српске области X и XII вв. (Гласник 48); Охридска архиепископия у почетку XI в. (Глас. 76); Ковачевич. Неколико питања о Стефану Неманџи (Глас. 58); Станоевич. Историја српскога народа. 19Ю; в особенности: Его же. Борба за самосталност католичке цркве у Неманџичк] држави. Београд, 1912; Анастасиевич. Зот о године смрти Неманџине. Београд, 1913 (Глас. 92); Jirecek. Gesch. der Serben. I Viertes Kapitel. S. 210.

Хрисовул в пользу Хиландарского монастыря (Miklosch. Monum. Serbica. IX).

Заметим еще, что оригинал утрачен во время трагической катастрофы в Белграде, погубившей династию Обреновичей.

Стоит обратить внимание и на подпись Жван (Jean-Иован).

Известия Р. А. Инст. в Константинополе. XII.

Archiv für Slav. Philol.

Станоевич. Борба за самосталност католичке цркве. Београд, 1912 (предисловие).

По преимуществу имеются в виду споры из-за власти после Кирилла и Мефодия.

Parley. Hierocles. Synecdemus. P. 124.

Только раз в истории повторился такой же исторический момент (1912—1913), но его не поняли современники.

Папа Григорий VII называет его *carissimus beati Petri filius* [дражайшим сыном блаженного Петра].

Во всем этом вопросе пользуемся прекрасной работой белградского профессора Станоевича «Борба за самосталност католичке цркве», где приведена и литература предмета (с. 25, 27).

Jirecek. Gesch. der Serben. S. 221.

Recueil des historiens des Croisades (Historiens occidentaux. T. I. P. 946 — 947); Wilbelmi Tyriensis archiepiscopi. Lib. XX. Cap. 4.

Знаменитое место: il magistratus habent, quos Suppanos vocant.

Jirecek. Gesch. der Serben. S. 250; Cbalandon. Jean II Comnene. P. 392.

Nicetas. De Manuel V. C. 4 (P. 206—207).

Cinnami Historiarum. VI. C. 11 (P. 286—288).

Regel. *Fontes rerum byzantinorum*. I. P. 43—44. Об этом же эпизоде — произведение Манасси (*Визант. Врем.* XII. С. 75).

Станоевич. Историја српскога народа. Друго издање. Београд, 1910. С. 92—93.

Достаточно указать: Грот К.Я. Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889; академик В.Г. Васильевский. Из истории Византии в XII в. (в Славянском Сборнике).

Cinnami. P. 249.

Nicetas. P. 179.

Cinnami. P. 36.

Cinnami IV. C. 22 (P. 191).

Прием подробно описан у Никиты (III. 5. Р. 154) и у Киннама (V. 3. Р 204).

Michel le Syrien. Recueil des historiens des Croisades. Historiens Armeniens. I. P. 355.

Nicetas Acominatus. VI. 2. P. 233.

Cbalandon. Jean II Comnene. P. 419.

Nicetas. C. 3.

Дочь графа Раймонда II и Годиерны, сестры иерусалимского короля Балдуина II.

Это весьма ясно в изложении Chalandon. Jean II Comnene et Manuel. P. 520—523.

Nicetas. De Manuele. III. C. 5.

Книга V. Гл.4.

Nicetas. P. 151.19; 318.

Kalendis martiis detecti sunt quidam nobiles — res novas molientes contra dominum Alexium [В мартовские календы были раскрыты намерения некоторых знатных людей, готовивших переворот против императора Алексея] Will. Tyrensis. XXII. C. 5; Nicetas. P. 301. 15).

Ныне Буюк-дере.

Wilken. Historische Taschenbuch v. Raumer, 1831; Tafel. Komnenen und Romannen. Ulm, 1852;
Ф.И. Успенский. Цари Алексей II и Андроник — Журн. Мин. Нар. Просв. Ноябрь — декабрь
1880.

Pervanoglon. Historische Bilder aus dem Byzant. Reich: Andronicus Comnenus. Leipzig, 1879—1880.

Nicetas. P. 452.

Все подробности у Никиты Акомината (с. 354—355).

Для оценки характера см. ряд моих статей в Журн. Мин. Нар. Просв. «Цари Алексей II и Андроник» (ноябрь — декабрь 1880) и «Неизданные речи и письма Михаила Акомината» (январь — февраль 1879).

Λαμπρος. Μιχαηλ Ακομινατου του Χωνιατου τα Σωζομενα.

Ibid. I. 157.

Nicetas. P. 304.

Подробный рассказ у Никиты Акомината: De Andronico Lib II. С. 11—12 (Р. 448—458).

Места подобраны в моем сочинении: Византийский писатель Никита Акоминат. С. 53 и след.

Tafel. Eustathii Opuscula. P. 268.

De Thessalonica a Latinis capta. C. 90 (P. 294).

Eustatii Opuscula. Ed. Tafel. P. 299 (C. 115—116).

Мои сочинения: Визант. писатель Никита Акоминат. С. 178 и след; Образование второго Болгарского царства. С. 109 и след.

Главный источник Ansben. *Historia Peregrinorum* (*Scriptores rerum austriacarum. V*); Alartene et Durand. I. P. 909 (*epistola Friderici*).

Хронология событий восстанавливается на основании церковных речей и похвальных слов, разобранных в моей книге «Образование второго Болг. царства» (с. 154 и сл.).

Главное место: Ansbert. 24.

Sarda, Dagno, Drivasto, Svau (ap. Jireček. Gesch. der Serben. S. 265).

Следует место: ο ποταμος αφεις ο Μοραβος τον ηρωα δε της ισχυν ικετευεν αυτοκρατορα
[опустевшая река Морав умоляет о милости тебя, героя, могущественного самодержца].

Борба за самосталност католичке цркве у Немяњичској држави. Београд, 1912. С. 69.

Образование второго Болгарского царства. С. 162—165.

Nicetas. P. 666.

Nicetas. P. 709.

Радојчив. О неким господарам града Просека (Летопис матице српске. 1909. Кн. 259, 260).

Моя книга «Образование второго Болгарского царства». С. 236—237.

Станоевич. Борба за самосталност. С. 81, 87.

Вся переписка пап с южными славянами находится в прекрасном издании: Sminiklas. *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*. Vol. II. P. 311 n gji. Zagreb, 1904. Старое издание (Theiner. *Vetera monumenta Slavorum meridionalium*) не вполне, впрочем, заменено загребским изданием.

Theiner. Vetera monum. XXXIII. P. 19.

Или хронология неточно установлена в изд. Тейнера.

Theiner. LVII. P. 35.

Как оказывается из других писем, кардинал был задержан в замке Кеве и лишен всех сообщений с внешним миром.

Марка серебра представляла стоимость около 50 франков, или до 20 руб., и, следовательно, 85 тыс. марок равняются сумме 1 700 000 руб.

Λαμπρος. Ιστορια. VI. 144.

Х.М. Лопарев. Об униатстве Мануила Комнина (Визант. Врем. XIV. С. 334). Тому же вопросу посвящена статья Я. Гроссу «Отношения византийских императоров Иоанна и Мануила Комнинов к вопросу об унии» (Труды Киевской Дух. Академии. 1912, декабрь. С. 621).

Ніс.Асом. 304—305. Места подобраны в моей упоминавшейся выше книге «Никита Акоминат». С. 92—103.

Nic.Acom. 786.

Nic.Acom. 270—271.

Ibid. 622—623.

Tafel. Eustatii Opuscula. P. 214. De emendanda vita monachica.

Tafel. Op. cit. 176—184.

Этот замечательный памятник, рисующий положение дел в 1199—1200 гг., издал Λατρός (Μιχαήλ Ακομινάτος τον Χονιάτου τα σωζόμενα. 1307). Он имеет чрезвычайно важное значение для истории распространения в Греции чуждых этнографических элементов. Переведен на русский несколько раз: Православное обозрение. 1873. № 11; ЖМНП. 1879, август и 1883, январь.

*

Мануил женат был во второй раз на Марии, дочери князя антиохийского Раймонда, а Бела — на Агнессе, сестре Марии.